

ISSN 2075-1613

Том 38

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК,
посвященный юбилею
доктора филологических наук,
профессора В.А. Масловой**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2023

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2023 • Том 38

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 30.10.2023.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, И.В. Николаева,
С.В. Николаенко, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

В54 **Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»** : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2023. – Т. 38. – 190 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Наука как жизнь и жизнь как наука: к юбилею ученого-легенды, выдающегося педагога и настоящего друга	6
--	---

ФИЛОЛОГИЯ

Маслова В.А., Скнарев Д.С. «И Слово было у Бога...»: богодухновенность русского слова	9
Мезенко А.М. Фаунистическая составляющая урбанонимного пространства Славии: особенности репрезентации, культурные традиции	13
Дзятко Д.В. Прагматычныя характарыстыкі беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі	17
Кулешова В.О. Персональный словарь терминов специалиста как инструмент инвентаризации и гармонизации терминологий	21
Бартош Ю.В. Комбинирование разновидностей языковой игры как дискурсивная особенность прозы в интернет-пространстве	25
Дединкин А.Л. Зарубежная юрислингвистика: истоки, проблемы и перспективы развития	32
Ничипорчик Е.В. Об отношении человека к мечте (на материале русских устойчивых выражений)	37
Пименова М.Вас. Отражение истории языка в региональной ономастике XXI века (на материале коммерческих урбанонимов Владимирской области) .	44
Шаколо А.В. Концепт дом как неотъемлемая составляющая лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок	48
Васильева Н.В. О терминологических фантомах и терминологических ловушках	53
Крицкая Н.В., Данич О.В. Роль языковых средств в стихотворении Андрея Вознесенского «Храм»	57
Бабук А.В. Интернет-жаргон как средство речевой агрессии в современной компьютерно-опосредованной коммуникации	61
Дружина Н.Л. Микрополе «родство, родственники» как часть семантического поля «семья» (на материале немецкого языка)	66
Зайцева И.П. Метафора как воплощение семно-семемного типа поэтического речемышления в стихотворении Ю. Мориц	70
Коваль В.И. Умные города и умные снаряды (неофраземы с компонентом умный в интернет-пространстве)	75
Кудреватых И.П. Художественный текст в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы	79

СОДЕРЖАНИЕ

Ма Лун Культурные коннотации русских и китайских фразеологизмов с номинациями безалкогольных напитков	84
Малышева Е.В., Васильева Е.Н. Тактильное сопровождение вербальных единиц в диалоге	89
Муратова Е.Ю. Образ боярыни Морозовой в истории и искусстве	96
Новоселова О.В. Лингвокогнитивный туннель менасивности как прагматический инструмент	100
Пименова М.В. Понятийные признаки в структурах макроконцептов душа и SOUL В XIX в.	106
Півавар К.С. Канцэпт жыццё ў беларускай мастацкай карціне свету: вобразны і паняццевы кампаненты	116
Романов А.А., Романова Л.А. От рэп-баттла к баттл-симулякру: функциональный дрейф рэп-дискурсии	120
Сафронова Н.А. О некоторых тенденциях развития современной русской пунктуации	126
Стариченок В.Д. Семантическое развитие глаголов движения в русском языке	131
Чайка Н.У. Механізмы рэгулявання кампенсаторнай функцыі кампанентаў у канструкцыях з эліпсісам дзеяслова	135
Іваноў Я.Я. Кагнітыўна-семантычная катэгарызацыя парэміялагічных адзінак паводле адносін да рэчаіснасці	140
Васюковіч Л.С. Трансфармацыя тэксту ў сучаснай адукацыйнай прасторы ..	151
Морозова О.Н., Дементьев Е.С. Инструменты воздействия на собеседника в политическом пранке	155
Рыбинок Е.С., Красина Е.А. Параметры текстуальности и знаковые характеристики триады «текст–художественный текст–кинотекст»	159
Лавицкий А.А. Наивная и научная картина мира в категориальном аппарате правовой лингвистики	164
Николаенко С.В. Интегративность лингвистики как «конёк» профессора В.А. Масловой	170
Сорокина Э.А. Лексема «логистика» как компонент профессиональной коммуникации	175
Балхова С.Я. Языковая концептуализация категории пространства (на материале русского и таджикского языков)	179

CONTENTS

Science as life and life as science: on the anniversary of a legendary scientist, an outstanding teacher and a true friend	6
--	---

Philology

Maslova V.A., Sknarev D.S. "And the Word was with God...": the Divine Afflatus of the Russian Word	9
Mezenko A.M. Faunal Component of the Urbanonymous Space of Slavia: Features of Representation, Cultural Traditions	13
Dzyatko D.V. Pragmatic Characteristics of the Belarusian Linguistic Terminography	17
Kuleshova V.O. Individual Dictionary of Terms as a Tool for Terminology Inventory and Harmonization	21
Bartosh Ju.V. Combining Language Game Varieties as a Discourse Feature of Prose in the Internet Space	25
Dedinkin A.L. Foreign Legal Linguistics: Origins, Problems and Development Prospects	32
Nichiporchik E.V. About a Person's Attitude to Dreams (Based on Russian Set Expressions)	37
Pimenova M.Vas. Reflection of the History of the Language in the Regional Onomastics of the 21 st Century (Based on the Materials of Commercial Urbanonyms in Vladimir Region)	44
Shakolo A.V. Concept <i>Home</i> as an Integral Component of the Linguistic and Cultural Space of Belarusian Fairy Tales	48
Vasilyeva N.V. On Terminological Phantoms and Terminological Pitfalls	53
Kritskaya N.V., Danich O.V. The Role of Linguistic Means in Andrei Voznesensky's Poem "The Temple"	57
Babuk A.V. Online-Jargon as a Means of Speech Aggression in Modern Computer-Mediated Communication	61
Druzhina N.L. Microfield "Kinship, Relatives" as Part of the Semantic Field of "Family" (Based on the German Language)	66
Zaitseva I.P. Metaphor as an Embodiment of Seme-Sememe Type of Poetic Speech Thinking in Yu. Morits' Poem	70
Koval V.I. Smart Cities and Smart Shells (Neophrases with a <i>Smart</i> Component in the Internet Space)	75
Kudrevatykh I.P. Literary Text in the Aspect of the Cognitive-Discursive Paradigm ..	79

CONTENTS

Ma Long Cultural Connotations of Russian and Chinese Phraseological Units with Soft Drinks Nominations	84
Malysheva E.V., Vasilyeva E.N. Tactile Accompaniment of Verbal Units in the Dialog	89
Muratova E.Yu. The Image of Boyarynya (Noblewoman) Morozova in History and Art	96
Novoselova O.V. Linguistic and Cognitive Tunnel of Menasivity as a Pragmatic Tool	100
Pimenova M.V. Conceptual Features in the Structures of the Macro-Concepts of <i>душа</i> and <i>Soul</i> in the 19 th Century	106
Pivavar E.S. The Concept of <i>Life</i> in the Belarusian Literary-Artistic World-Image: Figurative and Conceptual Components	116
Romanov A.A., Romanova L.A. From Rap Battle to Battle Simulacrum: Functional Drift of Rap Discourse	120
Safronova N.A. About Some Trends of Modern Russian Punctuation Development	126
Starichenok V.D. Semantic Development of Verbs of Motion in the Russian Language	131
Chaika N.V. Mechanisms for Regulating the Compensatory Function of Components in Constructions with an Ellipsis of the Verb	135
Ivanou E.E. Cognitive-Semantic Categorization of Paremiological Units in Relation to Reality	140
Vasiukovich L.S. Transformation of the Text in the Modern Educational Space	151
Morozova O.N., Dementyev E.S. Tools for Influencing the Interlocutor in Political Prank	155
Rybinok E.S., Krasina E.A. Parameters of Textuality and Significant Characteristics of the Triad "Text–Fiction Text–Cinema Text"	159
Lavitski A.A. Naive and Scientific Picture of the World in the Category Apparatus of Legal Linguistics	164
Nikolayenko S.V. Integrativity of Linguistics as "a Specialty" of Prof. V.A. Maslova ..	170
Sorokina E.A. The Lexeme of "Logistics" as a Component of Professional Communication	175
Balkhova S.Ya. Language Conceptualization of the Category of Space (Based on the Material of the Russian and the Tajik Languages)	179

Наука как жизнь и жизнь как наука: к юбилею ученого-легенды, выдающегося педагога и настоящего друга

В начале 2024 года свой знаменательный юбилей отмечает выдающийся ученый – доктор филологических наук, профессор Валентина Авраамовна Маслова. Харизматичный ученый-лингвист, которого характеризуют высочайший уровень компетентности, энергетизм, блестящая эрудиция. Областью ее научных интересов стали такие направления в языкознании, как лингвокультурология, филологический анализ поэтического текста, теолингвистика, когнитивная лингвистика.

Валентина Авраамовна родилась 2 января 1949 года на Могилевщине в небольшом городе Климовичи в семье скромных сельскохозяйственных служащих. Отец – Авраам Дмитриевич, мать – Татьяна Васильевна сумели воспитать в дочери любовь к родному краю, уважение к старшим, трудолюбие, целеустремленность, отзывчивость, сострадание. Открыл дорогу к Богу, привил истинные духовные ценности будущему ученому дедушка по отцовской линии, который был служителем в православной церкви.

Во время обучения в школе Валентина Авраамовна успевала на «отлично» по всем учебным предметам и для получения высшего образования у нее был широчайший выбор. Но, кажется, в лингвистику ее привела сама судьба. После блестяще выдержанных вступительных испытаний молодую климовичскую девчонку все же не взяли в Ленинградский институт на специальность «Океанология», так как для работы в суровой Арктике набирали только парней. Обидевшись на весь белый свет, после этого она улетела погостить в далекую Киргизию к семье своего дяди и... влюбилась. Влюбилась в новую для себя солнечную страну, в ее природу, обычаи и традиции, в ее людей. Так, будущий профессор решила подать документы на филологический факультет Киргизского государственного университета, который, конечно же, окончила с блеском и, как самая талантливая выпускница, была направлена на работу в Ошский государственный университет.

С Киргизией у профессора В.А. Масловой связано более пятнадцати лет жизни. Именно в этот период начинается ее педагогическая деятельность на кафедре русского языка Ошского государственного университета, где она прошла путь от преподавателя до доцента. С любовью, трепетом и нежностью Валентина Авраамовна вспоминает своих наставников – Арона Абрамовича Брудного, Михаила Александровича Рудова и киргизских коллег – Суюнбека Ибрагимова, Мамеда Тагаева, Тамару Увалканову, Людмилу Иванову, которые не только привили ей интерес к науке и научным исследованиям, но и подарили радость живого профессионального и человеческого

общения. За это время произошло не только становление В.А. Масловой как педагога-профессионала, но и сложилась личная жизнь: она вышла замуж, родила сына Олега. Возможно, именно эти яркие события сделали Киргизию для ученого особенной: до сих пор Валентина Авраамовна с гордостью говорит, что душой она киргизка.

В 1981 году в Институте языкознания Академии наук СССР Валентина Авраамовна успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка». А уже через год переезжает в Беларусь, где ее новым местом работы опять же волею случая или, скорее, повелением сверху становится кафедра русского и белорусского языков, преобразованная затем в кафедру общего и русского языкознания, Витебского педагогического института имени С.М. Кирова – нынешний Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. Будучи талантливым и неординарным исследователем, молодой доцент сразу же завоевывает уважение и авторитет у коллег. Студенты искренне восхищаются ее широчайшей эрудицией, инновационными подходами к преподаванию и, в целом, яркой, уникальной личностью Валентины Авраамовны.

В 1989 году В.А. Маслова поступает в докторантуру при Белорусском государственном университете, после окончания которой в 1992 году под руководством профессора А.Е. Супруна блестяще защищает диссертацию на тему «Онтологический и психолингвистический аспекты экспрессивности текста». К этому времени она уже пользуется серьезным авторитетом в научном лингвистическом пространстве, так как представляет не только Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, но и Республику Беларусь на широких просторах Российской Федерации, в Украине, Киргизии, Казахстане, Польше, Болгарии, Германии, Латвии, Сербии и других странах. Доказательством известности белорусского ученого не только в ближнем, но и дальнем зарубежье служит тот факт, что в 2018 году в США вышла в свет ее работа «Linguistic-culture: a Russian Picture of the World». Сегодня в арсенале профессора насчитывается около тысячи научных и учебных публикаций.

Профессор В.А. Маслова – один из самых популярных современных ученых-лингвистов. Ее научные труды были процитированы другими авторами более 20 000 раз. Ряд статей ученого внесены в базу РИНЦ и в единую библиографическую и реферативную базу данных рецензируемой научной литературы «Scopus».

Крупный ученый с международным именем, Валентина Авраамовна многократно работала в качестве

приглашенного лектора в ряде известных вузов: Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Московском государственном лингвистическом университете, Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина, Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, Крымском, Каменец-Подольском государственных университетах, Гданьском университете, Зелёногурском университете, Слупском университете, Ольштынском университете, Павлодарском государственном педагогическом институте, Кыргызском Славянском государственном университете.

В.А. Маслова – автор известнейших учебных пособий для студентов филологических специальностей: «Введение в лингвокультурологию», «Лингвокультурология», «Введение в когнитивную лингвистику», «Когнитивная лингвистика», «Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста», «Филологический анализ художественного текста», «Современные направления в лингвистике», «Коды лингвокультуры», «Поэтический текст: новые подходы и решения» и многие другие. Они вошли в коллекцию учебных бестселлеров, по которым учатся студенты от Дуная до Тихого океана.

Креативно мыслящая личность в высоком смысле этого слова, Валентина Авраамовна обладает широкой филологической эрудицией и поистине мистической интуицией. Она является основоположником Витебской лингвокультурологической научной школы, в рамках которой было издано более тысячи научных работ. Но круг ее научных интересов столь велик, а тематика исследований учеников так разнообразна, что сегодня очевидно: профессору В.А. Масловой давно уже стало тесно в рамках одного направления и вокруг ее личности сформировалась новая научная школа – «Современные направления в лингвистике».

Высокий профессионализм, работоспособность, целеустремленность позволяют Валентине Авраамовне быть лингвистически и профессионально многозадачной. Более десяти лет профессор является членом редакционного совета таких научных журналов, как «Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика», «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика», «Лингвистика и образование», «Филологические науки. Научные доклады высшей школы», «Русистика», «Жанры речи», «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики», «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика» и др.

С 2016 года профессор В.А. Маслова входит в состав Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. В 2021 году была награждена Почетной грамотой Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь за большой личный вклад в организацию и пропаганду науки, в подготовку и аттеста-

цию научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Кроме этого, Валентина Авраамовна награждена нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі» (2009 г.), медалью Франциска Скорины за многолетний плодотворный труд, высокий профессионализм, заслуги в развитии сферы образования и науки (2020 г.), нагрудным знаком отличия «За адзнаку» (2021 г.).

Для своих студентов, магистрантов, аспирантов профессор В.А. Маслова, в первую очередь, лектор, который простым и доступным языком манит и погружает в мир поэтического слова, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, семиотики и семантики, психолингвистики и методики преподавания. Она умеет зародить любовь к языку, пробудить желание заниматься наукой и не дать ему угаснуть.

А для большинства своих учеников Валентина Авраамовна – это судьба! Это верный друг, помощник и генератор идей! Умеющая утешить, приободрить, рассудить, помочь, а когда нужно и пожурить (да еще и крепким словом), день за днем она живет не только своей жизнью, но и жизнью своих родных, окружающих ее друзей и учеников. Она любит шумные встречи в хорошей компании, веселые разговоры и ... авантурные идеи. К слову, ее здорового авантюризма и неиссякаемой энергии хватает и на учеников, которые по ее подобию стремятся к постоянному научному движению и упорно идут вперед, к новым знаниям и открытиям.

Дорогая наша Валентина Авраамовна! От имени Ваших учеников поздравляем Вас с красивым юбилеем! Мы безгранично ценим своего научного руководителя, учителя, друга за мудрую христианскую простоту, беззаветную преданность любимому делу, исключительную порядочность, бесконечную доброжелательность, веру в лучшее в человеке. Для нас Вы человек редких и драгоценных душевных качеств. И тут хочется отметить Вашу безграничную и ответную любовь к братьям нашим меньшим, которая умиляет и заставляет задуматься. Желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших научных свершений, бодрости духа на многие-многие годы! Счастья и тепла Вам и Вашим близким! Пусть Ваша жизнь будет наполнена позитивом, поддержкой единомышленников и пониманием близких людей!

Валентина Авраамовна, спасибо Вам за то, что Вы с нами и в добрый час, и в нелегкие дни! За то, что верите в нас, любите и цените, воспитываете, ободряете и отрезвляете, даете надежду и «приземляете», когда нужно. За то, что прощаете дерзость и учитесь идти вперед несмотря ни на что! Наши ученые степени и звания ничто по сравнению с тем, что Вы подарили нам – право гордо называться учениками самой Масловой!

Дорогой наш учитель, наставник и друг! Мы искренне любим Вас, волнуемся за Вас, радуемся Вашим успехам и победам, сопереживаем Вам и готовы делать все это день за днем много-много лет!

С очередным юбилеем Вас, Валентина Авраамовна!

Всегда Ваши ученики

ФИЛОЛОГИЯ

«И Слово было у Бога...»: Богодуховенность русского слова

Маслова В.А.*, Скнарев Д.С.**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российской университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва

«В начале было Слово...» – это библейское свидетельство о том, что Слово – дар Божий. Это слово Божье, будучи духовным от своего начала, формирует духовность в человеке и обществе. Понять, как это происходит, – актуальная проблема современной лингвистики.

Цель статьи – показать, что без идеи Бога научная картина русского языка будет усеченной и неглубокой.

***Материал и методы.** Методологическую базу составили общенаучные методы обобщения и систематизации, описательный, методы анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых приемы интерпретации и лингвокультурологического анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** В лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности. В статье показано, что духовность русского языка может быть исследована с разных позиций.*

***Заключение.** Русская лингвистика готова к объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории вселенной. Язык нужно рассматривать в системе: язык–человек–Бог–космос–культура.*

***Ключевые слова:** духовность, богодуховенность, Бог, плоды духа, Высший Разум.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 9–12)

“And the Word was with God...”: the Divine Afflatus of the Russian Word

Maslova V.A.*, Sknarev D.S.**

*Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

**Federal State Autonomous Educational Institution higher education “Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba”, Moscow

“In the beginning was the Word...” is a biblical testimony that the Word is a gift from God. This word of God, being spiritual from its beginning, forms spirituality in a man and society. Understanding how this happens is a topical issue of modern linguistics.

The purpose of the article is to show that without the idea of God, the scientific picture of the Russian language will be truncated and superficial.

***Material and methods.** The methodological base consists of general scientific methods of generalization and systematization, descriptive method, methods of analysis and synthesis, as well as specific scientific linguistic methods, including methods of interpretation and linguistic and cultural analysis.*

***Findings and their discussion.** Linguistics has traditions of seeing language not just as a system of signs or an instrument of cognition, but also as a spiritual entity. The article shows that the spirituality of the Russian language can be studied from different positions.*

***Conclusion.** Russian linguistics is ready to unite the Divine theory, the theory of language, the theory of man and the theory of the universe. Language should be considered in the system: of language–man–God–cosmos–culture.*

***Key words:** spirituality, divine afflatus, God, fruits of the spirit, Supreme Mind.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 9–12)

*Он воскрес, а нам оставил
Слово, грамоту, глагол,
И Воскресшего глаголы –
Вечной жизни в нас залог...
В. Бенедиктов*

Слово – одна из важнейших ценностей любого народа. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1:1–4). Следовательно, Слово – начало всего сущего, в котором заключается способность творить мир. В начале Творец создает Слово как идеальный образ будущего народа. Народ – это соборная личность, которую формирует богоданный язык.

В подтверждение важности и силы слова можно привести стихотворение М. Лермонтова «Молитва»:

*...Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

Попытке понять богодуховенность русского слова, его духовную составляющую и посвящена настоящая статья. Данная *проблема актуальна* в интегративной лингвистике, поскольку она объединяет знания в области лингвистики и теологии, и эта проблема недостаточно разработана в трудах современных исследователей.

Цель статьи – показать, что без идеи Бога научная картина русского языка будет усеченной и неглубокой.

Материал и методы. В качестве фактического материала исследования использовались цитаты из Священного писания, а также единицы языка, несущие духовный смысл. Методологическую базу статьи составили общенаучные методы обобщения и систематизации, описательный метод, методы анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых приемы интерпретации и лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. Как писал Ю.С. Степанов, *слово* в русском языке представлено трехфазовой моделью: «славить – слышать – слыть» [1, с. 383]. Глагол «славить» означает этическую функцию слова: это божественный дар, данный человеку для прославления Бога. Вероятно, поэтому слово изначально имело духовную составляющую, которую мы утратили с развитием цивилизации.

В.В. Колесов в работе «Русская ментальность в языке и тексте» посвящает слову несколько глав, подчеркивающих его важнейшие смысловые связи концепта: «сила слова», «слово и вера», «слово и дело», «слово и мысль». При этом автор отмечает различия между латинским *ratio* (мысль) и греческим *logos* (слово), первое из которых, по мнению автора, лежит в основе ментальности, а второе – духовности [2, с. 26].

Что же такое духовность? Согласно Современному философскому словарю, духовность подразделя-

ется на следующие аспекты: «1) нематериальность, бесплотность; 2) одухотворенность; наполненность духом творчества, творящим духом; 3) процесс гармоничного развития духовных способностей человека» [3, с. 266–267].

В христианском дискурсе под Духом Святым понимают Божий Дух: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2). Следовательно, дух – то Бог и Святой Дух. Например, И.А. Ильин под духом человека подразумевал объективно существующую жизненную разумную энергию человека [4, с. 236].

С точки зрения современной науки сфера духа – это информационная система, информационная составляющая мира. Термины для ее обозначения весьма различны: Бог, ноосфера, Высший разум, Универсум, Мировой разум и др. Человек изначально является частью этого пространства, при этом его собственная информационная составляющая обладает высокой степенью самоорганизации. Как биологическое тело человека является частью живой природы, так и дух – часть ноосферы.

С нашей точки зрения, духовность – это присутствие в душе человека Духа Божьего: «Духовность – это состояние личности, которое выражается в гармонии человека и Космоса и дает ощущение единства с окружающим миром, природой, людьми. Духовность придает смысл нашей жизни» [5, с. 107]. Духовный человек живет по законам духа, создавая плоды духа: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание...» (Гал. 5: 22–23). Следовательно, духовность вводит человека в сферу Высшего разума, Бога.

Язык – путь в храм духовности. Язык присутствует внутри нас, это наш «дом бытия» (М. Хайдеггер), он носитель и средство выражения веры. О языке как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писали В. фон Гумбольдт, а позднее Г. Шпет [6, с. 35]. «Язык, будь то отдельное слово или связанная речь, есть акт духа, его подлинно творческое действие...» [7, с. 197]. Как считает М.М. Маковский, лексемы *слово, говорить, речь* этимологически связаны с лексемами *храм, рок, гореть* и др. [8].

Итак, язык – это духовная реальность. Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Коммуникативная функция, думается, в языке вторична. Еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, иносказательности. Язык не мог родиться из простой потребности в общении человека с человеком. **Первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения.** И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. Сама функция общения – сложное явление: в общении с Богом и себе

подобными «работают» разные функции: общение человека с человеком – это вторичная функция общения.

Если в европейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение «гуманистической лингвистики») (Дж. Лакофф), изучающей «человека говорящего», «языковую личность», в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью, как Космос (Вселенная). Уже открыт закон Всеединства и цельного знания, в этом русле развивалась вся русская религиозно-философская мысль дореволюционного периода. Поэтому именно русская лингвокультура и, соответственно, русская лингвистика готова к объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории вселенной. Язык нужно рассматривать в системе: **язык–человек–Бог–космос–культура**.

В лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности. Духовность русского языка может быть исследована с разных позиций: 1. Как язык Священного писания, оказавший сильное влияние на русский язык. Еще Н.В. Гоголь писал о том, что все возвышенное в русской речи черпается из церковно-библейского языка. 2. Слова и выражения современного языка, важные для Христианства (*аскеза, грех, добродетель, иночество, катехизация, отшельничество, праведность, проповедь* и др.). Такая лексика многочисленна. Сейчас всё больше внимания уделяется исследованию религиозно-конфессиональных элементов в языке: это работы А.К. Перевозниковой, И.П. Черкасовой, М.Н. Бушаковой, С.С. Воронцовой и др. 3. Собственно русское слово и его религиозные аспекты. Например, все названия дней недели в русском языке связаны с Писанием: *понедельник* – первый день после неделания, *вторник, четверг, пятница* – соответствующие дни после отдыха, *среда* – середина недели, *суббота* (от древнееврейского «шабат» – покой), *воскресенье* – в честь воскресения Христова. 4. Религиозная интернет-коммуникация, т.к. цифровая реальность требует представленности Церкви и ее учения в Интернете. 5. Как свидетельствует русский язык, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живет не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждой томим*, до сих пор многое он совершает бескорыстно (современное волонтерство). В перспективе такого подхода к духовному человеку – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

Поскольку русское национальное сознание основывалось на христианском мировидении, русский язык вообрал в себя значительную часть православной культуры. Как отмечают ведущие отечественные лингвисты, в современном русском языке известно около тысячи устойчивых выражений, пословиц и поговорок, связанных с текстом Библии [9]: *нести свой крест, соль земли, злоба дня* и др. В 2010 году вышел

фундаментальный «Толковый словарь библейских выражений и слов», где собрано около 2000 единиц языка [10]. В них нашел отражение самый важный – сакральный компонент русской духовности.

В русский язык пришло множество слов с первой частью благо- и добро-: *благодать, благодетель, благополучие, благочестие, благоговение, благо, благоразумие, благоденствие, блаженный (благо как состояние), благословение (благо, заключенное в слове), благоговение, благодарность, благосклонность, благотворительность (проявление сострадания к ближнему)* и т.д. В них мы чувствуем отблеск Бога. Например, *благотворительность* – деяние добра, милости. При этом мы помним: *Будьте милостивы, и помилует Вас Господь* (Сборник «Изумруд», гл. 72). Данное слово влияет на духовно-нравственное становление личности, направляет в духовное русло поведение человека. Об этом говорили многие выдающиеся личности, так, Шота Руставели писал: «Что ты спрятал – то пропало, что ты отдал – то твое».

Красив русский язык в молитвах. Например, в молитве к праведному Иакову мы восклицаем: *«О преподобный и богоносный угодниче Божий, святой праведный Иакове! Услыши нас, в час сей тебе молящихся, и буди нам помощник в скорбех наших, и избави нас от напастей, за множество прегрешений на нас находящихся...»*. Эта ритмичная, благозвучная и богатая проза воспринимается как поэзия.

Даже в самых привычных и обычных словах зашифрован наш союз с Богом. Например, слова, корень у которых *-образ* – тесно связаны с *Образом Божиим*, т.е. *иконой*. Отсюда важно установить в человеке Образ Божий, ибо он создан по образу и подобию Божьему, но потом утратил эту иконичность [11]. Слово *свет* теснейшим образом связано со словом *святой*. Слова не только теряют связь с Духом, но и снова возвращаются к истокам. Так, *преlestь* первоначально – это *пре-lestь*, т.е. нечистая, дьявольская вещь, со второй половины XX века *преlestный* – высшая степень *прекрасного*, в XXI веке мы снова постепенно возвращаемся к первичному значению. *Свобода воли*, под знаменем которой начинаются все современные бунты, это не свобода нашей биологической природы, а *свободное проявление воли духа*, который тесно связан с *Божественной Волей*. И первый признак такой свободы – это свобода от своих собственных недостатков, пороков, эгоизма. Итак, **Слово – это Творец, т.е. Бог; Логос как знание о Боге; Дар божий, основа человеческой духовности и богоподобия**.

Мы видим, что без идеи Бога научная картина языка будет усеченной и неглубокой. На сегодняшний день есть работы по библейской фразеологии и лексикографии, по религиозной картине мира, религиозных концептах и религиозном дискурсе, герменевтике и текстологии сакральных текстов, включая народную конфессиональную герменевтику, например, работа Е.М. Верещагина [12]. Но много проблем в этой области остаются пока не исследованными, ими и должны

быть дополнены чисто лингвистические знания. Например, в лингвистике слово определяется его значением и ситуацией функционирования, но с точки зрения Библии Слово обладает особой творческой силой: оно сотворило мир (Ин. 1:1). Как считает В.И. Постовалова, в таком слове действуют «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики» [13, с. 137]. Возникающие при этом духовные смыслы плохо поддаются рациональному осмыслению, но они играют огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации. Поэтому их нужно изучать.

Без учета духовного аспекта слова современный русский язык обедняется, на него влияет узко прагматический взгляд на мир, при котором утрачивается идеальный христианский объем слова. Примером могут служить слова *душа*, *спасение* и др. Так, *душа* в современном языке понимается как несуществующая субстанция; *спасение* – это, прежде всего, спасение жизни. Многие слова, имеющие глубинный духовный смысл, полностью теряют в современном языке: *соревнование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, ревность ко Христу; *убогий* – это не ущербный, а от *находящийся Бога*. *Чудо* от *чути*, т.е. слышать. *Судьба* тесно связана с *Судом Божиим*.

Сказанное позволяет нам увидеть новую ступеньку в антропоцентрической парадигме, приближающую ее к **теоантропокосмической** как парадигме будущего, о которой писала В.И. Постовалова [14].

Заключение. «Язык – это лабиринт путей», по Л. Витгенштейну, и важно, чтобы главным оказался духовный путь. Без языка нельзя понять человеческую духовную природу. Духовные смыслы наиболее активны в текстах Откровений, литургий и текстах других жанров религиозного дискурса, но они хранятся и в обычных русских словах типа *жизнь*, *любовь*, *душа*, в которых наряду с языковой семантикой, присутствуют духовно-христианские смыслы. Отсюда видение языка как духовной силы. Через именование словом осуществляется связь с Творцом. Такое слово несет отблеск Творца.

Литература

1. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академ. Проект, 2004. – 992 с.
2. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
3. Кемерова, В.Е. Современный философский словарь / В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. – М.: Академический проект, 2015. – 823 с.
4. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская Книга, 1994. – Т. 3. – 592 с.
5. Абсалямова, Г.Г. О сущности и структуре духовности личности / Г.Г. Абсалямова, Г.С. Байгулова // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2012. – № 1, т. 2. – С. 104–107.
6. Шпет, Г. Сочинения / Г. Шпет. – М.: Правда, 1986. – 608 с.
7. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
8. Маковский, М.М. Удивительный мир слов и значений / М.М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1989. – 200 с.
9. Иванов, Е.Е. Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы / Е.Е. Иванов. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. – 208 с.
10. Лилич, Г.А. Толковый словарь библейских выражений и слов / Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкина. – М.: Астрель 2010. – 639 с.
11. Ирзабеков, В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека / В. Ирзабеков. – М.: Данилов мужской монастырь, 2007. – 200 с.
12. Верещагин, Е.М. Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстологические разыскания / Е.М. Верещагин; под ред. О.Н. Трубочева. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 610 с.
13. Постовалова, В.И. Время и вечность в православном мирозерцании / В.И. Постовалова // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / Н.Д. Арутюнова [и др.]; под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2011. – С. 94–109.
14. Постовалова, В.И. Символ и реальность (семиотические воззрения и опыты Ю.С. Степанова) / В.И. Постовалова // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17. – С. 48–63.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Фаунистическая составляющая урбанонимного пространства Славии: особенности репрезентации, культурные традиции

Мезенко А.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье исследуются названия внутригородских линейных и территориальных объектов, содержащие в своей основе наименования животных.

Цель статьи – определение особенностей репрезентации фаунистического пространства Славии, роли названий линейных и территориальных объектов, содержащих в своей основе наименования животных, как конститuentов культуры белорусского, болгарского и польского народов.

Материал и методы. *Материал исследования – полные списки названий внутригородских линейных и территориальных объектов городов Беларуси, Болгарии, Польши, в том числе данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, указатель почтовых кодов Софии 2010 г., публикация «Белостокские улицы и их посетители», электронные ресурсы, туристические путеводители и карты; использованы дескриптивный, классификационный, сравнительно-сопоставительный методы, элементы статистического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Урбанонимиконы современных городов Славии включают названия, образованные от наименований: 1) птиц; 2) млекопитающих; 3) насекомых; 4) паукообразных; 5) рептилий, – число которых разнится у представителей восточных, западных и южных славян.*

Заключение. *Имена городских улиц и площадей, в основе которых лежат наименования животных, актуализируют различные культурные смыслы и традиции и могут рассматриваться как конститuentы культуры народов Славии.*

Ключевые слова: *код культуры, традиционная культура славян, урбаноним, урбанонимное пространство, фаунистическая составляющая.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 13–16)

Faunal Component of the Urbanonymous Space of Slavia: Features of Representation, Cultural Traditions

Mezenko A.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article examines the names of intra-city linear and territorial objects, which are based on the names of animals.

The purpose of the article is to determine the features of the representation of the faunal space of Slavia, the role of the names of linear and territorial objects containing the names of animals as constituents of the culture of the Belarusian, Bulgarian and Polish peoples.

Material and methods. *The research material was complete lists of names of intra-city linear and territorial objects of cities of Belarus, Bulgaria, Poland, including data from the State Cadastral Agency of the Republic of Belarus, index of postal codes of Sofia 2010, publication "Bialystok streets and their visitors", electronic resources, tourist guides and maps. The descriptive, classification, comparative methods, and elements of statistical analysis were used.*

Findings and their discussion. *Urbanonymycons of modern cities of Slavia include the names which are based on the names derived from the names of: 1) birds; 2) mammals; 3) insects; 4) arachnids; 5) reptiles, the number of which varies among representatives of the Eastern, Western and Southern Slavs.*

Conclusion. *The names of city streets and squares, which are based on the names of animals, actualize various cultural meanings and traditions and can be considered as constituents of the culture of the peoples of Slavia.*

Key words: *cultural code, traditional culture of the Slavs, urbanonym, urbanonymous space, faunal component.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 13–16)

Вопросы урбанонимики относятся к кругу проблем, научная и практическая значимость которых неуклонно растет в связи с углубленным исследованием урбанонимного пространства, под которым понимается весь комплекс имен собственных, служащих для называния внутригородских объектов, ныне существующих и существовавших ранее. При этом урбанонимы, являясь свидетельствами исторических событий и социальных условий, содержат важную культурную информацию. В них закреплено мировидение и миропонимание народа, определяющие его культурные традиции. Славяне сберегли в урбанонимии выверенные веками глубокие и разносторонние сведения о животном мире. Урбанонимы, особенно названия линейных и территориальных объектов, кроме лингвистических сведений, содержат и данные, отражающие национально-культурную специфику населения определенной территории, что позволяет рассматривать их как один из способов языкового воплощения кодов традиционной культуры [1, с. 17].

Рассматривая название улицы как единицу языка культуры, важно учитывать национальную ментальность и культурные традиции, обусловившие появление данного имени собственного.

Урбанонимный материал относительно недавно стал выступать объектом анализа с позиций лингвокультурологического подхода. Среди первых защищенных по данной проблематике диссертаций можно назвать диссертации Е.А. Сизовой «Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков)» (2004), целью которой стало «выявление сходств и различий в формировании и функционировании урбанонимных систем английского, французского и русского языков, в создании ими определенного фрагмента языковой картины мира» [2, с. 2], где автор определяет основные структурные и семантические типы урбанонимов Лондона, Парижа, Москвы, устанавливает культурологическую специфику анализируемых онимов и сопоставляет культурную информацию, содержащуюся в системе названий внутригородских объектов; и Ю.Г. Пушкарёвой «Урбанонимия г. Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект» (2013) [3], в которой определяется специфика типовых моделей городской топонимии, на основе семантической классификации урбанонимов в соответствии с принципами номинации выделяется лингвокультурологическая информация. Для наиболее полной инвентаризации названий внутригородских объектов автор предлагает создать лингвострановедческий словарь, включающий информацию о мотивах именования, истории, этимологии и причинах изменения онима.

Изучением лингвокультурологических проблем и понятий в топонимии, в том числе ойконимии, виконимии, занимались также российские исследователи Л.Н. Давлеткулова, И.А. Дамбуев, ученые Витебской ономастической школы: А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, М.Л. Дорофеевко.

Цель настоящей статьи – определить особенности репрезентации фаунистического пространства Славии, роль названий линейных и территориальных объектов, содержащих в своей основе наименования животных, как конститuentов культуры белорусского, болгарского и польского народов.

Актуальность данного исследования обусловлена прежде всего соответствием лингвокультурологической составляющей антропоцентрической парадигмы языкознания, недостаточной изученностью урбанонимиконв Славии с точки зрения употребления наименований животных в составе названий улиц, что способствует лучшему пониманию символики народной культуры, быта людей, их мифологических представлений. Мифологическая символика специфически преломляется в разных жанрах, формах культуры и в ономастике, в частности, в урбанонимии. Функционирование символики животных характеризует глубинные механизмы культуры.

Проблематику названий улиц, образованных от наименований животных, их связей с личностью человека и культурой народа перспективно рассматривать в широком лингвокультурологическом и этнокультурном контекстах, что позволит выявить, с одной стороны, универсальное, свойственное славянам всех групп – восточной, западной и южной, – с другой – заметить национально-специфическое, характеризующее номинативные практики представителей определенного этноса.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили полные списки названий внутригородских линейных и территориальных объектов городов (крупного и мелкого) Беларуси, Болгарии, Польши, в том числе данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, указатель почтовых кодов Софии 2010 г. [4], публикация Томаша Федоровича, Марека Китлинского и Ярослава Мацейчука «Белостокские улицы и их посетители», представляющей собой полный список названий линейных объектов Белостока 2012 г. [5], электронные ресурсы, туристические путеводители и карты.

В статье используются дескриптивный, классификационный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. На картах исследуемых городов зафиксированы десятки названий улиц, соотносимых с наименованиями животных, которые можно классифицировать по пяти группам: 1) образованные от наименований птиц; 2) образованные от наименований млекопитающих; 3) образованные от наименований насекомых; 4) образованные от наименований паукообразных; 5) образованные от наименований рептилий.

Из всех указанных стран и городов фаунистическая урбанонимия наиболее широко представлена в Польше и Болгарии.

Рейтинг наименований животных по образованным от них названий улиц показал, что верхнюю позицию

в нем занимают наименования птиц: на их долю во всех проанализированных урбанонимиконах приходится более половины названий внутригородских линейных и территориальных объектов. Почти все птицы, наименования которых послужили производящей базой для урбанонимов, обитают на территории исследуемых стран в диком виде. Это такие названия: *Воронья ул. – Брест, ul. Vociania* (Аистиная ул.), *ul. Kanarkowa* (ул. Канарейки), *ul. Orla* (Орлиная ул.) – Белосток, *ul. Sokola – Гожув, ул. Враня, ул. Орлово гнездо, ул. Орел, ул. Кукувица* – София и др.

И лишь одна относится к одомашненным – голубю, который для славян всегда был олицетворением чистоты, кротости, незлобивости, покладистости и доброты. Голубь – традиционный христианский символ Святого Духа и крещения: *Голубиная ул. – Брест, ul. Gołębia* – Белосток, *Гъльбец, ул. – София*.

Вместе с тем здесь будет уместно отметить, что отдельные виды птиц нашли отражение в названиях улиц определенных групп славян, в частности, название птицы *соловей* больше любят номинаторы восточных славян, ср.: *Соловьиная ул. – Мин. р-н, Соловьиный пер. – Брест*. В представлениях белорусов и белорусской традиционной поэзии соловей – благородная птица, высоко ценящаяся за прекрасное пение [6, с. 447–448; 7]. К «божьем», «святым», чистым птицам относят соловья и поляки, рассматривающие его как Божье творение: «Убивать соловья грех, потому, что он красиво поет людям и пользуется особой любовью Бога и Божьей Матери» [8]. Несмотря на эти поверья, название данной птицы не зафиксировано в урбанонимиконах польских, как, кстати, и болгарских городов.

Наоборот, названия морских птиц – альбатроса, чайки и др. – предпочли горожане западной группы славян, ср.: *ul. Albatrosa, ul. Mewy – Белосток, ul. Czajcza* – Вроцлав. Вероятно, неслучайно: традиционный образ птицы *альбатрос*, сложившийся в христианстве, – это образ доброго вестника и хранителя человека, который восходит к образу ангела – божественного вестника.

Вторая позиция в рейтинге принадлежит млекопитающим. Из них в топ-5 животных вошли *овца, коза, лиса, лось, рысь*.

Из других животных, которые встречаются в названии хотя бы одной улицы анализируемых урбанонимиконов, следует назвать *бобра, барсука, волка, косулю, льва, медведя, оленя, тигра, зайца, зубра, белку, крота, кролика, лягушку: ul. Borsucza, ul. Jelenia, ul. Lisia, ul. Łosia, ul. Niedźwiedzia, ul. Rysia, ul. Sarnia, ul. Tygrysia, ul. Wiewiórcza, ul. Wilcza* и др. – Белосток, *пл. Львиный мост* – София и др.

Большинство из них обладают общими чертами в славянской традиции, однако не лишены местных особенностей. Так, по мнению А.В. Гура, автора исследования «Символика животных в славянской народной традиции (Опыт этнолингвистического исследования)» [9, с. 8], при наличии общих черт *мед-*

ведя в славянской традиции, в целом проявляющихся в представлениях о его человеческом происхождении, в символике плодородия, здоровья и силы, региональные различия наблюдаются, например, в функции устрашения нечистой силы и отвращения порчи (главным образом у восточных и западных славян), в поверье о зимовье медведя (сходны у поляков и южных славян). При этом наименования лисицы, косули, лося, оленя, являющихся популярными фольклорными персонажами, сравнительно слабо отражены в славянских мифологических представлениях, поэтому вслед за указанным автором нами специально не рассматриваются.

Как видно из приведенного перечня, наименования диких животных используются в качестве производящих основ названий улиц гораздо чаще одомашненных: они соотносятся с последними как 7 к 1.

Самые распространенные из числа одомашненных *коза, овца, кролик*.

Первые два из них в славянских культурах нередко выступают символами плодородия и будущего урожая. И хотя они – «постоянный персонаж календарных обрядов, связанных с аграрной магией, наиболее распространенных у белорусов и украинцев» [10], в урбанонимии широко представлены и у болгар, и у поляков, ср.: *бул. Овча купел, ул. Овчарска, ул. Овче поле* – София, *ul. Owczka* – Гожув, Познань, *ul. Kozia* – Познань, Торунь и др. Что же касается кролика, то во многих народных сказаниях и поверьях славян он используется в качестве самых разных символов: хитрости, смекалки, быстроты, ловкости, плодородия, дружелюбия и общительности. Считается, что его образ отражает желание славянских народов достигать целей самыми оптимальными способами и благополучно развиваться. Название улицы, образованное от наименования этого животного, находим в польском Белостоке – *ul. Królicza*.

На третьей позиции рейтинга расположились насекомые, которые всегда имели место в жизни человека и нередко из-за своих особенностей превращались в производящие основы для названий внутригородских объектов. Заметно отличаются списки урбанонимов, образованных от наименований насекомых, у разных групп славян. В польских и болгарских урбанонимиконах такие названия немногочисленны (ср.: *ul. Jaskółcza* (Махаонья ул.), *ul. Motyla* – Белосток), в белорусских вообще единичны. Совпали у белорусских, болгарских и польских номинаторов названия улиц, восходящие к основе *пчел-а* (*Пчелиная ул. – Мин. р-н, ul. Pszczela* – Белосток, *Пчела, ул. – София*), что привлекает особое внимание, поскольку пчела повсеместно у славян воспринималась как «чистая», Божья тварь и была одним из наиболее почитаемых существ.

Ниже насекомых в рейтинге паукообразные и рептилии. В урбанонимиконах исследуемых групп славян названия улиц, образованные от наименований паукообразных и рептилий, при полном отсутствии у белорусов оказались немногочисленны и у поляков:

ul. Pajęcza (Паучья ул.), *ul. Żółwia* (Черепашья ул.) – Белосток, *ul. Smocza* (Драконья ул.) – Торунь.

Проведенный анализ показал, что больше половины названий (55%) белорусские, болгарские и польские номинаторы связали с птицами, более трети (33,8%) – с млекопитающими. Еще почти 8% пришлось на насекомых, 2,5% на паукообразных и чуть более одного процента – на рептилий. Это означает, что чаще всего на надомных табличках встречаются наименования птиц, реже всего – рептилий. Из всех групп животных, наименования которых послужили основой для урбанонимов, горожане названных народов чаще всего избирали тех, которые олицетворяют благородство, чистоту, святость, мир, любовь, плодородие, дружелюбие и общительность, что свидетельствует о том, что символика «языка птиц» [11, с. 329–330] глубоко созвучна номинативным традициям славян.

Заключение. Таким образом, имена городских улиц и площадей, в основе которых лежат наименования животных, представляя собой фаунистическую составляющую урбанонимного пространства, актуализируют различные культурные смыслы и традиции, формировавшиеся на протяжении длительного времени, и могут рассматриваться как конститuentы культуры народов Славии.

Иными словами, урбанонимное пространство выступает вместилищем значимых для национального мировидения смыслов, которые объективируются с помощью внутригородских названий средствами различных кодов культуры, являющихся выражением ментальной сферы носителей языка.

Поскольку имена собственные всегда воспроизводят характерный для каждой культуры менталитет, заложенная в названиях линейных объектов информация по-разному отражается у представителей разных групп славян. Поэтому особый интерес представляют фаунистические урбанонимы, получившие распространение у всех славянских народов и позволяющие выявить общее и различное в урбанонимных системах белорусов, болгар и поляков.

Данное исследование свидетельствует, что урбанонимное пространство Славии содержит богатейший

материал для исследователей городов, культур, традиций славянских народов и сделано в этом направлении немало. При этом остается много вопросов, ожидающих должного освещения в собственно урбанонимике.

Литература

1. Мезенко, А.М. Традиционные знания и информационный потенциал топонимикона белорусов / А.М. Мезенко // Наука и инновации. – 2018. – № 7(185). – С. 17–19.
2. Сизова, Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Сизова; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 16 с.
3. Пушкарёва, Ю.Г. Урбанонимия г. Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.Г. Пушкарёва; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2013. – 22 с.
4. Указател на пощенските кодове за София. – София, 2010. – 200 с.
5. Fiedorowicz, T. Białostockie ulice i ich patroni / T. Fiedorowicz, M. Kietliński, J. Maciejczuk. – Białystok, 2012. – 393 s.
6. Беларуская міфалогія: Энцыкл. слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
7. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск: Беларусь, 2003. – 350 с.
8. Соловей в мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mar4586.narod.ru/animals/birds/nightingale.html>. – Дата доступа: 12.10.2023.
9. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции (Опыт этнолингвистического исследования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03 / А.В. Гура; Ин-т славяноведения РАН. – М., 1998. – 31 с.
10. Коза в мифологии славян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.by/search/?text=%D0%BA%D0%BE%D0%B7%D0%B0+%D0%B2+%D0%BC%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8+%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%8F%D0%BD&lr=154&clid=2349349-0&search_source=yaby_desktop_common. – Дата доступа: 02.11.2023.
11. Генон, Р. Язык птиц / Р. Генон // д'Орсе Грасе. Тайная история Европы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 328–330.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Прагматычныя характарыстыкі беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі

Дзятко Д.В.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка”, Мінск

У артыкуле разглядаюцца прагматычныя характарыстыкі слоўнікаў беларускіх лінгвістычных тэрмінаў. Мэта даследавання – распрацаваць тыпалогію беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў на падставе комплексу прагматычных характарыстык.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для працы паслужылі 113 слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў.

Метадалагічная база грунтуецца на палажэнні пра сістэмную арганізацыю тэрмінасферы лінгвістыкі, што абумовіла выбар метадыкі супастаўляльнага аналізу структуры і зместу слоўнікаў і метадыкі структурна-кантэнтнай тыпалагізацыі тэрміналагічных слоўнікаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. З улікам канкрэтнага матэрыялу беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі, прагматычныя характарыстыкі тэрміналагічных слоўнікаў могуць быць вызначаны на двух узаемазвязаных параметрах. Параметр “прапазітум-функцыя” звязаны з мэтай, дзеля дасягнення якой можа выкарыстоўвацца слоўнік. Параметр “прапазітум-адрасат” звязаны з вызначэннем аб’ектаў-карыстальнікаў, для якіх ствараецца слоўнік.

Заклучэнне. У адпаведнасці з параметрам “прапазітум-функцыя” вылучаюцца функцыі слоўнікаў: кагнітыўная, кагнітыўна-рэгуляцыйная, камунікацыйная, камунікацыйна-рэгуляцыйная, кагнітыўна-дыдактычная, камунікацыйна-дыдактычная, працэдураная, навігацыйная, дэманстрацыйная, якія могуць камбінавацца паміж сабой. Паводле параметру “прапазітум-адрасат” адрозніваюцца эверацыйная і сегментацыйная функцыі тэрмінаграфічных выданняў.

Ключавыя словы: беларуская мова, тэрміналогія, тэрмінасістэма, тэрмінаграфія, слоўнік, тыпалогія слоўнікаў.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 17–20)

Pragmatic Characteristics of the Belarusian Linguistic Terminography

Dzyatko D.V.

Education Establishment “Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University”, Minsk

The article discusses the pragmatic characteristics of dictionaries of Belarusian linguistic terms.

The purpose of the study is to develop a typology of Belarusian dictionaries of linguistic terms based on a set of pragmatic characteristics.

Material and methods. The material for the study was 113 dictionaries of linguistic terms.

The methodological basis of the research is based on the provision on the system organization of the linguistics terminology sphere, which led to the choice of a methodology for comparative analysis of the structure and content of dictionaries.

Findings and their discussion. Taking into account definite Belarusian linguistic terminography material pragmatic characteristics of terminology dictionaries can be identified according to two interconnected parameters. The propositum-function parameter is related to the purpose for which the dictionary can be used. The propositum-addressee parameter is associated with the definition of users (objects) for which a dictionary is being created.

Conclusion. In accordance with the propositum-function parameter, the functions of dictionaries are distinguished: cognitive, cognitive-regulatory, communicative, communicative-regulatory, cognitive-didactic, communicative-didactic, procedural, navigation, demonstration, which can be combined with each other. According to the propositum-addressee parameter, the everational and segmentation functions of terminographic publications differ.

Key words: the Belarusian language, terminology, terminology system, terminography, dictionary, typology of dictionaries.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 17–20)

Традыцыйна ў сучасным мовазнаўстве тэрмінам *прагматыка* абазначаецца раздзел семіётыкі, у межах якога вывучаюцца адносіны знакаў да суб'ектаў, якія іх утвараюць і інтэрпрэтуюць. Само паняцце і адпаведны тэрмін, як адзначае Б.Ю. Норман [1, с. 5], былі ўведзены Ч. Морысам у канцы 1930-х гадоў. Тэорыя знака ў Ч. Морыса складалася з трох частак: семантыкі (адносін знакаў да аб'ектаў), сінтактыкі (адносін паміж знакамі) і прагматыкі (адносін паміж знакамі і моўцам). Такім чынам, і першасная, і сучасная інтэрпрэтацыя паняцця *прагматыка* дазваляюць дастасаваць яго і да тэрмінаграфіі. У гэтым выпадку знакам (дакладней, сістэмай знакаў) будзе з'яўляцца слоўнік, а суб'ектам – яго карыстальнік.

Калі ўлічыць, што любы слоўнік (у тым ліку і тэрміналагічны) з'яўляецца артэфактам, стварэнне якога абгрунтоўваецца пэўнымі мэтамі, матывамі, патрэбамі, то становіцца лагічным дапушчэнне, што гэты артэфакт можа ацэньвацца не толькі ў фармальным плане, але і з пункту гледжання яго эфектыўнасці ў той або іншай карыстальніцкай сітуацыі.

Даследаванні ў галіне карыстальніцкіх сітуацый (т.зв. карыстальніцкай перспектывы) пачалі праводзіцца Р.Р.К. Хартманам у 1970-я гады [2, с. 235]. Ва ўніверсітэце Эксетэра ім была арганізавана профільная лексікаграфічная канферэнцыя “Слоўнікі і іх карыстальнікі”.

З цягам часу ў заходняй тэарэтычнай лексікаграфіі сфарміраваўся асобны кірунак *user-centered dictionary studies* (“слоўнік, арыентаваны на карыстальніка”) [3, с. 177] або *user's perspective* (“карыстальніцкі пункт гледжання”) [4].

На сучасным этапе ёсць усе падставы канстатаваць не проста існаванне асобных даследчыцкіх кірункаў, а можна нават гаварыць пра станаўленне асобнай субтэорыі – функцыянальнай лексікаграфіі. У яе межах усё мноства карыстальніцкіх сітуацый магчыма згрупаваць па дзвюх пазіцыях: сітуацыі кагнітыўнай скіраванасці і сітуацыі камунікатыўнай скіраванасці [5, с. 287]. У першым выпадку карыстальнік звяртаецца да слоўніка з мэтай атрымаць інфармацыю па пэўнай дысцыпліне (лінгвістыка, матэматыка, філасофія і інш.) – пераважна энцыклапедычнага характару. Іншымі словамі, акт камунікацыі адбываецца паміж аўтарам слоўніка і чытачом слоўніка. У другім выпадку слоўнік выкарыстоўваецца для арганізацыі і суправаджэння зносін (вусных або пісьмовых), г.зн. для вырашэння канкрэтных камунікацыйных задач.

Вывучэнне сітуацый, у якіх чытач выкарыстоўвае слоўнік, уключае наступныя аспекты:

- патрэбы і запыты карыстальнікаў;
- скіраванасць на разуменне тэксту;
- скіраванасць на генерыраванне тэксту;
- вывучэнне лексікі;
- выкананне дыдактычных задач на падставе слоўніка;
- фарміраванне навыкаў працы са слоўнікам;

– лексікаграфічная крытыка і рэцэнзаванне слоўнікаў [6, с. 396].

Гэтыя сітуацыі з'яўляюцца прэцэдэнтнымі для практычнай лексікаграфіі і павінны ўлічвацца ўкладальнікам яшчэ на этапе падрыхтоўкі слоўніка.

Аднак усё адзначанае актуальна ў дачыненні да слоўнікаў агульнай лексікі. У мовазнаўстве пакуль не створана агульнапрынятай тэорыі ацэнкі функцыянальных якасцей тэрміналагічных слоўнікаў.

Такім чынам, мэта даследавання – распрацаваць тыпалогію беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў на падставе комплексу прагматычных характарыстык.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі 113 слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў, у тым ліку:

– аўтаномныя слоўнікі, якія выдадзены на тэрыторыі Беларусі беларускімі вучонымі і адлюстроўваюць беларускі моўны матэрыял;

– аўтаномныя слоўнікі, якія ўключаюць беларускі моўны матэрыял, апублікаваны па-за межамі Беларусі вучонымі іншых краін або аўтарскімі калектывамі, у склад якіх уваходзілі і беларускія, і замежныя вучоныя;

– інкарпараваныя слоўнікі, якія ўключаюць беларускі моўны матэрыял, створаны і беларускімі, і замежнымі вучонымі, апублікаваны як на тэрыторыі Беларусі, так і за яе межамі.

Метадалагічнай базай даследавання з'яўляецца палажэнне пра сістэмную арганізацыю тэрмінасферы лінгвістыкі, што абумовіла выбар метадыкі супастаўляльнага аналізу структуры і зместу слоўнікаў (для вызначэння характарыстык сістэмнай арганізацыі і параметрызацыі тэрмінасферы лінгвістыкі) і метадыкі структурна-кантэнтнай тыпалагізацыі тэрміналагічных слоўнікаў (для выяўлення тэндэнцый у беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі).

Вынікі і іх абмеркаванне. З улікам канкрэтнага матэрыялу беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі, прапануем акрэсліваць прагматычныя характарыстыкі тэрміналагічных слоўнікаў па двух узаемазвязаных параметрах:

– прапазітум-функцыя (лац. *propositum* ‘намер, асноўнае палажэнне, прызначэнне’);

– прапазітум-адрасат.

Параметр *прапазітум-функцыя* звязаны з мэтай, дзеля дасягнення якой можа выкарыстоўвацца слоўнік:

1) кагнітыўная – выкарыстанне слоўніка як інструмента пазнання; рэалізуецца:

– аўтаномнымі тэрміналагічнымі слоўнікамі тлумачальнага тыпу, якія не маюць статусу нарматыўных: “Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў” А.Л. Юрэвіча (Мінск, 1962); “Слоўнік пра камічнае” В.І. Рагаўцова (Магілёў, 2010);

– слоўнікамі, інкарпараванымі ў манаграфічныя даследаванні і невялікія навуковыя публікацыі: “Слоўнік тэрмінаў” Н.Ю. Паўлоўскай з яе манаграфіі “Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове” (Мінск, 2001); “Слоўнік лінгвістычнай і літаратура-

знаўчай тэрміналогіі” В.К. Голубевай з яе кнігі “Сінкрэтызм і нестандартная сінтагматыка прыслоўяў у паэтычным тэксе (на матэрыяле беларускай і рускай паэзіі)” (Мінск, 2019) і інш.;

– слоўнікамі, інкарпараванымі ў навукова-папулярныя работы: публікацыя “Беларуская этымалогія: старонкі слоўніка” В.У. Мартынава і А.Я. Міхневіча ў часопісе “Малодосць” (1969, № 2); “Слоўнік тэрмінаў і паняццяў” В.М. Дубейкі з яго выдання “Паходжанне назваў населеных пунктаў Баранавіцкага раёна” (Мінск, 2019);

2) кагнітыўна-рэгуляцыйная – выкарыстанне слоўніка як інструмента пазнання і рэгламентацыі ў тэрміналогіі; рэалізуецца:

– выданнямі энцыклапедычнага характару: “Беларуская мова: энцыклапедыя” (Мінск, 1994);

– тлумачальнымі слоўнікамі нарматыўнага характару: “Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў” П.У. Сцяцко, М.Ф. Гуліцкага, Л.А. Антанюк (Мінск, 1990);

3) камунікацыйная – выкарыстанне слоўніка для арганізацыі спецыяльнай міжмоўнай камунікацыі; рэалізуецца:

– двух- / шматмоўнымі слоўнікамі, інкарпараванымі ў навуковыя публікацыі: падборкі “Граматычна тэрміналогія” і “Матэрыялы к словарю граматычнай тэрміналогіі восточнославянских языков” Т.В. Баймута са зборніка яго даследаванняў “Вібрані навуковыя працы” (Нежын, 2014) і інш.;

– аўтаномнымі двух- / шматмоўнымі слоўнікамі, якія не маюць статусу нарматыўных: “Słownik terminologii lingwistycznej (białorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-białoruski)” (Беласток, 1994); “Беларуска-ўкраінскі слоўнік лінгвістычнай тэрміналогіі” (Кіеў, 2013) і інш.;

4) камунікацыйна-рэгуляцыйная – выкарыстанне слоўніка для каардынацыі складу нацыянальнай тэрмінасістэмы (субтэрмінасістэм) з улікам тэрмінасістэмы іншай мовы (моў); рэалізуецца двух- / шматмоўнымі выданнямі, падрыхтаванымі пераважна пад эгідай навуковых устаноў: “Основен систем и терминология на словенската ономастика” (Скоп’е, 1983); “Русско-белорусский словарь лингвистических терминов” (Мінск, 1988) і інш.;

5) кагнітыўна-дыдактычная – выкарыстанне слоўніка як аднаго са сродкаў фарміравання агульных або прафесійных кампетэнцый; рэалізуецца:

– выданнямі энцыклапедычнага характару, прызначанымі пэўнай катэгорыі чытачоў: “Энцыклапедыя для школьнікаў і студэнтаў” (т. 7: Беларуская мова, Мінск, 2017);

– аўтаномнымі тлумачальнымі слоўнікамі тэрмінаў для школьнікаў і студэнтаў: “Беларуская мова: ад А да Я” В.Д. Старычонка (Мінск, 2000); “Слоўнік лінгвістычных і тэксталагічных тэрмінаў” М.В. Абабуркі, Т.А. Казімірскай, В.М. Саўчанка (Магілёў, 2012) і інш.;

– інкарпараванымі тлумачальнымі слоўнікамі, уключанымі ў выданні вучэбнага характару для школьнікаў,

абітурыентаў, навучэнцаў, студэнтаў: “Слоўнік словаўтваральных тэрмінаў, выкарыстаных у дапаможніку” Ж.С. Сіплівеня з яе работы “Словаўтварэнне прыметнікаў ад іншамоўных назоўнікаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове” (Гродна, 2000); “Тэрміналагічны даведнік” Г.М. Малажай, Л.І. Яўдошынай, А.А. Радзевіча з іх кнігі “Беларуская мова: дапаможнік для падрыхтоўкі да абавязковага цэнтралізаванага тэсціравання” (Мінск, 2015) і інш.;

6) камунікацыйна-дыдактычная – выкарыстанне слоўніка для выпрацоўкі агульных або прафесійных кампетэнцый з улікам тэрмінасістэмы іншай мовы (моў); рэалізуецца:

– двух- / шматмоўнымі слоўнікамі для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў: “Беларуска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў з метадычнымі парадамі для студэнтаў” М.З. Міхей (Мінск, 1989); “Кароткі англійска-беларускі / беларуска-англійскі слоўнік у галіне філалагічных даследаванняў” (Мінск, 2019) і інш.;

– інкарпараванымі слоўнікамі, уключанымі ў падручнікі і вучэбныя дапаможнікі для школьнікаў, абітурыентаў, студэнтаў і інш.: “Тэрміны і спецыяльныя паняцці і іх славацкія эквіваленты” А.І. Калечыц і Н.Б. Корунай з іх выдання “Марфалогія беларускай мовы: вучэбна-метадычны дапаможнік для славацкіх студэнтаў” (Нітра, 2013); “Лінгвістычныя тэрміны” Г.М. Валочка, Фу Мэйянь і Юань Хаа з іх кнігі “Беларуская мова як замежная. Уводны курс для кітайскіх навучэнцаў” (Мінск, 2020) і інш.;

– слоўнікамі, уключанымі ў навукова-папулярныя работы: слоўнік В.К. Раманцэвіч “Назвы мовазнаўчых тэрмінаў” з яе выдання “Пачаткі роднае мовы” (Мінск, 1993);

7) працэдурная – выкарыстанне слоўніка ў якасці базы тэрмінаў і паняццяў для стварэння іншага слоўніка; рэалізуецца пераважна рээстравымі слоўнікамі-праектамі: “Праект слоўніка” (вып. IV: Мовазнаўства, Менск, 1935); “Слоўнік па мовазнаўстве: праект для абмеркавання” (Мінск, 1967) і інш.;

8) навігацыйная – выкарыстанне слоўніка з мэтай ідэнтыфікацыі пазіцыі тэрміна або групы тэрмінаў сярод іншых тэрмінаў (у мове, у шэрагу моў); рэалізуецца слоўнікамі-рээстрамі дапаможна-інфармацыйнага характару: “Slovník slovanské lingvistické terminologie” (т. 2, Прага, 1979);

9) дэманстрацыйная – выкарыстанне слоўніка для фіксацыі пэўнага аб’ёму спецыяльных адзінак без якога-небудзь іх апісання; рэалізуецца непрактычнымі слоўнікамі-рээстрамі: слоўнік М.У. Гуль “Іншамоўныя тэрміны філалогіі ў даследаваных крыніцах” з яе даследавання “Іншамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі)” (Брэст, 2021).

Такое размеркаванне тэрміналагічных слоўнікаў паводле іх функцый дастаткова ўмоўнае (як і назвы саміх функцый) і мае хіба працэдурнае значэнне.

Пры строгім разуменні любое выданне, асабліва навуковае, валодае пэўным кагнітыўным патэнцыялам і любы слоўнік можа выкарыстоўвацца, скажам, у вучэбных мэтах. Акрамя таго, некаторыя слоўнікі ў функцыянальным плане могуць быць аднесены да пераходных, прамежкавых падтыпаў, паколькі ім уласціва адразу некалькі функцый: кагнітыўная, камунікацыйная, рэгуляцыйная (слоўнік “Анамастычная тэрміналогія” М.В. Бірылы з “Тэрміналагічнага зборніка ’87–88” (Мінск, 1993)); дыдактычная, кагнітыўная, камунікацыйная (слоўнік “Мова. Чытанне. Пісьмо” з “Глумачальнага слоўніка тэрмінаў пачатковага навучання” (Мінск, 2001)).

Параметр *прапазітум-адрасат* звязаны з вызначэннем аб’ектаў-карыстальнікаў, для якіх ствараецца слоўнік:

1) эверацыйныя (англ. *every* ‘кожны’), або агульнаадрасаваныя, тэрміналагічныя слоўнікі прызначаны шырокаму колу карыстальнікаў; з іх дапамогай карыстальнік без спецыяльнай лінгвістычнай падрыхтоўкі можа атрымаць разнастайную інфармацыю пра значэнне тэрмінаў (як агульнавядомых, так і вузкагаліновых), іх функцыянаванне, адпаведнікі ў іншых мовах і пад.; да такіх слоўнікаў адносяцца:

– энцыклапедычныя выданні: “Беларуская мова: энцыклапедыя” (Мінск, 1994);

– глумачальныя і двух- / шматмоўныя слоўнікі, склад якіх не абмежаваны патрабаваннямі вучэбных праграм, узроставымі, адукацыйнымі характарыстыкамі карыстальнікаў: “Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej” В. Бекіша і Х. Фантаньскага (Катовіцэ, 1997); “Українсько-білоруський словник лінгвістичної термінології” (Кіеў, 2012) і інш.;

– слоўнікі тэрмінаў у навукова-папулярных работах: слоўнік “Назвы мовазнаўчых тэрмінаў” В.К. Раманцэвіч з яе выдання “Пачаткі роднае мовы” (Мінск, 1993); “Слоўнік тэрмінаў і паняццяў” В.М. Дубейкі з яго кнігі “Паходжанне назваў населеных пунктаў Баранавіцкага раёна” (Мінск, 2019);

2) сегментацыйныя (лац. *segmentum* ‘адрэзак, паласа’) слоўнікі прызначаны карыстальнікам пэўнай сацыяльнай групы:

– школьнікам, абітурыентам, навучэнцам, студэнтам і інш.: слоўнік “Мова. Чытанне. Пісьмо” з “Глумачальнага слоўніка тэрмінаў пачатковага навучання” (Мінск, 2001); “Слоўнік выбраных лінгвістычных тэрмінаў” В.І. Рагаўцова з яго дапаможніка “Метадалогія лінгвістычных даследаванняў” (Магілёў, 2013) і інш.;

– спецыялістам у галіне лінгвістыкі: “Slovník slovanské lingvistické terminologie” (т. 1, Прага, 1977); “Тэрміналагічныя слоўнікі” М.І. Канюшкевіч з яе трохтомнага праекта “Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка” (Гродна, 2008–2010) і інш.;

– супрацоўнікам выдавецтваў: слоўнік “Мовазнаўства” з праекта для абмеркавання “Слоўнік па літаратуразнаўству, фалькларыстыцы, літаратуры, мовазнаўству і этнаграфіі для Кароткай Беларускай Савецкай Энцыклапеды” (Мінск, 1976); слоўнік “Мовазнаўства” з праекта для абмеркавання другога выдання “Беларускай Савецкай Энцыклапеды” (Мінск, 1984) і інш.

Заклучэнне. Такім чынам, прагматычныя характарыстыкі слоўнікаў беларускіх лінгвістычных тэрмінаў акрэсліваюцца па двух узаемзвязаных параметрах: прапазітум-функцыя і прапазітум-адрасат.

У адпаведнасці з першым параметрам, вылучаюцца функцыі слоўнікаў: кагнітыўная, кагнітыўна-рэгуляцыйная, камунікацыйная, камунікацыйна-рэгуляцыйная, кагнітыўна-дыдактычная, камунікацыйна-дыдактычная, працэдурная, навігацыйная, дэманстрацыйная, якія могуць камбінавацца паміж сабой.

Паводле ўліку аб’ектаў-карыстальнікаў, для якіх ствараецца слоўнік, адрозніваюцца эверацыйная і сегментацыйная функцыі тэрмінаграфічных выданняў.

Літаратура

1. Норман, Б.Ю. Лінгвістычная прагматыка: на матэрыяле рускаго і других славянскіх языков: курс лекцый // Б.Ю. Норман. – Мінск: Беларус. гос. ун-т, 2009. – 181 с.
2. Дзятко, Д.В. Беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія: манаграфія / Д.В. Дзятко. – Rīga: BVKI, 2023. – 780 с.
3. Cowie, A.P. English dictionaries for foreign learners: a history / A.P. Cowie. – Oxford: Clarendon press, 1999. – 232 p.
4. Varantola, K. On the Information Needs of Dictionary Users / K. Varantola // Актуальныя праблемы тэарэтычнай і прыкладной лексикографіі / отв. ред. О.М. Карпова. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1997. – С. 98–110.
5. Bergholtz, H. Subject-Field Components as Integrated Parts of LSP Dictionaries / H. Bergholtz, S. Nielsen // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. – 2006. – Vol. 12, iss. 2. – P. 281–303.
6. Tono, Y. Research on Dictionary Use: Methodological Considerations // Dictionaries, Compilers, Critics and Users / Y. Tono // Lexicography. Critical Concepts / ed. R.R.K. Hartmann. – Vol. I. – London: Routledge, 2003. – P. 394–409.

Паступіў у рэдакцыю 13.11.2023

Персональный словарь терминов специалиста как инструмент инвентаризации и гармонизации терминологий

Кулешова В.О.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», Санкт-Петербург

Статья посвящена концепции персональных словарей, которая позволяет любому ученому и техническому специалисту самостоятельно создавать словарь терминологической лексики своей предметной области.

Цель статьи – определение роли персонального словаря в инвентаризации и гармонизации терминологической лексики, выделение основных параметров таких словарей и уточнение принципов их проектирования.

Материал и методы. *Материалом исследования являются терминология предметной сферы «Оптика» и словари терминов данной предметной области. В ходе исследования были использованы методы теоретического анализа, синтеза, описания и индукции, также когнитивный (концептуальный и контекстуальный) анализ терминов и анализ параметров и авторских установок словарей специальной лексики.*

Результаты и их обсуждение. *В работе рассмотрены принципы проектирования и описана макро- и микроструктура персонального словаря терминов. Особое внимание уделяется анализу и выявлению проблем уже существующих словарей. Подчеркивается, что большинство словарей выполняют функцию нормализации лексики, в то время как «молодые» терминологии нуждаются в инвентаризации лексики.*

Заключение. *Доказана необходимость создания универсального инструмента для работы с терминологической лексикой. Разработана концепция персонального словаря специалиста и описаны принципы его проектирования.*

Ключевые слова: *персональный словарь, терминография, терминоведение, теория термина.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 21–24)

Individual Dictionary of Terms as a Tool for Terminology Inventory and Harmonization

Kuleshova V.O.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "ITMO National Research University", Saint-Petersburg

The article deals with the concept of individual dictionaries, which allows scientists and technical specialists to independently create a dictionary of terms in their fields.

The aim of the article is to identify the role of an individual dictionary in the inventory and harmonization of terminological vocabulary, to highlight the main parameters of such dictionaries and to clarify the principles of their design.

Material and methods. *The research material is the terminology of "Optics" and dictionaries in this area. Methods of theoretical analysis, synthesis, description and induction were used, as well as cognitive (conceptual and contextual) analysis of terms and analysis of parameters and author's settings of dictionaries.*

Findings and their discussion. *The paper considers the design principles and the macro- and microstructure of such dictionaries. Special attention is paid to the analysis and identification of existing dictionary problems. It is emphasized that most dictionaries perform the function of vocabulary normalization, while "young" terminologies need vocabulary inventory.*

Conclusion. *The need to create a universal tool for working with terminological vocabulary has been proven. The concept of a specialist's individual dictionary has been developed and the principles of its design have been described.*

Key words: *individual dictionary, terminography, terminology, theory of term.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 21–24)

Современное общество ставит перед учеными огромное количество новых задач. Для их решения уже недостаточно работы одного специалиста с глубокими знаниями в своей предметной области. Данные задачи возможно решить только работая в команде, где каждый ученый не только владеет своей предметной лексикой, но и способен понимать своих соратников. Примерами задач, требующих междисциплинарного подхода, являются: квантовые вычисления, «зеленая» энергия, искусственный интеллект и другие. В состав таких команд входят физики, математики, химики, специалисты в области информационных технологий, психологи и лингвисты. Несомненно, результатами работы этих команд является не только изобретение новых технологий, но и огромное количество новой терминологической лексики, которая требует инвентаризации и фиксации, а также гармонизации, так как работа часто ведется на нескольких языках.

Цель данного исследования – определение роли персонального словаря в инвентаризации и гармонизации терминологической лексики, выделение основных параметров таких словарей и уточнение принципов их проектирования.

Материал и методы. Материалом исследования являются терминология предметной сферы «Оптика» и словари терминов данной предметной области. В ходе исследования были использованы методы теоретического анализа, синтеза, описания и индукции, также когнитивный (концептуальный и контекстуальный) анализ терминов и анализ параметров и авторских установок словарей специальной лексики.

Результаты и их обсуждение. Лексикографическая и терминографическая работа ведется человечеством с древних времен. Например, в шумерско-аккадский словарь входили сложные для понимания и перевода слова [1]. Считается, что первые терминологические словари появились в России в XVIII веке, однако теоретическое обоснование и первые научные статьи были написаны лишь в начале XX века [2]. Первые работы по терминографии или, по-другому, терминологической лексикографии относятся к 60-м годам XX века [3]. Тогда же появилось и определение данной науки: принято считать, что терминография – это наука о методологии составления, проектирования и использования терминологических (специальных) словарей [4]. Словарь специальных терминов (специальный словарь, терминологический словарь) представляет собой справочник с описанием терминов определенной профессиональной области на одном или нескольких языках.

Целью терминографии является создание методологии и выработка конкретных приемов составления словарей. К основным задачам терминографии можно отнести решение таких проблем, как отбор терминов, представление и описание лексики в словаре.

Основными направлениями, по которым сейчас ведется работа по составлению словарей специальной

лексики, является инвентаризация лексики и гармонизация терминологий.

Для того чтобы понять интересы и определить проблемы существующих словарей, мы рассмотрели несколько печатных словарей (толковых и переводных), а также проанализировали популярные интернет-ресурсы. Анализ проводился по указанным параметрам: предметная ориентация, назначение, читательский адрес, функция, объем и принципы отбора лексики [5]. Для анализа были выбраны следующие словари: англо-русский словарь по оптике, *Fiber Optics Illustrated Dictionary*, *Fiber Optics Standard Dictionary*, *Oxford Physics Dictionary* и *Oxford Science Dictionary*, *АВВУ Lingvo* и *Мультитран*. В результате анализа были выявлены следующие закономерности [6]:

1. Несмотря на то, что у всех печатных словарей ориентация тематическая, сама тема настолько широка, что включить в одно издание все термины, описывающие предметы и явления данной области, представляется невозможным. Более того, самое свежее издание относится к июню 2019 года. Что касается интернет-словарей, определенная тематическая ориентация отсутствует, однако ряду слов присваиваются маркеры темы.

2. Назначение словарей, как правило, определено не очень четко и варьируется от толковых до учебных, в выборку для анализа попал один переводной словарь, но также с пометкой «*для студентов оптических специальностей*». *Мультитран* позиционирует себя как инструмент для переводчиков с элементами справочной информации.

3. Некоторая неопределенность в назначении словарей привела к тому, что, в качестве целевой аудитории заявлен очень широкий круг читателей, от студентов и аспирантов до научных работников, а также всех интересующихся данной темой.

4. Функция печатных словарей заключается в нормализации специальной лексики, такой же позиции придерживается и коллектив авторов *АВВУ Lingvo*. *Мультитран* несет в себе функцию скорее инвентаризационную, т.к. любой пользователь может добавить и термин, и его перевод, и описание, и даже пример.

5. Что касается принципов отбора лексики, в словари попадают основные термины предметных областей, которые уже были зафиксированы в словарях, устаревшие термины маркируются соответствующими обозначениями, новые термины добавляются в том случае, если получили широкое экспертное освещение в науке.

Рассмотрев пять параметров словарей специальной лексики, мы можем выделить несколько проблем. Во-первых, это очень широкая тематическая ориентация, которая, с одной стороны, дает специалисту излишнюю или уже известную информацию, а с другой – не позволяет включить в словарь термины узкой направленности. Во-вторых, размытость целевой аудитории, которая приводит к тому, что словари лишь частично закрывают потребности этой аудитории.

В-третьих, опора на уже зафиксированные термины при создании нового словаря ограничивает возможность включения в словарь новых терминов, без которых невозможно представить развитие науки.

Принимая во внимание данные проблемы, мы предлагаем рассмотреть концепцию персонального словаря терминов [7]. Такой словарь создается непосредственно специалистом и ориентируется исключительно на его нужды. Однако для того чтобы словарь выполнял свои основные функции инвентаризации и гармонизации терминологической лексики и был удобен для использования, необходимо придерживаться определенного алгоритма его создания.

Несмотря на то, что ориентация у таких словарей очевидно узкотематическая, существует проблема определения границ этой тематики. Как уже говорилось ранее, большинство исследований в естественнонаучном поле ведется на стыке дисциплин. Будучи специалистом в физике, для проведения успешных исследований в области фотонных кристаллов, например, нужно владеть некоторыми понятиями из химии, материаловедения и кристаллографии, знать основы электроники. Степень углубления в каждую из этих дисциплин является целью анализа основных понятий предметной области. Анализируя различные виды дефиниций, можно понять, какие данные объективизируются в первую очередь и какие понятия имеют наибольший удельный вес, таким образом, определить границы терминологии. Рассмотрим одно из определений понятия «фотонный кристалл». *Photonic crystals (PCs) are highly ordered materials that possess a periodically modulated dielectric constant, with the properties of confining and controlling the propagation of light owing to the existence of photonic band gap, a band of frequencies in which light propagation in the photonic crystal is forbidden* [8]. Из чего следует, что эта область науки определяется через такие концептуальные признаки, как характеристика структуры, свойства материала, условия распространения электромагнитных волн. Все эти концептуальные признаки являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Изменение одного из них повлечет за собой разрушения всего концепта «фотонный кристалл».

Так как словарь персональный, то проблема целевой аудитории снимается сама собой. Целевая аудитория – это непосредственно автор словаря. Соответственно и макро- и микрокомпозиция словаря должны соотноситься с запросами автора.

Основные принципы отбора терминов в случае с персональными словарями должны быть следующими: с одной стороны, необходимо включать все термины, описывающие объекты и явления данной узкой предметной области, однако с другой – исключать термины, которые не поменяли своего значения при переходе из более широкой терминологии в узкую. Например: термин *муаровая решетка* достоин включения в словарь, т.к. хоть по внешнему виду под микроскопом структура напоминает тюлевую ткань, такой эффект

достигается наложением двух разных по химическому составу структур друг на друга. А часто используемый термин – *экситон* – известен еще из квантовой физики и как само явление, так и понятие используется в области фотонных кристаллов без изменений.

Перейдем к макроструктуре персонального словаря терминов. Принцип презентации лексики является необходимым параметром макроструктуры любого словаря. Наиболее удобный алфавитный принцип, но для персонального словаря следует добавить также тематический. Реализовываться такой принцип будет путем добавления маркера темы к каждому включенному в словарь термину. Соответственно, для автора словаря будут доступны два варианта: алфавитный вариант словаря и тематический вариант словаря.

В рамках описания макроструктуры также необходимо решить вопрос включения в словарь многосоставных терминов. Говоря о современных областях знания, в которых в настоящий момент ведутся активные исследования, можно диагностировать характерную многосоставность терминологической лексики. Термины, состоящие из более, чем двух слов, – отличительная черта любой развивающейся терминологии, поэтому включение таких единиц в словарь является необходимостью. Например, из 117 терминов предметной области «Фотонные кристаллы», попавших в выборку, 62 термина образованы сочетанием двух слов (*light propagation, lattice constant, normal mode, quantum dot, doped nanocrystal, localized mode, scaling law, heating method*) и 11 – сочетанием трех слов (*size selective precipitation, dilute magnetic semiconductor, band stop filter, core shell structure*). Однако рекомендуется избегать оборотов, содержащих модальность и предикативность, причастных и деепричастных оборотов, сочетаний с сочинительными союзами.

Еще одним аспектом, который рассматривается в рамках обсуждения макроструктуры словаря, является представление многозначной лексики. В большинстве случаев эта проблема снимается узкой тематической направленностью персонального словаря, т.к. в узком поле термин имеет единственное значение.

Перейдем к микроструктуре персонального словаря. Кроме непосредственно термина на английском языке, в словарь следует включить фонетическую транскрипцию, так как научный дискурс существует не только в письменной, но и устной формах. Современному специалисту необходимо коммуницировать с коллегами в лаборатории, выступать на конференции, уметь поддерживать научную дискуссию и т.д., для этого желательно овладеть нормой произношения.

Следующим важным аспектом является включение в словарь русского эквивалента термина. Однако такой эквивалент может отсутствовать в виду «молодости» терминологии. В таком случае автору словаря следует прибегнуть к одному из методов перевода терминов. Наиболее распространенные из них: калькирование, транслитерирование и переводческие трансформации. Например, самым известным способом

создания русскоязычных эквивалентов английских терминов предметной области «Фотонные кристаллы» является калькирование. Таким способом образовано 45 терминологических единиц, что составляет 40% от всей исследуемой выборки. Транслитерирование, переводческие трансформации и подбор русских аналогов используются реже, при том вклад каждого из этих способов в образование эквивалентов составляет около 20%. В редких случаях автор также может обратиться к описательному переводу.

Очередным пунктом микроструктуры является определение термина. Этот пункт имеет большее значение для персональных словарей в междисциплинарных областях. Например, ученый-физик не всегда владеет в полной мере терминами химии, математики, информационных технологий и т.д. Вместе с тем определение термина должно соответствовать той области, в которой работает автор словаря. Например, для специалиста в области «Фотонные кристаллы» будет верным следующее определение термина *band gap* (запрещенная зона) “*can open up, a frequency band in which electromagnetic waves are forbidden irrespective of propagation direction in space*” [9], а для специалиста в области электроники определение будет другим “*is a range of energies for which there are no electronic states in a medium*” [10].

Следующий аспект микроструктуры, который важен для словаря, – это пример. Он необходим для того, чтобы понять сочетаемость термина, увидеть, как он функционирует в языке.

Последний немаловажный пункт – это тематический маркер, который присваивается каждому термину, чтобы термины легко можно было разбить на тематические группы и увидеть, например, все применяемые методы в данном исследовании или все материалы и т.д. Например, терминам *microemulsions*, *pyrophoric organometallic precursor*, *cubic crystal system*, *dilute magnetic semiconductor (DMS)* можно присвоить маркер *материалы (materials)*, а терминам *lifetime*, *light absorption*, *relaxation time* – маркер *свойства (purposes)*.

Заключение. Таким образом, мы проанализировали словари терминов предметной области «Оптика» по пяти параметрам (предметная ориентация, назначение, читательский адрес, функция, объем и принципы отбора лексики) и выявили следующие закономерности: широкая тематическая ориентация, нечеткое назначение словарей, что приводит к размытой целевой аудитории, основная функция – нормализация лексики, а не инвентаризация, отбор лексики ведется из уже существующих словарей и стандартов. Данный анализ выявил определенные проблемы:

недостаточное количество узкоспециальных терминов, незакрытые потребности целевой аудитории и отсутствие новых терминов. Для их решения представлена концепция персонального словаря, описаны этапы его проектирования, макроструктура (принцип презентации лексики, представление многозначных единиц и многосоставных терминов) и микроструктура, которая включает в себя термин, фонетическую транскрипцию, перевод, определение, пример и тематический маркер. Такой персональный словарь, с одной стороны, поможет решить проблемы инвентаризации и гармонизации терминологий и на основе аналогичных словарей можно будет легко создавать словари, выполняющие функцию нормализации терминологической лексики, с другой – станет простым и полезным инструментом в работе любого ученого.

Литература

1. Канева, И.Т. Шумерский язык / И.Т. Канева. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – С. 7–8.
2. Лейчик, В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
3. Комарова, З.И. Проблемы языка науки / З.И. Комарова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы междунар. науч. конф., 5–6 февр. 2010. – Екатеринбург, 2010. – Ч. 1. – С. 7–24.
4. Гринев, С.В. Терминоведение на пороге третьего тысячелетия / С.В. Гринев // Научно-техническая терминология: науч.-техн. реферат. сб. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 31–34.
5. Кулешова, В.О. Общенаучные и межотраслевые термины, их роль в формировании новых терминологических систем / В.О. Кулешова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Северодвинск, 2019. – С. 196–201.
6. Кулешова, В.О. Принципы создания англо-русского терминологического словаря фотонных кристаллов / В.О. Кулешова // Litera. – 2019. – № 1. – С. 215–222.
7. Кулешова, В.О. Терминосистема фотонных кристаллов в оптике: теоретический аспект / В.О. Кулешова // Актуальные проблемы филологии и журналистики. – Ужгород, 2018. – С. 166–169.
8. Shao, J. Biomimetic nanocoatings for structural coloration of textiles / J. Shao, G. Liu, L. Zhou // Active Coatings for Smart Textiles, 2016. – P. 269.
9. Yablonovitch, E. Photonic band-gap structures / E. Yablonovitch // J. Opt. Soc. Am. – 1993. – Vol. 10. – P. 283–295.
10. Paschotta, R. Band gap / R. Paschotta // RP Photonics Encyclopedia [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rp-photonics.com/band_gap.html. – Access date: 03.11.2023.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Комбинирование разновидностей языковой игры как дискурсивная особенность прозы в интернет-пространстве

Бартош Ю.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются особенности языка современной интернет-прозы, которая отличается от традиционной не только местом бытования, но и способом взаимодействия автора с читателем, жанровыми характеристиками, специфическим нарративом.

Цель данного исследования – выявить специфику языка сетевых прозаических художественных текстов, проанализировать случаи нестандартного использования языковых средств, при помощи которых создается современная интернет-проза.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили романы «Кошки-Мышки» и «Трое в джунглях, не считая блондинки» С. Нарватовой. В работе были использованы описательно-аналитический метод и приемы контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ языковых средств, представляющих собой намеренные узусные девиации, показал, что в русскоязычной интернет-прозе наиболее представлены трансформации фразеологизмов, экспериментирование со словообразовательными моделями, различные виды лексической языковой игры, а также стилизация как способ «концентрированного» представления образа.

Заключение. Комбинирование разновидностей языковой игры может быть рассмотрено как дискурсивная особенность литературы в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет-дискурс, жанры интернет-дискурса, бета-читатель, язык сетевой прозы, языковая игра.
(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 25–31)

Combining Language Game Varieties as a Discourse Feature of Prose in the Internet Space

Bartosh Ju.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article examines the features of the language of modern Internet prose, which differs from the traditional one not only by the place of existence, but also by the way the author interacts with the reader, genre characteristics, and a specific narrative.

The purpose of this study is to identify the specificity of the language of the Internet prose, to analyze cases of non-standard use of language means, with the help of which modern Internet prose is created.

Material and methods. The material for the study was the novels "Cats and Mice" and "Three Men in the Jungle (to Say Nothing of the Blonde)" by S. Narvatova. We used descriptive-analytical method and contextual analysis techniques in this research.

Findings and their discussion. The analysis of linguistic means which are intentional norm deviations showed that the transformations of phraseological units, experimentation with word-formation models, various types of lexical language play, as well as stylization as a way of "concentrated" image representation are most present in the Russian-language Internet prose.

Conclusion. The combination of language play varieties can be considered as a discourse feature of the Internet literature.

Key words: the Internet-discourse, genres of the Internet-discourse, Beta reader, language of the Internet prose, language games.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 25–31)

Коммуникативное интернет-пространство породило особый тип взаимодействия, основанный на информационном обмене множества людей. Сетевая коммуникация предоставляет равные возможности доступа к циркулирующей и постоянно обновляющейся информации всем коммуникантам, зачастую нивелирует социальные статусы, характеризуется асинхронностью и различной степенью анонимности, а также возможностью взаимодействия «создателя» информации с сетевым пользователем.

Интернет является особой коммуникативной средой, которая подразумевает двустороннюю форму общения: автор не просто выгружает текст в сеть, но и ожидает отклика, в котором читатель выражает отношение к поступкам героев, пытается предугадать дальнейшее развитие сюжета, поддерживает автора в случае болезни, уточняет мнение самого автора по определенным вопросам, касающимся книги.

Материал и методы. В качестве фактического материала исследования нами были выбраны приключенческий роман «Трое в джунглях, не считая блондинки» [1] и любовный роман «Кошки-мышки» [2] Светланы Нарватовой. В процессе интерпретации полученных данных мы прибегли к описательно-аналитическому методу и приемам контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Поскольку интернет – это глобальное информационное пространство, предоставляющее доступ к огромному массиву информации в «ускоренном режиме» и объединяющее посредством технологии множество людей со всего мира, в нем создаются условия форсированной и перманентной обновляемости информации. Это приводит, с одной стороны, к возникновению новых «жанров персонального и интерперсонального интернет-дискурса» (персональный сайт, личный блог, социальная сеть, интернет-комментарий и др.) [3, с. 3], а со второй – к видоизменению, адаптации существующих жанров под условия нового коммуникативного пространства, что, в свою очередь, обуславливает отбор особых языковых средств.

Существует огромное количество специализированных сайтов («Литрес-Самиздат», «Литнет», «АвторТудей», «ПродаМан», «Литмаркет», «Самиздат» и др.), на которых любой автор может свободно размещать свои произведения, а читатели – влиять на ход повествования, сюжетные линии и т.д. комментариями к прочитанному. Словом, коммуникация и рецепция по сравнению с традиционной прозой видоизменены, дистанция между читателем и автором минимизирована (здесь и далее орфография и пунктуация приводятся по данным источников):

«Valentina Z: Интересно вас читать, и диалоги живые у героев, и шутки не прибитые.) только любовная линия в романе растворилась куда-то, как по мне.

Светлана Нарватова АВТОР: *Valentina Z, Это нетипичный любовный роман. Четыре главных мужских персонажа, из которых три являются фокальными*

и при этом не являются ГГ ЛР. А тот, кто нравится героине, фокализации не имеет. Именно поэтому любовная линия не очевидна. Она мелькает в деталях, постепенно наращаясь к концу. Не потому, что я не умею писать любовные романы (хотя стандартные сопли мне действительно не интересны), а потому что это помогает сохранить динамику и интригу. Когда роман будет закончен (а уже, слава богу, немного осталось, одна десятая текста по событиям), думаю, окончательно станет ясно, что роман именно про любовь. :)

Valentina Z: *Я читала ваши предыдущие романы, поэтому нет сомнений в вашем умении выписывать интересный любовный сюжет. Ок, ждем конца тогда.)*

Светлана Нарватова АВТОР: *Valentina Z, Знаете, ваш комментарий натолкнул меня на мысль, что я неправильно обозначила жанр этого романа. Это не СЛР, а анти-СЛР)))*

Valentina Z: *Или просто ромком можно было бы.)*

Светлана Нарватова АВТОР: *Valentina Z, Ромком – по жанру (кстати, впервые встретилась с этим словом), а анти-СЛР - по сути» [2].*

Приведенный выше диалог иллюстрирует один из двух важных аспектов взаимодействия автора и его читательской аудитории – минимализацию дистанции. Вторая особенность связана с тем, что подписчики работающих с «продами» (последовательно выкладываемыми новыми фрагментами литературного произведения, сокр. от «продолжение») авторов зачастую берут на себя роль бесплатного «бета-читателя» или же «бета-ридера» (от англ. Beta reader). Так называют пользователя, который читает недописанную книгу в процессе ее создания, при этом являясь вдохновителем и даже непрофессиональным редактором; бета-ридер в комментариях может указать на нестыковки, провисания сюжета, наличие опечаток и сделать другие конструктивные замечания:

«Анна Цыб: Боже, какое же я получила удовольствие от этой истории! Просто невероятное! Мне так нравится, когда нет абсолютного зла в лице конкретной личности, а есть сложные характеры и ситуации. Только меня в 19 главе смутил резкий переход от директорского совещания к ситуации в техотделе. Как будто пропущен как минимум абзац. Я даже прочитывала несколько раз, чтобы понять, что произошло.

Светлана Нарватова АВТОР: *Анна Цыб, Ого! Там целая страница текста пропущена, даже полторы, спасибо [2].*

Книги на «площадках самиздата» размещаются как бесплатно, так и с получением доступа после оплаты (в таком случае дается возможность прочесть ознакомительный фрагмент перед покупкой). Нередко книги размещаются без профессионального редактирования, что накладывает отпечаток на их качество, однако доступность контента находит отклик у массового читателя, что отражается в десятках и даже сотнях тысяч прочтений. Ввиду огромной аудитории такого рода

площадок последние становятся востребованными и у профессиональных авторов. Как точно отметила В.А. Маслова, «приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им “чужих” текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего» [4, с. 35]. Поэтому нам видится крайне важным проанализировать, какого рода тексты становятся фокусом внимания для массового читателя. Литературные платформы представляют собой не способ, а место размещения произведений, этим объясняется дублирование произведений, к примеру, на сайте «Самиздат» и «Литнет», возможна последующая публикация в «бумажном» формате.

Представленность жанров в данном сегменте интернет-пространства коррелирует с расчетом целевой аудитории. К примеру, наиболее распространенные «женские» жанры нередко принадлежат к категории *young adult* и включают в себя СЛР, фэнтези, классические «love story», истории о «попаданцах» и др., в то время как киберпанк, стимпанк и под. нацелены на мужскую аудиторию, а антиутопия и альтернативная история универсальны.

При всех возможностях интернета несомненно и то, что названный канал коммуникации оказывает влияние на форму презентации языковой личности: «Отсутствие эмоционального контакта приводит к необходимости передать свое эмоциональное состояние вербально, а также при помощи символов, картинок» [5, с. 22]. Современной интернет-прозе в силу жанровых особенностей и возможностей самиздат-площадок присущи не все конституирующие признаки интернет-дискурса: к примеру, нет возможности выделить текст цветом или дать гиперссылку, однако есть возможность добавить книгу в озвучку, указать в начале главы необходимую для прослушивания при одновременном прочтении текста композицию, вставить картинку-иллюстрацию/визуализацию героев или встроить в повествование диалог в мессенджере с использованием особых символьных средств – эмограмм, таких как смайлы и другие графические знаки.

Язык интернет-произведений достаточно специфичен, тяготеет к смешению литературного и разговорного языка со сленговыми вкраплениями. Рассматривая точку зрения, что язык интернета представляет собой «письменную форму разговорной речи», Д. Кристалл обращает внимание, что крайне важно учитывать, «кто является носителем этой речи» [6, с. 25], потому как степень влияния речи компьютерщиков снижается в связи с обилием различных социальных слоев людей, постигающих азы пользования компьютера и интернета: «Но что произойдет с интернет-языком (*Netspeak*) по мере расширения базы пользователей и появления в Сети людей с более широким диапазоном языковых предпочтений?» [6, с. 25]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо отслеживать языковые тенденции в интернете.

Особенности языковой организации интернет-дискурса, такие как использование графических воз-

можностей (шрифт, дизайн страницы, использование интервалов, иллюстраций, эмограмм и др.), орфографические (регистр, способ выделения ударения, принятые сокращения), грамматические (задействование возможностей синтаксиса и морфологии), лексические (специфический словарный запас), особенности дискурса (особая структурная организация текста), а также фонетические особенности (возможность прикрепить аудиодорожку, выслать аудиосообщение) несмотря на интерактивность и нивелирование расстояния и социального положения не возмещают в полной мере мимики, жестов и оттенков интонации реального, а не виртуального общения. При этом компенсация отсутствия невербальных средств общения происходит и посредством многократного (и нередко градационного) использования стилистически маркированных элементов.

Одной из характерных черт интернет-прозы является комбинирование различных разновидностей языковой игры, что рассматривается нами как дискурсивная особенность современной интернет-прозы. Под языковой игрой мы понимаем «определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [7, с. 657]. Языковая игра имеет свои особенности в разных типах дискурса. К примеру, в рекламе языковая игра представлена преимущественно легко декодируемыми разновидностями и лаконичными способами выражения. В прозаическом тексте используются иные алгоритмы, состоящие из нескольких слоев-срезов. Рассмотрим данную особенность языка интернет-прозы на примере двух книг Светланы Нарватовой: «Кошки-мышки» [2] и «Трое в джунглях, не считая блондинки» [1].

Следует отметить, что преднамеренные отступления от норм в указанных произведениях были обнаружены на различных уровнях языка и в различных подсистемах. Однако их соотношение в пределах конкретного произведения отличалось: в романе «Кошки-мышки», стилизованном под сказку, случаев языковой игры было отмечено больше, чем в «Трое в джунглях, не считая блондинки». Более того, в опубликованных данным автором книгах жанра фэнтези языковая игра представлена иными моделями, что позволяет сделать вывод о жанровой и категориальной взаимосвязи в использовании различных моделей языковой игры.

Наиболее частотными моделями образования языковой игры, используемыми С. Нарватовой в анализируемых романах, являются различного рода трансформации фразеологизмов, синтаксически неделимых и устойчивых сочетаний:

1) расширение контекста фразеологизма или устойчивого сочетания, поговорки, пословицы: «с кучей блондинистых скелетов в своем французском шкафу» [1];

2) сопоставление фразеологизмов с общим словом-компонентом «*И жаль тех бедолаг, которых судьба поставит на его пути. Мне у него на пути стоять точно не улыбалось*»;

3) контаминирование фразеологизмов: «*замбухгалтера “плавала” в приложении топориком*», «*потратила рабочее время на синхронное с Ваню погружение в IC-ку и наблюдение за жизнью IT-отдела*», «*Юбка тебе к лицу. В смысле, к ногам. Тьфу, идет, короче*» и др. [2];

4) дефразеологизация единицы и одновременное сопоставление свободного сочетания с ней: «*между строк сквозило, что работы – конь не валялся, поскольку коня-то и не было*», «*Бывают и просто тихие омуты, безо всяких чертей*», «*Хорошо, мир не без добрых людей, которые не жалеют крепкого пинка ближнему*», «*Во-вторых, у тебя их целый воз, а у меня – маленькая тележка*» [2];

5) замена компонента фразеологизма: «*пробирающий до печенок добрый взгляд*», «*в изобразительном искусстве остальным до меня было, как до Колумбии пешком*», «*какого маньяка они на груди пригрели*», «*дарёному торту в зубы не смотрят*», «*халаявному коню в плейлист не смотрят*» (о подвозе в машине под тяжелый рок), «*носился по городу, как белка с подпаленным хвостом*», «*летала вольным воробьем над лесами и полями*» и др. [1];

6) сложная трансформация, которая включает несколько вышеуказанных вариантов: «*Из образа гламурной блондинки я немного вышла. Километра на два*», «*Ты летел себе по другому борту, вот и лети дальше... как фанера над Парижем*» [1], «*– Наши Мишэл везде поспел, – ухмыльнулся Дед Мороз. – Вы с ним поосторожней, барышня. Вы – девушка юная, он бы вальсы сердечед. По нему здесь каждая вторая сохнет, а каждая первая – страдает*», «*Ген-директор помог Морозову выбраться из весьма щекотливой ситуации, вырвал из гостеприимных лап тюрьмы практически, за что Александр теперь служил верой и правдой*», «*Девушка решила, что синица в руках надежнее крокодила в небе, и поспешила найти новую работу, пока замужество не накрылось медным тазом*», «*– Молодец, хорошо держалась, – однокурсник похлопал ее по плечу. – Я еле держалась, – призналась Кира. – А на вид не скажешь*», «*Если бы Новикова сейчас стояла, то она бы села. А так как она сидела, у нее только челюсть отпала*», «*Всё, что не делается, не дается к лучшему*» [2]. Представленные примеры показывают, что С. Нарватова использует как легкие для декодирования случаи языковой игры, так и требующие у читателя необходимые фоновые знания. К примеру, для того, чтобы заметить двухкомпонентную трансформацию в последнем приведенном случае, читатель должен распознать отступление от правил написания *не/ни*, чтобы проследить изменение смысла высказывания на противоположное ожидаемому.

Забегая вперед, скажем, что в рамках данного исследования нами была выделена и комплексная

трансформация, подразумевающая комбинирование нескольких разноуровневых моделей языковой игры в пределах одного сложного синтаксического целого, при которой стилистический или эмфатический эффект продлевается за счет постепенного нарастания количества модифицированных знаков: «*За дверью стояла сияющая гостеприимной улыбкой юная, слегка беременная горничная. Хоть кто-то здесь рад гостям. Девушка сказала, что «сеньор предупредил, что в номере гостя», но у нее заканчивается смена, и она надеется, что «сеньорита войдет в ее положение*». *Свят-свят-свят! В ее положение входит ближайшине пару лет я не собиралась*» [2]. На этом фоне нами был выделен еще один условный подтип манипуляций с фразеологическими единицами:

7) создание своих структур, воспринимаемых как устойчивые сочетания: «*Господин Алексеев за такие шуточки не то что шпандырем отчешет – к радуге приобщит*», «*В конце концов, отомстить киллеру – дело чести для каждого трупа*», «*Бутерброды – враг желудка. И друг лишнего веса*» [2].

Фразеологизмы и другие устойчивые выражения, такие как поговорки, пословицы, афоризмы и крылатые слова, зачастую применяются в «нетрансформированном» виде в качестве средств экспрессии, поскольку, в отличие от «нейтральных» слов, это единицы, изначально обладающие большей выразительностью. Видоизменение же изначально стилистически и экспрессивно маркированных образований кратно увеличивает упомянутый эффект, что дает основание говорить об использовании языковой игры на фразеологическом уровне как об осознанной авторской стратегии, доходящей в некоторых случаях до «фразеологической градации»: «*Хитрый замысел был шит напоказ белыми нитками и крупными стежками. При этом техдиректор сохранял покерфейс, чем вызывал невольное уважение. Девочка тоже держала лицо*» [2]. Аналогичный эффект наблюдаем в следующем отрывке: «*Колчевский не пожалел усилий, чтобы сначала прочистить студенту-дизайнеру организм, а потом – мозги. Причем сначала Гена их вынес, потом промыл, а потом поставил на место*» [2].

Тем не менее, осознанные отступления от норм в рассматриваемых произведениях интернет-прозы фразеологическим уровнем не ограничиваются. Второй по частотности употребления механизм отклонения от нормы, который мы отметили в романах С. Нарватовой, – создание собственных словообразовательных моделей с конкретной целью:

1) выполняющих функцию эвфемизма: «*он мне нижеспинье прикроет*», «*всем на него дефекать*» [1], «*пристраиваясь своим нижепоясничьем*», «*Под виндою сдохла программа... Приключился виндеу*», «*вот же... альтернативноориентированный член общества*», «*рассказывать малознакомым мужикам про то, что не слазишь с горшка, как-то не комильфо. Даже “комиль-фе”*», «*водителя-подрезателя*», «*после совещания директоры вышли взмыленные,*

как и положено рысакам, которых отгалопировал уверенный наездник», «Так вы ему, милостивый государь, передайте, что мы и сами баять умеем. Так наибаять можем – уши не разогнет» [2];

2) для стилизации под заимствованные слова: «отправился обкатывать обновки на шаилыкинз с пивингом на горное озерко», «Всё, а теперь арбайтен. Точнее, сначала отдыхайтен, потом арбайтен. Отсюда и до заката» [2];

3) представляющих собой синкретичное объединение двух слов в одном: «девиц из серпентерии – этой помеси серпентария и бухгалтерии», «из описания Кира поняла, что это некий гибрид ведра и эквалайзера... воображение взяло реванш за предыдущий провал с ведролайзером» [2];

4) эмфатический и иронический эффект: «девчонке взбледнулось», «Константин Сергеевич поднялся ему навстречу и сердечно рукопожался», «Влад повернул налево и упылил на второй космической» [2];

5) вызванных необходимостью емко выразить мысль, минуя описательные обороты: «Мишель оторвал расфокусированный взгляд от фантика, из которого что-то оригамил», «Умный не спорит с сильным, – в очередной раз проконфуцитировал он», «за что именно Дягиль ее вдруг заценил и обуважал», «я понимаю святых отцов Средневековой Европы, которые всех красивых девок там заинквизировали напрочь» [2], «футболист отфейспалмил» [1];

6) для передачи смысловых нюансов: «Киса так сладко умурлыкивала ее поспать еще», «Де, под Нижним лошадь подкову потеряла. А сменить никак – в подковомонтажах только комплектами продают. Зимними», «Технический директор, как подбалконный испанец, плавит сердца игрой на гитаре», «Назовани-ем "помощник директора" нынче импортзамещали должность офис-менеджера, которая раньше политкорректно заменила секретутку-машинистку», «Их встречали директора в полном буу'екомплекте» [2], «сегодня уже так помогли, что она не знает, как теперь себе распомочь» [1].

Словесное экспериментирование в представленных примерах является художественной номинацией и реализовано при помощи как продуктивных, так и непродуктивных моделей, что обусловлено различными целями речетворчества.

Неузуальное формообразование, напротив, не характерно для языка романов «Трое в джунглях, не считая блондинки» и «Кошки-мышки»: нами отмечены эпизодичные случаи («Кто сказал им, что если на слайд выложить страницу текста, он станет читаемее?», «И эта вера творила с ними чудеса, которые становились всё чудесатее и чудесатее», «Эта самая коза выставила вперед свои кривенькие рожики и, копытя асфальт, рвалась в бой», «Так ли голУб голубь, как думают некоторые?» [2]). Помимо «неправильного» формообразования морфологические отклонения представлены субстантивацией междометий («Он поздоровался общим «всем приветом», «Спасибом сыт

не будешь», «Но надо же как-то соизмерять размеры “Спасибы”...», «У нас кроме “спасибо” могут еще “большим спасибом” наградить» [2] и др.) и единичными случаями иных моделей: «Когда прошло пятнадцать театральных, Ген-директор, который, как вы помните, не выносил опозданий, позвонил Владу», «Кружкой кофе спустя в кабинет стали подтягиваться парни» [2] и др.

Третье место среди деструкций речевой нормы, отмеченных нами в романах С. Нарватовой, занимает языковая игра, охватывающая различные виды деформаций семантики слов: каламбур, малапропизм, метафорические и метонимические переносы и др. Каламбур представлен моделями столкновения 1) двух значений одной полисемантической единицы, которые отделились друг от друга в современном языке («Отавиу колот орехи. После того, что он отколол днем, занятие было вполне безобидное», «мы наткнулись на ровную площадку и встали на привал. Я бы с удовольствием к чему-нибудь привалился, но, увы...», «Гермиона виновато мурлыкала, намекая, что кисе в положении положено», «Ген-директор предпочитал женщин. Зрелых женщин, полноценных (с упором на “полно” в нужных местах)»; 2) омонимов, в т.ч. ситуативных («Кира выскочила из кабинета молча и потрусил (во всех смыслах этого слова) в приемную», «...Жертва Богу – это сокрушенный дух; сердце, которое сокрушено и смирено, Бог не будет презирать... Ой, как мы сейчас сокрушимся!» (потерпим крушение); 3) паронимазов («– Отец Апони и жрец, – пояснила я. – Мало он как-то жрал, – хрюкнул Отавиу своей шутке); 4) ситуативных антонимов: «– Костя – Большой Шеф, – пояснил Ваню. – А Денис Борисыч – непосредственный начальник. – Ну, Костю посредственным-то тоже сложно назвать», «Ходят слухи, что начальство не опаздывает, начальство задерживается. Это народное выражение идеально описывало Геннадия Колчевского. Он никогда не опаздывал на работу. И зачастую задерживался там допоздна» [2]. Последний пример отличается от предыдущих направленностью возникающей ассоциации. Если же в примере с «сокрушенным духом» акцент делается на двусмысленности второго слова, объединяющем в себе и значение «предаваться скорби», и «потерпеть крушение, разбиться», то в случае с глаголом «задерживаться» направление двусмысленности обратное, характеризующееся обманутым ожиданием. Благодаря встроенной шутке об опаздывающем начальстве глагол «задерживается» воспринимается как «остается где-то дольше» перед работой, таким образом, не приходит на работу вовремя и «недорабатывает». Однако второй глагол «задерживался» уточнен обстоятельствами «там допоздна», что меняет значение на «оставался дольше на работе, приходя при этом вовремя», т.е. «перерабатывал».

Нами также отмечены случаи создания сложных каламбуров, в которых обыгрывается несколько двусмысленных слов в пределах сложного синтаксического

целого: «*Технического директора на месте по-прежнему не было. Денис Борисович на вопрос, где он появился, ответил, что КиберКот не из тех, кто теряется. Он обязательно найдется*» [2].

Перифраз как разновидность не прямой номинации также имеет особенности: помимо замены слова иносказательным выражением такие единицы примечательны и добавочными оттенками кодирования: «*Добравшись до квартиры, первым делом, после техобслуживания кошки, Кира поставила будильник*», «*Или побоялся волшебников с полосатыми палочками*» (гаишников), «*Ген-директор уважал и одобрял жабу Дягиля, которая не хотела расставаться с лишней копеечкой*» [2]. Так, словосочетание «техобслуживание кошки», употребленное в отношении животного, а не транспортного средства, представляет собой малапропизм («юмористически обусловленное неправильное применение слова/фразы; ошибочное намеренное использование слова в контексте, которое звучит абсурдно/нелепо» [8]), что приводит к стилистической маркированности по сравнению с потенциальным «*после того как я покормила кошку*» и вызывает у читателя чувство радости и творческой сопричастности после осознания задумки автора. «*Жаба*», заменившая «*жадность*» в последнем примере, представляет собой отсылку к выражению «жаба давит», что также является двухуровневым случаем языковой игры. Совмещение малапропизма с эвфимизмом можно проиллюстрировать следующим примером: «*– Я всегда знал, что ты латентный линуксод, – обиженно заявил Дима, но решив, что этого оскорбления недостаточно, добавил: – Латентный линуксод с гипертрофированной жабой!*» [2]. Наделение пользователя операционной системы «Линукс» эпитетом «*латентный*» создает отсылку к известному термину из психоанализа и становится завуалированным оскорблением, усиленным «*гипертрофированной жабой*»; далее в диалоге упоминается «*гипертрофированный хомячок*» оппонента, который, в свою очередь, является мостиком к следующей разновидности языковой игры. Плотность случаев использования намеренных отступлений от норм «на квадратный сантиметр текста» позволяет нам говорить о *комплексной языковой игре* как о дискурсивной особенности языка современной интернет-прозы. Под такого рода игрой мы понимаем множественное задействование механизмов нарушения языковых норм на разных уровнях языка в пределах одного сверхфразового единства, ср. в данном отрывке: «*Хуже дело обстояло с конструкцией предложений. В русском очень любят развесисто-сложно-подчиненные выражения, осложненные оборотами разной степени причастности. А в деловом английском – всё наоборот. Попробуй эту трехэтажную красоту уложить в прокрустово ложе английской грамматики. Шестеренки в Кирином мозгу начали перестраиваться, запуская режим неродного языка. В этом “перестроечном” режиме она и вошла в отдел*» [2].

Синтаксис интернет-прозы также имеет специфические особенности. Наблюдается тенденция использовать простые, нежели сложные и усложненные сложные предложения, также авторы тяготеют к парцелляции: «*По завершении терапевтического сеанса я испытала облегчение. Кошелька*», «*Чего «такого»? – возмутилась она. ... Слишком бурно возмутилась. И непохоже на уравновешенную обычно себя*», «*Эндрю вцепился в меня взглядом, как американский бультерьер – в кость. Берцовую. Вору*» [1], «*Этот язык был ей не по зубам. И не по рукам. И вообще никуда не клеился, если честно*» [2] и др.

Нарушение семантического согласования в цепочке однородных членов предложения – зевгма – актуализирует несколько значений предиката: «*Говорят, настоящая женщина способна из ничего сделать прическу, салат и истерику*», «*подключился к этому саботажу исключительно, чтобы расшатать мои нервы и статус лидера*» [1]; соединяет в ряд однородных членов разные семантические места предиката «*Нынче она была без короны, но в свеженьком, с иголки, пафосе*», «*Велосипед никак не совмещался с узкой юбкой, лодочками на каблучке и лужами на асфальте*» [2] и т.д. Другой вариант зевгмы – пропуск сказуемого, восстанавливаемого по аналогии из контекста, – также является механизмом языковой игры в интернет-прозе: «*Он привез оттуда новую монографию, она – меня*» [1].

Сочетание парцелляции и зевгмы нами рассматривается как сложная синтаксическая языковая игра: «*У нас есть два ножа, одно охотничье ружье, котелок, зажигалка, вода, компас и даже карта. Три мужика с грубой силой, и я – со светлой головой*» [1].

Отдельно следует сказать об аллюзиях к художественным произведениям, фильмам, песням и т.д. Мы трактуем их как скрытый способ передачи закодированной информации в тексте. Часть аллюзий находится в зоне литературного комфорта сетевого пользователя: «*Я прекрасно отдавала себе отчет в том, на что рассчитывает британец. В конце концов, он спас мне жизнь. И честь. И здоровье. А еще он умен, красив, благороден во всех смыслах. Разве можно устоять против такого него? Я шла и думала: устоять или не устоять?*» [1]. Перенос мрачных размышлений Гамлета («*Быть или не быть?*») на прозаическое «*Устоять или не устоять?*», используемое дважды с интервалом в несколько предложений, намекает на изменение масштаба внутренних терзаний современного типичного человека. Аллюзии также могут быть сложными: «*В общем, спор ли, Мышка ли, но всё смешалось в доме, который построил Ген под «Своей крышей»*». Так, в данном примере начало фразы напоминает русскую народную сказку, далее фраза из «Анны Карениной» наслаивается на кумулятивное стихотворение-сказку «Дом, который построил Джек».

Порой аллюзивная языковая игра требует для расшифровки определенной культурной и литературной

роведческой компетенции: к примеру, роман «Кошки-мышки» содержит в себе включения из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, не обозначенные кавычками. Включения могут быть абсолютными копиями («– *Правду говорить легко и приятно, – процитировал классика коммерческий директор*», «*С губ его стерлась улыбка. Глаза стали пустые и черные, а лицо белое и холодное*»), частично видоизмененными («*Цепная реакция оторвала у ретривера пушистый хвост, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клоуша по болотам*», «*Влад расправил плечи. Он свои счета оплатил и закрыл*»), а также значительно перефразированными фрагментами («*Демона-пажа, подставлявшего когда-то лицо лунному свету*», «*Кира, это была неудачная шутка с нашей стороны*» (ср. «*Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил*»), «*говорил он, глядя в окно на луну и улыбаясь ей, как старой знакомой*» и др.) [2]. Между героями обоих произведений также можно провести параллели, о чем автор рассказывает в комментариях. Для привлечения внимания к аллюзиям (а также для проверки степени читаемости такого рода отсылок) С. Нарватова воспользовалась приемом литературного квеста.

Следует отметить, что прозвища персонажей также содержат игру слов: «*Ген-директор, он же Крокодил Гена, он же Че Котилло*», «*коммерческий директор, он же КотоФей*», «*технический директор, он же КиберКот*» и др. [2], а вкуче с названием «*Кошки-мышки*» и производными от прозвищ прилагательных («*с-котское пари*», «*тетра-котовый стол*» и др.) эта игра приобретает комплексный характер.

Особое место занимает стилизация как вид языковой игры, понимаемая не как пародирование, а как «речевая маска». С. Нарватова использует стилизацию при жанровых вставках, называемых также «текст в тексте»: начало остросюжетного мистического триллера «*Последний день эникейщика*», деловое письмо «*Альте*» в формате писем 19-го века и др.

Заключение. Интернет как коммуникативное пространство с колоссальными возможностями породил бум «прозаиндустрии», что отражается на состоянии языка, с одной стороны, и на распространении массового читателя, с другой. Такого рода литература может быть рассмотрена как пространство языковой игры, реализуемой изолированными моделями либо их сочетаниями. Нами были выделены градиация отдельно взятого приема, нескольких приемов на одном уровне или нескольких приемов на разных уровнях языковых отступлений от норм.

Литература

1. Нарватова, С. Трое в джунглях, не считая блондинки [Электронный ресурс] / С. Нарватова // Литнет. – Режим доступа: <https://litnet.com/ru/book/troe-v-dzhunglyah-neschitaya-blondinki-b251976>. – Дата доступа: 11.10.2023.
2. Нарватова, С. Кошки-мышки [Электронный ресурс] / С. Нарватова // Литнет. – Режим доступа: <https://litnet.com/ru/book/koshki-myshki-b87966>. – Дата доступа: 11.10.2023.
3. Сидорова, И.Г. / Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Г. Сидорова; Волг. гос. ун-т. – Волгоград, 2014. – 23 с.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Нелюбина, Е.А. Языковые особенности Интернет-дискурса [Электронный ресурс] / Е.А. Нелюбина // Балт. гуманитар. журн. – 2014. – № 4. – С. 22–23. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-internet-diskursa/viewer>. – Дата доступа: 11.10.2023.
6. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 273 p.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева [и др.]; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 694 с.
8. Webster's third new international dictionary: in 3 vol. / ed. Ph. B. Gove. – Chicago: Encycl. Britannica, 1993. – Vol. 2. – 1737 p.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Зарубежная юрислингвистика: истоки, проблемы и перспективы развития

Дединкин А.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск;
Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет “МИТСО”», Витебск

В XXI веке лингвистика стала телеономной, начался переход от исследований изолированных друг от друга языковых феноменов к анализу комплексов каузально связанных явлений. Интеграция результатов исследования одних и тех же проблем разными отраслями знаний позволяет решать не только фундаментальные, но и прикладные задачи.

Цель статьи – показать актуальное состояние зарубежной юрислингвистики и очертить тот круг проблем, которые являются исключительными для неё на сегодняшний день.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили научные труды представителей западных школ юрислингвистики, а также российских учёных, оказавших наибольшее влияние на формирование соответствующего проблемного поля в Республике Беларусь. В процессе работы были использованы описательно-аналитический и сопоставительный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. История развития юрислингвистических разработок прошла два этапа: 1) признание юристами необходимости корректного (с точки зрения лингвистики) формулирования правовых норм; 2) формирование лингвистами самостоятельных теорий языка права. Для наименования отрасли знаний, образованной на стыке лингвистики и юриспруденции, использовались различные категории: «судебная лингвистика» (Я. Свартвик), «правовая лингвистика» (А. Подлех), «юрислингвистика» (Н. Голев).

Заключение. Автором сделан вывод о том, что в западных (англо-американской и романо-германской) школах, а также российской юрислингвистике сформировались собственные методологические системы, которые являются прочным фундаментом для дальнейших исследований юридического дискурса, в том числе в Республике Беларусь.

Ключевые слова: юрислингвистика, романо-германская школа юрислингвистики, англо-американская школа юрислингвистики, язык права, судебная лингвистическая экспертиза.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 32–36)

Foreign Legal Linguistics: Origins, Problems and Development Prospects

Dedinkin A.L.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk;
Vitebsk Branch of Education Establishment of Belarus Trade Union Federation
“International University «MITSO»”, Vitebsk

In the 21st century, linguistics became highly structured; the transition began from studies of linguistic phenomena isolated from each other to the analysis of complexes of causally related phenomena. The integration of research findings of the same problems by different fields of knowledge makes it possible to solve not only fundamental, but also applied problems.

The purpose of the article is to show the current state of foreign legal linguistics and outline a range of problems related exclusively to it.

Material and methods. The material for the study is based on scientific works of representatives of Western schools of legal linguistics, as well as Russian scientists who had the greatest influence on the formation of the corresponding problem field in the Republic of Belarus. In the process of work, descriptive, analytical and comparative research methods were used.

Findings and their discussion. The development of legal linguistics has passed two stages: 1) recognition by lawyers of the need for correct (from the linguistic point of view) formulation of legal norms; 2) the formation of independent theories of legal language by linguists. To specify the field of knowledge formed at the intersection of linguistics and jurisprudence, various categories were used: “forensic linguistics” (J. Svartvik), “legal linguistics” (A. Podlekh), “jurislinguistics” (N. Golev).

Conclusion. *The author concludes that Western (Anglo-American and Romano-Germanic) schools, as well as Russian legal linguistics, have formed their own methodological systems, which are a solid foundation for further research into legal discourse, including that in the Republic of Belarus.*

Key words: *legal linguistics, Romano-Germanic school of legal linguistics, Anglo-American school of legal linguistics, language of law, forensic linguistic examination.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 32–36)

В XXI веке лингвистика стала телеономной, начался переход от исследований изолированных друг от друга языковых феноменов к анализу комплексов каузально связанных явлений. Чтобы их осмыслить, в большинстве случаев необходимо приложить усилия целого ряда специалистов, ведь причины возникновения того или иного языкового факта могут корениться в области интересов других наук (например, ответ на причины молчания в диалоге находим в философии у М. Бубера). Неслучайно в своей статье «Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре» профессор В.А. Маслова прозорливо замечает по этому поводу о необходимости «интегрировать исследовательские результаты в единые системы для решения сложных научных и практических задач». Как видно, без междисциплинарной интерпретации обойтись сложно.

Цель статьи – показать актуальное состояние зарубежной юрислингвистики и очертить тот круг проблем, которые являются исключительными для неё на сегодняшний день.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили научные труды представителей западных (романо-германской и англо-американской) школ юрислингвистики, а также российских учёных, оказавших наибольшее влияние на формирование соответствующего проблемного поля в Республике Беларусь. В процессе работы были использованы описательно-аналитический и сопоставительный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. О том, что внимание учёных должно быть сосредоточено на комплексном исследовании взаимосвязанных процессов и явлений с позиции различных научных сфер отмечено Н. Арутюновой, утверждавшей, что «познание не может пренебречь фактором целостности» [1, с. 315]. Единое поле существует, в том числе, и у лингвистики с юриспруденцией: право связано с языком, оно в нём объективируется и посредством него познаётся. Данное суждение в полной мере объясняет формирование новой («пограничной») отрасли гуманитарного знания – юрислингвистики. Определяя связь лингвистики и юриспруденции, А. Александров указывает на корреляцию изменений в законодательстве с изменениями языковой картины мира [2]. Действительно, право в его фактичности – это и есть текст, соответственно, верным будет утверждение о том, что нет ничего юридического, что не было бы лингвистическим.

История развития юрислингвистических разработок прошла два этапа:

1) признание юристами необходимости корректного (с точки зрения лингвистики) формулирования правовых норм;

2) формирование лингвистами самостоятельных теорий языка права.

Для наименования отрасли знаний, образованной на стыке лингвистики и юриспруденции, использовались различные категории. Исторически первым вошёл в употребление термин «судебная лингвистика» (Forensic Linguistics). Его в 1968 году ввёл в научный оборот шведский языковед Я. Свартвик [3, с. 7]. В 1976 году немецким филологом А. Подлемом был предложен термин «правовая лингвистика» («Rechtslinguistik») [4, с. 105]. Наиболее употребительным на постсоветском пространстве является термин «юрислингвистика», введённый в 1999 году российским лингвистом Н. Голевым [5, с. 16].

На развитие отечественной юрислингвистики в значительной степени оказали влияние разработки западных исследователей.

В рамках *романо-германской школы* юрислингвистики рассматривается достаточно широкий круг проблем:

– судебная коммуникация (вопросы риторики и стилистики текста);

– юридическая аргументация (способы доказывания средствами языка);

– языковое нормирование права (требования к судебной речи, юридическим переводам и формулировкам нормативных правовых актов);

– судебная лингвистика (методология лингвистического исследования спорного текста).

Исследователями поставлен ряд ключевых вопросов, которые и на сегодняшний день остаются нерешёнными:

1. *Преодоление коммуникативных барьеров между юристами и неюристами* [6]. Так, по мнению Р. Арнтца, причиной «непонимания» сути нормативных актов рядовыми гражданами является наличие в документах внутренних юридических условностей и абстрактных категорий. Б. Эккарт, отвечая на данный вопрос, утверждал, что помехи в коммуникации обусловлены, к примеру, наличием в тексте тяжёлых для восприятия синтаксических конструкций или узкоспециальных терминов.

2. *Определение структуры языка права* [7]. В. Отто предложил следующую типологию юридического языка: язык законов, язык судебных решений, язык юридической науки и экспертиз, язык ведомственного письменного общения, административный жаргон.

П. Сандрини выделил такие типы юридических текстов, как правотворческие акты (договоры, законы), акты осуществления правосудия (судебные решения, экспертизы), административные тексты (ведомственная переписка). Л. Эриксен внёс предложение структурировать язык права не по лингвистическим критериям, а в соответствии с функциональными областями права: законодательство, администрирование и судопроизводство. Автор пришел к выводу, что для каждой из указанных сфер характерен свой специальный язык, следовательно, единого языка права, по его мнению, не существует. Ж. Корню отметил две формы юридического языка: письменный (законы, ордонансы, постановления, декреты) и устный (судебные прения, клятвы, речи и признания), которые «подчиняются общим законам риторики, композиции и жанра».

3. *Анализ методологии и техники перевода юридических текстов* [8]. Так, Я. Энгберг указывал, что при переводе юридических актов следует учитывать влияние на их текстуальные особенности прагматических факторов. П. Бертелоот исследовал особенности перевода правотворческих актов, определил специфику перевода с различных языков, охарактеризовал средства, используемые при переводе (справочники и словари). Ж.-Р. де Гроот подчеркнул, что наиболее серьёзной проблемой в переводческой практике является подбор полных эквивалентов в паре языков, которые принадлежат государствам с разной правовой системой.

Представители *англо-американской школы* изначально ограничивали проблемное поле юрислингвистики аспектами судебной коммуникации. Однако в последние десятилетия круг изучаемых ими вопросов значительно расширился:

1. *Исследование юридических концептов и терминов* [9]. Т. Эндикотт доказал, что формирование терминосистемы права происходит под воздействием конкретной национально-культурной среды. К. Тоу сделал вывод о различиях в восприятии юридических концептов в национальных правовых системах. Оба автора выдвинули тезис о необходимости проведения соответствующих сравнительно-контрастивных исследований. Х. Маттила указал на такие факторы формирования юридической терминосистемы, как многозначность и синонимия, выявил социально-политические причины замены одних конструктов другими (например, термина «преступление» на «общественно опасное деяние»).

2. *Языковые особенности юридических актов* [10]. В. Батиа, указав на функционально-стилистическую неоднородность регистра права, сложность юридического языка для восприятия, отметил новую тенденцию, заключающуюся в том, что современные нормативные правовые акты становятся более понятными для неюристов. Г. Стайгол доказывал, что при подготовке текста юридического акта его формулировки должны исключать двусмысленность, т.е. быть

максимально понятными для любого носителя языка. П. Тирсем писал, что язык права должен стать доступным для обычных граждан, для чего необходимо прибегать к «внутриязыковому переводу».

3. *Инструментарий судебной лингвистической экспертизы* [11]. Д. Олссон в качестве объекта судебного исследования рассматривал любое речевое произведение в правовом контексте (к примеру, завещание, контракт, врачебный диагноз и т.д.). Автор доказал необходимость практического применения лингвистики для обеспечения правопорядка (его экспертные заключения легли в основу целого ряда обвинительных приговоров). По мнению М. Коултарда, разработки в области юрислингвистики позволяют в судебном заседании определить характер коммуникативной ситуации на момент совершения правонарушения, выявить целевые установки субъектов деструктивного дискурса. Р. Шуй ввёл в судебную экспертологию понятие «языковое преступление», определил «недопустимые» стратегии допроса, нарушающие права человека и позволяющие полиции получить «нужное» судебное решение, исследовал различные виды судебного дискурса (на основании дел о клевете, лжесвидетельстве, взяточничестве, убийстве, мошенничестве и сексуальном домогательстве). В исследовании Д. Гиббонса на примере судебных допросов австралийских аборигенов был проведён анализ межкультурных различий в осмыслении судебных феноменов «местными» и «белыми» австралийцами (неверное толкование показаний аборигенов было связано с тем, что их английский язык включал в себя несколько вариантов, сформировавшихся в различных частях континента).

О значительном интересе в западных странах к проблемам взаимодействия языка и права говорит проведение целого ряда научных мероприятий. Так, первая конференция по правовой лингвистике состоялась в 1988 году по инициативе Федерального ведомства уголовной полиции Германии. В 1992 году подобная конференция прошла в Великобритании в Бирмингемском университете. В 1993 году была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. С 1994 года стал выходить научный журнал “Forensic Linguistics” (в настоящее время – “International Journal of Speech, Language and the Law”). В конце XX века юрислингвистика стала одной из образовательных программ, впервые её освоили магистранты Кардиффского университета. В 2008 году был открыт Центр юрислингвистики в Астонском университете [12, с. 89–90].

Представители западных юрислингвистических школ в настоящее время концентрируют внимание на вопросах стилистики конфликтогенного текста. Целый ряд авторов предлагает отказаться от выделения «юридически наказуемых жанров». Отмечается, что признаки совершения противоправного деяния не имеют генристической маркированности (оскорбить можно и в газетной публикации, и в публичном выступлении, и в художественном тексте).

Исключительное значение на формирование юрислингвистики в Республике Беларусь оказали разработки российских учёных.

Основанием для становления юрислингвистики в России стала функциональная стилистика, где «в рамках исследований официально-делового функционального стиля решались актуальные задачи по изучению процессуального и законодательного текста».

Интерес к изучению языка права в советский период проявляли Л. Галанза, Л. Крысин, А. Пиголкин, В. Савицкий, Е. Сморгунова, А. Ушаков. Однако как новое интегративное научное направление юрислингвистика официально оформилась только в 1990-х годах. Её основателем считается профессор Н. Голев. Согласно его концепции, зона пересечения языка и права формируется двумя смежными, но отличными друг от друга областями лингвоправовых исследований: юрислингвистикой (лингвистические аспекты права) и лингвоюристикой (юридический аспект языка).

В XXI веке в Российской Федерации возникли сразу несколько ассоциаций (школ) юрислингвистики:

1. *Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС)*. Ассоциация объединила учёных Алтайского государственного университета (лаборатория юрислингвистики и развития речи), Кемеровского государственного университета (лаборатория юрислингвистики и документоведения), членов региональных общественных организаций лингвистов-экспертов «ЛЕКСИС» (Барнаул), «Юрислингвистика» (Кемерово), «Норма» (Новосибирск). Основное поле научных разработок членов СИБАЛЭКС – решение методологических проблем судебной лингвистической экспертизы по различным категориям дел. Ассоциация стала учредителем единственного в России профильного журнала «Юрислингвистика». Членами Ассоциации являются видные специалисты в области юрислингвистики: Н. Голев, К. Бринёв, Т. Чернышова, Н. Лебедева, О. Сологуб и другие.

2. *Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)*. Начальный этап становления ГЛЭДИС связан с научной деятельностью выпускников РУДН, среди которых М. Горбаневский, А. Мамонтов, В. Шаклеин, Г. Трофимова, М. Красильников и другие. В настоящее время Гильдия оказывает содействие в проведении лингвистической и автороведческой экспертиз спорных текстов в печатных и электронных изданиях, блогах, мессенджерах. Кроме этого, объектами исследования являются тексты нормативных правовых актов и словесные обозначения товарных знаков. Важнейшая задача ГЛЭДИС – формирование в регионах России квалифицированных экспертов-лингвистов, действующих на основе единой научно-методической базы Гильдии.

3. *Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России (АЛЭЮР)*. Ассоциация учреждена на базе Южного федерального университета и включает специалистов

в области юрислингвистики из Ростова-на-Дону, Краснодар, Ставрополя и Сочи. Основными направлениями деятельности АЛЭЮР являются: лингвистическая экспертиза, экология языка, речевое манипулирование, электоральные речевые технологии. Ежегодно под эгидой Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России проводится научно-практическая конференция «Язык и право: актуальные процессы взаимодействия». Среди членов Ассоциации следует назвать В. Меликяна, Т. Павленко, А. Факторовича, А. Осташевского, Г. Матвееву, А. Кузнецову и других.

4. *Московская школа лингвокриминалистики* (Л. Златоустова, Е. Галяшина, О. Фролова). Учёные занимаются криминалистическим исследованием устной речи и письменных текстов для потребностей судопроизводства. Представители школы заложили основу фоноскопической экспертизы, которая назначается судом в целях установления личности говорящего по признакам голоса и речи, выявления признаков монтажа, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи.

5. *Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника»*. Сотрудниками Центра под руководством профессора В. Баранова определено место юридической техники в структуре юриспруденции, изучен опыт экспертизы федеральных и региональных законопроектов, обозначены проблемы взаимодействия правотворческой политики и законодательной техники. Центр ежегодно издаёт одноименный научный журнал, а также проводит серию мероприятий в рамках Международного научно-практического форума «Юртехника». Среди сотрудников Центра следует назвать А. Афанасьева, А. Глухову, М. Климову, Г. Колоколова, Е. Леханову и других.

Перспективными направлениями развития юрислингвистики в России являются установление авторства текста (определение половозрастных характеристик, национальной принадлежности автора, времени написания текста, идентификации личности автора), исследование товарных знаков, рекламных слоганов, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности. Кроме этого, следует отметить такие тренды развития юрислингвистики, как её интеграция с когнитивной лингвистикой, психолингвистикой и социолингвистикой.

Заключение. Таким образом, в западных (англо-американской и романо-германской) школах, а также российской юрислингвистике сформировались собственные методологические системы, которые являются прочным фундаментом для дальнейших исследований юридического дискурса. Проблемное поле зарубежной юрислингвистики предопределило для разработок белорусскими исследователями следующие направления: юридико-лингвистическая герменевтика, судебное речеведение, лингвоэкспертология, правовая коммуникация и юридическое терминоведение.

Данное исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста» (№ Г22-074).

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику / А.С. Александров. – Нижний Новгород: Нижегород. прав. академия, 2003. – 420 с.
3. Svartvik, J. The Evans statements: A case for forensic linguistics / J. Svartvik. – Göteborg: University of Göteborg, 1968. – 44 p.
4. Podlech, A. Rechtslinguistik / A. Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften / Grimm, Dieter [Hrsg.]. – Bd. II. München: Beck, 1976. – S. 105–116.
5. Барабаш, О.В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О.В. Барабаш // Вестн. Пенз. гос. ун-та. – 2014. – № 2(6). – С. 14–18.
6. Arntz, R. Fachbezogene Mehrsprachigkeit in Recht und Technik / R. Arntz. – Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2001. – 260 S.; Eckardt, B. Fachsprache als Kommunikationsbarriere? Verständigungsprobleme zwischen Juristen und Laien / B. Eckardt. – Wiesbaden: Dt. Univ. Verl., 2000. – 157 S.
7. Otto, W. Die Paradoxie einer Fachsprache / W. Otto // Der öffentliche Sprachgebrauch. – Band. II. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – S. 44–57; Sandrini, P. Translation zwischen Kultur und Kommunikation: Der Sonderfall Recht / P. Sandrini // Übersetzen von Rechtstexten. – Tübingen: Narr: Gunter Narr Verlag, 1999. – S. 9–44; Eriksen, L. Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache / L. Eriksen // Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12th European Symposium on Language for Special Purposes. – Bruxelles/Bressanone. – 1999. – S. 1–19; Cornu, G. Linguistique juridique / G. Cornu. – Paris: EJA, 2005. – 449 p.
8. Engberg, J. Konventionen von Fachtextsorten: kontrastive Analysen zu deutschen und dänischen Gerichtsurteilen Forum für Fachsprachen-Forschung / J. Engberg. – Tübingen: Narr: Gunter Narr Verlag, 1997. – 308 S.; Berteloot, P. Der Rahmen juristischer Übersetzungen / P. Berteloot // Recht und Übersetzen. – Baden-Baden: Nomos, 1999. – S. 101–113; De Groot, G.-R. The Quality of Legal Dictionaries: an assesment / G.-R. De Groot. – Maastricht: University of Maastricht, 2008. – 63 p.
9. Endicott, T. Law and Language. Jurisprudence and Philisophy of Law / T. Endicott. – Oxford, 2002. – Pp. 935–968; To, C. Confidentiality in Arbitrations // Legal Discourse across Cultures and Systems / C. To. – Hong Kong, 2008. – 242 p.; Mattila, H. Legal Vocabulary. The Oxford Handbook of Language and Law / H. Mattila. – Oxford, 2012. – 260 p.
10. Bhatia, V. Specification in Legislative Writing: Accessibility, Transparency, Power and Control / V. Bhatia // The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. – London: Routledge, 2010. – Pp. 37–50; Stygall, G. Legal writing: Complexity: Complex documents / G. Stygall // The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. – London: Routledge, 2020. – Pp. 32–47; Tiersma, P. Legal Language / P. Tiersma. – Chicago, 1999. – 312 p.
11. Olsson, J. Forensic Linguistics / J. Olsson. – Trowbridge: Cromwell. Pr., 2008. – 256 p.; Coulthard, M. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence / M. Coulthard, A. Johnson, D. Wright. – London: Routledge, 2007. – 253 p.; Будаев, Э.В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1(73). – С. 122–126; Gibbons, J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System / J. Gibbons. – Oxford: Blackwell, 2003. – 346 p.
12. Полякова, Я.В. Некоторые вопросы истории и современных тенденций развития юридической лингвистики в зарубежных странах / Я.В. Полякова // Вестн. Донбас. юрид. акад. – 2022. – № 20. – С. 83–92.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Об отношении человека к мечте (на материале русских устойчивых выражений)

Ничипорчик Е.В.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Гомель

Фрагмент русской языковой картины мира, который может быть реконструирован на основании анализа устойчивых выражений с компонентом «мечта»/«мечтать», до настоящего времени не был объектом специального научного анализа. Цель исследования заключается в выявлении корпуса таких единиц и общей характеристике их прагматических свойств, проливающих свет на отношение носителей языка к феномену мечты.

Материал и методы. В качестве источников фактического материала использованы современные фразеологические и паремнологические словари. Верификация востребованности устойчивых выражений осуществлялась с опорой на Национальный корпус русского языка, поисковые ресурсы Google. В процессе интерпретации полученных данных применялись методы семантического, контекстуального и количественного анализа.

Результаты и их обсуждение. В русском языке отмечается более двух десятков устойчивых выражений с компонентом «мечта»/«мечтать». Среди фразеологизмов и крылатых выражений есть единицы, характеризующиеся относительно высокой степенью востребованности, и единицы малоупотребительные. Пословичные выражения с компонентом «мечта»/«мечтать», кроме выражения «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», весьма эпизодично употребляются в речи. Наиболее актуальными семантическим признаками устойчивых выражений с компонентом «мечта»/«мечтать» являются признаки 'желательность' и 'нереальность'.

Заключение. Судя по семантике и функциональным свойствам исследованных устойчивых выражений, мечта как психо-эмоциональный феномен характеризуется положительной значимостью для носителей русского языка. В то же время в русской языковой картине мира находит отражение иронически-шутливое отношение к мечте, объясняемое, скорее всего, установкой на сглаживание негативного эффекта от огорчения, связываемого с осознанием несбыточности заветных желаний.

Ключевые слова: феномен мечты, слово, устойчивое выражение, значение, семантический признак, употребление, отношение, словарь.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 37–43)

About a Person's Attitude to Dreams (Based on Russian Set Expressions)

Nichiporchik E.V.

Education Establishment "Francysk Skoryna State University of Gomel", Gomel

The fragment of the Russian linguistic picture of the world, which can be reconstructed based on the analysis of set expressions with the component of "a dream"/"to dream", has not been the object of special scientific analysis until now. The purpose of the study is to identify the diversity of such units and general characteristics of their pragmatic properties which shed light on the attitude of native speakers to the phenomenon of dreams.

Material and methods. Modern phraseological and paremiological dictionaries were used as sources of factual material. Verification of the demand for set expressions was carried out based on the National Corpus of the Russian Language and Google search resources. In the process of interpreting the obtained data, methods of semantic, contextual and quantitative analysis were used.

Findings and their discussion. In the Russian language there are more than two dozen stable expressions with "a dream"/"to dream" component. Among phraseological units and set expressions, there are units characterized by a relatively high degree of demand and units that are rarely used. Proverbial expressions with the component of "a dream"/"to dream", except for the expression "A soldier is bad if he does not dream of becoming a general," are used very sporadically in speech. The most relevant semantic features of set expressions with the component "a dream"/"to dream" are the attributes of 'desirability' and 'unreality'.

Conclusion. Judging by the semantics and functional properties of set expressions, dream as a psycho-emotional phenomenon is characterized by positive significance for native speakers of the Russian language. At the same time, the Russian language picture of the world reflects an ironic and playful attitude towards dreams, which is most likely explained by the intention to weaken the negative effect of grief associated with the awareness of the ephemeral nature of cherished desires.

Key words: dream phenomenon, word, set expression, meaning, semantic feature, use, attitude, dictionary.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 37–43)

Внутренний мир человека сокрыт от непосредственного наблюдения. В то же время вся жизнь человека есть проявление его внутреннего мира: воплощение его убеждений, характеризующихся относительной устойчивостью, и стремлений, меняющихся под воздействием разного рода факторов. Мечты принадлежат внутреннему миру человека и являются важнейшим элементом его духовной жизни [1, с. 4]. Психологи трактуют мечту как установку, формируемую на основе воображения [2, с. 13], как специфическую модель желаемого будущего [1, с. 5] и как феномен культуры [2, с. 12].

Словарные дефиниции лексемы *мечта* проливают свет на своеобразие мечты как психоэмоционального феномена. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой находим три значения слова, которые по своей сути определяют лишь «объект» мечтаний: 1) ‘что-либо воображаемое, мысленно представляемое и очень желаемое; предмет желаний, стремлений’; 2) ‘мысленный образ чего-либо сильно желаемого, манящего’; 3) ‘что-либо нереальное, неосуществимое, недостижимое’ [3]. В словаре Д.В. Дмитриева указывается еще и предикатное значение этого слова, то есть вскрывается оценочный семантический потенциал лексемы: «В разговорной речи вы называете мечтой то, что достойно самой высокой похвалы – *Платье вышло – просто мечта*» [4]. Д.В. Дмитриев также отмечает, что «мечтой называют то, что никогда не осуществится и существует только в воображении» – *Всё это только мечты* [4]. Самое объемное определение слова *мечта* дано в словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой: 1) ‘Что-либо созданное воображением, фантазией. Раздумье’; 2) ‘Процесс создания в воображении каких-л. образов, представляемых как существующие’; 3) ‘Мысль, дума о чем-либо сильно желаемом, манящем; стремление, желание’; 4) ‘О чем-либо являющемся пределом желаний’ (употребляется как высшая оценка чего-либо); 5) ‘О чем-либо нереальном, несуществующем или неосуществимом’ [5, с. 263–264].

Как видим, в лексеме *мечта* представлено множество семантических признаков, с одной стороны, вычленяющих в реальном мире мыслящего, одержимого чувствами субъекта, с другой – отсылающих к миру нереальному, несуществующему, но наполненному образами и гипотетическими ситуациями, моделируемыми по подобию ситуаций, наблюдаемых в реальной действительности. Специфичность мечты как психоэмоционального феномена и феномена культуры обуславливает повышенный интерес к нему ученых, представляющих разные сферы научного знания: психологов, социологов, политологов, лингвокогнитологов и лингвокультурологов (см. работы Т.В. Юрьевой [1]; П.А. Егоровой [2]; С.А. Сергеева [6]; А.А. Ивановой [7] и др.).

Чтобы было понятно, почему лингвистический интерес к феномену мечты оправдан, обратим внимание на высокую ономаσιологическую значимость слова *мечта* в современном мире. В своих мечтах

человек давно покинул пределы земного пространства и активно использует слово *мечта* для наименования космических объектов: так, один из кратеров на Луне получил название «Море мечты»; одним из названий первого спутника, запущенного на Луну, было название «Мечта». Если обратиться к тому, что окружает нас непосредственно, то, пожалуй, в каждом городе непременно можно найти объекты, которые в своем названии содержат слово *мечта*. К примеру, в Москве есть парк развлечений «Остров Мечты», кафе и ресторан «Мечта», в Мурманске – скульптура «Паруса мечты», студия современного танца «Хрустальная мечта», в Новороссийске – медицинский центр «Мечта», молодежный театр «Мечта», в Санкт-Петербурге – отель «Мечта», ресторан «Мечта», кондитерская «Мечта» и мн. др. Трудно представить, насколько объемным будет список объектов, в названии которых используется сегодня слово *мечта*, если задаться целью исчислить все эти объекты.

Понятие «мечта» оказалось не чуждым и миру политики. Правда, политики придают этому феномену особый статус, квалифицируя его как проявление национального самосознания, определенного типа культуры, мировоззрения, как политическую и/или экономическую доктрину. Многим известно выражение *американская мечта*, ассоциируемое с идеалом жизни жителей США, высоким жизненным стандартом и преуспеванием. Известность выражения *американская мечта* объясняется достаточно давней историей его возникновения, в отличие от иных идеологически и национально маркированных наименований объектов коллективного стремления, таких, например, как *европейская мечта*, *русская мечта*, *китайская мечта*. Примечательно, что названные здесь понятия не получают ныне достаточно строгих дефиниций. Вот что пишет, к примеру, обозреватель ТАСС А. Шитов в статье «Чем российская мечта лучше американской»: «*Всем нам хочется, чтобы наша жизнь была свободной, радостной и счастливой. Всех огорчает, что не всегда еще, по незабвенной формуле Сергея Довлатова, жизнь обгоняет мечту. Поэтому я продолжаю думать о том, существует ли русская мечта и если да, то чем она отличается от других, прежде всего канонической – американской. При первой возможности спрашиваю об этом людей, способных, на мой взгляд, ответить на эти непростые вопросы*» (<https://tass.ru/opinions/15428177>). Интересные ответы на вопросы А. Шитова, одного из ключевых помощников президента России, первого заместителя главы его администрации С. Кириенко. По мнению С. Кириенко, российская, русская мечта, в отличие от американской, не связана с конкуренцией, с желанием стать более богатым, более успешным, чем все остальные; фундаментальное значение для русской мечты и для русского культурного кода имеет справедливость: «*Если несправедливо – то и не надо. По справедливости, по совести, по правде – вот это основа культурного кода*» (<https://tass.ru/opinions/15428177>). Действи-

тельно, в весьма сложных геополитических условиях, сложившихся на рубеже XX–XXI веков, этническая консолидация может и должна осуществляться только на тех основаниях, которые являются общими для всех и каждого, а что может быть более индивидуальным и в то же время более изменчивым под воздействием внешних обстоятельств, чем мечта? Отсюда столь пристальное внимание к феномену мечты у идеологов, политиков и, соответственно, политологов. Заметим, что идея русской мечты поддерживается в России общественным движением, именуемым «Русская мечта». Такое же имя носит исследовательский аналитический центр, представляющий собой научную организацию Северо-Западного института РАНХиГС – крупнейшего регионального кампуса Президентской академии в Санкт-Петербурге.

Разумеется, все эти факты свидетельствуют о необходимости изучения феномена мечты, актуальности исследования этого феномена специалистами разного профиля. Лингвистический подход к изучению феномена мечты, соответствующий современным исследовательским установкам, – это подход, выявляющий движение мысли от анализа семантики и функциональных свойств языковых обозначений к обобщениям, вскрывающим отношение человека к объектам именования. Феномен мечты в призме его языковых обозначений и речевых интерпретаций, на наш взгляд, еще недостаточно изучен. Итогом диссертационного исследования С.А. Сергеева «Особенности объективации концепта “мечта” в русской языковой картине мира» стало выявление основных когнитивных моделей и концептуальных метафор, с помощью которых выражаются признаки концепта «мечта» в языке [6]. С аналогичных позиций описывается материал в статье А.А. Ивановой «Этнокультурная специфика понимания константы ‘мечта’ в английской и французской языковой картине мира» [7]. По нашим наблюдениям, в тени остались русские устойчивые выражения с ключевым именем концепта в качестве компонента, что и определило выбор объекта исследования. Цель исследования заключается в выявлении корпуса русских устойчивых выражений с компонентом «мечта»/«мечтать» и самой общей характеристике их прагматических свойств, проливающих свет на отношение носителей языка к феномену мечты.

Материал и методы. В качестве источников фактического материала были использованы современные фразеологические и паремиологические словари. Востребованность устойчивых выражений верифицировалась с опорой на Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>) (далее – НКРЯ), поисковый ресурс Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams>). В процессе интерпретации полученных данных использовались методы семантического, контекстуального и количественного анализа.

Результаты и их обсуждение. Корпус устойчивых выражений с компонентом *мечта* или *мечтать* в русском языке невелик, в то же время он представлен раз-

ными типами сочетаний, сохраняющих стабильность структуры при употреблении в речи, это – фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения.

Если мы обратимся к самому объемному собранию метких устойчивых выражений экспрессивно-образного характера, отграничиваемых составителями словаря от пословиц по признаку отсутствия назидательного смысла и предложенческой структуры, а именно, к «Большому словарю русских поговорок» [8], то в этом словаре находим 11 единиц с компонентом *мечта*.

В их числе есть разговорные единицы, хорошо знакомые всем носителям языка: *голубая мечта* (‘идиллическая, часто недостижимая цель, мечта’) [8, с. 400]; *розовые мечты* (‘романтические, часто несбыточные мечты о прекрасном’) [8, с. 400]. Экспрессия таких фразеологизмов заключается в интенсификации семантических признаков ‘желательность’ и ‘гипотетичность достижения’.

Оба выражения востребованы носителями языка, что свидетельствует об актуальности соответствующих когнитивных признаков в реконструируемом образе действительности. Сочетание *голубая мечта* фиксируется в 85 контекстах Основного корпуса НКРЯ и 174 контекстах Газетного корпуса (центральные СМИ): *Голубая мечта конструкторов – соединить в одном материале технологичность быстро и легко обретающей любые формы пластмассы и высокую прочность металлов* (А. Черешнев. Сопромат XXI века // «Зеркало мира», 2012); *Голубая мечта физиков – найти Уравнения Мира, решая которые можно было бы предсказывать и изучать свойства иных миров* (В. Барашенков, Михаил Юрьев. Тепло из холода // «Знание – сила», 2005).

Сочетание *розовые мечты* и его вариант *розовая мечта* отмечены в 49 контекстах Основного корпуса НКРЯ, 62 контекстах Газетного корпуса: *Но таковы были розовые мечты теории, – с усмешкой заметил по этому поводу Л.А. Арцимович. – На самом деле в эксперименте не все происходит так просто* (О. Писаржевский. Как было изготовлено звездное вещество // «Юный Техник», 1956 № 2); *Появились и совсем розовые мечты: мол, из «калининградского транзита» со временем вырастет безвизовый въезд россиян в Европу, да и вообще – почему бы нам в ЕС в каком-то отдаленном будущем не вступить?* (Г. Бовт. Разлюбили ли Европа Россию // Известия, 25.01.2004).

Как видим, сочетание *розовые мечты* оказывается менее востребованным, чем синонимичное ему выражение *голубая мечта*; и при употреблении сочетания *розовые мечты* в речи заметно элиминирование признака ‘нечто прекрасное’. Есть различия и во времени востребованности выражений носителями языка: из 49 употреблений сочетания *розовые мечты/розовая мечта* в Основном корпусе НКРЯ 32 употребления относятся к XIX веку, первые же фиксации выражения *голубая мечта* в текстах НКРЯ – к началу XX века. Это кажется удивительным и требует специального

изучения, потому что есть мнение, что выражение *голубая мечта* появилось по ассоциации с образом голубого цветка, являющегося символом несбыточной мечты, прекрасного идеала в произведениях немецкого романтизма, – направления в искусстве, получившего распространение в немецкоязычных странах Европы с конца XVIII до середины XIX века [9].

Составители «Большого словаря русских поговорок» к числу разговорных относят также выражение *мечта импотента* (шутливо-ироническое; ‘обелиск на площади Победы в Санкт-Петербурге’, ‘любой памятник в виде стелы, шпиля’) [8, с. 400]. Фиксации этого выражения, хотя и немногочисленные, тоже наблюдаются в НКРЯ (4 употребления в Основном корпусе, столько же в Газетном): *Здесь пафос чужд, люди любят добродушно подшутить над чем угодно: один из фешенебельных небоскребов, «Транс Америка», шпилем гордо пронзающий облака, местные остряки прозвали «мечтой импотента»* (Л. Шамина. *Город в стиле диско* // Труд-7, 06.05.2008); *Гостиницу «Космос» ласково кличут «Полстаканом», расположенные неподалеку памятник советской космонавтике и скульптура «Рабочий и колхозница» известны как «Мечта импотента» и «Свинарка и пастух» («Полстакана» за «Мечту импотента»* // Аргументы и факты, 05.29.2002).

Есть среди выражений с компонентом *мечта*, зафиксированных в «Большом словаре русских поговорок», и выражения ограниченного употребления. Все они характеризуются шутливой или шутливо-иронической коннотацией: *мечта идиота* (жаргонное, студенческое, шутливо-ироническое; ‘пятый курс’) [8, с. 400]; *мечта мазохиста* (жаргонное, студенческое, шутливо-ироническое; ‘циркуль’) [8, с. 400]; *мечта о хорошей жизни* (жаргонное, студенческое; ‘лестница в школе’) [8, с. 400]; *мечта Пикассо* (жаргонное, молодежное, шутливо-ироническое; ‘некрасивая, непропорционально сложенная девушка’) [8, с. 400]; *мечта таракана* (жаргонное, молодежное, шутливое ‘небольшая, незначительная мечта’) [8, с. 400]. К выражениям ограниченного употребления относятся также областные выражения: *взять в мечты* (сибирское, ‘задуматься о чем-то’) [8, с. 400]; *выкидывать мечты* (карельское, ‘размышляя, приходиться к каким-либо решениям проблемы’) [8, с. 400]. Ни одно из этих выражений не обнаруживает фиксаций в текстах НКРЯ, что закономерно по причине неочевидности, неясности для большинства носителей языка мотивационного признака, положенного в основу наименования.

Зафиксировано в «Большом словаре русских поговорок» и крылатое выражение, источником которого является произведение И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», – *сбылась мечта идиота* (‘о неожиданном осуществлении заветного желания’) [8, с. 400]. В словаре это выражение характеризуется как жаргонное, молодежное, шутливое, однако удачно найденный образ, широкая известность литературного претекста обеспечили ему достаточно высокую

степень востребованности носителями языка (52 употребления в Основном корпусе НКРЯ, 61 – в Газетном). Функционирует выражение *сбылась мечта идиота* как в каноническом, так и в редуцированном варианте; без глагольного компонента выражение обычно используется в значении ‘заветное, авантюрное желание’. Контекстуальные употребления выражения *сбылась мечта идиота* выявляют смысловые переклички с прецедентным текстом, но зачастую связь с текстом-источником оказывается неактуальной, особенно при функционировании выражения в редуцированном виде: «*Сбылась мечта идиота*», – сказала я себе, вспомнив незабвенного Остапа Бендера с его неукротимой мечтой о богатстве. *Моя мечта, правда, была куда скромнее: купить горные лыжи* (Л. Безрукова. *На чем катить по снежному склону* // Труд-7, 14.12.2007); *Представления о рае были смешные – эдакая помесь из обложки «Плейбоя», газеты «Правды», вывернутой «наизнанку», и общих детских грез о «красивой жизни», где «все поголовно в белых штанах». Сбылась мечта идиота! Доллар пришел к нам, «измученным нарзаном», пришел «через головы поэтов и правительств»* (С. Авдеев. *Дурная кредитная история* // Комсомольская правда, 18.07.2006); *Именно в Лондоне сборная России смогла повторить сиднейское достижение гандболистов, которые долгое время были единственной сборной, выступающей в игровых видах спорта, завоевавшей олимпийское золото. «Сбылась мечта идиота. Говорят, нельзя войти дважды в одну реку, но я попытался», – сказал Аленко после финала* (А. Владимирова. *Российские волейболисты в Лондоне завоевали историческое золото* // РИА Новости, 12.08.2012); *По общему настроению все было так ужасно, что больше двух дней я не выдержала. – А в Москве давно живете? – С 1997 года. У меня была мечта идиота – учиться в МГУ, на журфаке. Удалось поступить только в Питер, а через 2 года затосковала и перевелась.* (О. Вандышева. *Телеведущая Асет Вацуева: За русского выходить замуж мне нельзя* // Комсомольская правда, 25.07.2005).

В словарях фиксируется еще одно выражение, источником которого стало другое произведение И. Ильфа и Е. Петрова («Двенадцать стульев»), – *знойная женщина, мечта поэта*, в редуцированном варианте *мечта поэта* (‘о знойной женщине’) [10, с. 412; 611]. И это выражение фиксируется в значительном количестве текстов НКРЯ: *Однако сотрудник газеты «Станок» не согласился с мнением брошенной Бендером «знойной женщины и мечты поэта» и заявил: «Я сам в желтых ботинках»* (Н. Лебина. *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю* (2015)); *Я вдруг спасительно осознала вымышленность, легендарность Прекрасных Дам, Мечт Поэтов, всех этих Лаур и Беатричей* (Г. Шергова. *...Об известных всем* (2002–2004)); *Но тут из кухни выплыла мечта поэта и пышной грудью преградила проход* (К. Конюхова. *Повара грудью защитили детские пирожки* // Комсомольская правда,

22.03.2013). Интересно, что выражение *мечта поэта* для оценки прекрасных женщин использовалось в художественной литературе и до появления произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: *Длинные колесницы понеслись по саду, и, право, блестящие дамы двора, которые унижали их, подобно ниткам жемчужным, могли издали показаться мечтой поэта, – так блестящи и воздушны были они... не исключая и меня. На мне тогда было глазетовое платье, которое, не знаю, право, почему, называется при дворе русским, испод белый атласный с золотом...* (А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)); *«Веселящаяся Москва» аплодирует девице Отеро, аплодирует девице Раисовой, слушает «Пару гнедых» от г. Давыдова и «Нищую» от г. Форесто: Она была м-мечтой поэта... Подайте Христа ради ей!* (А. Амфитеатров. Птички певчие (1896–1898)); *Одни говорили мне, что я настоящая Психея, другие находили во мне подобие нимфы, третьи уверяли, что я воплощение мечты поэта* (И. Гриневская. М-ле Роже (1900)). Это же выражение встречается в произведениях М.Ю. Лермонтова, в критических обзорах русской словесности И.В. Киреевского, в публицистике Н.А. Добролюбова и др., правда, в ином значении – ‘грёзы, романтические желания’: *... так иногда вечером облака дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растёт на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака, и упадают росой на бесчувственную землю!* (М. Лермонтов. Вадим (1833–1834)); *Это был один из тех вечеров, которыми щедрый Восток так часто наделяет своих, право, недостойных сынов; один из тех вечеров, которые своею прохладой и ясным темно-синим небом с мерцающею не полною луною и миллионами горящих звезд, воспаляют романтические мечты поэтов, и тревожат самые классические воображения, вызывая и из холодной души высокие думы...* (Н.Т. Муравьев. Письма русского из Персии (1844)).

К числу широко известных относится крылатое выражение *Мечты, мечты, где ваша сладость?*, его источником является написанное в 1816 году стихотворение А.С. Пушкина «Пробуждение» [10, с. 612]. Интересно, что позднее Пушкин вновь обращается к мотиву мечты в другом своем произведении – поэме «Евгений Онегин»: *«Мечты, мечты! где ваша сладость? // Где, вечная к ней рифма, младость?»* (<https://dslov.ru/pos/r360.htm>). Выражение *Мечты, мечты, где ваша сладость?* используется как сожаление о приятных, но не сбывшихся мечтах: *Вот и думаю я иногда: стал бы наш парень теннисным профессионалом, его папа и мама превратились бы в миллионеров, и я вернулся бы к спортивной журналистике... Мечты, мечты, где ваша сладость? Но тогда я поблагодарил мисс Робинс – так звали нашу ведущую, свободно говорящую по-русски, – пообещал впредь не делать опрометчивых*

шагов, но от дальнейшей материальной поддержки отказался (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)); *В период 1980–1984 годов планировалось создание базы-станции на околоземной орбите с персоналом в 50 человек, а к 1989 году – доведение численности до 100 человек. Поистине «мечты, мечты, где ваша сладость!» Сейчас США совместно с Россией, странами западной Европы и Японией создают международную станцию, которая по планам должна иметь к 2002 году персонал всего восемь-двенадцать человек со сроком активного существования 15 лет* (Б. Черток. Ракеты и люди (1999)). Горькой иронией проникнут трансформированный вариант выражения, получивший хождение в интернет-пространстве, – *Мечты, мечты, где ваша сладость? Ушли мечты, осталась гадость* (<https://obsuzhday.com/q/98500368>). Известен и поэтический ремейк, принадлежащий перу Ольги Трубиной, – *Мечты, мечты, где ваша сладость? Мечты сбылись, осталась гадость* (<https://stihi.ru/2002/04/03-76>).

В словаре В.И. Зиминой и А.С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа» есть еще два атрибутивно-именных сочетания со значением несбыточной мечты: *радужные мечты* [11, с. 344]; *наполеоновские мечты* [11, с. 344]. Сочетание *радужные мечты* отмечается как в художественной литературе, так и в публицистике, сочетание же *наполеоновские мечты* оказалось малоупотребительным. Примечательно, что *радужными* обычно называют несбыточные, но чаще всего приятные, романтические мечты: *Он вспомнил свои радужные мечты о том, что правительственный срок будет сокращен намного, что недалек триумф, чествование, орден...* (В. Кетлинская. Мужество (1934–1938)); *А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую Церковь* (Л. Тихомиров. Дневник (1916)).

Есть в русском языке и пословичные выражения, в которых подчеркивается, с одной стороны, особая значимость мечты для человека, с другой – несбыточность заветных желаний: *Без мечты не проживешь* [11, с. 344]; *Человек без мечты, что птица без крыльев* [11, с. 344]; *Не все сбывается, о чем мечтается* [11, с. 344]; *Кто мечтает о победе, о смерти не думает* [11, с. 507]; *Молодость на крыльях летает и мечтой питается* [11, с. 312]; *Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом* [12, с. 118]. Пословичные выражения, в отличие от фразеологических, характеризуются весьма эпизодичной фиксацией в текстах НКРЯ: *Но за душу берет так, что аж на сердце скребет. А для кино, мы как-то стали забывать, главное, это суметь воздействовать на зрителя. Поэтому 10 из 10. Человек без мечты, что птица без крыльев. Поими, Петя, мир состоит из умных и глупых, из сильных и слабых, из тех, кто может свою судьбу перевернуть и из тех, кто плывет по течению. Вот ты смог,*

я смог. А Коля этот, у него мечты нет! (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008–2011)). Исключение составляет выражение *Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом* (зафиксировано 11 употреблений в Основном корпусе и 40 – в Газетном, в том числе с вариативным компонентным составом); в данном случае высокую востребованность пословицы можно объяснить привлекательностью и прозрачной мотивированностью метафорического сценария: *И мы их возьмем в полном комплекте. Думаю, «Зениту» вполне по силам выйти в финал Лиги чемпионов! Я серьезно: зачем ставить другие цели? Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Избитая фраза, но именно по этому пути идет «Зенит»* (А. Боярский. «Широков – Перельман российского футбола»). Эксперты разбирают лигочемпионские баталии наших клубов // Советский спорт, 24.10.2011); *Это только в армии плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Актеру же, чье амплу пропитано пороховым дымом и кровью, грезятся вовсе не звездные погоны в следующей роли. Ему хочется психологизма и глубины образа. Иначе плох тот актер* (Е. Венгерова. Гуськов, которого не пугаются дети (2002) // «Домовой», 04.05.2002); *Не зря у шахмат существовала поговорка: «Плох тот солдат, который не мечтает стать королевой»* (Е. Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)).

К числу расхожих выражений, но пока не зафиксированных в словарях, относится выражение *мечтать не вредно*. Интересны «народные» дефиниции выражения и комментарии, касающиеся его оценочных коннотаций. По мнению блогера А. Калачёва, фраза *Мечтать не вредно* обычно произносится с легким пренебрежением и подтекст ее таков: «*Все твои мечты – полная ерунда, потому что все это – “нереально”, а потому займись-ка лучше “делом”*». Далее блогер замечает: «*Так часто говорят и родители, и учителя – из самых лучших побуждений. Они же “лучшие знают”, что принесёт счастье их подопеч-*

ным. Однако, почти все достижения – от великих, для всего человечества, до глубоко личных – начинались именно с мечты. Смешной, наивной, и, конечно, не реальной. Мечта всегда нереальная, иначе она была бы просто “целью” и “планом”» (<https://mel.fm/blog/aleksey-kalachev/47652-mechtat--ne-vredno>). Наличие легкого иронического «шлейфа», отмеченного блогером у выражения *мечтать не вредно*, подтверждается наблюдениями над употреблением этого выражения в речи: «Труд» поздравляет Владимира Каданникова с днем рождения и желает, чтобы еще через 65 лет название фирмы «ВАЗ» произносили с не меньшим уважением, чем сегодня автомобилисты говорят о наследниках Порше. Скептики скажут: *мечтать не вредно. Но когда ж и пометать, как не в юбилей?* (А. Проценко. Моложе «Жигулей» // Труд-7, 02.09.2006).

Если доверять поисковому ресурсу Google Books Ngram Viewer, выражение *мечтать не вредно* вошло в активный узус с начала 80-х годов прошлого столетия (рис.).

Подтверждение этому находим и в НКРЯ: выражение *мечтать не вредно* фиксируется в НКРЯ с конца XX века (13 употреблений в Основном корпусе и 57 – в Газетном): *Может быть, вы прочитали о миллионерах, обладающих яхтами, личными самолетами, дворцами, имеющих десяток любовниц? Что ж, мечтать не вредно! Но стоит ли так мечтать?* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (1999)); *Конечно, Даут очень хотел бы поехать вместе с Кириллом, но мечтать не вредно: взрослые парни, конечно же, они понимали, что это невозможно* (Д. Бавильский. Чужое солнце (2012)). О том, что это выражение *мечтать не вредно* воспринимается как расхожее, говорит использование соответствующих метаоператоров: – *Ну что я тебе сказать могу? – хмыкнул Равиль. – Мечтать – не вредно, как говорится. Только шеф – он потому и шеф, что не мечтает, а конкретно людьми типа нас руководит* (А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)); **Как говорится, мечтать не вредно,**

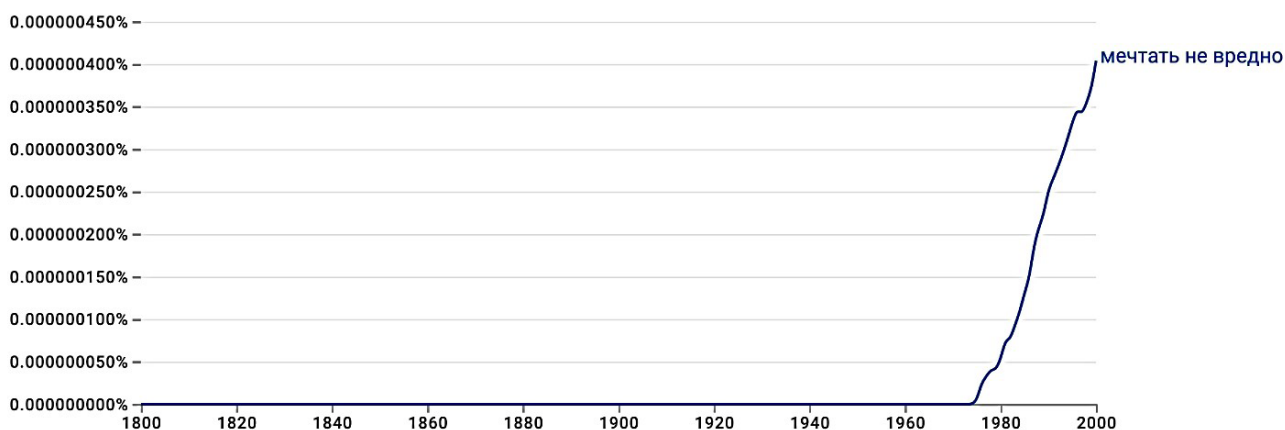

Рис. Показатели частотности фиксации выражения в поисковом ресурсе Google Books Ngram Viewer

а вот куда и когда конкретно обратиться – не знаю (Где набирают в артисты // Аргументы и факты, 04.26.2000); *Мечтать не вредно, против этой народной мудрости и Минздраву возразить нечего* (Цирковой браслет: навсегда избавит вас от 100 евро // Аргументы и факты, 06.30.2004).

О вхождении выражения *мечтать не вредно* в узус свидетельствует его использование в качестве названия для кинофильмов: российской комедии 2005 года Евгения Лаврентьева (<https://www.kinopoisk.ru/film/84225/>); российской мелодрамы 2007 года Сайдо Курбанова (<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/11295/annot/>); украинской мелодрамы 2012 года Юрия Павлова (<https://www.kinopoisk.ru/film/734862/>). Есть фильмы дальнего зарубежья с названием «Мечтать не вредно»: французская кинокомедия 1991 года Пьера Ришара (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>), британская комедия 2014 года Фэррена Блэкберна (<https://www.film.ru/movies/mechtat-ne-vredno-2>).

Примечательно, что выражение *мечтать не вредно* употребляется также и с дополнительной второй частью, которая строится на контрасте по отношению к первой и зеркально воспроизводит ее структуру, – *Мечтать не вредно – вредно не мечтать*: «Приветствую такую активность оппонентов, но рано делить шкуру неубитого медведя, мечтать не вредно, вредно не мечтать», – комментирует единоросс Вячеслав Тимченко, в пятом созыве председательствовавший в комитете Госдумы по вопросам местного самоуправления (С. Макунина. «Справедливая Россия» потребует второго первого вице-спикера Госдумы // РБК Дейли, 13.12.2011). В настоящее время затруднительно определить, связывается ли появление выражения *Мечтать не вредно – вредно не мечтать* со стихотворением И. Расшиваловой, которое так и названо «Мечтать не вредно – вредно не мечтать!» (<https://stihi.ru>). Важно то, что выражение востребовано современным носителем языка, а это означает, что в наш прагматичный век мечта не утрачивает своей положительной роли в жизни человека.

Заключение. Итак, проведенный нами анализ позволил прийти к следующим выводам. В русском языке отмечается небольшое количество устойчивых выражений с компонентом *мечта/мечтать*, среди них есть как общеупотребительные единицы, так и единицы ограниченного употребления. Несмотря на богатство семантических признаков, входящих в структуру значения слова *мечта*, в устойчивых сочетаниях, характеризующихся востребованностью у носителей языка, наиболее актуальными являются семантические признаки ‘желательность’ и ‘нереальность’.

Судя по семантике и функциональным свойствам исследованных устойчивых выражений, мечта как психоэмоциональный феномен характеризуется положительной значимостью для носителей русского языка.

В то же время в русской языковой картине мира находит отражение иронически-шутливое отношение к мечте, объясняемое, скорее всего, установкой на сглаживание негативного эффекта от огорчения, связываемого с осознанием несбыточности заветных желаний. Ироническая коннотация характерна и для относительно нового устойчивого выражения *мечтать не вредно*.

Литература

1. Юрьева, Т.В. Влияние мечты как модели будущего на лично-профессиональное развитие студента: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Т.В. Юрьева; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 24 с.
2. Егорова, П.А. Адаптивные функции мечты и процесса мечтания / П.А. Егорова: резюме дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / П.А. Егорова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва, 2022. – 50 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Толковый онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>. – Дата доступа: 01.11.2023.
4. Дмитриев, Д.В. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д.В. Дмитриев. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev>. – Дата доступа: 01.11.2023.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 2. К–О, 1986. – 736 с.
6. Сергеев, С.А. Особенности объективации концепта мечта в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Сергеев; Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
7. Иванова, А.А. Этнокультурная специфика понимания константы ‘мечта’ в английской и французской языковой картине мира / А.А. Иванова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Вып. 52. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 10(225). – С. 60–62.
8. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
9. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В.В. Серов. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords. – Дата доступа: 01.11.2023.
10. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. 1. А–М. – 658 с.
11. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – 2-е изд., стереотип. – Ростов н/Д: Феникс, М.: Цитадель-трейд, 2005. – 544 с.
12. Русские пословицы и поговорки: сост. К.Г. Берсеньева. – М.: Центр-полиграф, 2004. – 383 с. / Й. Рюзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – Вып. 7. – С. 150–167.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Отражение истории языка в региональной ономастике XXI века (на материале коммерческих урбанонимов Владимирской области)

Пименова М.Вас.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Владимир

Актуальность изучения региональной ономастики предопределена общим развитием регионалистики как комплексного направления лингвокультурологии.

Цель статьи – анализ региональных онимов последних десятилетий, восходящих к древним устойчивым единицам.

Материал и методы. *Языковым материалом исследования послужили коммерческие урбанонимы Владимирской области (современные названия магазинов, ресторанов, кафе, салонов, фирм, компаний, предприятий и т.п.), использующие древнерусские парные именованья и/или построенные по исконным семантическим и структурным моделям. Основу методологии исследования составили труды, посвященные региональной лингвистике (А.С. Герд, В.А. Маслова, В.И. Теркулов), пространственным и временным процессам варьирования языка (Р.А. Будагов, В.Г. Гак, К.С. Горбачевич, В.Н. Немченко, В.М. Солнцев), концептуальным формам русской ментальности (А.А. Потебня, В.В. Колесов) и т.д. В процессе интерпретации языкового материала использовались общенаучные и частные (собственно лингвистические) методы.*

Результаты и их обсуждение. *Сопоставительный анализ современного и исторического материала показал, что анализируемые региональные онимы восходят к древнерусским нерасчлененным выражениям, которые состоят из двух принадлежащих к одной части речи «парных» слов с синкретичным значением, объединенных сочинительной связью (типа хлеб-соль, гуси-лебеди, стар и млад, совет да любовь, печки-лавочки, черное и белое и др.). Коммерческие урбанонимы или напрямую используют/заимствуют данные единицы, или же подвергают их структурно-семантическим изменениям, заменяя/меняя местами компоненты, применяя новые лексемы и современные семантические модели, но сохраняя древнюю структурную модель.*

Заключение. *В составе региональной ономастической лексики Владимирской области широко представлены коммерческие урбанонимы, использующие структурно-семантические модели древнерусских устойчивых единиц в измененном или исконном виде. Дальнейшее изучение подобного языкового материала позволит наглядно представить историю языка как единый процесс, отражающий ментальность (национальное со-знание) и культуру народа.*

Ключевые слова: *региональная ономастика, пространственное и временное варьирование, коммерческие урбанонимы, история языка, структурная модель, синкретичное значение, синкретема, парное именование.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 44–47)

Reflection of the History of the Language in the Regional Onomastics of the 21st Century (Based on the Materials of Commercial Urbanonyms in Vladimir Region)

Pimenova M.Vas.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
"Vladimir State A.G. and N.G. Stoletovs University", Vladimir

The importance of the study of the regional onomastics can be explained by the general development of regionalistics as an integrated part of linguistic cultural studies.

The purpose of this work was to analyze regional onyms that have been in use in recent decades but originate from old-time set lexical units.

Адрес для корреспонденции: e-mail: pimenova-vgpu@yandex.ru – М.В. Пименова

Material and methods. The linguistic materials of the study were commercial urbanonyms of Vladimir Region (modern names of shops, restaurants, cafes, salons, firms, companies, enterprises, etc.) that use Old Russian paired names and/or are constructed according to the original semantic and structural models. The research methodology was based on works on regional linguistics (A.S. Gerd, V.A. Maslova, V.I. Terkulov), spatial and temporal processes of language variations (R.A. Budagov, V.G. Gak, K.S. Gorbachevich, V.N. Nemchenko, V.M. Solntsev), conceptual forms of the Russian mentality (A.A. Potebnya, V.V. Kolesov) and others. The linguistic materials were interpreted with the application of scientific and special (linguistic) methods.

Findings and their discussion. The comparative analysis of present-day and historic materials showed that the analyzed regional onyms go back to Old Russian undividable expressions that consist of two "paired" words belonging to the same part of speech and having a syncretic meaning and are united by a compositional connection (such as bread-salt, geese-swans, old and young, consent and love, stoves-benches, black and white, etc.). Commercial urbanonyms either use/borrow these paired units directly, or subject them to structural and semantic changes by replacing/swapping their components, introducing new lexemes and contemporary semantic models, yet preserving their old-time structural models.

Conclusion. Local onomastic vocabulary of Vladimir Region has a wide variety of commercial urbanonyms that use structural and semantic models of Old Russian stable lexical units in modified or original forms. Further research into these linguistic materials can help represent the history of the language as a continuous process reflecting the people's mentality (national consciousness) and culture.

Key words: regional onomastics, spatial and temporal variation, commercial urbanonym, language history, structural model, syncretic meaning, syncretism, paired naming.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 44–47)

Профессор Валентина Авраамовна Маслова указывает на интенсивное развитие в последние десятилетия «наряду с процессами глобализации (и в противовес им)» комплексной гуманитарной дисциплины – **регионалистики** и в ее рамках – актуального языковедческого направления – **региональной лингвистики**, появление которой «закономерно в границах общей большой проблемы варьирования языка в пространстве» [1, с. 8]. Как известно, изучением варьирования занимались Р.А. Будагов, В.Г. Гак, Л.К. Граудина, К.С. Горбачевич, Н.Г. Михайловская, В.Н. Немченко, Р.П. Рогожникова, В.М. Солнцев, В.Н. Ярцева и т.д. Ученые рассматривают различные «типы языкового варьирования – социальное, временное, пространственное, функционально-стилистическое и др.», являющиеся «частью более общей проблемы изменения языка вообще» [1, с. 8].

Предметом нашего рассмотрения выступают два вида варьирования – пространственное и временное – на материале **региональной ономастики**.

Цель статьи – анализ региональных онимов, входящих к древним устойчивым лексико-семантическим единицам.

Материал и методы. В качестве материала исследования привлечена активно развивающаяся в XXI в. группа региональных онимов, включающая в себя **коммерческие урбанонимы**, т.е. «названия кафе, ресторанов, магазинов, салонов красоты, жилых комплексов, фитнес-центров и др.» [2, с. 87]. Среди урбанонимов Владимирской области нами выявлено около 60 двухкомпонентных единиц, объединенных сочинительной связью и состоящих из слов, принадлежащих к одной части речи. Это, например, «существительное + существительное» («Альфа и омега», «Жених и невеста», «Совет да любовь», «Шуры-муры», «Дочки-сыночки», «Мать и дитя», «Леди и беби», «Хлеб-соль», «Елки-палки», «Елки-пальмы», «Лютики-цветочки», «Печки-лавочки», «Гуси-лебеди», «Шапки-тапки», «Иван да чай», «Иван- да-Чайная», «Чай и кофе»,

«ЧайОК-кофеОК», «Овощи-фрукты», «Лосось и кофе», «Паста-пицца», «Плюшки-ватрушки»); «прилагательное + прилагательное» («Стар и млад», «Красное и белое», «Черное и белое»); «глагол + глагол» («Ели-похудели»); «причастие + причастие» («Сказано-сделано»); «наречие + наречие» («Вкусно и сытно», «Вкусно и быстро»); «предлог + предлог» («От и до») и т.д.

В процессе интерпретации языкового материала использовались общенаучные методы, включая анализ, синтез, сравнение, сопоставление, индукцию, дедукцию, и частные (собственно лингвистические) методы и приемы, среди них – сравнительно-исторический, контекстуальный, структурный, метод компонентного анализа и др.

Результаты и их обсуждение. Сопоставительный анализ современного и исторического материала показал, что анализируемые онимы восходят к древнерусским нерасчлененным выражениям, которые рассматривались учеными под различными терминами, среди которых как **фразеологизм**, объединяющий их с современными оборотами, так и «специальные» наименования, «отграничивающие» их от современных фразеологизмов (например, **коллокации**, **литературные/словесные формулы**, **словесные «сращения»**, **устойчивые словесные комплексы**, **формулы-матрицы**, **формулы-синтагмы** – Е.М. Верещагин, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов, М.А. Робинсон С.Г. Шулежкова и др.). Мы согласны с подходом, разграничивающим древние устойчивые сочетания и современные фразеологизмы. Что касается терминологии, то, конечно, предложенные учеными термины справедливы и имеют право на существование, но все они созданы отдельно от какой-либо терминологической системы. Предложенный нами термин **синкретема**, во-первых, указывает на особенности средневековой ментальности – **синкретизм** значения (корень **синкрет-**; **синкрета** – термин В.В. Колесова [3]), во-вторых, вводит термин в ряд единиц других языковых уровней (финаль **-ем-а**: **фонема**, **лексема**, **семема**, **морфема**,

синтаксема и т.д.). Схематично представим основные отличия синкретем от ядерных фразеологизмов (табл.).

«Парные» синкретемы изучаются исследователями с использованием следующей терминологии: *парные именованья, дублеты, бинарные формулы-матрицы, «сдвоенные» формулы, паратактические выражения, гендиадис, синонимические пары с союзами «и/да»* и т.п. (Франц Миклошич, А.А. Потебня, А.П. Евгеньева, В.В. Колесов, Ф.Н. Двинятин, М.В. Артамонова, У Ляньлянь и др.). Данные устойчивые «парные» единицы встречаются в древнерусских текстах всех типов: народно-литературном (*гуси-лебеди, путь-дорога, калинка-малинка*); деловом (*татьба и разбои, суд да дело, воры и плуты*); книжно-славянском (*лѣпота и красота, радость и веселье, честь и слава*). Значения парных именованний «...указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: *мать и отец* – ‘родители’, *день и ночь* – ‘сутки’, *небо и земля* – ‘вселенная’, *стѣмо и овамо* – ‘езде’, *щит и меч* – ‘оружие’ и др.» [4, с. 61]. Синкретичное значение парности образуется между однородными и разнородными сущностями [5, с. 60–82].

В современном русском языке подобные устойчивые лексико-семантические единицы продолжают функционировать, причем среди них фиксируются как ведущие свою историю от древних источников (*гуси-лебеди, день и ночь, радость и веселье, хлеб да соль, щит и меч, жизнь и смерть, стыд и срам*), так и вновь созданные по исконным моделям (*базар-вокзал, вкривь и вкось, вокруг да около, житье-бытье, елки-палки, купля-продажа, любовь-морковь, песни-пляски, пошло-поехало, пьянка-гулянка, туда-сюда, увы и ах, шито-крыто* и др.) [6].

Аналогично и среди региональных онимов есть как восходящие к исконным синкретемам, так и современные единицы, построенные по «парной» модели.

Приведем примеры «исконных» коммерческих урбанонимов Владимирской области: бюро переводов «*Альфа и омега*», юридическая компания «*Сказано – сделано*», салон «*Жених и невеста*», организующая свадьбы фирма «*Совет да любовь*», продуктовый магазин «*Хлеб да соль*», распространяющая реабилитационные средства компания «*Стар и млад*», кафе «*Гуси-Лебеди*», ресторан «*Черное и белое*» и т.п.

Урбаноним «От и До» (‘полный охват чего-либо’) образован путем «усечения» исконной синкретемы *от альфы до омеги*. Это название употребляется по отношению к разным по своему профилю фирмам – агентство недвижимости, дизайн-студия, строительная компания, шиномонтаж – и магазинов различной специализации – продукты, обувь, одежда, мебель и т.д.

В ряде номинаций варьируется форма написания, не влияющая на семантику: второй компонент может начинаться с прописной или строчной буквы, между компонентами может отсутствовать пробел или использоваться союз/дефис/амперсанд, например: «*ДочкиСыночки*», «*Дочки-сыночки*», «*Хлеб да Соль*», «*Хлеб & Соль*», «*Хлеб-соль*», «*Хлеб и соль*», «*Красное и белое*», «*Красное & Белое*» и т.п.

Следующая частотная группа состоит из урбанонимов, образованных на основе древних, но видоизмененных единиц. Чаще всего наблюдается замена одного из компонентов исконного парного именованья. Например, в названии клиники «*Мать и дитя*» первый компонент совпадает с синкретемой *мать и отец* (‘родители’), а второй заменяется, создавая оппозицию ‘женщина – ребенок’. Эта оппозиция присутствует также в номинации имеющей игровую комнату для детей студии маникюра «*Леди & беби*», состоящей из записанной кириллицей англоязычной пары. В названии туристической фирмы «*Елки-пальмы*» присутствует первый компонент парного именованья *елки-палки*, а второе слово заменяется обозначением вида растений, растущих на юге, в связи с чем сочетание приобретает новое значение – ‘от севера до юга’ (вм. *елки-палки* – «традиционный эвфемизм в знач. междометия, выражающего различные чувства: удивление, восхищение и др.» [7, с. 171]). Вывеска сетевых магазинов алкогольной продукции «*Красное и белое*» ассоциируется с древней оппозицией *черное – белое*, в которой вместо ахроматизма (*черное*) используется обозначение цвета (*красное*), в результате чего смысл номинации меняется, указывая на сорта вин из «темного» или «светлого» винограда [8].

Третья группа урбанонимов состоит из единиц, построенных по древним моделям, но использующих иное лексическое наполнение. Например, название пекарни «*Плюшки-ватрушки*» состоит из гипонимов, «сложение» которых дает синкретичное значение

Таблица

Отличия синкретем от фразеологизмов (идиом)

Синкретемы	Фразеологизмы (идиомы)
Перенос значения на основе смежности (<i>метонимия</i>)	Перенос значения на основе сходства (<i>метафора</i>)
<i>Системность и регулярность</i> единиц, образованных на основе повторяющейся семантико-структурной модели	<i>Нерегулярность</i> , единичность, индивидуальность, «вторичность»
Синтагматический характер (метонимическая <i>синтагма</i>)	Парадигматический характер (метафорическая <i>парадигма</i>)
Метонимическая разработка <i>объема понятия</i>	Метафорическая разработка <i>содержания понятия</i>

‘выпечка’. Эта номинация построена по исконной модели «гипоним + гипоним» (ср. *гуси-лебеди, калинка-малинка*). На объединении гипонимов основаны также названия магазинов «*Чай и кофе*» и «*ЧайОК-кофеОК*» (в последнем случае в нейминге используется так называемая графогибридизация, синкретично указывающая на английское *okay* и русский уменьшительно-ласкательный суффикс [2, с. 93]. По древней модели «гипоним + гипероним» (ср. *рыба-кит, клен-дерево*) строится название цветочного магазина «*Лютики-цветочки*»: первое слово обозначает вид цветущего растения «с желтыми небольшими одиночными цветками из пяти лепестков» [9], а второе указывает на род – *цветочек* (‘уменьшительно-ласкательное к цветок’ [8, т. IV, с. 1205]).

Четвертая группа региональных урбанонимов построена по современным видоизмененным моделям. Например, номинации магазина «*Шапки-тапки*» (‘головной убор’ + ‘вид обуви’) и ресторана «*Лосось и кофе*» (‘рыба с нежным мясом розового цвета’ + ‘напиток, приготовленный из зерен тропического растения’) [8, т. I, с. 1490; т. II, с. 91; т. IV, с. 652, 1317] основаны на отсутствующей в древнерусском языке семантической модели «гипоним 1-го рода + гипоним 2-го рода».

Номинация компании «*Ели – худели*», занимающейся доставкой готовой еды, объединяет глаголы, связанные с процессом приема пищи (*ели*) и получившимся результатом (*похудели*): модель «процесс + результат». Эта же модель в названии пекарни «*Вкусно-Сытно*»: ‘приятный на вкус’ (процесс) + ‘питательный, хорошо насыщающий’ (результат). Правда, в этом случае результат уже не соответствует принципам ЗОЖ (здорового образа жизни). Вариант этой модели можно наблюдать в номинации кафе «*Вкусно-Быстро*»: «процесс + время, необходимое на его осуществление».

Еще одна группа «парных» региональных онимов имеет отличающиеся от парных именовании источники. Так, например, номинации магазина «*Иван да чай*» и кафе «*Иван-да-Чайная*» (оним + апеллатив) связаны с народным наименованием целебной травы в форме аппозитивного сочетания. *Иван-чай* – это «высокое травянистое растение с метелкой темно-розовых цветов на верхней части стебля; то же, что *кипрей*», из которого «приготавливают так называемый капорский чай» [8, т. I, с. 126].

Название брачного агентства «*Шуры-муры*» включает в себя лексему *шурь*, образованную по одной

из версий «от слова *шуркать* ‘производить шорох’, ‘шарить, искать что-л.’, ‘прокрасться, шмыгнуть’, а *муры* (сокращенно от *амуры*) вошло для рифмы. Первоначальное значение, возможно, ‘шушуканье амурное’» [10, с. 772].

Заключение. В составе региональной ономастической лексики Владимирской области широко представлены коммерческие урбанонимы, построенные по структурно-семантическим моделям древнерусских устойчивых единиц в исконном или измененном виде. Дальнейшее изучение подобного языкового материала позволит наглядно представить историю языка как единый процесс, отражающий ментальность (национальное *со-знание* – В.В. Колесов [3]) и культуру народа.

Литература

1. Маслова, В.А. Региональная лингвистика как наука о региональном языке и ценностях. Язык как главная ценность // Славянские ценности в коммуникативном пространстве региона / В.А. Маслова. – Минск: УП «Энциклопедикс», 2017. – С. 8–70.
2. Ремчукова, Е.Н. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности / Е.Н. Ремчукова, Л.Р. Замалетдинова // Ценности и смыслы. – 2016. – № 6(46), т. 1. – С. 87–95.
3. Колесов, В.В. Концептуальное поле русского сознания / В.В. Колесов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. – 612 с.
4. Пименова, М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М.Вас. Пименова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
5. Артамонова, М.В. Парные именовании в древнерусском тексте / М.В. Артамонова. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 208 с.
6. Ляньлянь, У. Семантические и структурные особенности парных именовании в современном русском языке / У Ляньлянь // Изв. СмолГУ. – 2018. – № 2(42). – С. 169–177.
7. Химик, В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Терра, 1996.
9. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. язык, 1994. – Т. 1. – С. 499.
10. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Концепт дом как неотъемлемая составляющая лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок

Шаколо А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается концепт «дом» как один из важнейших компонентов сказочного дискурса на материале белорусских волшебных сказок.

Цель статьи – проанализировать концепт «дом» в дискурсе белорусских волшебных сказок как неотъемлемую составляющую их лингвокультурного пространства.

Материал и методы. *В качестве материала исследования были выбраны белорусские волшебные сказки, записанные Л.Г. Барагом. В ходе исследования были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Нами был проведен анализ концепта «дом» в белорусских волшебных сказках «Асілак-работнік і поп», «Сірата», «Браты-багатыры», «Няшчасны Егар», «Браты-ваўкалакі і сястра», «Іван Іванавіч – царэвіч», «Аб ведзьме, як сына жаніла» и «Каваль». Во всех сказочных текстах была отмечена особая важность «дома» как неотъемлемого компонента белорусского лингвокультурного пространства. Помимо особенно трепетного отношения героев к родному дому был выявлен мотив возвращения домой (даже после воцарения героя) и неоднозначность образа лесного дома.*

Заключение. *Концепт «дом» в рассмотренных нами белорусских волшебных сказках выступает в трех вариациях: родительский дом, лесной дом, а также новый дом (обретаемый, например, после воцарения). В ряде случаев данные вариации могут пересекаться. Отношение к дому персонажей белорусских сказок если и меняется, то только в лучшую сторону, а радость возвращения или обретение нового дома становится неизменным лейтмотивом концовки сказки. Отмеченные закономерности свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований в данном направлении, равно как и об особенной значимости концепта «дом» для лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок.*

Ключевые слова: *концепт «дом», сказочный дискурс, белорусские волшебные сказки, лингвокультурное пространство.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 48–52)

Concept Home as an Integral Component of the Linguistic and Cultural Space of Belarusian Fairy Tales

Shakolo A.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article considers the concept „home” as one of the most important components of fairy-tale discourse based on the material of Belarusian fairy tales.

The purpose of the article is to analyze the concept of home in the discourse of Belarusian fairy tales as an integral component of their linguistic and cultural space.

Material and methods. *Belarusian fairy tales collected by L.G. Barag were chosen as the research material. To solve the set tasks, descriptive, comparative methods and the method of discourse analysis were used.*

Findings and their discussion. *We have analyzed the concept of home in the following Belarusian fairy tales: “The Strong Worker and the Priest”, “The Orphan”, “The Brothers-Heroes”, “The Unlucky Egar”, “The Werewolf Brothers and Their Sister”, “Ivan Ivanavich, the Prince”, “How the Witch Found a Wife for Her Son” and “The Blacksmith”. In all these fairy-tale texts, the special importance of “home” as an integral component of the Belarusian linguistic and cultural space was noticed. In addition to the especially respectful attitude of the main characters to their family home, the motive of returning home (even after the enthronement of the protagonist) and the ambivalence of the image of the forest home were revealed.*

Conclusion. *The concept of home in the Belarusian fairy tales, which were considered by us, appears in three variations: the family home, the forest home, as well as a new home (acquired, for example, after accession). In some cases, these variations may overlap.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: aleksasch-94@yandex.by – А.В. Шаколо

The attitude to the home of the characters of Belarusian fairy tales may change, but only for the better, and the joy of returning or finding a new home becomes an invariable keynote of the ending of the fairy tale. These examples confirm the need for further research in this direction, as well as the special significance of the concept of home for linguistic and cultural space of Belarusian fairy tales.

Key words: *the concept „home”, fairy-tale discourse, Belarusian fairy tales, linguistic and cultural space.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 48–52)

Исследования в области дискурсивного анализа текста представляют все больший интерес для лингвистов всего мира. Под дискурсом мы понимаем языковое выражение общественной практики, равно как и ситуативный контекст в сочетании с самим текстом [1, с. 230–232], что не исключает множества других вариантов трактовки.

Вопросы общей дискурсивной теории, сказочного дискурса и концептуального анализа проанализированы в трудах таких ученых, как В.А. Маслова, А.Ю. Брицына, В.Г. Борботько, В.В. Иванов, В.И. Коваль, С.Г. Лазутин, С.Ю. Неклюдов, В.Я. Пропп, В.Н. Телия, М.В. Пименова. Неизменно актуальным вопросом остается выделение важнейших компонентов сказочного дискурса. В нашем исследовании таковым является концепт *дом* – один из основополагающих концептов дискурса волшебных сказок.

В дискурсе волшебных сказок основным местом действия в большинстве случаев являются дом и лес. Обе локации можно считать основными, так как они реализуют оппозицию «свой – чужой», лежащую в основе любой культуры. Концепт *дом* – один из ключевых концептов сказочного дискурса. Под ключевым концептом мы понимаем тот, который является неотъемлемым элементом дискурса. Более того, он присутствует в большей части волшебных сказок, а также играет ключевую, сюжетобразующую роль в каждой из них (ср. *дом* как близкое, дорогое для главных героев место, куда они возвращаются в конце сказки либо которое они обретают после воцарения).

С учетом названных признаков *дом* – ключевой концепт. Помимо прочего, *дом* универсален как место, в котором начинается действие сказок. В *доме* проходит детство главных героев, там живет их семья. Этот же *дом* они по той или иной причине вынуждены покинуть в дальнейшем, что служит завязкой. Впоследствии герои сказки возвращаются или находят новый *дом*, и на этом сказка завершается.

Факт важности концепта *дом* непосредственно для завязки волшебной сказки подчеркивается В.Я. Проппом в «Исторических корнях волшебной сказки» [2, с. 193–194]: благополучие главных героев нарушается вначале отлучкой кого-либо из членов семьи (отца, мужа, обоих родителей или же самих детей и пр.), а затем – нарушением запрета, зачастую связанного с *домом*. При этом В.Я. Пропп ссылается на исследование Дж. Фрэзера «Золотая ветвь. Исследование магии и религии». В нем Дж. Фрэзером подробно описываются многочисленные табу в среде царей или жрецов, а также их детей, связанные с *домом*; одно из наиболее существенных – запрет покидать дворец [3, с. 260–261].

Дом как концепт воплощает первую часть оппозиции «свой – чужой» в дискурсе волшебных сказок, так как именно в нем заключается все близкое, родное, безопасное для персонажа – в противовес непредсказуемости *леса*. Сказочные тексты служат подтверждением того, насколько важную роль концепт *дом* играл в жизни наших предков.

Под лингвокультурным пространством мы понимаем массовое сознание представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества. Иными словами, это информационно-эмоциональное поле, которое вмещает все знания и представления культурного и материально-исторического характера [4, с. 58].

В данной статье мы анализируем концепт *дом* в белорусском сказочном дискурсе как воплощение «своего» пространства, выявим особенности отношения к *дому* в фольклоре белорусов.

Цель статьи – проанализировать концепт *дом* в дискурсе белорусских волшебных сказок как неотъемлемую составляющую их лингвокультурного пространства.

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны белорусские волшебные сказки, записанные Л.Г. Барагом. В ходе исследования использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведем анализ концепта *дом* в белорусских волшебных сказках «Асілак-работнік і поп», «Сірата», «Браты-багатыры», «Няшчасны Егар», «Браты-ваўкалакі і сястра», «Іван Іванавіч – царэвіч», «Аб ведзьме, як сына жаніла» и «Каваль».

В белорусской волшебной сказке «Асілак-работнік і поп» [5, с. 330–334] действие начинается с того, что в лесу медведь похищает молодую девушку, забирает к себе в берлогу, и около полугода она живет там. У пленницы рождается ребенок и вместе с ним она сбегает от медведя, однако муж не рад ее возвращению: «Муж гэтыя маладую жаніўся на другой, і ён сказаў ёй, каб ішла туды, дзе круцілася і прыжыла дзіця» [5, с. 330]. Судя по тексту, какое-то время для главной героини домом была медвежья берлога, где она и родила сына, но в дальнейшем односельчане вернувшейся девушки приходят к следующему решению: «Людзі казалі так: штоб ён зрабіў ёй хату і даў гарод, так штоб ёй можна было пракарміцца з гэтым дзіцёнкам, што яна прыжыла з мядзведзем. Сагласіўся на гэта мужык, сагласілася і яго жонка. Пастроілі ёй хату і далі гарод, і яна жыла з гэтым дзіцёнкам так годы два» [5, с. 330]. Можем сделать вывод, что, хотя бывшего мужа главной героини и не заставили вернуться

к ней и помогать в воспитании ребенка, все же строительство дома и выделение участка земли для огорода подчеркивают важность концепта *дом* в волшебных сказках. Он является бесспорной основой существования главных героев: когда они становятся взрослыми, то покидают *дом* (в данном случае это произошло уже в два года, так как ребенок был необычным).

В сказке «Сирота» [6, с. 218–220] мать главной героини умирает, а отец женится на злой женщине, которая любила лишь свою дочь и стала всячески притеснять падчерицу. После того, как мачеха не пускает девушку в костел, сирота рвет цветы рядом с пустым домом, где встречает двух незнакомых людей. Она рассказывает им о своей тяжелой жизни, и те делают так, что с этого момента девушка начинает плакать не слезами, а жемчугом: «Так яны памеркаваліся і пэрламі абдарылі: каб яна, як плача, пэрлы сыпаліся» [6, с. 219]. Когда мачеха узнает обо всем, она отправляет туда же свою дочь, но незнакомые особы, узнав о ее характере, наказывают вторую девушку: «Прыйшла яна з касцёла і зачала смяцца: жабы так і падалі з рота» [6, с. 219]. Следовательно, даже таинственный пустой дом, возле которого герои сказок встречают незнакомцев, может привести как к награде, так и к наказанию. Все зависит от того, как тот или иной персонаж проявляет себя в повседневной жизни, – дома и, что не менее важно, в обществе. *Дом* человека рассматривается как личное пространство, в котором он может позволить себе то, что неприемлемо в гостях, в свете. Подобный подход находит отражение и в белорусских пословицах, например: *Госць, што нявольнік; у чужым двары ніхто не ўказчык; у чужой парафіі няма чаго ўказваць; дома ў сябе – як хочаш і як можаш, а ў госцейках – як скажуць* [7, с. 266].

Белорусская сказка «Браты-багатыры» [5, с. 35–40] подтверждает важность дома для сюжета, но при этом обозначает момент, когда главный герой принимает решение покинуть дом: «...Жылі-былі два браты: голас у голас, волас у волас, так што цяжка было адрозніць іх. Бацька іх памёр. Рашыў тут старэйшы брат, што нечага яму рабіць дома, і пачаў збірацца ў пуць-дарогу» [5, с. 35].

Как правило, решение оставить родной дом принимается после смерти отца или в случае, если герои взрослеют либо получают некое задание, например, от царя (инициация): такое развитие событий изображено в сказке «Няшчасны Егар» [6, с. 22–33]. При этом главный герой, женившись на девушке, которая помогла ему, вновь попадает в опасную ситуацию, так как слуги царя видят у его дома молодую жену и рассказывают об этом царю: «А ішоў хлопчык міма хвацеры Няшчаснага Егара, яго жана сядзіць пад вакошкам і шые. Заглядзеўся ён на яе красату і забыўся, куды і навошта яго паслалі» [6, с. 24]. После царь сам проезжает мимо дома протагониста и решает избавиться от него, чтобы жениться на понравившейся девушке.

«Браты-ваўкалакі і сястра» – сказка о братьях-оборотнях и сестре, спасающей их от чар, имеет

ряд схожих версий («Сястра і брацця-арлы», «Браты-птушкі і сястра», «Пра склятых братоў і сястру») [6, с. 123–133], однако именно в данном тексте особую роль играет лесной *дом* (избушка на курьих ножках).

Братья превращаются в волков после смерти отца: «Тады матка і дачка сталі плакаць па сваім бацьку, а сыны сталі скакаць» [6, с. 131]. За то, что они не проявили должного уважения к памяти отца, мать говорит, что ей было бы лучше видеть сотню волков, чем таких сыновей. Трое братьев превращаются в волков, а их сестра впоследствии отправляется на поиски оборотней: «Прыйшла ў пушчу. Відзіць, стаіць там хатка на курынай ножцы. Прыйшла ў хатку, нікога няма ў хаце» [6, с. 131]. Братья-волки приходят в лесную избушку и видят там свою сестру. В белорусской сказке условие спасения братьев – молчать и не плакать в течение семи лет. Девушку также просят взобраться на липу. На дереве девушку обнаруживает пан, который не женат, он же прогоняет выстрелами волков и предлагает главной героине выйти за него замуж. Также присутствует мать жениха, недовольная своею будущей невесткой. В качестве причины приводится немота девушки. Свекровь похищает собственных внуков (вначале говорится, что убивает, но впоследствии они оказываются живы), клеветает на главную героиню. В итоге девушку приговаривают к смерти в печи, но в последний момент ее спасают расколдованные братья. Свекровь получает по заслугам, и главные герои обретают счастье в финале. Несмотря на то, что, на первый взгляд, главным антагонистом является свекровь девушки, братья превращаются в оборотней во многом по своей же вине, нарушив основополагающие моральные нормы. Так молодые люди лишаются родного дома, но в лесном доме вновь встречаются свою сестру, которая их спасает. Следовательно, концепт *дом* пронизывает весь сюжет сказки, что коротко можно сформулировать следующим образом: изгнание из родного дома – судьбоносная встреча в лесном доме – возвращение домой.

Примечательно, что при описании лесного дома используются диминутивы: *хатка на курынай ножцы, гаршчочки, шчэлачка* [6, с. 131]. Обратными живут в избушке на курьих ножках, и, узнав, что к ним пришла родная сестра, принимают ее довольно радушно, – таким образом, диминутивы подчеркивают преемственность между родительским домом и лесным. Отметим при этом, что трактовка лесного дома не всегда однозначно положительная. В своем труде «Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история» Ю.М. Лотман выделяет *дом* как свое, безопасное, культурное пространство, охраняемое покровительственными богами, и *дом* в лесу (так называемый антидом) – чужое, демоническое пространство, место временной смерти. Попасть в него равносильно путешествию в загробный мир. Ю.М. Лотман утверждает, что противопоставление *дома* антидому, т.е. дому в лесу является одной из универсальных тем мирового фольклора и находит

свое воплощение не только в народной культуре, но и в художественной литературе (произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова) [8, с. 264–265].

В другой белорусской сказке, «Іван Іванавіч – царэвіч» [6, с. 296–309], главный герой в восемнадцать лет просит отца отпустить его из дому посмотреть мир. Получив отцовское благословение, Иван впервые покидает дом и отправляется в лес на охоту: «Яму бацька даў роту салдатаў, даў каня, збрую, меч, ружжо. Ну, тады ён ездзіў, паляваў па лясах, па пушчах» [6, с. 296]. Перед тем, как жениться на падчерице Яги, главный герой возвращается домой на время и спрашивает отцовского совета [6, с. 297]. В дальнейшем сюжет сказки развивается в русле пушкинской «Сказке о царе Салтане»: жену главного героя с ребенком закрывают в бочке, и они оказываются на острове [6, с. 300–301]. Главным антагонистом данной белорусской сказки является Баба Яга, которую побеждает ее же внук, сын Ивана и падчерицы Яги, освободив своих братьев. В итоге вся семья обретает новый дом в Будай-городе, наслаждаясь заслуженным счастьем: «І сталі жыць у Будай-горадзе. І цяпер там жывуць» [6, с. 309].

В сказке «Аб ведзьме, як сына жаніла» [6, с. 120–123] созданы довольно яркие образы персонажей за счет действий самих героев: помощь и сочувствие сына ведьмы по отношению к главной героине, а также точное следование ею всем советам молодого человека, которое и позволяет победить волшебное зло. Главная героиня, юная девушка, покидает свой дом, выполняя просьбу отца: «Адзін чалавек не меў каго выправіць з пшаніцаю, так прыбраў сваю дачку па-мужчынску і выправіў яе ў дарогу» [6, с. 120]. Мужчина просит свою дочь отвезти пшеницу по месту назначения, так как попросить об этом ему больше некого. Он дает девушке мужскую одежду, и та отправляется в путь. Пшеница неразрывно связана с самым известным продуктом, изготавливаемым из нее, – хлебом. В.А. Маслова отмечает, что выделяют целый ряд кодов культуры, и гастрономический – один из них [9, с. 316]. В белорусской культуре традиции, связанные с уборкой зерна, имеют многовековую историю: «Спрадвеку пачатак жніва, як і яго заканчэнне, суправаджаліся земляробчымі абрадамі, якія падзяляюцца на тры часткі: *Агледзіны і Пакрыванне поля, Зажынкi і Дажынкi*» [10, с. 292]. В дальнейшем главная героиня оказывается в лесу. Там она приходит к лесному дому и просится у хозяев на ночлег: «Прынялі яе з ахвотаю. А то была вядзьмарская хата, і ў тых ведзьмароў быў адзін сын» [6, с. 120]. Ведьма с самого начала догадывается, что перед ней девушка, несмотря на то, что одета она, как мужчина, и всячески испытывает главную героиню. Когда та вынуждена признаться, что она девушка, сын ведьмы высказывает желание взять в жены главную героиню. Но антагонистка дает ей заведомо невыполнимые задания, которые девушка выполняет благодаря сыну

ведьмы. В итоге ведьма побеждена, а главная героиня выходит замуж за ее сына: «Тады яны ў двойзі пажаніліся і добра ўжо ім было» [6, с. 123]. Как видим на примере данной сказки, в лесном доме девушку ждут испытания с риском для жизни, но там же она встречает и своего помощника и будущего мужа в одном лице, который по совместительству оказывается сыном главной антагонистки сказки; таким образом главная героиня обретает в лесу новый дом с молодым человеком, который ее спас.

В белорусской волшебной сказке «Каваль» [5, с. 310–320] в некоем царстве люди голодают, и царь приказывает убивать детей, «каб не множыліся людзі, бо і гэтым няма чаго есці» [5, с. 310]. Желая спасти своего будущего ребенка, одна беременная женщина отправляется в лес, который описан в сказке как идеальное убежище: «Ведама, лес вялік – няма яму ні канца, ні краю. Жыві ў ем хаць век – ніхто не трапіць» [5, с. 310]. В лесу женщина строит себе жилище в стволе большого дерева, а также спасает медвежат. За это медведица каждый день приносит ей в лесной дом мед в знак благодарности. Беглянка рождает мальчика и живет в лесу до наступления холодов, а затем возвращается в родное село. Медведи везут мать и сына и все их вещи на себе; затем уходят обратно в лес.

Сын женщины становится кузнецом, побеждает царских слуг, по-прежнему желавших его убить, и спасает царевну, причем ее похититель, Кощей, гонится за молодыми людьми по лесу: «Выбраліся яны з палацаў да й паехалі лесам, Кашчэй Бяссмертны за імі гоніцца. Ад таго імпэту ўсхадзілася бура; лес трашчыць, ломіцца, от так і кладзецца лоскам» [5, с. 319].

Особенностью данной сказки является то, что она не заканчивается воцарением главного героя. Он женится на царевне, становится мудрым правителем, но «як ні добра было Кавалю з маладою жонкаю ў тым царстве, як ні паважалі яго, ён усё-такі не забываў сваю радзіму» [5, с. 320]. На вопрос жены о причине своего плохого настроения кузнец отвечает, что «яму хочацца праведаць сваю родную матку, хочацца хоць разок зірнуць, што робіцца ў родным сяле» [5, с. 320]. И когда они с царевной приезжают в родное село, описывается сцена встречи сына и матери, возвращения героя к истокам: «Вось прыехаў Каваль, знайшоў матку ў старой хатцы да й кінуўся на шыю, давай яе абдымаць да цалаваць» [5, с. 320]. На примере данной сказки мы можем сказать, что лесной дом в фольклоре у белорусов может быть прекрасным убежищем. Герои сказки спасают лесных обитателей (медвежат, пчелу, мышь), за что те помогают им в дальнейшем. Кощею же и Бабе Яге, главным антагонистам сказки, не удается победить кузнеца даже на своей, казалось бы, территории, и они терпят сокрушительное поражение. Однако и родной дом главного героя играет в повествовании очень важную роль: даже живя во дворце, он скучает по своей матери

и родному селу. Вероятно, так проявляется особенно трепетное отношение белорусов к родным местам.

В финале сказки возникает образ идеального царства, куда отправились главные герои: «... царства, дзе ўсе людзі роўна працуюць, з працы жывуць, адзін другому памагаюць, а затым і ліха не маюць» [5, с. 320]. Несмотря на то, что это идеальное государство не имеет названия, развернутая характеристика создает его красочный образ, который является, помимо того, еще одной вариацией концепта *дом* в белорусских сказках.

Заключение. Таким образом, нами выявлено, что концепт *дом* в белорусских волшебных сказках выступает в трех вариациях: родительский дом главного героя (героини), лесной дом, а также новый дом (обретаемый, например, после воцарения). В ряде случаев данные вариации могут пересекаться: так, лесной дом может стать для персонажа постоянным жилищем, либо главный герой даже после воцарения возвращается в родной дом, к истокам. Чем сложнее и противоречивее конфликт, чем больше препятствий встречается на пути главных героев, тем ценнее для них *дом* и тем больше они любят его и почитают. Герой должен покинуть «зону комфорта» и принять вызов неизвестности, если хочет стать достойным своего рода, предков. Отношение к *дому* персонажей белорусских сказок, если и меняется, то только в лучшую сторону, а радость возвращения или обретение нового *дома* становится неизменным лейтмотивом концовки сказки. Отмеченные закономерности свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований в данном направлении, равно как и об особой значимости концепта *дом* для лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок, что подтверждается их текстами.

Литература

1. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: сб. науч. тр. / Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина; под науч. ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230–232.
2. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
3. Фрээр, Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж.Дж. Фрээр. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
4. Карпова, О.М. Лингвокультурное пространство города (на материале словаря «Florence in the Works of World Famous People») / О.М. Карпова // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 58–62.
5. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. / склад.: К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – Ч. 1. – 639 с.
6. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. / склад.: К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – Ч. 2. – 691 с.
7. Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / Н.А. Гончарова [и др.]; под общ. ред. Н.А. Гончаровой. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 480 с.
8. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Маслова, В.А. Духовный код в русской лингвокультуре / В.А. Маслова // Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Język. Literatura. Kultura. Historia. – Białystok, 2016. – Т. 1. – С. 315–324. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26217> (дата обращения: 14.10.2023).
10. Дучыц, Л.У. Язычніцтва старажытных беларусаў / Л.У. Дучыц, І.Я. Клімковіч. – Мінск: Харвест, 2018. – 368 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

О терминологических фантомах и терминологических ловушках

Васильева Н.В.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт языкознания Российской академии наук», Москва

В статье рассматриваются терминологические явления пограничного характера, которые ранее не входили в круг вопросов терминоведения.

Цель данной работы – исследовать случаи неполного понимания терминов, имеющие различные последствия для научного знания.

Материал и методы. *Материалом послужили различные филологические научные тексты последних десятилетий на русском, английском и немецком языках. Основными методами исследования являются контекстологический и дефиниционный анализ, а также метод когнитивного моделирования, используемый для словообразовательного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Устанавливается, что общим когнитивным механизмом появления фантомных и ложно ориентирующих терминов (терминологических ловушек) является неполное понимание, возникающее чаще всего при трансферах из других терминосистем и других языков.*

Заключение. *Когнитивные последствия такого процесса различны: от возникновения ложно ориентирующих фантомных терминов с размытым сигнификатом до терминологических переосмыслений, формирующих и развивающих научное знание.*

Ключевые слова: *терминотворчество, терминологические ловушки, фантомные термины, неполное понимание, научное знание.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 53–56)

On Terminological Phantoms and Terminological Pitfalls

Vasilyeva N.V.

Federal State Budgetary Institution of Science
Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics, Moscow

The article deals with terminological phenomena of borderline nature, which are not included in the framework of terminology studies.

The purpose of the article is to explore such cases of incomplete understanding of terms, which have various consequences for scientific knowledge

Material and methods. *The material was various philological texts of the last decades in Russian, English and German. The main research methods included contextual and definitional analysis, as well as the method of cognitive modeling used for word-building analysis.*

Findings and their discussion. *It was established that the general cognitive mechanism of phantom and falsely orientating terms (terminological pitfalls) occurs due to incomplete understanding, which arises most often in transferring from other terminological systems and other languages.*

Conclusion. *The cognitive consequences of such process could vary a lot: from creating terms with blurred conceptual content (phantom terms) to re-interpreting terms that offer new challenges for scientific knowledge.*

Key words: *term creation, terminological pitfalls, phantom terms, incomplete understanding, scientific knowledge.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 53–56)

Рассуждая о взаимодействии языка и культуры, В.А. Маслова среди других черт, общих для этих двух семиотических систем, называет *нормативность* [1, с. 60]. Нормативность как категория играет особую роль в терминоведении, и неслучайно

понятия систематизации, упорядочения и стандартизации терминологии лежат в основе всей концепции терминологической деятельности. В русле современной терминоведческой парадигмы, до настоящего времени определяемой как когнитивная, ср. [2], а мы бы

назвали ее уже посткогнитивной [3], круг проблем существенно расширился. С одной стороны, центральной проблемой когнитивного терминоведения признается «соотношение терминосистем (и шире – языков профессиональной коммуникации) со стоящими за ними структурами специального знания» [4, с. 13–14]. С другой стороны, не только специальное знание *per se* подлежит анализу, но и различные иные факторы, сопутствующие и/или мешающие благополучному функционированию специальной коммуникации.

Обратимся с этих позиций к одной из малоисследованных проблем терминоведения, связанных как с языковой формой терминов, так и с функционированием их в специальных текстах. И это будут случаи, сопряженные с «неидеальностью» понимания терминов. *Нашей целью будет исследовать такие случаи неполного понимания терминов, имеющие различные последствия для научного знания.*

Материал и методы. Материалом послужили выборки из филологических научных текстов последних десятилетий на русском, английском и немецком языках, составившие личную картотеку автора. Основными методами исследования являются контекстологический и дефиниционный анализ, а также метод когнитивного моделирования, используемый для словообразовательного анализа.

Результаты и их обсуждение. К неполному пониманию как к когнитивной проблеме интерес возник относительно недавно, и сформулировали ее сначала философы [5]. Лингвистический взгляд на неполное понимание, используемое в качестве коммуникативной стратегии и стратегии чтения, находим у М.А. Кронгауза [6]. Неполное понимание как когнитивный оператор, т.е. одна из общих аналитических функций человеческого ума, может привести к возникновению ложного знания, но может послужить и катализатором нового знания. И может также стать причиной возникновения терминологических «поручиков Кижэ» – терминов-фантомов, пустых оболочек, не несущих в себе когнитивного смысла. Приведем пример сначала такого термина-фантома, потом – термина-катализатора нового знания, а затем обсудим понятие терминологических ловушек.

Обратимся к лингвистической терминологии и рассмотрим ситуацию, которую можно условно обозначить как «слышал звон»: термин появляется в результате весьма приблизительного понимания исходного термина и теряет присущий последнему когнитивный смысл. Так произошло с термином *номема* в одной российской кандидатской диссертации (думается, что можно ее не называть, чтобы не рекламировать). Автор диссертации ориентировался на немецкий термин *Nomem*, введенный в научный обиход специалистами по исторической ономастике Ф. Кольхаймом и К. Хенгстом [7]. Работа с рукописными источниками XIII–XIV вв., содержащими различные варианты имен, не совпадающие с современными привычными вариантами (например,

Matz как гипокористика от женского личного имени *Mechthild*, а не как принятая в современном немецком языке краткая форма мужского имени *Matthäus* или *Matthias*), навела этих исследователей на мысль, что должна существовать некая абстрактная единица, которая давала бы возможность носителям языка и культуры в определенном хронотопе распознавать различные варианты имен как функционально идентичные. Такая единица получила название *Nomem* ‘номема’ (от лат. *nomem* ‘имя’ + эмический формант). Реализуемые письменно и устно варианты, согласно структурно-лингвистической терминологической модели, получили обозначение *аллономы* (resp. *графоаллономы* и *фоноаллономы*). Восприятие имеющего различные варианты антропонима описывалось как переход от уровня *аллонома* (область реализации) на уровень *номемы* (в ментальное пространство, в которой содержится информация о данном объекте, адресом доступа к которой является номема) [7, с. 19–20]. Таким образом, концепция *номемы* значима прежде всего для исторической ономастики, а также для социономастики и контактной ономастики.

Авторы обсуждаемой статьи не ставили целью возвращения к жесткому структуралистскому подходу в рамках дихотомии «язык – речь», а применение аллоэмической терминологии в данном случае связано с представлением о системности, вбирающей в себя все варианты. Эмический термин здесь даже трудно назвать в полном смысле инвариантом, здесь больше подходит, на наш взгляд, обозначение *дескриптор* как представитель совокупности вариативных номинаций, признанный как таковой в данный исторический отрезок времени в данном лингвокультурном социуме и в силу этого являющийся «адресом доступа» к проприальной информации. Таково значение термина *номема* и представление о номематическом характере хранения ономастической информации в трудах авторов этого термина и концепции в целом Ф. Кольхайма и К. Хенгста. Посмотрим, что стало с этим термином в одной российской диссертации, посвященной прецедентным именам. В этой работе присутствует ссылка на немецких ученых, однако: 1) отсутствует дефиниция авторов термина; 2) читатель оценивает термин только в определениях автора диссертации; 3) эти определения разбросаны по тексту и имеют в составе различные гиперонимы (*механизм, смысловой стержень, единица плана содержания, накопитель информации* и др.). Таким образом, существует целый набор дефиниций, в том числе метафорических, лишь отдаленно схожих с дефиницией прототермина. Довольно сомнительно, что данный способ категоризации *номемы* с помощью вариантных дефиниций ведет к приращению знания; более пристальный анализ контекстов показывает, что элиминация этого термина мало изменяет содержание текстовых фрагментов. Это позволяет сделать вывод, что перед нами термин-фантом, выполняющий в основном орнаментальную функцию.

Приведенный пример относится к довольно узкой лингвистической области и, скорее всего, в ней и останется. Обратимся к иной терминологической ситуации, когда неполное понимание термина в виде его неточного перевода стало толчком к возникновению новой теории. В.А. Виноградов [8, с. 529–530] проанализировал историю термина *маркированный* (франц. *marqué*), которым Ж. Кантино, воспользовавшись термином из стиховедения, передал термин Н.С. Трубецкого *merkmalhaltig* при переводе книги «Основы фонологии», т.е. ‘признаковый’ (‘содержащий признак’) член фонемной оппозиции в противоположность ‘беспризнаковому’ – *merkmallos*. В терминах Трубецкого была отчетливо видна внутренняя форма, которая утратилась во французском термине. В.А. Виноградов приводит в этой связи мнение Р.О. Якобсона, сетовавшего на то, что этот вольный перевод затемняет простую суть терминов Трубецкого: «Чужезычные образования, снабженные русскими суффиксами, маркированный и немаркированный, перекочевали из торгового и бильярдного обихода в лингвистическую лексику и получили здесь монополию» [9, с. 385]. «Тем не менее, – пишет далее В.А. Виноградов, – указанная пара полярных терминов прочно вошла в обиход лингвистики как русскоязычной, так и англо- (*marked – unmarked*) и франкоязычной (*marqué – non-marqué*)» [8, с. 529]. И благодаря этому в лингвистике появилась новая теория маркированности, ушедшая далеко от французского стиховедческого термина, а также и от исходного термина Трубецкого: «Понятие маркированности сегодня связывается, с одной стороны, с фактором ограниченной дистрибуции, а с другой – с типологической импликацией представленности в языке двух коррелятивных сущностей согласно формуле: “маркированное” → “немаркированное”» [8, с. 530]. Таким образом, это редкий в истории науки случай, когда неполное понимание термина в виде его неточного перевода стало толчком к возникновению новой теории и тем самым привело к приращению знания.

Метафора «терминологические ловушки» [10] хорошо, на наш взгляд, характеризует в целом различные случаи неполного понимания терминов как их творцами, так и пользователями. Само это выражение можно обнаружить в научных текстах, посвященных проблемам перевода, ср. хорошо всем известные «ложные друзья» переводчика, а также при анализе публицистических текстов, содержащих различные идеологемы. Исходя из того, что ловушки можно расставлять, но можно и в них попадать, манипуляции с идеологемами можно отнести к расставляемым ловушкам, поскольку интенция исходит от отправителя текста, а «ложных друзей» переводчика в межъязыковой коммуникации отнести к другому типу ловушек, в которые попадает пользователь из-за неискренности переводчика.

На примере ономастической терминологии рассмотрим ситуацию в терминообразовании, связанную

с терминологическими ловушками, в которые может попасть как создающий новый термин специалист, так и тот специалист, который терминами пользуется.

1. Интернациональные термины. Как ни парадоксально, но именно в интернациональном облике терминов, в частности, терминов на греко-латинской основе, кроются затруднения для взаимопонимания специалистов. Это связано, прежде всего, с тем, что из интернационального лексического фонда разными учеными извлекается одинаковое слово, но при создании термина используются разные лексико-семантические варианты или разные оттенки значения этого слова. Так, в русской ономастической терминологии термин *хремадоним* означает ‘собственное имя вещи’, при этом ‘вещь’ понимается только как артефакт («Шапка Мономаха»), а у западных славян этим термином обозначаются имена собственные и артефактов, и институций, и общественных явлений [11], т.е. налицо узкое и широкое понимание греч. слова *chrēma*, *chrēmatos* ‘вещь, предмет или дело’.

2. Нежелательный терминологический эффект может возникнуть при сбоях в категориальном значении терминологической модели (категориальном дрейфе). Неслучайно в примере с термином *номема* сознание заимствовавшего термин (но не вникшего с его сутью) автора дрейфовало от значения ‘категориальная сущность’ к значению ‘инвариант’ и обратно. Именно таково в современном лингвистическом обиходе значение эмической терминологической модели, и «угадывание» значения термина обусловлено этими категориальными рамками. Если ломается сама модель, то не происходит и угадывания, а полученные таким путем термины несут на себе печать терминологического диссонанса [12]. Это достаточно редкое явление; тем интереснее, что в англоязычной терминологии ономастики оно обнаружилось в одной из самых частотных моделей, а именно: в модели с категориальным компонентом *-онимия* ‘совокупность собственных имен, специфицированных первым компонентом’ (ср. *антропонимия*, *урбаноимия*, *артионимия*). В англоязычной терминологии ономастики есть термины *patronymy* и *matronymy*, построенные по этой модели, но с категориальным сбоем, который выразился в том, что термины *patronymy* ‘патронимия’ и *matronymy* ‘матронимия’ означают не совокупность патронимов resp. матронимов, а принцип проприальной номинации, когда ребенок получает имя, производное от имени отца (патронима) или матери (матронима) [13].

3. Терминологические затруднения возникают при попытках использования очень специфических индивидуальных терминосистем. Так, филолог А.А. Белецкий, будучи знатоком древних языков, построил свою собственную ономастическую терминосистему на элементах, максимально точно воспроизводящих значение греческих лексем. Данная терминосистема обогатила метаязык науки, но не вошла в практический

обиход, поскольку этимологическая точность терминов сыграла роль терминологической ловушки. Например, для базовых понятий «имя собственное» и «имя нарицательное» А.А. Белецкий создает термины *эйдоним* и *геноним* (от греч. *eidos* ‘вид’ и *genos* ‘род’). Термин *эргоним* (от греч. *ergon* ‘дело, труд, результат труда’) в системе Белецкого означал ‘собственное имя произведения литературы и искусства’ [14], в то время как в общепринятой в настоящее время терминологии это термин применяется для собственных названий деловых объединений людей. Подобные терминосистемы, однако, являются ценным свидетельством определенного типа терминологического мышления.

Кроме перечисленных терминологических ловушек, возможны ловушки-ослышки, вызванные чисто фонетическими причинами. Так, термин *диверсификация* ‘расширение’ при устном восприятии может трактоваться как ‘утрата стихосложения’, т.е. *де-версификация* (пример С.Е. Никитиной). Отметим, что упомянутые ослышки (иначе – мондегрины, ср. *der weiße Nebel wunderbar* → *der weiße Neger Wumbaba* ‘белый туман прекрасен → белый негр Вумбаба’) [15] представляют собой интересную тему уже далеко за пределами терминологических штудий.

Заключение. Терминологи прошлых лет помнят так называемые нормативные требования к идеальному термину, сформулированные Д.С. Лотте (однозначность, краткость, точность, системность, отсутствие синонимов).

В настоящее время, когда термин, войдя в парадигму антропоцентрического и когнитивного терминоведения, стал восприниматься и трактоваться не только как номинативный элемент специальной области знания, но и как элемент когнитивной структуры профессиональной языковой личности, понятие нормативности в терминологии претерпело некоторые изменения и стало оцениваться скорее в рамках понятия удачности/неудачности номинации. Представляется, что удачность терминотворческого процесса сейчас можно определить, исходя не из параметров «идеального термина», а скорее *in adverso*, т.е. понять, в каких случаях термин не является удачным. Поэтому мы обратились к проблеме неполного понимания в терминологии и к возникающим в результате терминологическим фантомам и «терминологическим ловушкам». Неполное понимание, таким образом, может считаться одним из способов терминологического заимствования, который – в зависимости от общего научного уровня исследования, а также его текстового воплощения – может послужить толчком к новому знанию, а может лишь выполнять орнаментальную функцию. Взгляд на терминообразование сквозь призму неполного понимания позволяет, на наш взгляд, увидеть некоторые явления, которые не попадают в поле зрения при оперировании статическим понятием ложно ориентирующего термина.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Алексеева, Л.М. Когнитивная трансформация терминоведения / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Когнитивные исследования языка. – Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2023. – С. 122–128.
3. Васильева, Н.В. О посткогнитивном терминоведении / Н.В. Васильева // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы V Междунар. науч.-метод. конф., Уфа, 1–2 дек. 2016 г. / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 47–51.
4. Голованова, Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направление и перспективы развития / Е.И. Голованова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Вып. 82. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 24(315). – С. 13–18.
5. Smith, S. Incomplete Understanding of Concepts: The case of Derivative / S. Smith // Mind. – 2005. – Vol. 124, iss. 496. – P. 1163–1199.
6. Кронгауз, М.А. Неполное понимание как коммуникативная стратегия / М.А. Кронгауз // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой / отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: Языки славян. культур, 2007. – С. 960–969.
7. Kohlheim, V. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie / V. Kohlheim, K. Hengst // Namenkundliche Informationen. – 2004. – № 85/86. – S. 17–31.
8. Виноградов, В.А. Термин в научном дискурсе / В.А. Виноградов // В.А. Виноградов Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / сост. и ред. К.Г. Краусхин. – М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. – С. 526–534.
9. Якобсон, Р.О. Круговорот лингвистических терминов / Р.О. Якобсон // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. – М.: Наука, 1971. – С. 384–387.
10. Васильева, Н.В. Терминологические ловушки и терминообразование / Н.В. Васильева // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., Уфа, 23 дек. 2015 г. / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – Т. 1. – С. 18–20.
11. Knappová, M. Namen von Sachen (Chrematonymie) II / M. Knappová // Namenforschung: Ein Internationales Handbuch zur Onomastik / E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). – Bd. 2. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. – S. 1567–1572.
12. Васильева, Н.В. О диссонансах в терминотворчестве / Н.В. Васильева // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е.С. Кубряковой / отв. ред. выпуска О.К. Ирисханова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 595–602.
13. Zgusta, L. Names and their Study / L. Zgusta // Namenforschung. Name Studies. Les noms propres: Ein internationales Handbuch zur Onomastik / E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). – Bd. 2. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1996. – S. 1876–1890.
14. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А.А. Белецкий. – Киев.: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 208 с.
15. Hacke, A. Der weiße Neger Wumbaba / A. Hacke, M. Sowa. – München: Verlag Antje Kunstmann, 2009. – 64 s.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Роль языковых средств в стихотворении Андрея Вознесенского «Храм»

Крицкая Н.В., Данич О.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена исследованию и анализу языковых средств, использованных Андреем Вознесенским для реализации идеи стихотворения «Храм». Автор является ярким представителем русской поэзии второй половины XX века, сложного, переломного времени, в поэтическом пространстве которого появляются новые темы, образы.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать языковые средства, использованные Андреем Вознесенским для реализации авторского замысла в стихотворении «Храм».

Материал и методы. Материалом для исследования послужил оригинальный текст стихотворения Андрея Вознесенского «Храм». В работе использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, анализ, синтез, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования могут быть интересны при изучении особенностей идиостиля Андрея Вознесенского.

Заключение. Поэтический язык раскрывает внутренний мир автора, передает его многогранность и чувствительность. Поэтический язык А. Вознесенского – форма отражения реальности: поэт пытается показать современному читателю дух того времени, в котором ему пришлось творить.

Ключевые слова: языковые средства, идиостиль Андрея Вознесенского, стихотворение «Храм».

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 57–60)

The Role of Linguistic Means in Andrei Voznesensky's Poem "The Temple"

Kritskaya N.V., Danich O.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is concerned with the study and analysis of linguistic means used by Andrei Voznesensky to implement the idea of the poem "The Temple". The author is a prominent representative of Russian poetry of the second half of the 20th century; it was a complex, critical time, in the poetic space of which new themes and images appeared.

The purpose of the article is to consider and analyze the linguistic means used by Andrei Voznesensky to implement the author's idea in the poem "The Temple".

Material and methods. The material for the study was the original text of Andrei Voznesensky's poem "Temple". The article used the method of continuous sampling from poetic texts, modeling, analysis, synthesis, observation.

Findings and their discussion. The research findings may be of interest in studying the idiosyncrasies of Andrei Voznesensky.

Conclusion. The poetic language reveals the inner world of the author, conveys his versatility and sensitivity. The poetic language of A. Voznesensky is a form of reflection of reality: the poet tries to show the modern reader the spirit of the time in which he had to create.

Key words: linguistic means, the idiosyncrasy of Andrei Voznesensky, the poem "The Temple".

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 57–60)

Андрей Вознесенский рано получил всемирную известность, он был одним из многих поэтов того времени, имя которого многие десятилетия склоняли критики. Сам поэт признавался, что мыслить, писать он учился на творчестве Владимира Маяковского и Бориса Пастернака, однако не стал подражать классикам и сразу же показал себя как поэт-новатор. Поэт буквально ворвался в по-

эзию шестидесятых годов XX века. Его поэтические тексты завораживают смелыми ассоциациями, обилием неологизмов, часто гротескными метафорами. Драматизм, столь присущий лирике поэта, возникает там, где происходит столкновение нового отношения к миру с реальными противоречиями.

В поэзии А.А. Вознесенского легко сплелись лиризм, музыка, живопись, философия, окаймленные

глубокой метафорой и широтой образов. Однако, на наш взгляд, творчество поэта изучено недостаточно основательно, несмотря на метафоричность его поэтического языка и эпатажность стиля в целом.

Стихотворение «Храм» было написано поэтом через шесть лет после развала Советского Союза в 1997 году. Это время глобальных изменений в обществе: в экономике, в политике, в духовной сфере, – время нравственного надлома в душах многих людей. Это безвременье нашло свое поэтическое осмысление в лирике Вознесенского, который обозначил моральные трещины тогдашнего общества своим особым языком.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать языковые средства, использованные Андреем Вознесенским для реализации авторского замысла в стихотворении «Храм».

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам лингвопоэтического анализа текста. Материалом для исследования послужил оригинальный текст стихотворения Андрея Вознесенского «Храм». Объектом настоящего исследования стали языковые средства, которые употребляет автор в произведении. Для достижения поставленной нами использовались метод сплошной выборки из поэтического текста, моделирование, анализ, синтез, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Название стихотворения говорит само за себя, оно состоит только из одного слова «храм», которое является ключевым и повторяется в тексте четыре раза, тем самым подчеркивая идею автора – показать свое неприятие политики советского государства – отвержение духовных ценностей, разрушение церквей: *Мы возвели, что взорвали хамы / Нас небеса еще не простили – // Не в форме порно / Но даже в сердце / Мы не построили нерукотворной / домашней церкви //*. Слово «храм» ассоциируется с душой человека «... помните, что ваши тела суть храмы Божии» (ап. Павел).

«В религиозной архитектуре храм – символ Дома Господа на земле; космического центра, соединяющего преисподнюю, небеса и землю; путь восхождения к духовному просветлению» [1, с. 298].

Большую роль в произведении играют фонетические особенности, которые действуют на эмоции читателя. Многие исследователи поэтического текста отмечают значимость звука и звучания. Так, в работе «Заметки о поэзии» О. Мандельштам пишет: «Поэтическую речь живит блуждающий, много осмысленный корень. Множитель корня – согласный звук – показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными, семя и залог потомства» [2, с. 69].

В стихотворении А. Вознесенского «Храм», без сомнения, имеет место явление звукописи – подбора звуков в стихотворной речи, приводящего к определенному художественно-выразительному эффекту [3, с. 121]. Фонетические особенности помогают

осмыслить поэтическое слово, глубже проникнуть в содержание произведения, раскрыть всю точность представленных образов.

Автор активно пользуется ассонансом, который помогает поэту создать своеобразный фонетический лейтмотив. Повторение [у] и [э] как будто передает предупреждающий звон церковного колокола: *Мышки-норушки, / не сеем сами. / Красой нарышкинской, душой нарушенной, // чужими молимся словесами //*.

Ассонирование звуков [э], [и] и [ы] расширяет фонетический диапазон, создавая тем самым эффект эха: *Тишь в нашей заводи. / Но скажем прямо – / создал же Гауди молитву-ауди / Но мы не создали своего храма //*.

Ярким и выразительным приемом звукового построения стихотворения «Храм» является аллитерация, которая заметна в повторе слов с характерными звуковыми комбинациями. Сочетание согласных звуков [хр], [вз], [вр], [др] ассоциируется со взрывом, скрежетом, создает ощущение трагизма происходящего, безысходности: *В век безвременья / мы не построили своего храма. // Вы возвели, что взорвали хамы //*. Далее сочетание взрывного звука [р] и шипящего [ш] создает тревожное настроение, ассоциируясь с предстоящей бедой: *Мышки-норушки, / не сеем сами. // Тишь в нашей заводи. / Но скажем прямо – // И оттого / Все наши драмы //*. Звуковой образ разлада, разрухи, разрозненности на фонетическом уровне подчеркивается сочетанием имени существительного «Мышки-норушки» с местоимением «мы» и обнажает жизненную позицию многих людей девяностых годов XX века: вместо храма души они построили себе норы, из которой доносится лишь шелест, шепот и шипение.

Среди явлений фонетического плана в стихотворении А. Вознесенского «Храм» следует отметить и паронимическую аттракцию. Паронимическая аттракция – стилистический прием, состоящий в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство. При паронимии сопоставляются как неродственные слова, звуковое сходство которых случайно, так и родственные [4, с. 368].

Профессор Л.В. Зубова, рассматривая паронимическую аттракцию, отмечает, что это прием «с одной стороны, сближается с поэтической этимологией, т.к. здесь имеются элементы переосмысления, с другой стороны – с аллитерацией (чисто звуковыми повторами, звукописью)» [5, с. 165]. Особенность паронимической аттракции в том, что она соединяет смысловые связи и ассоциации, тем самым намекая на глубокий истинный смысл цитаты, высказывания, в котором происходит игра слов и мыслей. Так, в стихотворении «Храм» ударный звук [а] оживляет так называемую «внутреннюю форму слов», усиливает смысловую нагрузку в семантически далеких словах «*хмара*», «*храм*», «*хамы*», «*драма*». В произведении эти слова выдвигаются автором в качестве ключевых и имеют особое значение для понимания идеи поэтического текста. Слово «хмары» характеризует душевное

состояние интеллигенции в годы советской власти, в «годы безвременья».

Фонетические особенности, сбивающийся ритм и рифма поэтического текста отражают позицию и душевное состояние автора. Он с негодованием осуждает «хамов», которые обезобразили религиозные идеи, презирает за страх, бессилие и бездействие.

Поэтический язык имеет способность обходить языковые нормы. Л.В. Кнорина отмечает, что исследователей поэтического творчества интересуют, в первую очередь, не собственно эти отступления, а их результат, т.е. эффект, достигнутый ими, их функция в поэтическом произведении, рассматриваемом как единое целое [6, с. 241]. Стихотворение А. Вознесенского «Храм» пронизано отступлениями морфологического характера, которые помогают создать особый поэтический мир автора.

Обращает на себя внимание частотность употребления местоимения «мы», которое повторяется девять раз. А. Вознесенский произносит его с особенной интонацией, с болью в сердце. «Мы» – это люди, которые не приняли политику того времени, которые хотели сконструировать духовно богатое, справедливое, готовое к социальным изменениям общество. На наш взгляд, автор имеет в виду научную и творческую интеллигенцию, а в противовес ей стоят «хамы», которые «взорвали», «не построили», «не сеяли».

Академик В.В. Виноградов назвал глагол самой сложной и самой емкой грамматической категорией русского языка. «Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи» [7, с. 337]. Некоторые исследователи наследия М. Цветаевой назвали ее «безглагольным» поэтом. В анализируемом нами поэтическом тексте глаголы тоже играют особую роль. Из двенадцати глагольных форм только две относятся к настоящему времени (*молмся, не видит*), они подчеркивают образ эпохи, которая не хочет двигаться вперед, в настоящее. Восемь глаголов, которые употреблены с ярким отрицанием («не») (*не построили, не простили, не сеем, не создали, не видит*), создают картины прошлого, образ того времени.

Приемом увеличения семантической емкости слова является глагол «не построили». В тексте он употребляется четыре раза: в четырех строфах из шести. Это ключевая форма, глагол эмоционального переживания поэта за разрушенные, испорченные, поруганные ценности.

Правильному прочтению и осмыслению поэтического текста служат стилистические средства синтаксиса и необычная пунктуации. Лаконичность стиля стихотворения «Храм» передается, главным образом, простыми предложениями.

В рамках контекста самым функциональным и значимым является тире. Поэт использует его не только для поддержания ритма и рифмы, но и для определения жестких пауз при прочтении: *Нас небеса еще не простили – / мы не построили своего храма // Но скажем прямо – / создал же Гауди молитву-ауди //*

И оттого / все наши драмы – / мы не построили / своего храма //.

Андрей Вознесенский искренне переживает за разрушенную жизнь, за разрушенные церкви, за исковерканные или просто утраченные духовные ценности, но в нем живет вера в нового нравственного современного человека, чувствуется надежда автора на возрождение христианских ценностей, а доказательством этому служит употребление в конце произведения фигуры умолчания – многоточия.

Интересна реализация стилистического потенциала лексикона стихотворения. «Слова обладают суггестивной силой, им противопоставлена однозначность, ибо именно многозначность делает намек на нечто необычное, тайное, загадочное, гипнотизирует читателя семантической глубиной» [8, с. 216].

В стихотворении «Храм» обращает на себя внимание слово «словесами», которое провозглашает отношение автора к социально-культурологической позиции поэтов-современников, соединяющие в себе горечь и протест одновременно.

Неслучайно употребляется в стихотворении неологизм «римейки». Поэт призывает будущее поколение не повторять ошибки истории, не учиться на заблуждениях предков, не быть «римейком» прошлого.

Стилистически сниженная лексика не обладает большим семантическим потенциалом, но влияет на эмоциональную сферу читателя: *Не в форме порно / Но даже в сердце / мы не построили нерукотворной / домашней церкви //.*

Использование аллюзии «Красой нарышкинской» подчеркивает интертекстуальность, выражающую неразрывную связь культурно-исторических событий, влияющих на сознание и социальную позицию интеллигенции того времени. Представители рода Нарышкиных, из которого происходила мать Петра Великого, выступали заказчиками постройки храмов. Так в конце XVII – начале XVIII века появилось стилистическое направление «нарышкинский стиль».

Также в стихотворении А. Вознесенского возникает библейский образ сеятеля. Этот образ проходит через творчество поэтов XIX века и ярко представлен в поэзии А.С. Пушкина («Свободы сеятель пустынной...»). Сеятель – человек, способный сеять зерна истины, но у Вознесенского он интерпретируется как личность, способная только «чужими молиться словесами», т.е. не создающая по вдохновению, а выполняющая социальный заказ.

Заключение. Стихотворение А. Вознесенского «Храм», созданное автором в переломную, безусловно, трагичную для большинства жителей постсоветского пространства эпоху, является лирическим осмыслением советской и постсоветской действительности. Несмотря на десятилетия, которые отделяют нас от 1997 года, это произведение не теряет своей актуальности, потому что поднимает так и не решенную проблему нивелирования, а то и вовсе исчезновения духовных ценностей, искажения нравственных

ориентиров. Все это заставляет читателя всмотреться в происходящее вокруг, пересмотреть собственную жизненную позицию.

Андрей Вознесенский мастерски использует фонетические средства стилистики: аллитерацию, ассонанс, паронимическую аттракцию. Отличительной чертой стиля этого стихотворения, да и авторского стиля в целом, также можно считать рваный ритм, необычное, неожиданное использование средств морфологии: временные формы глагола, формы числа существительных, местоимения. Особую экспрессивную и волюнтаристическую (воздействующую) функцию выполняют лексические средства стилистики: неологизмы, аллюзии, переосмысленное употребление архаизмов. Все это встроено автором в нестандартные, «неправильные» синтаксические конструкции, выпячено и расчерчено экспрессивной пунктуацией. Можно утверждать, что обозначенные нами языковые особенности поэтического текста в полной мере передают многогранность и чувствительность автора, раскрывают его внутренний мир.

Литература

1. Рошаль, В.М. Энциклопедия символов / В.М. Рошаль. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 1007 с.
2. Мандельштам, О.Э. Слово и культура / О.Э. Мандельштам. – М.: Совет. писатель, 1987. – 319 с.
3. Гончаров, Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы / Б.П. Гончаров. – М.: Наука, 1973. – 275 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1990. – 682 с.
5. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л.В. Зубова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
6. Кнорина, Л.В. Грамматика и нормы в поэтической речи / Л.В. Кнорина // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1980. – С. 241–253.
7. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
8. Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2044. – 256 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Интернет-жаргон как средство речевой агрессии в современной компьютерно-опосредованной коммуникации

Бабук А.В.

Государственное учреждение «Научно-практический центр
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», Минск

Статья посвящена интернет-жаргону как инструменту речевой агрессии в современной компьютерно-опосредованной коммуникации. Должное внимание уделяется «жаргону падонков», «литспику», «кащенизму» как форме речевой агрессии в интернет-дискурсе, средствами которой становятся аббревиатуры, сокращения и эмодзи. Обосновывается мысль о пренебрежении речевыми нормами как о специфической технологии создания интернет-жаргона.

Цель статьи – описание языковых элементов современного интернет-жаргона как средств различных проявлений речевой агрессии на материале переписки в открытых интернет-источниках (социальных сетях, форумах, открытых чатах Telegram-каналов), а также имеющихся описаний языка компьютерно-опосредованной коммуникации в справочных изданиях и толкованиях, содержащихся в разработках наивной лексикографии.

Материал и методы. Материалом исследования стали фрагменты постов (сообщений) и переписок текстов различных жаргов в интернет-дискурсе, а также описания жаргонной лексики компьютерно-опосредованной коммуникации в имеющихся справочниках и электронных изданиях наивной лексикографии («язык олбанского», «жаргон падонков»).

Результаты и обсуждение. В современной компьютерно-опосредованной коммуникации интернет-жаргон становится средством выражения речевой агрессии, языковые элементы которых требуют соответствующего исследования и описания.

Заключение. Дешифровать языковые средства интернет-жаргона способны только лица, идентифицирующие себя как принадлежащие к интернет-сообществу, а также лица, имеющие специальные знания и благодаря этому способные погружаться в коммуникативную ситуацию текста.

Ключевые слова: интернет-жаргон, компьютерно-опосредованная коммуникация, речевая агрессия.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 61–65)

Online-Jargon as a Means of Speech Aggression in Modern Computer-Mediated Communication

Babuk A.V.

State Institution “Scientific and Practical Centre of the State Forensic Examination
Committee of the Republic of Belarus”, Minsk

The article considers the online-jargon as a tool of speech aggression in modern computer-mediated communication. Due attention is paid to “jargon padonkov”, “leetspeak”, “caschenism” as a form of speech aggression in the Internet discourse, the means of which are abbreviations, contractions and emoji. The idea of neglecting speech norms as a specific technology for creating online-jargon is substantiated.

The objective of the article is to describe the linguistic elements of modern online-jargon as tools of various manifestations of speech aggression based on correspondence on the Internet (social networks, forums, open Telegram-chats), as well as existing descriptions of the language of computer-mediated communication in reference publications and interpretations contained in the developments of naive lexicography.

Material and methods. The material for the study was fragments of posts (messages) and correspondence of texts of various genres in the Internet discourse, as well as descriptions of the slang vocabulary of computer-mediated communication in existing reference books and electronic publications of naive lexicography (“olbanian language”, “jargon padonkov”).

Findings and their discussion. In modern computer-mediated communication, online-jargon becomes a means of expressing verbal aggression, the linguistic elements of which require appropriate research and description.

Conclusion. Only people who identify themselves as Internet community followers, as well as people who have special knowledge and, thanks to this, are able to immerse themselves in the communicative situation of the text, are able to decipher the language means of online-jargon.

Key words: online-jargon, computer-mediated communication, speech aggression.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 61–65)

Язык как динамическая система, обусловленная спецификой синтагматических и парадигматических отношений, в современном мире есть результат глобальных социальных трансформаций (социолингвистика) и проявлений психологии человека (психолингвистика), выражающийся в коммуникации.

Одним из следствий таких изменений является компьютерно-опосредованная коммуникация. В современном мире пространство сети Интернет все чаще становится ареной речевой агрессии, которая представляет собой «негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [1, с. 13].

Цель данной статьи – описание языковых элементов современного интернет-жаргона как средств различных проявлений речевой агрессии на материале переписки в открытых интернет-источниках (социальных сетях, форумах, открытых чатах Telegram-каналов), а также имеющихся описаний языка компьютерно-опосредованной коммуникации в справочных изданиях и толкованиях, содержащихся в разработках так называемой наивной лексикографии – неофициальных словарей и справочников, которые составлены и постоянно пополняются самими интернет-пользователями [2, с. 60].

Материал и методы. Материалом исследования стали фрагменты постов (сообщений) и переписок текстов различных жаргов в интернет-дискуссе, а также описания жаргонной лексики компьютерно-опосредованной коммуникации в имеющихся справочниках и электронных изданиях наивной лексикографии («язык олбанского», «жаргон падонков»).

Результаты и их обсуждение. В современной коммуникации язык и слово используются не только в созидательных, но и в разрушительных целях, все чаще становясь средством речевой агрессии, осуществляющейся посредством компьютерных технологий. В настоящее время типичными примерами речевой агрессии в компьютерно-опосредованной коммуникации являются следующие коммуникативные акты, классифицируемые законодательством как правонарушения:

- *Оскорбление* – создание адресованных высказываний, содержащих негативную оценку лица: «Слышь, рак, ты зачем мне пишешь, суко?!» (РАК суц. – сетевое оскорбление. Резко негативная оценка собеседника как некомпетентного или низкосортного. Первоначально *раком* называли перехват треда

(от англ. *thread* – нитка, нить, т.е. последовательность и тема обсуждения в компьютерно-опосредованной коммуникации) новыми пользователями, не понимающими правил интернет-коммуникации. Сравнение коммуниканта осуществлялось с раковой опухолью, которая постепенно разрастается и захватывает все пространство. Позднее *раками* стали называть и самих пользователей, которые неправильно употребляли сленг и мемы, проявляли агрессию по отношению к другим участникам треда, создавали собственные мемы (группу цифровых данных, которые имеют общие характеристики, копируются, воспроизводятся и распространяются множеством интернет-пользователей и активно продвигали их [3, с. 106]. Лексема *суко* в данном высказывании отсылает к известному номинативу, используемому не только в качестве междометия, но и как средство негативной оценки лица;

- *Экстремизм* – создание адресованных высказываний, содержащих негативную оценку группы лиц, объединенных по какому-либо признаку (язык, раса, национальность, религия или принадлежность к какой-либо группе) и выраженное на этом основании побуждение к действиям, направленным на причинение вреда, одной группой лиц по отношению к другой: «Этих джсидаев убивать надо!» (Джсидай – грубая номинация лиц, объединенных по принадлежности к еврейской национальности);

- *Кибергруминг* – создание адресованных высказываний в компьютерно-опосредованной коммуникации, предполагающих побуждение или принуждение лица (чаще всего несовершеннолетнего) к различным действиям сексуального характера: «Покажи мне свою пелотку, детка, или все твои фотографии будут завтра в интернете!»;

- *Угроза* – создание персонально адресованных перлокутивных высказываний, содержащих лингвистически выраженные в форме будущего времени небенефактивные действия адресанта по отношению к адресату или связанных с ним третьих лиц: «Слышь, я тебя по IP вычислю! Рано или поздно я доберусь до того, кто тебе дорог!» (ВЫЧИСЛИТЬ ПО IP – выражение, означающее угрозу узнать личные данные собеседника и перенести выяснение отношений из словесных в онлайн в физические или юридические за пределами интернета [3, с. 30]. Высказывание «я доберусь до того, кто тебе дорог» указывает на желание адресанта совершить противоправные действия угрожающего характера в отношении связанных с адресатом третьих лиц.

Классификация всех упомянутых случаев речевой агрессии зависит от многих факторов, решающим

из которых является коммуникативная ситуация. Так, например, оскорблением также считается использование сниженной лексики «жаргона падонков» – стиля современной компьютерно-опосредованной коммуникации, основу которого составляет какография (от др.-греч. *κακός* – плохой и *γράφω* – писать) или эрративы (от англ. *error* – ошибка), представляющие собой языковые единицы, характеризующиеся намеренно допущенными в них речевыми ошибками и соответственно пренебрежением различными видами речевых норм (орфоэпической, орфографической, грамматической и т.д.), а также частотным употреблением табуированной лексики и лексических средств ненормативной формы речевого выражения. В этом смысле одна из основных особенностей интернет-жаргона (именуемого в простонародье как «олбанский язык») состоит в использовании технологии орфоарта – пренебрежение орфографическими нормами письма и написание слов по фонетическому принципу «как слышу, так и пишу» (*я – йа, ё – йо*). Написание на «олбанском языке» осуществляется с учетом правил орфоэпии, как гласных, так и согласных букв по глухости и звонкости (*адский – аццкий, автор – аффтар, что – што*), слитности и раздельности (*об стену – апстену, пошел вон отсюда – пашолвонатсюда*), двойных согласных *-цц-* и *-ца*, а также использовании флексии *о* вместо привычного постфикса *-ться* (*нравиться – нравиццо*), суффикса *-со* у глаголов прошедшего времени (*менялся – менялсо*), редуцировании звуков в слове (*ладно – лана*) и т.д. Типичным примером оскорбления с использованием «жаргона падонков» является понижение регистра при коммуникации с высокостатусным субъектом: «*Ты – не директор, а ПТУшник какой-то*» (*ПТУшник* от *ПТУшник* – человек очень низкого интеллектуального развития). Суффиксы *-г* и *-нег* на «жаргоне падонков» выступают дериватом суффикса *-ик* (*-ник*) в современном русском языке.

Также средством речевой агрессии в «жаргоне падонков» может быть аббревиация (*магазин – магазин, препод – преподаватель, нияз – иностранный язык* и т.д.), которая в интернет-коммуникации часто встречается в текстах различных жанров и видов – постов (публичных сообщений) социальных сетей, блогов, форумов, комментариев, фрагментов личной переписки и т.д. Образование аббревиатур в компьютерно-опосредованной коммуникации, как правило, осуществляется путем прописного написания первых букв слова из всего словосочетания или использования приема контракции, которая «заключается в произвольном (не обусловленном морфемным членением) усечении средней части слова при сохранении одной или нескольких начальных и конечных букв слова» [4, с. 35] (*УГ, ПТНМ, ФГМ, н-да, м-да* и т.д.).

Употребляться некоторые из подобных аббревиатур могут не только в качестве оценочных предикатов, но и контактоуставливающих фатических языковых средств:

- *ПНФ* – *подвали на фофан*;
- *ПМСМ* – *по моему скромному мнению* (калькированное англоязычное выражение “*in my humble opinion*”);
- *ВА?* – «*Вы антисемит?*»;
- *АПВС?* – «*А почему вы спрашиваете?*» и т.д.

Одним из популярных в современной речевой агрессии лингвистических приемов является эвфемизация – использование лексических средств, имеющих более нейтральное значение. Особенно часто эвфемизмы применяются в качестве лексем с семантической неопределенностью и маскировки денотата с целью смягчения формальных признаков при негативной оценке лица [5] (*Какой с нее толк!? Она ведь – ночная бабочка!*). В интернет-жаргоне лингвистическим приемом создания эвфемизмов выступает языковая игра, построенная по принципу сокращения, перестановки букв в слове, сращивания языковых единиц и аббревиации, которые в современной коммуникации часто применяются в качестве пейоративного средства (*нах, йух, БПФН, ПТНХ, УГ, сцукко, кг/ам* и т.д.). Использование приемов карнавальная языковой игры при образовании таких высказываний позволяет адресанту поддерживать определенный уровень эмоционального напряжения или разрядки, создавая при этом некую иллюзию креативности.

Основанные на орфоарт-технологии подобные аббревиатуры входят в состав так называемого «кащенизма» – специфического стиля речевой агрессии, используемого субъектами компьютерно-опосредованной коммуникации для имитации поведения лиц, имеющих психические отклонения. Название подобного явления произошло от расположенной в г. Москве психиатрической больницы № 1, названной в честь русского врача-психиатра Петра Петровича Кащенко. Еще в 1990-е гг. в память об этой лечебнице была организована так называемая эхоконференция, участники которой стремились имитировать поведение людей с психическими отклонениями, демонстрируя это, в первую очередь, в своей речи. Так, например, они делились на две большие группы – *медпейс-анал* (медперсонал) и *поциенты* (пациенты), где одна группа провоцировала другую на создание речевого конфликта. Со временем данный тип речевого поведения коммуникантов перешел в пространство интернет-дискурса, где была создана энциклопедия «кащенитов» с толкованиями основных жаргонизмов подобного типа, которые, в конечном счете, составили описание субкультуры «кащенизма» как явления [3, с. 254]. «Сленг кащенитов называется “*кашурит*” (от контаминации двух русскоязычных существительных – *Кащенко + иврит*). Для него характерен акцент коммуникантов на еврейский сегмент: «подражание типичной еврейской речи», <...> «невывождение звука *р*» <...>, «каламбурное членение слов с использованием еврейских корней». Также в сленге “кащенитов” «вместо ответов часто употребляются

вопросы» [3, с. 255], а концептуальная переменная обозначена темой огня и еврейского гетто: *аццкий сотона, фпекло, фтонку* [3, с. 255] и т.д. Типичным примером проявления речевой агрессии с применением «кащенизма» является следующее высказывание: «За такие слова этих джидаев нужно фпекло!». Конечная цель «кащенизма» – провокация объекта на речевую агрессию и последующее обвинение его в проявлении этой самой агрессии (например, в экстремизме).

Подобные жаргонизмы являются типичными для компьютерно-опосредованной коммуникации, поскольку их стилистика содержит в себе переплетение различных обликовых характеристик коммуникантов (социальных, гендерных, возрастных и других), которые в своей совокупности отличаются пренебрежением к речевым нормам, образуя то, что в современной социалингвистике называют интернет-жаргоном или компьютерным сленгом. В нашем исследовании мы будем считать жаргон и сленг синонимами, поскольку эти два языковых явления в данном случае связаны одной общей социалингвистической характеристикой – принадлежностью к субъектам компьютерно-опосредованной коммуникации.

Англоязычное понятие *сленга* (от англ. *slang*) еще в середине XIX в. обозначало неформальную упрощенную разговорную речь. Затем *сленгом* стали называть языковые средства, которые адаптируются под фонетическую и грамматическую системы тех языков, которыми они заимствуются. Современное понятие *сленга* в русском языке больше характеризует речь (лексемы и используемые приемы) коммуникантов, объединенных по признаку возраста. Что касается жаргона, то данным понятием (от франц. *jargon*) еще в средневековье европейские колонизаторы называли любой непонятный для них язык [6, р. 355]. В настоящее время термин «жаргон» в научной литературе используется для описания речи субъектов, объединенных общностью любого из социалингвистических признаков (возраст, пол, род занятий и т.д.). Некоторые современные исследователи, такие как М.В. Арапов, рассматривают жаргон и сленг как синонимы [7] (с английского языка понятие *сленг* также часто переводится как *жаргон*). Иногда в интернет-жаргоне «одно слово или отдельный жаргонизм разрывает границы собственной субкультуры и становится значимым для всего интернета, иногда такое происходит не с отдельным жаргонизмом, а с целым жаргоном» [8, с. 50]. При этом, если первоначально жаргонизмы интернет-коммуникации обозначали в основном различные единицы компьютерного оборудования (*венник* – винчестер), программ (*винда* – операционная система Windows) и субъектов компьютерной сферы (*яблочник* – пользователь компьютеров фирмы Apple), то в настоящее время подобные языковые средства касаются любых сфер жизни, обсуждение

которых осуществляется посредством компьютерно-опосредованной коммуникации.

Массовое использование языковых средств «жаргона падонков» и «кащенизма» обусловлено общим падением речевой культуры, тенденцией к всецелой вульгаризации и компьютеризации общества. Этим объясняется экспрессивность жаргонизмов и преимущественное наделение их оценочной функцией. Сами жаргонизмы также стали средством импликации (шифрования) смысловых значений в текстах компьютерно-опосредованной коммуникации с целью соблюдения принципов лингвистической экономии, языкового обособления и конспирации субъектов коммуникации, необходимых злоумышленникам для совершения различных киберпреступлений. Дешифровать эти языковые средства способны только лица, ставшие частью глобального интернет-сообщества, а также те, кто погружен в коммуникативную ситуацию, поэтому можно сказать, что подобные языковые средства имеют конвенциональную природу.

Помимо «языка падонков» при речевой агрессии в компьютерно-опосредованной коммуникации может использоваться так называемый «литспик» (от англ. *leetspeak* – язык элиты) – стиль разговорной речи, представляющий собой замену букв на схожие по написанию цифры (*4еши отсюда!*) или другие подобные коммуникативные символы («Слышишь, ты, } I{ук навозный, иди отсюда, пока я тебя не отлупил!»). Данный жаргон был заимствован из английского языка, где с развитием компьютерно-опосредованной коммуникации популярным стало лексико-грамматическое перекодирование буквосочетаний на схожие по произношению цифры (*forever* – *4ever*; *to me* – *2 me* и т.д.). При речевой агрессии иногда в процессе динамики и симплификации коммуникации языковые элементы «литспика» становятся средством транслитерации: «Он – *2pizza*, и поэтому ничего не умеет делать и ни в чем не разбирается!» (слово “*2pizza*” образовано путем английской транслитерации русскоязычного слова «тупица»).

Также средством речевой агрессии в интернет-жаргоне могут выступать эмодзи – семиотические невербальные средства коммуникации, созданные на основе пиктограмм и смайликов. Первоначально данные компоненты назывались эмоджонами (слово «эмоджон» образовано путем контаминации двух англоязычных слов – *emotion* + *icon*). Они выступали инструментом эмоциональной экспрессии, использовались в качестве инструмента выражения эмотивности текста, которую субъекты обычно транслируют при общении лицом к лицу (мимика лица, жесты рук и т.д.), но оказываются не в состоянии передать друг другу при компьютерно-опосредованной коммуникации. Современные же эмодзи (от япон. 絵 э – «картинка» и 文字 *модзи* – «знак», «символ»), основанные на метафоре, помимо эмотивности могут содержать идеи, артефакты. Эмодзи могут использоваться в различных

видах речевой агрессии, таких как угроза, выражая непосредственно субъект, объект, инструмент и реципиента небенефактивного действия («Если ты не привезешь деньги завтра, то я / тебя и всю твою 🐼»); оскорбление, где экстралингвистический компонент эмотивность текста, выражающий злость, служит интенсификатором негативной оценки лица («Мои соседи – самые настоящие еб...ны! Ничего сами сделать не могут! 😡»); кибергруминг, где эмодзи становятся метафорическим средством изображения половых органов («Если не покажешь мне свою 🍆, то видео с тобой увидят все твои друзья») и другие. Даже в случае позитивно окрашенного текста подобные эмодзи в отрицательном контексте часто выступают маркером создания речевой агрессии в компьютерно-опосредованной коммуникации [10].

Заключение. Таким образом, речевая агрессия, явленная в форме оскорбления, экстремизма, кибергруминга, угрозы и т.д., становится актуальной проблемой, которая все чаще встречается в современной компьютерно-опосредованной коммуникации. Один из инструментов образования языковых средств речевой агрессии в такой коммуникации – интернет-жаргон, для которого характерно пренебрежение речевыми нормами, лингвоэкономия и симплификация высказывания, что проявляется в использовании различных аббревиатур и сокращений («жаргон падонков»), контаминированных слов («кащенизм»), форм русскоязычной транслитерации английских лексем, невербальных семиотических компонентов в форме эмодзи и т.д. Стремительное распространение интернет-жаргона обусловлено всецелой вулгаризацией общества, что, собственно, и отражается

в специфике языка как динамической системы. Дешифровать подобные языковые средства способны только лица, идентифицирующие себя как принадлежащие к интернет-сообществу, а также лица, имеющие специальные знания и благодаря этому способные погрузиться в коммуникативную ситуацию текста.

Литература

1. Щербинина, Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды: учеб. пособие / Ю.В. Щербинина. – Москва: ФОРУМ, 2015. – 400 с.
2. Ефремов, В.А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография / В.А. Ефремов // Вестн. Новосибир. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 5(27). – С. 56–65.
3. Словарь языка интернета.ru / [М.А. Кронгауз и др.]. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2016. – 288 с.
4. Кувшинская, Ю.М. Аббревиация в речи интернет-форумов / Ю.М. Кувшинская // Современный русский язык в интернете / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. – М.: Языки славян. культуры, 2014. – С. 23–38.
5. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
6. Bonvillain, N. The Routledge Handbook of Linguistic Anthropology / N. Bonvillain. – London; New York: Routledge Taylor & Francis Group. – 2016. – 494 p.
7. Арапов, М.В. Жаргон Текст [Электронный ресурс] / М.В. Арапов // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва, 1990. – Режим доступа: <https://tapemark.narod.ru> – Дата доступа: 01.09.2023.
8. Кронгауз, М.А. Самоучитель Олбанского / М.А. Кронгауз. – Москва: АСТ: Corpus, 2013. – 412 с.
9. Дударева, Я.А. Диалог как текст, содержащий эмотиконы: юрислингвистический аспект рассмотрения / Я.А. Дударева, Н.Н. Шрпильная // Юрислингвистика. – 2023. – № 27. – С. 99–105.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Микрополе «родство, родственники» как часть семантического поля «семья» (на материале немецкого языка)

Дружина Н.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается микрополе «родство, родственники», формирующее центр семантического поля «семья» в немецком языке.

Цель статьи – определить объем и состав микрополя «родство, родственники»; описать системные отношения внутри исследуемого микрополя.

Материал и методы. *Материалом исследования послужил тематический корпус (1417 контекстов) из текстов дидактической разновидности педагогического дискурса и немецких общественно-политических изданий (2012–2022 гг.). В работе были использованы метод сплошной выборки, компонентный и описательный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Определены количественный состав и особенности функционирования лексических единиц в микрополе «родство, родственники». К микрополю «родство, родственники» относятся лексические единицы, объединенные на основании интегральной гиперсемы «родство» и комплекса гипосем. Конституенты данного микрополя входят в состав лексико-семантических групп, которые состоят из микропарадигм.*

Заключение. *Микрополе «родство, родственники» – обширная группировка лексических единиц (834 единицы), номинирующих отношения родства. Основу микрополя составляют синонимические, антонимические и другие виды семантических корреляций.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 66–69)

Microfield "Kinship, Relatives" as Part of the Semantic Field of "Family" (Based on the German Language)

Druzhina N.L.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article considers the microfield "kinship, relatives", which forms the center of the semantic field of "family" in the German language.

The purpose of the article is to identify the volume and composition of the microfield "kinship, relatives"; to describe the systemic relations within the studied microfield.

Material and methods. *The research material was a thematic corpus (1417 contexts) from the texts of the didactic variety of pedagogical discourse and German social and political publications (2012–2022). During the course of the study, continuous sampling, component and descriptive methods were used.*

Findings and their discussion. *We have identified the quantitative composition and features of the functioning of lexical units in the microfield "kinship, relatives". The microfield "kinship, relatives" includes lexical units united on the basis of the integral hyperseme "kinship" and the hyposeme complex. The constituents of this microfield belong to lexical and semantic groups that consist of microparadigms.*

Conclusion. *The microfield "kinship, relatives" is an extensive group of lexical units (834 units) nominating kinship relations. The basis of the microfield consists of synonymic, antonymic and other types of semantic correlations.*

Key words: *the semantic field of family, the microfield "kinship, relatives", system organization of vocabulary, field theory in linguistics.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 66–69)

Семантическое поле, будучи частью лексико-семантической системы языка, является также инструментом исследования лексики. Теория семантического поля, которую связывают с именем Й. Трира, была подготовлена более ранними достижениями лингвистической мысли (учение о внутренней форме языка В. фон Гумбольдта). Многие ученые-лингвисты уже в IX веке обсуждали вопросы системности лексики и их связь с системностью человеческих представлений. М.М. Покровский в своей работе «Семасиологические исследования в области древних языков» (1896) на материале классических и современных европейских языков устанавливает закономерные диахронно-системные связи единиц внутри различных языковых подсистем. По мнению М.М. Покровского, «слова и их значения не живут отдельной друг от друга жизнью, но соединяются... независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [1, с. 82].

Вопросы, касающиеся разработки теории поля и выбора методов его исследования, проанализированы в трудах таких ученых, как Г. Ипсен, Й. Трир, В. Порциг, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, Г.С. Щур и др. В лингвоаксиологических исследованиях признанной является модель описания ценностей, которая разработана профессором В.А. Масловой [2].

В центре семантического поля *семья* в немецком языке расположено микрополе *родство, родственники*. Лексико-семантические группы, формирующие данное микрополе, объединяют лексические единицы, обозначающие людей, связанных узами родства, супружества, усыновления и опекуна. Внелингвистическая системность данного социокультурного пространства служит базой для структурирования конститuentов микрополя *родство, родственники*.

«Система терминов родства представляет собой не только языковую, но и культурную систему. Поэтому описание семантического поля терминов родства в разных языках позволяет сравнивать системы родства и брака в разных культурах» [3, с. 133]. Как отмечал известный русский лингвист О.Н. Трубачев в своем труде, посвященном истории славянских терминов родства, «...следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда – по сложности многих моментов своей истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде» [4, с. 17].

Цель статьи – определить объем и состав микрополя «родство, родственники»; описать системные отношения внутри исследуемого микрополя.

Материал и методы. Материалом исследования послужил тематический корпус (1417 контекстов) из текстов дидактической разновидности педагогического дискурса и немецких общественно-политических изданий (2012–2022 гг.). В ходе исследования были

использованы метод сплошной выборки, компонентный и описательный методы.

Результаты и их обсуждение. Входящие в микрополе *родство, родственники* лексико-семантические группы представляют семью как группу людей, объединенных родственными отношениями, которые основаны на кровных узах, супружестве, усыновлении и опекунастве. Интегральной гиперсемой данного микрополя является *родство*. Исследуемое микрополе – классификация лексических единиц, объединенных в группу на основе их соотносительности с одной и той же областью внеязыковой действительности – по экстралингвистическому признаку общности денотатов. По мнению М.А. Кронгауза, «системность и строгость внеязыковых отношений обеспечивает почти идеальную разложимость лексемных значений, а также адекватность и полноту описания» [3, с. 133]. Значимость данного микрополя подтверждается обширной представленностью лексики, номинирующей родство и родственников. Например, в идеографическом словаре Ф. Дорнзайфа «Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen» группа терминов родства насчитывает 114 номинаций [5, с. 399]. Современные толковые словари, педагогические и публицистические контексты расширяют понятие *родство, родственники* новыми номинациями, дериватами, окказионализмами и т.п.

ЛСГ *кровное родство* объединяет единицы, связанные с наименованиями членов семьи, близких и дальних родственников, имеющих общих предков. Слова в ЛСГ разделены на 2 микропарадигмы: первая объединяет названия кровных родственников по прямой линии в одном поколении, в соседних поколениях, через поколение и т.п.; вторая – названия кровных родственников не по прямой линии, классифицируемые по тому же принципу. У слов данной группы проецируются гиперсема-1 *родство*, гиперсема-2 *кровное родство* и гипосемы *по прямой линии, не по прямой линии, в одном поколении, в соседних поколениях, через поколение, через два поколения, через много поколений* [6].

В микропарадигму *кровное родство по прямой линии* входят единицы с гиперсемой-1 *родство*, гиперсемой-2 *кровное родство*, гипосемой *по прямой линии* и дополнительными гипосемами: *в одном поколении: Bruder / брат; der ältere Bruder / старший брат; der jüngere Bruder / младший брат; Schwester / сестра; die ältere Schwester / старшая сестра; die jüngere Schwester / младшая сестра; Geschwister / братья и сестры; brat и сестра; сестры; братья; Gebrüder / братья; Zwilling / близнец; Drilling / тройняшка; der leibliche Bruder / единокровный брат; die leibliche Schwester / единокровная сестра; Halbbruder / сводный брат (по отцу / матери); Halbschwester / сводная сестра (по отцу / матери); в предшествующем и последующем поколениях: Vater / отец; Mutter / мать; Eltern / родители; Kind / ребенок; Sohn / сын; Spross / отрпрыск; Sprössling / отрпрыск, чадо; Stammhalter / наследник; Nachfahre / потомок (разг.); Nachkomme / потомок (разг.); Junge / сын; Tochter / дочь; Mädchen / дочь, девочка; uneheliches Kind / внебрачный ребенок; через поколение: Großvater /*

дедушка; *Großmutter* / бабушка; *Enkelkind* / внук, внучка; *Enkel* / внук; *Enkelin* / внучка; через два поколения: *Urgroßvater* / прадед; *Urgroßmutter* / прабабка; *Urgroßeltern* / прадед и прабабка; *Urenkel* / правнук; *Urenkelin* / правнучка; через много поколений: *Ahn* / предок, родоначальник, прародитель; *Ahne* родоначальница, прародительница, предок (по женской линии); *Ahnen* / предки, прародители; *Altvordern* / предки; *Vorvater* / предок, праотец; *Voreltern* / предки, прародители; *Vorfahren* / предки, прародители; *Urahn* / предок, прародитель; *Urahne* / прабабка, прародительница, пра-мать; *Stammvater* / прародитель, пращур; *Ahnherr* / родоначальник, прародитель; *Urgroß-/Alteltern* / прапрапрародители; *Nachfahre* / потомок; *Nachkomme* / потомок, отпрыск; *Abkömmling* / потомок, родственник по нисходящей линии; *Erigone* / эригон, потомок.

К микропарадигме кровное родство не по прямой линии относится целый ряд слов с гиперсемой-1 родство, гиперсемой-2 кровное родство, гипосемой не по прямой линии и дополнительными гипосемами: в одном поколении: *Vetter* / двоюродный брат; *Cousin* / кузен; *Vase* / двоюродная сестра; *Kusine* / кузина; в соседних поколениях: *Oheim*, *Onkel* / дядя; *Muhme*, *Tante* / тетя; *Nepote*, *Neffe* / племянник; *Bruderstochter*, *Nichte* / племянница; *Geschwisterkind* / племянник либо племянница; через поколение: *Großtante* / двоюродная бабушка; *Großonkel* / двоюродный дедушка; *Großneffe* / внучатый племянник; *Großnichte* / внучатая племянница.

ЛСГ свойствó (*anverheiratete Verwandtschaft*, *Schwägerschaft*, *Verschwägerung*, *Verwandtschaft durch Heirat*) объединяет единицы, номинирующие людей, связанных отношениями, возникающими из брачного союза одного из родственников. Слова в данной ЛСГ разделены на 4 микропарадигмы: первая объединяет названия супругов, вторая – родителей супругов, третья – родственников супругов, четвертая – супругов близкого родственника. У слов данной группы проецируются гиперсема-1 родство, гиперсема-2 свойство и гипосемы супруги, родители супругов, родственники супругов, супруги близкого родственника.

В микропарадигму супруги входят лексемы с гиперсемой-1 родство, гиперсемой-2 свойствó и гипосемами супруги, брак: *Mann*, *Gatte*, *Ehemann*, *Ehepartner*, *Gemahl* / супруг; *Ehefrau*, *Ehegattin*, *Gattin*, *Frau*, *Gemahlin*, *Ehepartnerin*, *Weib* / супруга.

Микропарадигма родители супругов – слова с гиперсемой-1 родство, гиперсемой-2 свойство и гипосемой родители супругов: *Schwiegereltern* / родители жены или мужа; *Schwiegervater* / свекор, тесть; *Schwiegermutter* / свекровь, теща.

К микропарадигме родственники супругов относятся лексемы с гиперсемой-1 родство, гиперсемой-2 свойство и гипосемой родственники супругов: *Schwager* / деверь, шурин, зять (муж сестры), свояк; *Schwägerin* / золовка, свояченица, невестка (жена брата, деверя, шурина).

Микропарадигма супруг(а) близкого родственника включает лексику с гиперсемой-1 родство,

гиперсемой-2 свойство и гипосемой супруг(а) близкого родственника: *Schwiegersohn* / зять; *Eidam* / зять; *Tochtermann* / зять; *Schwiegetochter* / невестка, сноха; *Schnur* / невестка, сноха.

ЛСГ условное родство объединяет лексемы со значением не биологическое родство. Слова в данной ЛСГ разделены на 3 микропарадигмы: первая объединяет названия лиц, связанных внебрачными отношениями; вторая номинирует отношения, возникающие при повторных браках; третья вербализует отношения при усыновлении / удочерении. У слов данной группы проецируются гиперсема-1 родство, гиперсема-2 условное родство и гипосемы внебрачные отношения, отношения при втором (и последующих) браках, отношения при усыновлении / удочерении.

Микропарадигма родственные отношения вне брака объединяет лексику с гипосемой внебрачные отношения: *Partner* / партнер; *Partnerin* / партнерша; *Lebenspartner* / партнер для жизни; *Lebenspartnerin* / партнерша для жизни; *Freund* / друг; *Freundin* / подруга; *Lebensgefährte* / спутник жизни; *Lebensgefährtin* / спутница жизни; *Lebensabschnittsgefährte* / спутник на период жизни; *Lebensabschnittsgefährtin* / спутница на период жизни; *Lebensabschnittspartner* / партнер на период жизни; *Lebensabschnittspartnerin* / партнерша на период жизни.

Микропарадигма отношения при повторных браках включает лексические единицы с гипосемой отношения при повторных браках: *Stiefvater* / отчим; *Stiefmutter* / мачеха; *Stiefeltern* / отчим и мачеха; *Stiefkind* / пасынок, падчерица; *Stieftochter* / падчерица; *Stiefsohn* / пасынок; *Stiefbruder* / сводный брат; *Stiefschwester* / сводная сестра; *Stiefgeschwister* / сводные братья и сестры, сводные братья, сводные сестры.

Микропарадигма отношения при усыновлении / удочерении актуализирует гипосему отношения при усыновлении / удочерении: *Adoptiveltern* / усыновители; *Adoptivkind* / усыновленный, удочеренный ребенок; *Adoptivmutter* / приемная мать; усыновительница; *Adoptivsohn* / приемный сын; усыновленный сын; *Adoptivtochter* / приемная дочь, удочеренная дочь; *Adoptivvater* / усыновитель, приемный отец; *Pflegeeltern* / приемные, названные родители; *Pflegekind* / приемный; ребенок, находящийся на воспитании; *Pflegesohn* / приемный сын; *Pflege Tochter* / приемная дочь; *Pflegevater* / приемный отец, воспитатель; *Pflegemutter* / приемная мать, воспитательница.

Микрополе родство, родственники имеет в своей организации гиперо-гипонимическую структуру, которая наполняется синонимическими, антонимическими и другими единицами. Например, доминанта микрополя лексема родство выступает гиперонимом по отношению к лексемам, номинирующим ЛСГ *Blutsverwandtschaft* / кровное родство, *Schwägerschaft* / свойствó. Конституенты микропарадигм образуют синонимические ряды (например, *Mann*, *Gatte*, *Ehemann*, *Ehepartner*, *Gemahl* / супруг; *Frau*, *Ehefrau*, *Ehegattin*, *Gattin*, *Gemahlin*, *Ehepartnerin*, *Weib* / супруга и др.);

антонимические парадигмы с интегральным признаком *различие по полу* (например, *Vater / отец – Mutter / мать; Bruder / брат – Schwester / сестра*).

В процессе исследования контекстуального употребления конститuentов поля были выявлены синонимические ряды как с лексемами, зафиксированными синонимическими словарями, так и с окказионализмами, причем последние преобладают в количественном соотношении. Анализ окказиональных синонимов позволил выделить следующие синонимические ряды: *семья / родство как совокупность родственников* синонимизируется с сочетаниями: *verwandte Personen / лица, состоящие в родстве; Verwandtschaftskreis / круг родственников; Familie eines der beiden Elternteile / семья одного из родителей; ein großes Netzwerk / большая семейная сеть; verwandtschaftliches Beziehungsnetz / сеть родственных отношений; familiales Netzwerk / семейная сеть; der erweiterte Familienkreis / все родственники; dichtes Geflecht von Lebensbegleitern / широкая сеть спутников жизни; Zusammengehörigkeit von zwei (oder mehreren) aufeinander bezogenen Generationen / сплоченность двух (или более) поколений родственников; Mitbewohnen von Eltern und anderen Verwandten / совместное проживание родителей и других родственников; Zusammenschluss von Menschen / объединение людей; verwandtschaftliches Netzwerk / сеть родственников; das Band zwischen den Generationen / межпоколенные узы; eine traditionelle Großfamilie / традиционная большая семья и др.*

Процессы метонимизации отражаются в речи возможностью синонимизации лексемы *Verwandtschaft* со словосочетаниями: *3-Generationen-Haushalt / домашнее хозяйство (семья) из трех поколений; Mehrgenerationenleben / совместная жизнь нескольких поколений; im selben Haushalt lebende Personen / лица, проживающие совместно; ein starkes Band / крепкие узы.*

Метафорические сдвиги отражаются в публицистических и педагогических контекстах возможностью употребления синонимов: *Ballast / балласт; keine unveränderliche Größe / переменная величина; flexibles Gebilde / подвижное образование; soziales Netzwerk / социальная сеть* и т.п.

В результате анализа контекстов выделены антонимические пары окказионального характера: *Verwandtschaft / родство – kühl-unpersönliche Sozialbeziehungen / прохладно-неличные социальные отношения; Blutsverwandtschaft / кровное родство – Wahlverwandtschaft / родство по выбору*. Ср.: *Blutsverwandtschaft wiegt mehr als Wahlverwandtschaft*. (В.). – *Кровное родство – это не родство по выбору*.

Гипонимические (родо-видовые) отношения с участием лексемы *Verwandtschaft* эксплицированы в педагогических контекстах. Зафиксированы следующие гиперонимы: *Umfeld / окружение, Systeme / системы*. Согипонимами выступают лексемы: *Schule / школа, Nachbarschaft / соседи, Kindertageseinrichtung / детское учреждение, Schule / школа, Freundeskreis / круг друзей, Soziotop / социотоп*. Ср.: *...ein förderliches Umfeld im sozialen Setting (Schule, Nachbarschaft und Verwandtschaft)*

(FHB). – *...необходимое окружение в социальном регулировании (школа, соседи, родственники). ...in allen Systemen, die die Lebenswelt eines Kindes ausmachen: in Verwandtschaft, Kindertageseinrichtung, Schule, Freundeskreis, Soziotop usw.* (FHB). – *...во всех системах, которые составляют жизненный мир ребенка: родство, детское учреждение, школа, круг друзей, социотоп и т.д.*

Члены исследуемого микрополя задействованы в меронимических отношениях. Так, *Verwandtschaft / родство* в рамках публицистического и педагогического контекстов представляет собой: **родственные отношения:** *enge, nächste, nahe, weitere, ferne, entfernte Verwandtschaft / тесное, ближайшее, близкое, дальнее, далекое, отдаленное родство; Blutsverwandtschaft / кровное родство; Schwägerschaft / свойство, Wahlverwandtschaft / родство по выбору* и др.; **родственники:** *die ganze Verwandtschaft / все родственники; die leibliche Verwandtschaft / кровные родственники; die gesamte Verwandtschaft / все родственники; die erweiterte Verwandtschaft / расширенное родство* и др.; **родственные связи:** *Verwandtschaftsbande / родственные узы; Verwandtschaftsbeziehung / родственные отношения; Verwandtschaftsverhältnisse / родственные отношения* и др.; **чувства:** *Zusammengehörigkeit / сплоченность; Nähe / близость; Geborgenheit / защищенность; Vertrauen / доверие; Liebe / любовь; Sicherheit / надежность; Stabilität / стабильность; Unterstützung / поддержка; Hilfe / помощь; Schutz / защита* и др.

Заключение. Таким образом, к микрополю *родство, родственники* относится лексика (834 единицы), объединенная на основании интегральной гиперсемы *родство* и комплекса гипосем. Конституенты данного микрополя входят в состав ЛСГ, которые, в свою очередь, состоят из микропарадигм. Большинство входящих в микрополе лексико-семантических групп существует во взаимодействии, что свидетельствует о наличии сложных иерархических и парадигматических отношений между элементами микрополя.

Литература

1. Покровский, М.М. Избранные труды по языкознанию / М.М. Покровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 385 с.
2. Маслова, В.А. Гидроним Двина как ценность и концепт в языковом сознании жителей Витебщины / В.А. Маслова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст.: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 18 февр. 2016 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 110–113. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/7562> (дата обращения: 14.10.2023).
3. Кронгауз, М.А. Семантика: учебник / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2005. – 352 с.
4. Трубочев, О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубочев. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 212 с.
5. Dornseiff, Fr. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / Fr. Dornseiff. – Berlin, New York: De Gruyter, 1970. – 922 S.
6. Дружина, Н.Л. Универсальное и идиоэтническое в восприятии феномена семьи русскими, белорусами и немцами / Н.Л. Дружина // Филологические науки. – 2016. – № 2. – С. 21–26.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Метафора как воплощение семно-семемного типа поэтического речемышления в стихотворении Ю. Мориц

Зайцева И.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной филологии – исследованию процесса интеллектуальной деятельности поэта, который определяют как поэтическое речевое мышление.

Цель публикации – выявление типа поэтического речемышления, воплощённого в стихотворении Ю. Мориц, и анализ конкретных средств и способов его речевого оформления.

Материал и методы. Материалом послужило стихотворение Юнны Мориц «Изобрети, Россия, вакцину от недуга...» (2020). Методологическую основу исследования составил комплекс частнолингвистических методов: структурно-семантический анализ материала, контекстологический анализ, компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. Анализ сосредоточен преимущественно на рассмотрении функционирования в поэтическом произведении Ю. Мориц двух групп метафор, объединённых в тропические системы, которые наиболее явственно воплощают семно-семемный тип поэтического речевого мышления автора.

Продемонстрировано, что именно во взаимодействии этих систем, которые отмечены очевидной авторской индивидуальностью, наиболее явно выражается своеобразие мировосприятия поэта.

Заключение. Таким образом, анализ поэтического произведения Ю. Мориц, сосредоточенный на рассмотрении его некоторых образно-ценностных параметров, подтверждает актуальность более глубокого и тщательного изучения поэтических идиостилей поэтов.

Ключевые слова: поэтический текст, поэтическое речевое мышление, метафора, десемантизация, индивидуально-авторское своеобразие.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 70–74)

Metaphor as an Embodiment of Seme-Sememe Type of Poetic Speech Thinking in Yu. Moritz' Poem

Zaitseva I.P.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is devoted to one of the pressing problems of modern philology – the study of the process of intellectual activity of a poet, which is defined as poetic speech thinking.

The purpose of the publication is to identify the type of poetic speech thinking embodied in the poem by Yu. Moritz, and to analyze specific means and methods of its speech design.

Material and methods. The material was the poem by Yunna Moritz "Invent, Russia, a vaccine for the disease..." (2020). The methodological basis of the study was a complex of specific linguistic methods: structural-semantic analysis of the material, contextological analysis, component analysis.

Findings and their discussion. The analysis is focused primarily on the consideration of the functioning in the poetic work of Yu. Moritz of two groups of metaphors, united in tropical systems, which most clearly embody the seminal type of poetic speech thinking of the author.

It is demonstrated that it is in the interaction of these systems, which are marked by the obvious author's individuality, that the originality of the poet's worldview is most clearly expressed.

Conclusion. Thus, the analysis of the poetic work of Yu. Moritz, focused on the consideration of some of its figurative and value parameters, confirms the relevance of a deeper and more thorough study of the poetic idiostyles of poets.

Key words: poetic text, poetic speech thinking, metaphor, desemantization, individual author's originality

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 70–74)

Взаимоотношения авторских мышления и языка в их соотносённости с создаваемыми коммуникативно-речевыми произведениями (текстами) – одна из проблем филологического знания, актуальность которой в последние десятилетия не только не снизилась, но и существенно возросла. Наиболее остро её значимость ощущается при исследовании словесно-художественных произведений, которые по определению воплощают в себе (в той или иной степени) индивидуальное мировидение, в результате чего формируется индивидуально-стилистическое своеобразие текста, нередко требующее, помимо традиционных методов исследования, иных подходов к постижению его смысла.

Творческую интеллектуальную деятельность художника слова (поэта – в первую очередь) исследователи определяют, используя ряд специфических терминов, в число которых входит и такая дефиниция, как **поэтическое речевое мышление** – ср., в частности: «**Поэтическое речевое мышление** – зафиксированная в тексте творческая интеллектуальная деятельность поэта, связанная с его способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова» [1]. Процесс такого рода интеллектуальной деятельности, как правило, сопровождается особым психологическим, а нередко и психофизиологическим состоянием творческой личности, на что обращают внимание практически все исследователи – ср., к примеру: «Поэтическое речевое мышление связано с **обострённо эмоциональным восприятием художником слова окружающего мира**: поэт, обладая особой «зоркостью» и свежестью взгляда, способен увидеть то, что не укладывается в рамки ранее увиденного. **В сфере подсознания поэта интуитивно осуществляется отбор и обработка нерасчленённого потока информации**, в результате чего под влиянием авторского замысла из этого потока вычлениаются более компактные идеальные образования, «зачины мысли» (И.Я. Чернухина), которые поэт намерен передать в процессе коммуникации» (выделено нами. – И.З.) [1]. И.Я. Чернухина, в работах которой феномен поэтического речевого мышления получил наиболее системное и развёрнутое описание, полагает, что, оценивая это явление с семантико-образных позиций, можно выделить в нём **три конструктивно-семантических типа**: *семный*, *семно-семный* и *семный*, – которые дифференцируются в зависимости от характера воплощения зачина мысли в речи [2].

В современной женской лирике (лирических произведениях Марии Бородинской, Веры Павловой, Юнны Мориц и др.), по нашим наблюдениям (которые, безусловно, никоим образом не претендуют на исчерпанность), наиболее часто находит выражение тот тип поэтической речемыслительной деятельности, который определён И.Я. Чернухиной как *семно-*

семный (данная проблема на материале современной женской поэзии рассматривается в ряде наших работ – см., например: [3; 4]). Этот тип интеллектуальной деятельности поэта проявляется «в ослаблении корреляции “семема – лексема – представление”, в результате чего слово приобретает способность десемантизироваться, а также получает дополнительные семы. В этом случае целостный художественный образ возникает не из совмещения простых представлений, как при *семном* типе, а из интеграции представлений, в результате чего создаётся не только образ с его семантикой, представлением и эстетикой, но и образный фон, который обладает лишь представлением (слуховым, зрительным, вкусовым и др.)» [1]. Одним из наиболее распространённых способов воплощения означенного типа речемышления поэтов, как свидетельствует проанализированный нами материал, является создание метафор (нередко объединяемых в лирической структуре *в систему*), которые, как правило, наделяются в подобных случаях очевидными признаками авторской индивидуальности.

Цель настоящей публикации – выявление типа поэтического речемышления, воплощённого в одном из стихотворений Ю. Мориц, и анализ конкретных средств и способов его речевого оформления.

Материал и методы. Материалом исследования послужило стихотворение Ю. Мориц «Изобрети, Россия, вакцину от недуга...» (2020). Методологическую основу исследования составили такие частнолингвистические методы, как структурно-семантический анализ материала, контекстологический анализ, компонентный анализ и дискурс-анализ; в процессе исследования были использованы отдельные приёмы общелингвистических и общелингвистических методов (в частности, статистический анализ и приём интерпретации).

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим в качестве одного из способов воплощения *семно-семного* типа поэтического речевого мышления *системы метафор*, функционирующие в стихотворении Юнны Мориц, полный текст которого приводится далее:

*Изобрети, Россия, вакцину от недуга,
От вируса, который внедряется в мозги,
Чтоб рухнула Россия, любя врага, как друга,
Боготворить мечтая своих врагов круги, –
Себе спасись от этой заразы помоги!
Изобрети, Россия, вакцину от подлянки,
Которая – измены под видом перемен,
Под видом проходящей ангины и ветрянки,
Бронхита, от которого в России ставят банки, –
Изобрети вакцину от самосдачи в плен!
Изобрети, Россия, вакцину от позора,
От Беловежской пуши, от вируса мозгов,
Где русофобским ядом отравленная свора
В Россию притащила свой вирус приговора –
Россию ненавидеть, любить её врагов!*

*Изобрети, Россия, вакцину для защиты
От вируса, который сражается с тобой,
Как ненависть к России, которой знамениты
Нацизма уголовники, преступники, бандиты,
Под видом демократии творящие разбой!
Изобрети, Россия, вакцину от заразы,
От вируса российских кругов и рычагов,
Готовых сдать Россию под натовские базы, –
Таков их путь на запад – и больше никаких:
Россию ненавидеть, любить её врагов!* [5].

Приведённый лирический текст отличается явным индивидуально-стилистическим своеобразием как в плане отбора автором языкового материала, так и в аспекте организации последнего. Одной из отличительных особенностей лексико-семантического уровня стихотворения является весьма активное использование поэтом (лирическим героем) медицинской терминологии: *вакцина* (6 употреблений), *вирус* (5 употреблений), *ангина*, *ветрянка*, *бронхит*, *ставить банки*. Вероятно, среди экстралингвистических факторов, обусловивших такой выбор, – время написания произведения, созданного в период разгара пандемии коронавирусной инфекции COVID-19: оно опубликовано в сентябре 2020 года. Однако представляется, что в значительной степени этот выбор, как и контекстуальное осмысление лексических единиц, входящих в тематическую группу «медицинская лексика», обусловлены своеобразием мировидения и мироощущения поэта, на котором базируется и оригинальное воплощение гражданской позиции лирического героя. К числу наиболее экспрессивных образно-выразительных средств, создающих композиционно-образный каркас лирической структуры, принадлежат две группы – **системы** – метафор, в которых, с нашей точки зрения, воплощён *семно-семемный* тип авторского поэтического мышления наиболее отчётливо.

Одну из этих систем составляют метафоры с ключевым компонентом **вакцина**: *вакцина от недуга, от вируса (который внедряется в мозги); вакцина от подлянки (которая – измены под видом перемен); вакцина от самосдачи в плен; вакцина от позора, от Беловежской Пущи, от вируса мозгов; вакцина для защиты от вируса (который сражается с тобой); вакцина от заразы, от вируса российских кругов и рычагов*. В основе всех этих метафор, осложнённых различными распространителями, лежит словосочетание, состоящее из ключевого компонента **вакцина** с различными именами существительными в форме родительного падежа с предлогом, – т.е. модель *генитивной* метафоры, метафоры наиболее древнего типа, который и в современный период имеет широкую представленность в разных функционально-стилистических сферах, в первую очередь – в художественной и публицистической речи.

Ключевой компонент **вакцина**, которому в языке свойственно лишь одно значение (ср. описание значения данной лексемы в наиболее полном на сегодня

академическом толковом словаре: «**Вакцина**... Препарат для предохранительных и лечебных прививок против инфекционных болезней, получаемый из ослабленных или убитых микроорганизмов и продуктов их жизнедеятельности. *Противогриппозная вакцина. Живая вакцина*» [6, с. 317]), метафорических сочетаниях ожидаемо частично десемантизируется, утрачивая часть присущих ему сем и приобретая при этом некоторые новые, сформировав в результате содержание, которое можно определить как ‘средство, способное защитить как от общественных событий, резко осуждаемых социумом, так и от неблагоприятных человеческих поступков, могущее служить им противодействием’.

Ряд компонентов, метафорически осмысливаемых в сочетании с номинацией «вакцина», весьма неоднороден, словно иллюстрируя этой неоднородностью широту возможностей, предоставляемых поэтам, по выражению А.С. Пушкина, «неистощимостью языка в соединении слов» в таком тропе, как метафора. Среди этих компонентов общеупотребительная лексика, обозначающая негативные явления – *недуг, позор, зараза*; просторечное слово с выраженным коннотативным компонентом – *подлянка* («**ПОДЛЯНКА**... *Прост. Бранно*. ... 2. Подлый поступок, подлость» [7]); прецедентный топоним *Беловежская Пуща*, маркирующий (в большинстве случаев – негативно) конкретное социально-политическое событие – прекращение существования Советского Союза в 1991 году (своеобразной точкой отсчёта для этого процесса стала встреча в декабре 1991 года президентов трёх республик СССР: Российской Федерации, Украины и Белоруссии); авторский окказионализм *самосдача в плен* (ср. с нормативным выражением *сдача в плен* – о прекращении сопротивления, признании себя побеждённым).

Большинство входящих в данную систему метафор отмечено, таким образом, явными чертами индивидуальности, что априори придаёт им особую экспрессивность. Помимо этого, экспрессивность рассматриваемой системы метафор в целом повышается в результате определённого контрастирования входящих в неё членов: все эти элементы возможно объединить в две (неравнозначные по объёму) группы с учётом семантики *служебных* частей речи, употребляющихся в словосочетаниях, которые лежат в основе метафорических структур, – предлогов-антонимов **от** и **для**. В большинстве этих словосочетаний (в 10-ти из 11-ти) форма родительного падежа образована с помощью предлога **от**, и лишь одна – с помощью предлога **для**. Неоднократное употребление предлога **от**, которое в поэтическом произведении не может быть случайным, во-первых, обуславливает актуализацию в контексте некоторых значений этой многозначной служебной части речи (продолжающееся в настоящее время издание «Большого академического словаря русского языка» отмечает 22 значения этого предлога); с нашей точки зрения – двух.

Актуализируемыми значениями рассматриваемого предлога в данном контексте являются: «**ОТ**... *предлог с Род. пад.* ... 10. Употр. при обозначении предметов, лиц, **обстоятельств, явлений, которые устраняются, от которых освобождаются.** *Очнуться от сна. Очистить от грязи*... 11. Употр. при обозначении **состояния, явления, лица и т.п., против которого, для предотвращения которого используется, употребляется или служит что-л.** *Таблетки от головной боли*» (в двух последних случаях выделено нами. – И.З.) [8]. Во-вторых, системное повторение предлога **от** в рассматриваемом поэтическом контексте способствует *градиционному* наращиванию его отмеченных значений в процессе развёртывания стихотворения, превращая его в своеобразный маркер для понятий и явлений, неприемлемых для лирического героя, категорически им отвергаемых: *позор, подлянка, самосдача в плен* и т.п.

Явное преобладание в системе метафор форм родительного падежа с предлогом **от** формирует фон, на котором отчётливо актуализируется семантика антонимичного предлога **для**, реализующего в данном контексте один из оттенков свойственных ему значений (этот предлог также является многозначным, употребляясь в 4-х значениях): «**ДЛЯ**, *предлог с род. пад.* ... 1. Употр. при указании на цель совершения действия. ... // Употр. **при указании на назначение, предназначение предмета.** *Доска для черчения. Полка для багажа*» (во втором случае выделено нами. – И.З.) [9]. При этом закономерно актуализируется и семантика имени существительного, грамматическим показателем падежного значения которого является предлог **для**: *для защиты*. Именно такая организация речевого материала в стихотворении придаёт особую, не только образную, но и очевидно **ценностную** значимость заключительной метафоре рассмотренной метафорической системы.

Проанализированная метафорическая система тесно взаимодействует в поэтическом произведении с ещё одной – менее обширной, но ничуть не менее значимой в смысловом отношении – метафорической группой, где ключевым компонентом является номинация **вирус**. Примечательно, что у этой номинации, помимо прямого значения («мельчайшие микроорганизмы, размножающиеся в живых клетках и вызывающие инфекционные заболевания у людей, животных и растений»), имеется также и *переносное* («о том, что вызывает, порождает какие-то социальные или психологические явления») [6, с. 584]: именно оно реализуется в функционирующих в стихотворении метафорах: **вирус, который внедряется в мозг; вирус мозгов; вирус приговора; вирус, который сражается с тобой; вирус российских кругов и рычагов.**

Как можно убедиться, большая часть входящих в эту группу метафор (4 из 5-и) является компонентами метафор, рассмотренных ранее, образуя в совокупности с ними развёрнутые синкретичные тропы,

в которых осмысливаемые понятия детализируются и образно конкретизируются в довольно широком контексте. Одна метафора из этой группы – **вирус приговора** – представляет максимально лаконичный по структуре (двухкомпонентное словосочетание) и более «самостоятельный» в семантическом отношении троп, который включён в высказывание, где взаимодействует с другими, аналогичными по характеру оценочности элементами (резкое осуждение – вплоть до абсолютного неприятия), чем, безусловно, достигается высокая степень эмоционального напряжения данного контекста: *руссофобским ядом отравленная свора в Россию притащила свой вирус приговора.*

Обе метафорические системы, функционирующие в стихотворении, отличаются не только очевидной образностью и оценочностью, но и оригинальностью, которая обусловлена особенностями поэтического речемышления, базирующимися, в свою очередь, на своеобразии авторского мировидения и мироощущения. Представляется, что постижение смысла, заложенного в этих тропеических системах, в первую очередь необходимо для адекватного понимания воплощённой в поэтическом произведении позиции лирического героя и, соответственно, авторской гражданской позиции, которая отличается чёткостью и бескомпромиссностью.

Необходимость учёта взаимодействия системных метафорических объединений, функционирующих в произведении, при его восприятии подтверждает и его автор, поэтесса Юнна Мориц, которая в интервью, посвящённом рассматриваемому стихотворению, на вопрос о том, почему чисто медицинские термины превратились в образы, отвечает: «*Потому что речь идёт о заразе, о вирусе, о явлении эпидемии, пандемии, ненависти к России. Ненависть к России внедряется как вирус. Глобально. Как пандемия. И он работает.*

И я перечисляю в стихотворении, как он работает, где он работает, в каких случаях он работает, и вакцина, в данном случае, иносказание того, как Россия должна выработать в себе иммунитет, собственную защиту, сопротивляемость этому» (выделено нами. – И.З.) [10].

Заключение. Таким образом, фрагментарный анализ поэтического произведения «Изобрети, Россия, вакцину от недуга...», который сосредоточен в данном случае на рассмотрении лишь некоторых образных параметров поэтического текста, обусловленных своеобразием речемыслительной деятельности автора, подтверждает, с нашей точки зрения, актуальность более глубокого и тщательного изучения поэтических идиостилей современных поэтов. При этом очевидна соотнесённость индивидуально-стилистических особенностей рассмотренного художественного текста со своеобразием речемыслительной деятельности автора, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения всего диапазона форм такого рода корреляции.

Следует при этом отметить, что исследования подобного характера обладают значимостью не только для сферы лингвистической поэтики (стилистики художественной речи), но и для решения ряда проблем, связанных с изучением современного русского языка во всём многообразии форм его существования, в том числе тех, которые подвержены наибольшему влиянию экстралингвистических (политических – в частности) факторов.

Литература

1. Баженова, Е.А. Поэтическое речевое мышление / Е.А. Баженова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 296–300.
2. Чернухина, И.Я. Поэтическое речевое мышление / И.Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 192 с.
3. Зайцева, И.П. О своеобразии поэтического речевого мышления в современной женской поэзии (на материале творчества Марины Бородицкой / И.П. Зайцева // *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XIII Междунар. науч. конф., Владимир, 24–26 сент. 2019 г. посвящ. 90-летию проф. А.Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области*. – Владимир: Транзит-ИКС, 2019. – С. 152–157.
4. Зайцева, И.П. Слово как средоточие своеобразия поэтического речевого мышления (на материале современной лирики) / И.П. Зайцева // *Навуково-метадычная думка на Беларусі: матэрыялы рэгіян. (з міжнародным удзелам) навук. канферэнцыі, прысвеч. 100-годдзю “Беларускай граматыкі для школ” Б. Тарашкевіча, Віцебск, 5 сн. 2018 г. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.А. Арцямёнак (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2018. – С. 87–92.*
5. Мориц, Ю. «Изобрети, Россия, вакцину от недуга...» [Электронный ресурс] / Ю. Мориц. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/217180/4284433/>. – Дата доступа: 25.05.2023.
6. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.-СПб.: Наука, 2005. – Т. 2. Благо–Внять. – 660 с.
7. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. – М.–СПб.: Наука, 2011. – Т. 18. Подлещ–Порою. – С. 24.
8. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. – Т. 14. О–Отрыть. – М.–СПб.: Наука, 2010. – С. 309–311.
9. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 5. Деньга–Жюри. – М.-СПб.: Наука, 2006. – С. 139.
10. Мориц, Ю. Изобрети, Россия, вакцину от подлянки, от Беловежской Пуши, от самосдачи в плен! (интервью Александру Гамову, обозревателю КР.RU, 9 сентября 2020 года) [Электронный ресурс] / Ю. Мориц. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/217180/4284433/>. – Дата доступа: 25.05.2023.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Умные города и умные снаряды (неофраземы с компонентом умный в интернет-пространстве)

Коваль В.И.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Гомель

В статье рассматриваются фразеологические неологизмы – устойчивые словосочетания терминологического типа, включающие в свой состав адъективный компонент «умный» в значении ‘оснащенный автоматизированной системой управления’. Неофраземы этого типа относятся прежде всего к бытовой сфере: умный город, умная остановка, умный дом, умный пылесос и др. Выявлена и описана также группа подобных устойчивых словосочетаний, имеющих отношение к военно-технической сфере: умный снаряд, умная бомба, умная пуля.

Актуальность исследования неофразем терминологического характера обусловлена прежде всего их статусом языковых единиц, называющих новые явления в жизни общества, отражающих постоянную динамику языка как системы.

Материал и методы. *Источниками фактического материала послужили находящиеся в открытом доступе интернет-материалы, содержащие описание рассматриваемых в статье явлений; материалы интернет-форумов соответствующей тематики, а также ресурсы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В процессе исследования использовался описательный метод, а также методы лексикографической и контекстуальной интерпретации.*

Результаты и их обсуждение. *Субстантивные компоненты рассматриваемых устойчивых словосочетаний, называя тот или иной предмет действительности, выполняют сугубо номинативную функцию, в то время как адъективный компонент наделяет подобные неофраземы специфической оценочной семантикой, так или иначе связанной со сферой искусственного интеллекта. В результате устойчивые словосочетания терминологического характера приобретают целостное значение за счет «семантического сдвига» одного из его компонентов, что вполне типично для фразеологических сочетаний, описанных в свое время академиком В.В. Виноградовым: «Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное» [1, с. 29]. С другой стороны, слово «умный» в значении, которое реализуется только в составе устойчивых словосочетаний – ‘оснащенный автоматизированной системой управления’ – представляет собой семантический неологизм, иллюстрирующий один из путей развития и обогащения словарного состава русского языка.*

Заключение. *Номинации такого типа представляют особый интерес для современной лингвистики, поскольку «семантические неологизмы дают представление о сдвигах в осмыслении действительности, о наиболее активных ассоциациях, об оценке носителями языка тех или иных явлений» [2].*

Ключевые слова: неофраземы, слово-компонент «умный», семантика, оценочность, употребление.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 75–78)

Smart Cities and Smart Shells (Neophrases with a Smart Component in the Internet Space)

Koval V.I.

Education Establishment "Gomel State Franziska Skaryna University", Gomel

The article is concerned with phraseological neologisms – expressions of the terminology type which include the adjectival component of smart with the meaning of equipped with automated control system. Neophrases of this type mainly belong to everyday sphere: smart city, smart bus stop, smart home, smart hoover etc. A group of such set expressions which deal with the military technological sphere was also identified and described – smart bomb, smart bullet, smart shell.

The relevance of the study of neophrases of the terminological nature is determined primarily by their status as linguistic units that name new phenomena in the life of society, reflecting the constant dynamics of language as a system

Material and methods. *The sources of factual material were publicly available Internet materials containing a description of the phenomena discussed in the article; materials from online forums on relevant topics, as well as resources from the National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru). During the research, a descriptive method was used, as well as methods of lexicographic and contextual interpretation*

Findings and their discussion. *The article examines phraseological neologisms – stable phrases of a terminological type that include the adjectival component smart in the meaning ‘equipped with an automated control system’.*

The substantive components of the stable phrases under consideration, naming this or that object of reality, perform a purely nominative function, while the adjective component endows such neophrases with specific evaluative semantics, one way or another connected with the field of artificial intelligence. As a result, stable phrases of the terminological nature acquire a holistic meaning due to a “semantic shift” of one of its components, which is quite typical for phraseological combinations described earlier by Academician V.V. Vinogradov: “In a phraseological combination, usually only the meaning of one of the words is perceived as meaning not free, bound” [1, p. 29]. On the other hand, the word smart in a meaning that is realized only as part of stable phrases – ‘equipped with an automated control system’ – is a semantic neologism that illustrates one of the ways of developing and enriching the vocabulary of the Russian language.

Conclusion. *Nominations of this type are of particular interest for modern linguistics, since “semantic neologisms give an idea of shifts in the understanding of reality, the most active associations, and the assessment by native speakers of certain phenomena” [2].*

Key words: *neophrases, word-component smart, semantics, evaluation, use.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 75–78)

Среди широкого круга вопросов, относящихся к синхронной лексикологии, неослабевающий интерес вызывает проблематика, связанная с изучением закономерностей возникновения и функционирования лексических и фразеологических неологизмов, отражающих изменения, происходящие в различных областях общественной жизни.

Цель данной статьи заключается в выявлении, систематизации и описании устойчивых словосочетаний терминологического характера, содержащих в своем составе слово-компонент *умный* в новом значении – ‘оснащенный автоматизированной системой управления’.

Материал и методы. В качестве фактического материала в статье использовались находящиеся в открытом доступе интернет-материалы, содержащие описание рассматриваемых в статье явлений; материалы интернет-форумов соответствующей тематики, а также ресурсы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В процессе интерпретации полученных данных применялись описательный метод, методы лексикографической и контекстуальной интерпретации.

Результаты и их обсуждение. Слово *умный* употребляется в русском языке прежде всего для характеристики человека, обладающего здравым умом, сообразительностью [3, с. 1387]. В словаре В.И. Даля для данной номинации приводятся следующие синонимы: *рассудительный, разумный, опытный и смысленный человек, со здравым смыслом* [4, с. 495]. Рассматриваемое слово используется и для характеристики сообразительных, понятливых животных (*умная лошадь, умный кот*); реализуя значение ‘порожденный умом, свидетельствующий о рассудительности, образованности’, оно сочетается и с отвлеченными существительными (*умный совет, умное замечание*). Наконец, слово *умный*, выступая в значении ‘способный выполнять сложную работу’, может вступать в сочетание со словами, обозначающими различные механизмы (*умный прибор, умное устройство*) [3, с. 1387]. В последние десятилетия рассматриваемое слово активно используется в составе целого ряда новых, ранее не употреблявшихся устойчивых словосочетаний терминологического типа, выражая значение, близкое к последнему из приведенных выше семантических вариантов – ‘оснащенный автоматизированной системой управления; наделенный элементами искусственного интеллекта’ (*умный дом, умные часы, умная остановка* и др.).

Собранный материал позволяет выделить два типа новых устойчивых терминологических словосочетаний, включающих в свой состав компонент *умный*.

К первому типу таких неофразем относятся устойчивые словосочетания, связанные с бытовой сферой и обозначающие технологии или устройства, целью которых является создание удобных и безопасных условий жизни, то есть «комфортной среды обитания».

Так, неофразема *умный город* используется для обозначения достаточного «широкого» понятия: это «городская структура, которая обеспечивает устойчивое развитие, повышение качества жизни и эффективное использование ресурсов для своих жителей» (Д.Е. Намиот. О стандартах Умного города // «Информационное общество», 2017). Концепция *умного города* (англ. *smart city*) предполагает наделение «цифровым интеллектом» всех жизненно важных сторон городской жизни: государственных сервисов, транспортной системы, системы здравоохранения, расходование и распределение ресурсов (воды, тепла и электроэнергии); безопасности в общественных местах, обработки отходов. Согласно прогнозам ООН, к 2050 году около 70% населения Земли будут проживать в городах, и без смарт-технологий справиться с такой нагрузкой городские власти не могут. Однако у концепции *smart-city* есть критики, которые считают, что цифровизация требует слишком больших инвестиций и может привести к утечке персональных данных [5].

Одним из проявлений *умного города* является наличие в нем *умных остановок* общественного транспорта, то есть интерактивных остановочных пунктов, которые оборудованы дополнительными функциями для комфорта пассажиров: информацией о времени прибытия общественноого транспорта и наиболее популярных маршрутах; экранами для размещения рекламы, бесплатным Wi-Fi и розетками для зарядки телефонов. Подобные остановки становятся всё более популярными: *В Ялте открылась первая в Крыму умная остановка для общественного транспорта. Она оснащена Wi-Fi, камерами наблюдениями и розетками для подзарядки гаджетов* (В Крыму за три дня собрали умную остановку с Wi-Fi // lenta.ru, 06.05.2016).

Довольно регулярно в различных интернет-источниках употребляется устойчивое терминологическое словосочетание *умный дом* (реже – *умное здание*), которое обозначает систему, обеспечивающую удобство,

безопасность и ресурсосбережение для всех, кто находится в таком здании, и состоящую из смарт-устройств, которыми можно управлять дистанционно. Существенно, что подобная система, называемая АСУЗ (автоматизированная система управления зданием), контролирует не только целостность инженерных подсистем, но и сохраняет дом от визита непрошенных гостей. Основные цели АСУЗ – улучшение комфорта жильцов и обеспечение эффективности ресурсопотребления [6].

Очевидно, что система *умный дом* обладает рядом преимуществ: она отвечает за ресурсосбережение и комфорт жителей дома, упрощает управление объектом недвижимости, делая жизнь постояльцев удобной и безопасной. АСУЗ *умный дом* сама польет лужайку, создаст наиболее приятный микроклимат в помещениях, уведомит об аварии или нежелательном проникновении, перейдет на аккумуляторное питание в случае перебоев с электричеством.

С другой стороны, не менее очевидно и то, что создание *умного дома* – вовсе не дешевое удовольствие: в Беларуси самые простые интеллектуальные «помощники», которые автоматизируют основные процессы жизнеобеспечения в доме (вентиляцию, электропитание, отопление и освещение), «стартуют» от двух тысяч долларов. Кроме того, установка АСУЗ может обойтись дороже самой программы [7].

Устойчивое словосочетание *умный дом* является производящей базой для разговорного неологизма *умнодомец* – ‘посетитель форума «Умный дом»’. Сравн. пример обращения форумчанина-«умнодомца» к единомышленникам с конкретным деловым вопросом: *Всем доброго времени суток, уважаемые умнодомцы! Меня интересует реализация автоматического экстренного перекрытия газа на базе использования умного дома от Xiaomi.*

Следующее обращение посетителя названного форума обращает на себя внимание прежде всего потому, что его автор употребляет словосочетание *умный дом* (в значении ‘АСУЗ’) именно как фразеологизм, соотнося его со словом *дом* в его прямом значении – ‘жилище’: *Друзья, добрый день! Классическое начало: хочу в доме сделать умный дом. Почитал, погуглил, но вопросы остались. Помогите, пожалуйста, разобраться* [8].

Использование возможностей интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru) позволяет выявить значительное количество употреблений, иллюстрирующих употребление рассматриваемой неофраземы в текстах разного типа. Наибольший интерес вызывают контексты, авторы которых по-своему осмысливают словосочетание *умный дом* и семантику входящих в его состав компонентов. Так, следующее определение системы *умный дом* отражает восприятие данного словосочетания как языковой единицы, обладающей целостной семантикой (*умный дом*=система): *Под системами «умный дом» ее специалисты подразумевают проводное и беспроводное оборудование для автоматизации освещения, электропитания, отопления, вентиляции и конди-*

онирования воздуха, контроля доступа и безопасности, а также умную потребительскую электронику, бытовую технику и информационно-развлекательные системы для квартир и коттеджей (За 5 лет европейский рынок умных домов вырастет вдвое – 2019).

Автор одной из публикаций высказывает резонное мнение, согласно которому *умным домом* может называться лишь такая система, которая работает самостоятельно, в полном объеме реализует свой «ум»: *Умный дом на то и умный, чтобы работать без моего участия, когда это только возможно. Свет в санузле должен включаться по датчику движения, а выключаться – через короткое время, когда движения больше не обнаружено. Кондиционер – сам выключаться при открытии окна. Шторы – автоматически закрываться вечером и открываться утром. Если вы настроили сценарии автоматизации, то у вас есть умный дом. Если нет сценариев и вы управляете устройствами со смартфона, то у вас не умный дом, а «дом на пульте дистанционного управления»* (Полгода с умным домом Z-Wave: отзыв и лайфхаки от обычного пользователя! – 2019).

Неотъемлемым атрибутом *умного дома* является *умный пылесос*, выполняющий самостоятельно работу по уборке дома. Смарт-пылесосы оснащены сенсорами для обнаружения препятствий и определения границ помещения, а также системами навигации для эффективного планирования маршрута уборки. Большинство моделей современных умных пылесосов можно программировать на регулярную уборку в определенное время, а затем они автоматически вернутся на базу для подзарядки. Это особенно удобно для занятых людей, которые хотят прийти домой в чистую и ухоженную обстановку [9].

Второй тип неофразем, включающих в свой состав слово-компонент *умный*, образуют терминологические словосочетания, относящиеся к военно-технической сфере. В этом случае рассматриваемое прилагательное в еще большей степени утрачивает свое первоначальное значение, развивая дополнительную чисто военно-техническую семантику – ‘самонаводящийся’, ‘высокоточный’.

Так, для обозначения артиллерийских и танковых боеприпасов, а также авиационных бомб используется устойчивое словосочетание *умные снаряды*. Особенность *умных снарядов* для танков в том, что они легко программируются и могут выполнять роль трех боеприпасов одновременно – обычных фугасных, шрапнельных и бетонобойных. Российский военный журналист В.Н. Баранец сообщает, что американцы планируют поставить украинской армии *умные снаряды*, которые отличаются значительной дальностью и точностью: как считают их разработчики, такие снаряды будут способны поражать цели на расстоянии в 150 км с отклонением всего лишь в один метр. После боевого пуска и набора максимальной высоты снаряд начинает планировать на объект противника, поражая при этом цели в любом направлении, даже противоположном пуску. На конечной траектории боеприпас может

корректировать направление полета, что обеспечивает его эффективное применение для уничтожения труднодоступных целей. «Противоядием» для такого вооружения, по мнению журналиста, станет модифицированная версия российского комплекса «Панцирь-СМ», которая после доработки получила возможность бороться с разными видами сложных целей, в том числе *умными снарядами* [10].

Умной бомбой в военной авиации называется снаряд, который «после сброса падает по баллистической траектории, а наведение на цель производится автоматически по заранее введенным в ее электронную систему координатам» (А. Михайлов. Минобороны отказалось от ГЛОНАСС-бомб // Известия, 21.09.2012). Управляемые авиабомбы называют *умными*, хотя они и не оснащены искусственным интеллектом. Считается, что обычные свободнопадающие снаряды американцы первоначально называли «*тупыми*» (т.е. имеющими примитивное устройство), поскольку, упрощенно говоря, они представляют собой болванку, наполненную взрывчатым веществом и осколками. После изобретения в конце 90-х годов в США специальных устройств, позволяющих авиационным бомбам планировать такие снаряды с «крыльями» получили название *smart*, то есть «умные». *Умные бомбы* по производству значительно дешевле ракет, в то время как их разрушительный потенциал определяется специалистами как весьма значительный [11].

Показательно, что авторы некоторых газетных материалов сообщают о нецелевом, антигуманном использовании *умных бомб* и тем самым «дезауируют» позитивно осмысливаемую «исходную» семантику прилагательного *умный*: «*Умная бомба разбила детский дом в Багдаде* (С. Ищенко. Совсем не точечные удары // Труд-7, 28.03.2003); *Та же бомба лишила жизни пятерых солдат антиталибской коалиции и 18 ранила. Столь многочисленные жертвы вызвала так называемая «умная бомба» весом 600 килограммов, которая оставляет после себя воронку диаметром 20–25 метров* (Огонь по своим // Известия, 06.12.2001).

Неофразема *умная пуля* реализует в публицистических текстах значение «пуля, оснащенная головкой самонаведения, направляющейся по лазерному лучу». *Умная пуля* характеризуется как «мини-ракета», внутри которой находится не только пороховой ускоритель, но и специальный оптический сенсор, улавливающий излучение лазерного луча, с помощью которого пуля наводится на цель.

Военные специалисты называют следующие очевидные достоинства *умной пули*: использование ее для физической ликвидации особо важной цели, способность совершения *умной пулей* до тридцати (!) корректировок в секунду, отсутствие риска ликвидации стрелка ответным огнем, возможность стрельбы из-за горизонта, а также дальнобойность (*умная пуля* поражает цель на дистанции до пяти километров). В то же время *умная пуля* (на нынешнем этапе развития военных технологий) делает работу снайперов более сложной,

предполагающей не только искусное владение оружием, но и современными технологиями. Кроме того, создание *умной пули* считается очень дорогостоящим проектом: американские разработчики, в частности, пришли к выводу, что *умная пуля* обойдется в пятьсот раз дороже обычной пули [12].

Заключение. Слово *умный* реализует в составе «бытовых» неофразем новое, ранее не свойственное ему значение – «оснащенный автоматизированной системой управления», что позволяет ему значительно расширить сочетаемость и реализовать заложенный в нем позитивный семантический потенциал. Очевидно при этом, что в неофраземах, относящихся к военно-технической сфере, слово *умный* получает дополнительное «приращение смысла», формируя специфические представления о «рассудительности» и «сообразительности» боевых снарядов.

Литература

1. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. Гутина, Е.А. Семантические неологизмы в современном русском языке / Е.А. Гутина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gutinaea.wordpress.com>. – Дата доступа: 01.11.2023.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1980. – Т. 4: Р–V. – 683 с.
5. «Умный город»: в чем польза и вред технологий на примерах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gutinaea.wordpress.com/lpgenerator.ru/blog/chto-takoe-umnyj-gorod/>. – Дата доступа: 01.11.2023.
6. Умное здание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Умное_здание. – Дата доступа: 01.11.2023.
7. Умный дом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.by/wiki/term/umnyi-dom/>. – Дата доступа: 01.11.2023.
8. Умный дом – общая тема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://4pda.to/forum/index.php?showtopic=789600>. – Дата доступа: 01.11.2023.
9. Умный пылесос: инновационные решения для удобства и эффективности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ua-reporter.com/news/umnyy-pylesos-innovacionnye-resheniya-dlya-udobstva-i-effektivnosti>. – Дата доступа: 01.11.2023.
10. Баранец, В.Н. США поставят Украине «умные» дальнобойные снаряды: в чем их опасность и есть ли у России «противоядие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27461.5/4716008/>. – Дата доступа: 01.11.2023.
11. «Умные» бомбы: в чем преимущество российских снарядов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ren.tv/longread/1100893-umnye-bomby-v-chem-preimushchestvo-rossiiskikh-snariadov>. – Дата доступа: 01.11.2023.
12. Что такое умная пуля и как она работает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hi-tech.mail.ru/review/55643-chto-takoe-umnaya-pulya-i-kak-ona-rabotaet/>. – Дата доступа: 01.11.2023.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Художественный текст в аспекте КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Кудреватых И.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

В рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания художественный текст рассматривается с позиции функциональной грамматики и когнитивной лингвистики, направленных на изучение структуры, семантики, прагматики в соотносительности с целью смыслообразования и коммуникативного воздействия.

Цель статьи – поиск общих закономерностей построения художественного текста, установление грамматико-стилистических категорий, присущих художественному тексту, выявление дискретных структурных единиц текста, их отношений, определение дифференциальных признаков целого текста, его отдельных частей.

Материал и методы. *Материал исследования – рассказы В. Белова «Бобринский угор» и Ю. Казакова «Кабасы». Основа методологии исследования – работы Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, Г.В. Колианского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и др.*

Результаты и их обсуждение. *С точки зрения языковой личности писателя, текст – результат его когнитивной деятельности, отражающей авторское мировосприятие, с позиции читателя – явление психическое, наиболее «гибкий» и «подвижный» материал» (Л.А. Новиков). Установить речевой смысл текста – значит, установить системные связи и отношения между его единицами, которые и определяют условия понимания.*

Заключение. *Характеристика языка художественного произведения и идиостиля писателя в рамках коммуникативной стилистики художественного текста актуальны, поскольку индивидуально-авторское начало как проявление национально-культурного позволяет осмыслить и очертить перспективы будущих исследований когнитивной деятельности человека.*

Ключевые слова: *коммуникативная стилистика, художественный текст, культурный код, ассоциативно-смысловое поле, информативность, индивидуально-авторские приемы порождения смысла.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 79–83)

Literary Text in the Aspect of the Cognitive-Discursive Paradigm

Kudrevatykh I.P.

Education Establishment “Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University”, Minsk

Within the framework of the anthropocentric paradigm of modern linguistics a literary text is considered from the perspective of functional grammar and cognitive linguistics, aimed at studying the structure, semantics and pragmatics in correlation with the purpose of meaning formation and communicative impact.

The purpose of this article is to search for general patterns of construction of a literary text, to establish grammatical and stylistic categories typical for a literary text, to identify discrete structural units of the text and their relationships, to determine the differential features of both the whole text and its individual parts.

Material and methods. *The material of the study was short stories of V. Belov “Bobrishny Ugor” and Yu. Kazakov “Kabiasy”. The research methodology was based on the works of Yu.D. Апресян, A.V. Bondarko, V.V. Vinogradov, G.V. Kolshansky, D.S. Likhachev, Yu.M. Lotman and others.*

Findings and their discussion. *From the point of view of the writer's linguistic personality, the text is the result of his cognitive activity reflecting the author's worldview, from the reader's point of view it is “a mental phenomenon, the most “flexible” and “mobile” material” (L.A. Novikov). To establish the speech meaning of a text means to establish systemic connections and relationships between its units, which determine the conditions of understanding.*

Conclusion. *The characteristics of the language of a work of fiction and the writer's idiosyncrasy within the framework of the communicative stylistics of a literary text are relevant, since the individual author's principle as a manifestation of national-cultural component allows us to comprehend and outline the prospects for future research of human cognitive activity.*

Key words: *communicative stylistics, literary text, cultural code, associative semantic field, informative value, individual author's methods of meaning formation.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 79–83)

Коммуникативная лингвистика и различные ее теории (коммуникативная стилистика художественного текста, дискурсивная семантика, процессуальная семантика, коммуникативный синтаксис, контекстная лингвистика, лингвистика текста, прагмалингвистика) – одно из перспективных научных направлений антропоцентрической парадигмы современного языкознания, возникшей в конце XX ст. в связи с появлением нового «образа языка» – язык и культура, язык и человек. Вопросы теории текста с точки зрения его обусловленности требуют новых походов к изучению художественного произведения, в связи с чем сложились новые взгляды на природу текста: с позиции языковой личности – автор – текст – читатель, с позиции когнитивно-дискурсивного подхода – автор – текст – внетекстовая действительность, интертекстуального – текст – другой текст, лингвокультурологического – текст – культура. Сегодня лингвистика не ограничивается описанием отдельных языковых единиц в аспекте парадигматики, а стремится проникнуть в глубь семантики языка на уровне речи, текста. Особенности коммуникативной стилистики являются «анализ языковых единиц в условиях конкретных коммуникативных актов и рассмотрение высказывания (текста) как отправного звена анализа языка» [1, с. 6]. Поэтому *цель данной статьи – поиск общих закономерностей построения художественного текста, установление грамматико-стилистических категорий, присущих художественному тексту, выявление дискретных структурных единиц текста и их отношений, обеспечивающих его связность и целостность как условие интерпретации, определение дифференциальных признаков как целого текста, так его отдельных частей, то есть тех проблем, статус которых в языкознании Г.В. Колианский определил как фундаментальных.*

Материал и методы. В процессе интерпретации полученных данных основным является функционально-стилистический метод, предполагающий изучение речевой системности, в качестве дополнительного – структурно-описательный метод, в частности метод наблюдения, структурно-семантический и синтезирующий, который рассматривает компоненты текста как по отдельности, так и в их взаимосвязях и поэтому использует технику суперсегментного, или супралинейарного анализа. Такой полисистемный подход, направленный на комплексное изучение сложных взаимосвязей единиц отдельных уровней, позволяет исследовать текст с функционально-грамматической точки зрения. Таким образом, общей методологической основой следует считать структурно-функциональный анализ (или функционально-коммуникативный), который предполагает анализ, в первую очередь, семантический, поскольку языковые функции всегда связаны с коммуникативным процессом.

Результаты и их обсуждение. Художественная литература как своеобразный культурный код языкового сознания говорит на особом языке – языке чувств, ассоциаций и художественных образов, полностью подчиненных авторскому замыслу. Умение интерпретировать авторское слово через соотнесение его с определенным

предметным миром во многом зависит как от знания системы языка, так и от опыта читателя, который должен владеть не только фоновыми знаниями, но и уметь обнаружить в тексте те знаки, благодаря которым возможно приращение смысла и благодаря чему текст становится более информативным, а, следовательно, более ценным. Анализ синтаксических преобразований больших, нежели предложение (сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств, абзацев, коммуникативных блоков, прозаических строф, высказываний и т.д.) ставит своей целью изучение структурных форм и способов употребления языка в различных видах речевой деятельности. Выработать представление о единицах текста, классифицировать текстоорганизующие и текстосвязующие средства выделенных речевых единиц, способствующих пониманию текста как целостного образования, установить их внутреннюю природу и способы внешнего, грамматического выражения, то есть определить механизмы порождения текста – основные проблемы коммуникативной стилистики.

Для обозначения единиц текста существует более двадцати наименований: «сверхфразное единство» (Л.А. Булаховский, Б.А. Маслов), «сложное синтаксическое целое» (Н.С. Поспелов, Л.М. Лосева), «суперфраза» (А.А. Акишина), «большой контекст» (Т.И. Сильман), «прозаическая строфа» (Л.Г. Солганик), «сообщение» (В. Волошинов), «коммуникат» (К. Гаузенблаз), «высказывание» (О.С. Ахманова), «абзац» (А.М. Пешковский, Л.Г. Фридман), «текстовый блок» (А.А. Мецлер), «смысловый блок» (Г.В. Колшанский), «блок информации» (И.П. Кудреватых), «предикация» (Т.М. Дридзе) и мн.др. «Изучение структуры текста... не может стать теоретической дисциплиной, не выработав представление о единицах текста», однако обилие терминов, указывает Н.Ю. Шведова, не уясняет суть дела. И тем не менее исследование художественного текста как целостного образования до сих пор остается, как метко выразился В.А. Звегинцев, «заоблачной областью».

Изучение художественной литературы тесно связано с более широкими задачами анализа не только языка художественных произведений, но и выявления языковых особенностей писателя, точнее, его идиостиля – «своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно единой системы средств и форм словесного выражения. В стиле писателя... объединены, внутренне связаны и оправданы все использованные художником общенародные языковые средства» [2, с. 4]. Эта оправданность обусловлена, прежде всего, задачами, которые призваны решать произведения искусства. И важнейшая из них – формирование эмоционального состояния человека в результате адекватной интерпретации художественного текста. Идиостилевое сочетание разнородных языковых элементов при создании смысловых характеристик не только способствует реализации характеризующей, экспрессивной, информативной, модальной функций, но и является средством выражения глубинного смысла всего произведения. В этом плане функциональная грамматика, расширяя границы тради-

ционной грамматической теории, становится по своей природе структурно-интегрирующей. Деятельностный подход к анализу художественного текста (как диалог автора и читателя) в рамках антропоцентрической научной парадигмы позволяет утверждать, что любой знак потенциально коммуникативен. И в этом плане коммуникативная стилистика художественного текста, направленная на рассмотрение структуры, семантики и прагматики текста в их соотносительности с целью постижения смысла текста и его коммуникативного воздействия, – перспективное научное направление.

«Творчество – это процесс, – писал Д.С. Лихачев, – восприятие творчества – также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса..., автор ведет читателя по своей “последней авторской воле” [3, с. 32]. Поэтому так велика роль языковых средств выражения экспрессивности и эмоциональности, способных быть средством характеристики художественного образа, а значит, выражать авторские представления, авторский идеал. Таким образом, текст – это не только продукт и объект коммуникативно-познавательной деятельности, но и «образ» ее. Системно-структурные исследования текста отражают тенденции современной коммуникативно-прагматической и когнитивной лингвистики, в основе которой лежат, с одной стороны, субстантные свойства взаимодействующих единиц, а с другой – данные об экстралингвистических факторах, влияющих на язык. Структурный, или реляционный анализ художественных текстов позволяет объединить синтагматический и парадигматический аспекты грамматических исследований семантики и поставить их в центр синтаксических проблем. «Семантическая триада означающее (форма) – понятие – предмет стала определяющей для методики синтаксического анализа» [4, с. 298].

Семантика художественного текста или его частей как отношение содержания к средствам выражения, его глубинная перспектива, или «партиктурное строение» (В.Г. Адмони), составляет основу всех исследований, связанных с коммуникативной потенцией языка. В.А. Звегинцев назвал семантику конституирующим стержнем языка, а Ю.Д. Апресян обозначил как семантический современный период развития лингвистики, точнее период коммуникативной лингвистики, так как в языке нет некоммуникативных единиц. В.И. Шаховский отметил: «Любое слово обладает коммуникативной предназначенностью либо реально (коммуникативная реальность), либо потенциально (коммуникативная готовность)» [5, с. 6]. Эта способность языковых единиц наглядно подтверждается социально обусловленной, целесообразной речевой деятельностью. Социальную значимость коммуникативной лингвистики хорошо определил Г.В. Колшанский: «Лингвистика, изучающая речевую коммуникацию в обществе, становится не только наукой, имеющей свой внутренний смысл <...>, но и наукой, решающей задачи, связанные с повседневной деятельностью человека во всех сферах жизни,

то есть практические задачи, нацеленные на обеспечение взаимопонимания между людьми. В этом плане коммуникативная лингвистика является одной из важнейших социальных дисциплин, которая содействует жизни общества» [6, с. 174].

Когнитивно-дискурсивная теория в рамках современных антропоцентрических исследований рассматривает художественный текст как форму коммуникации, как диалог сознаний автора и читателя. Анализ художественного произведения, идущий от семантического содержания и направленный на поиск средств его выражения, позволяет выявить сложные языковые средства (комбинированные, косвенные, опосредованные) как результат взаимодействия грамматики и лексики, грамматики и контекста, морфологии и синтаксиса. Взаимодействие лингвистических и экстралингвистических средств создания смысловой структуры художественного произведения предполагает установление индивидуально-авторских приемов смыслопорождения текста, которые выступают одним из основных условий текстовых ассоциаций. В качестве основных единиц анализа художественного текста сегодня рассматриваются ассоциативно-смысловые, лексико-функционально-семантические, метафорические поля, блоки информации, что позволяет установить грамматические доминанты идиостиля писателя, а также проследить взаимодействие равноуровневых языковых средств в создании художественных образов и установить их роль в тексто- и смыслообразовании художественного текста.

Структурирование текстового целого – одна из сложнейших задач современной стилистики художественного произведения. С этой точки зрения, ассоциативно-смысловое поле – наиболее удобная единица, выполняющая определенные стилистические функции и являющаяся средством создания художественного образа, приемом словесно-художественной изобразительности. Сложность взаимоотношений между языком и мышлением, языком и действительностью – одна из причин выбора кодирования информации, играющего существенную роль в структурировании текста средствами языка. Художественный текст – текст многократно закодированный. Но при всей его полисемантической существует то инвариантное ядро, которое не допускает противоположного толкования, и в то же время Ю.М. Лотман отмечает, что «новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше новых истолкований, тем его художественное значение глубже и тем дольше его жизнь» [7, с. 90].

Интерпретация смысла художественного произведения в каждом конкретном случае определяется взаимодействием грамматически противопоставленных языковых структур. Каждый текстовый элемент способствует восприятию и пониманию в соответствии с тем, насколько умело и осторожно пользуется им автор, поэтому интерпретация текста полностью зависит от функциональных возможностей языковых средств. Установить сверхтекстовую организацию значений при интерпретации художественного текста (как условие

создания словесного образа) попытаемся на уровне ассоциативно-смысловых полей (АСП), проанализировав рассказ как малую форму эпической прозаической литературы. При кажущейся внешней простоте рассказ имеет сложную внутреннюю структуру, размеры его произвольны, что определяет смысловую и грамматическую насыщенность, частое отсутствие парадигматических связей между ядерными структурами и др. Таким образом, рассказ – наиболее яркий образец «нарушений» и смысловой, и формально-грамматической структуры языка. И все же связь периферийных ядер с доминантой характеризуется разнообразием, внутренние отношения в большинстве случаев подтверждаются формальными средствами.

Основной смысл рассказа В. Белова «Бобришный угор» – человек счастлив, пока у него есть родина. Выраженная в форме предложения, эта мысль дистантно репрезентируется дважды: человек начинается с малой родины – с родного дома, с родного очага, которая позже выливается у него в чувство большой Родины. Проследим, в какие логико-грамматические и стилистические отношения вступают дискретные единицы, формирующие целостный текст, и каким образом выявленные отношения способствуют формированию определенного художественного образа.

В рассказе В. Белова «Бобришный угор» выделяем 4 АСП, связанных семой счастья, обуславливающей ассоциативную когезию между единицами текста; понятийная значимость ядер одинаковая. Устанавливается семантическое и стилистическое тождество АСП, образуются своего рода поля-синтагмы: счастье – это *Родина, родная земля, вечная природа, лесная свобода* и т.д. Каждое ядро является обобщением определенной информации – проецирующей части, выступающей как определяемое и находящей подтверждение в синтаксических и стилистических показателях определяющих: так, значение первого ядра подтверждается субстантивными словосочетаниями *мощный ток неслышимой реки, Млечный Путь далекого деревенского детства, гармония широкого засыпающего леса, теплые ельники* и т.д. Значение второго ядра конкретизируется уже предложениями: *Земля моя родная; Так беден наш язык, когда пытаешься говорить о сокровенном.* Их смысловая зависимость находит и внешнее, вербальное подтверждение: рематическое подлежащее (*Родина, земля моя родная*), представляющее референтно-ко-референтную синонимию, является экспликацией самой тесной когезии ядер. Третье и четвертое ядра уже в самой структуре предложений, в цепочке родительного и творительного падежей содержат конкретизацию понятия ‘счастье’, которое ассоциативно связывает их с доминантой рассказа, причем грамматическую зависимость третьего ядра маркируют тематические отношения: так, в доминанте корреляцией семы счастья является предикат *счастлив*, в третьем ядре – субъект *счастье*. И в первом, и во втором случае они выступают темой сообщений. Таким образом, по отношению к выделенным ядрам доминанта – это субъект, сконцен-

трировавший в одно объемное понятие семантику отдельных элементов, связующее ядро, объединительная функция которого проявляется в установлении семантического и стилистического тождества проецирующей и комментирующей частей рассказа. Следовательно, степень когерентности текста максимальная: семантическая, синтаксическая и стилистическая. Ассоциативная когезия устанавливает тождество денотатов, актуализатором которого выступают понятийные категории, обращенные к одному референту (*родина – счастье*). Образ родины как олицетворение счастья складывается в результате взаимодействия не только стилистических и грамматических отношений дискретных единиц текста – ядерных структур, но и как результат апперцепции читателя, творческого взаимодействия его с автором. Ведь «в искусстве важно не только само сотворчество, но и потенции сотворчества. Художественное впечатление... не всегда связано с определенным образом, имеющимся у автора, и с тем образом, который способен развернуть читатель, но и с некоторой потенцией образа. Образ не только полностью не развернут у автора, но не развернут и у читателя. Но то, что читатель может его развернуть, чрезвычайно важно. Писатель создает концепт, который обладает потенцией своего развертывания у читателя» [8, с. 68–69].

В рассказе Ю. Казакова «Кабиясы» мы выделили два АСП, которые находятся в контрастных отношениях, поскольку в основе их лежит привативная оппозиция, то есть первая доминанта содержит наличие признака (понимание того, что суеверие – это пережиток), а вторая – характеризуется полным отсутствием такового. Отношения контраста устанавливаются на уровне логико-стилистических отношений: 1) *Суеверия надо искоренять!* и 2) цепочка дистантных глаголов и глагольных словосочетаний, характеризующих состояние человека: *вскочил и прыгнул; ударился по дороге; ломилось, сопело, дышало холодом; хотел перекреститься; пытается схватить; вздрогнул; со страхом думал; стукнул зубами и помертвел; заорал; духом пронесся; боялся думать; натянул на голову пиджак; повизгивал от страха; побежал крупной рысью; резко осадил и вытаращился; не мог справиться со слабостью; окатывался потом; коротко дышал.* Глагольное выражение состояния человека отличается большим динамизмом, поэтому именно вторая доминанта определяет прогрессию рассказа.

Первая доминанта представляет логическое умозаключение, вторая полностью противоречит первой. Логические отношения противопоставления имплицированы семантикой коррелятов – поведение человека в обычной и экстремальной ситуациях. В первой доминанте значение побуждения к активному действию, эксплицированное формой инфинитива, мотивируется и ее фоновым окружением: *Надо усилить атеистическую пропаганду; захотелось поговорить с кем-нибудь о культурном, об умном.* Вторая доминанта, репрезентированная синтагматической цепочкой глаголов, передает значение страха. Семантика понятий ‘суеверие’ и ‘страх’ контаминируется, то есть устанавливается

взаимобратная мотивированность значений: суеверие порождает страх, страх порождает суеверие.

При установлении когезии на стилистическом уровне основная роль в рассказе принадлежит глаголам, которые наиболее полно и динамично характеризуют состояние героя. Но соотносительность семантики и формально-грамматических средств ее выражения подтверждают именно средства, определяющие глагол – именные формы, внося дополнительные оттенки значений. Наибольшей частотностью характеризуется винительный падеж, поскольку основу текста составляют переходные глаголы. Творительный падеж, сочетая в себе объектное и определительное значения и формируя с глаголами объектно-восполняющие и определительно-восполняющие отношения, вносит оттенок таинственности (*лес начинался росой и сыростью*), оттенок иронии и юмора (*крикнул перепелиным победным голосом; стукнул зубами; дрожа, как собака перед стойкой*), оттенок ужаса (*покатилось с задушенным однообразным криком; пытался схватить холодными пальцами*); и уже в значении освобождения от страха выступает творительный падеж в последнем ядре (*стал переживать заново свой путь, но уже со счастьем*). Универбы (*кабиасы*) устанавливают соотносительную с контекстом их дистрибуцию и маркируют их значение как ‘нечто таинственное, страшное’.

Таким образом, индивидуальная синтаксическая синтагматика, нарушая нормативную сочетаемость, имеет четко функциональную направленность, которая обуславливает общую систему образности, отличающуюся индивидуальностью, что является прямым следствием коммуникативно-когнитивной установки автора при порождении текста. «Художественный текст не терпит стандарта» [9, с. 43]. В результате активизации окказиональных значений слов, сопровождающейся смысловыми приращениями, создается впечатление новизны, свежести мысли.

Заключение. В настоящее время нет сомнения в том, что текст – высшая синтаксическая единица, функционально-семантическое и стилистическое единство с соответствующим набором логико-грамматических и стилистических категорий, определяющих его функциональную значимость. Это «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» [10, с. 11]. Системно-семантические отношения, складывающиеся между его компонентами, являются показателем внутренней организации текста. Поэтому так многообразны сегодня направления в языкознании, которые занимают анализом внутренней и внешней структуры текста, и так многочисленны отрасли науки, для которых он представляет первостепенный интерес.

Исследование художественного текста – это синтез коммуникативного, когнитивного и прагматического

подходов к явлениям языка и речи, поскольку в центре рассмотрения оказываются вопросы его интерпретации, связанные с интенцией автора, вопросы выбора языкового представления, а также декодирования стилистической информации – необходимого условия адекватного установления смысла произведения как системного образования. Наиболее разработаны следующие вопросы: анализ структурных единиц текста и условия их функционирования; анализ средств речевого воздействия (экспрессивность текста), функционирование различных типов речи в тексте (описание, рассуждение, повествование и т.д.); взаимодействие разностилевых элементов на уровне речи; исследование индивидуально-художественных жанров литературы; условия восприятия художественного текста; изобразительные возможности (функции фонетических, словообразовательных средств, морфологических и синтаксических форм) и мн.др. Грамматическое направление в исследовании текста – это выявление связей внутри сверхфразовых единств между отдельными предложениями, но связь самих единств в рамках целого текста не рассматривается, в то время как при целостном подходе к тексту именно эта связь является основной, доминирующей. Кроме того, до сих пор не освещены вопросы структуры целого текста как разновидности жанровой принадлежности (рассказа, повести, романа, стихотворного произведения). Еще в 1980-м году XX в. Г.В. Колшанский писал: «Фундаментальной проблемой лингвистики текста... остается определение дифференциальных признаков как текста в целом, так и его отдельных видов» [11, с. 64]. Эта задача и сегодня представляется актуальной.

Литература

1. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз., – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 325–332.
2. Виноградов, В.В. Язык художественного произведения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – № 5. – М.: Наука, 1954. – С. 4–26.
3. Лихачев, Д.С. Текстология / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1983. – 639 с.
4. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
5. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.
6. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
7. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
8. Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. – С.-Петербург.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. – 191 с.
9. Купина, Н.А. Модель целостного лингвистического анализа художественного текста / Н.А. Купина // Структура и семантика текста. – Воронеж, 1988. – С. 5–12.
10. Тураева, З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика) / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
11. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Культурные коннотации русских и китайских фразеологизмов с номинациями безалкогольных напитков

Ма Лун

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В данной статье исследуются фразеологизмы русского и китайского языков с номинациями безалкогольных напитков, образующие отдельную группу в составе тематического поля «Пища».

Цель статьи – выявить национально-культурную специфику в семантике и образности данных единиц, изучив их в русле лингвокультурологической и антропоцентрической парадигмы.

Материал и методы. 70 русских и 51 китайский фразеологизм с номинациями безалкогольных напитков получены путем сплошной выборки из фразеологических, толковых и лингвистических словарей. Основу методологии исследования составили сравнительно-описательный метод, прием культурно-исторической и семантической интерпретации.

Результаты и их обсуждение. Отличительной чертой русских фразеологизмов являются разнообразные номинации безалкогольных напитков, наличие уменьшительно-ласкательных вариантов наименований, противопоставление «алкогольным» номинациям с выраженной положительной коннотацией в составе одного выражения. Наибольшей фразеологической активностью обладают компоненты «квас» (50%) и «чай» (42%). В китайской фразеологии используется единственная номинация 茶 [chá] 'чай' (98%), все остальные включают в себя данную морфему и представлены в единичном экземпляре.

Заключение. Национально-культурная маркированность фразеологизмов с номинацией «чай» в русском и китайском языках обусловлена своеобразием традиций и обычаев, историей, типом мышления и восприятия действительности представителей двух различных лингвокультур.

Ключевые слова: русская фразеология, китайская фразеология, безалкогольные напитки, антропоцентризм, культурная коннотация, национально-культурная специфика.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 84–88)

Cultural Connotations of Russian and Chinese Phraseological Units with Soft Drinks Nominations

Ma Long

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

This article examines the phraseological units of the Russian and Chinese languages with the nominations of soft drinks, which form a separate group as part of the thematic field "Food".

The purpose of the article is to identify the national-cultural specifics in the semantics and imagery of these units by studying them in line with the linguistic and cultural and anthropocentric paradigm.

Material and methods. 70 Russian and 51 Chinese phraseological units with soft drinks nominations were obtained by a continuous sampling from phraseological, explanatory and linguistic dictionaries. The basis of the research methodology was the comparative descriptive method, the method of cultural-historical and semantic interpretation.

Findings and their discussion. A distinctive feature of Russian phraseological units are various nominations of soft drinks, the presence of diminutive variants of names, the opposition of "alcoholic" nominations with a pronounced positive connotation as part of one expression. The components of "kvass" (50%) and "tea" (42%) have the greatest phraseological activity. In Chinese phraseology, the only nomination used is 茶 [chá] 'tea' (98%), all others include this morpheme and are presented in a single unit.

Conclusion. Phraseological units with the tea nomination in the Russian and Chinese languages differ in cultural connotations, which is due to the uniqueness of national traditions and customs, history, type of thinking and perception of the reality of representatives of two different linguistic cultures.

Key words: Russian phraseology, Chinese phraseology, anthropocentrism, soft drinks, cultural connotation, national-cultural specificity.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 84–88)

Лингвострановедческая теория слова, разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [1], акцентирует внимание на анализе единиц языка, которые имеют реальные прототипы (идиозннические реалии) во внеязыковой действительности. В этой связи основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц (далее – ФЕ) является «выявление и описание коннотаций, эталонов, стереотипов и других культурных знаков, освоенных народом – носителем языка» [2, с. 215].

Национально-культурное своеобразие фразеологизмов русского и китайского языков, принадлежащих к тематическому полю (далее – ТП) «Пища», служит объектом специального изучения в немногочисленных работах. В частности, в статье Ли Гуаньхуа предпринята попытка классифицировать русские ФЕ с компонентом «еда» с лингвокультурологических позиций [3]. В работе Л.В. Борисовой производится когнитивно-дискурсивный анализ слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концепт «напитки» в русской языковой картине мира [4]. Придерживаясь точки зрения Ф.Х. Тарасовой, которую мы также разделяем, что «пищевой код культуры является одним из базовых, а концептуальная сфера “еда” служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер действительности, средством метафорической характеристики человека и его свойств» [5, с. 32], автор особое внимание уделяет безалкогольным напиткам в русской языковой картине мира.

В ряде работ внимание акцентируется только на одном напитке, являющемся традиционным как для русской, так и для китайской лингвокультуры – чае [6; 7].

Недостаточность комплексных работ сопоставительного характера, посвященных изучению с лингвокультурологических и когнитивных позиций русских и китайских ФЕ с номинациями безалкогольных напитков как фрагмента языковой картины мира двух генетически и структурно отдаленных языков, обусловила актуальность нашего исследования. Под *тематическим полем* мы понимаем «совокупность языковых единиц, которые имеют общее содержание и отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [8, с. 380–381]. Данное понятие позволяет классифицировать и объединить по формальным признакам, с одной стороны, номинации, в семантике которых ключевой является «пищевая» сема, с другой стороны – ФЕ, которые имеют в своем составе «пищевой» компонент.

Цель статьи – путем сопоставительного анализа выявить национально-культурную специфику в содержании ФЕ, составляющих группу «безалкогольные напитки» в русской и китайской лингвокультурах. К задачам исследования относятся: описание

русских и китайских ФЕ с позиций методологических принципов антропоцентризма; установление степени их фразеоактивности; выявление национального своеобразия фразеологизмов с культурно-маркированными компонентами.

Материал и методы. В работе были использованы сравнительный анализ, описательный метод, классификации и систематизации материала; прием культурно-исторической интерпретации; методика семантической интерпретации.

Материалом исследования послужили ФЕ (70 русских и 51 китайская) с номинацией (номинациями) безалкогольных напитков, морфологически выраженной именем существительным, полученные путем сплошной выборки из фразеологических, толковых, семантических и лингвистических словарей.

Результаты и их обсуждение. Анализ русских фразеологизмов ТП «Пища» позволил нам выделить в отдельную группу «безалкогольные напитки» 70 устойчивых выражений с номинациями, которые воспринимаются как характерные именно для русской лингвокультуры, во-вторых – напитков, известных многим гастрономическим традициям, однако в пищевой культуре русских получивших особое преломление, выразившееся в способах приготовления, особенностях употребления и т.д. Это такие номинации, как *квас, кислые щи, сыта, сбитень, морс, чай, кофе*.

ФЕ с компонентом *кисель* (18 единиц), который рядом исследователей рассматривается в составе семантического поля концепта «напитки» [9], были включены нами в тематическую группу «мучнистые изделия» на основании того, что к напиткам относится лишь ягодно-фруктовый кисель на крахмале, а национальным русским блюдом издревле являлся «мучной кисель, который и в наше время кулинары причисляют к первым блюдам или кашам» [10, с. 29–30].

Наибольшей фразеоактивностью обладает номинация-компонент *квас (квасок)* – 35 ФЕ (50% от всех единиц). Антропоцентрический характер фразеологизмов с данным компонентом выражается в оценке личностных качеств, особенностей характера и поведения человека, его эмоциональном и психическом состоянии, в ситуациях социального взаимодействия, напр.: *Есть и квас, да не про вас; Не чванься (смейся) квас, не лучше нас; С воды пьян живет, с квасу бесится* и др.

Ряд фразеологизмов служит для характеристики:

1) процесса приготовления и особенностей данного напитка: *Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел* (о дурном квасе); *Где квас, там и гуща; Час придет – и квас дойдет; Коли выйдет – будет пиво, а не выйдет – квас; Удастся квас, а не удастся – кислые щи*.

2) бедной крестьянской жизни: *Когда с припасом, а то и с квасом; Часом с квасом, порой с водой;*

Не все с сахарком – часом и с кваском; Ешь щи с мясом, а нет, так хлеб с квасом; Кроме квасу нет запасу.

Следующей номинацией в составе ФЕ данной группы выступает **чай** (**чаек**) (30 ФЕ – 42% от всех единиц), обозначающей напиток, который в пищевой традиции русских отличается способом приготовления и употребления. К традициям русского чаепития относятся:

1) добавление сахара или алкоголя (крепкие настойки, бальзамы) в чай;

2) питье вприкуску со сладостями (медом, вареньем, пряниками), пирогами, калачами нашли отражение во фразеологии: **Чай да сахар!** (прост.; приветствие пьющим чай); **Пить чаек вприглядку** (шутл. ирон. в значении без сахара, а только смотря на него) и др.

Особенностью русской лингвокультуры является восприятие чаепития как праздного времяпрепровождения, время отдыха, противопоставляемого тяжелому труду: **Чаи гонять** (прост.; распивать чай не торопясь, с удовольствием); **Чай пить – не дрова рубить** (говорится в ответ на приглашение выпить чаю); **За чайкой чая** ('в свободное время, на досуге') и др.

Безалкогольные напитки в русских ФЕ противопоставляются алкогольным, оппозиция «чай–спиртное» происходит на эмоционально-оценочном уровне: **Чай и кофе не по нутру, была б водка поутру**; **Чай не хмельное, не разберет**; **С чая лиха не бывает (лиха не живет)**.

Особый интерес представляют ФЕ, совмещающие в себе две номинации – чай и кофе, и одно устойчивое выражением с номинацией кофе, в которых оставили след старообрядческие обычаи и традиции: **Чай проклят на трех соборах, а кофе на семи**; **Кто пьет чай, тот спасения не чай**; **Кто кофе пьет, того бог (гром) убьет**.

С компонентом **сыта** выявлено 3 ФЕ, в одной из которых дается физическая характеристика человека: **С калача лицо белеет, а с сыты краснеет**. Символическое значение напитка как чего-то простого и легко доступного использовалось для иронической оценки возникшего причудливого и неисполнимого желания: **Захотел птичьего молока. Подой, да чтоб была медвяна сыта**.

С номинациями **сбитень** и **морс** зафиксировано по одной поговорке: **Вот сбитень, вот горячий – пьет приказный, пьет подьячий**; **Не мутясь, и морс не становится**.

Из обозначений безалкогольных напитков в китайских фразеологизмах ТП «Пища» (всего 51 ФЕ) в качестве компонентов используется единственная номинация **茶** [chá] ('чай'). В отдельных случаях встречаются номинации, содержащие иероглиф **茶** ('чай'): **茶叶** [chá yè] ('чай, чайнка, чайный лист') – 3 ФЕ, **面茶** [miàn chá] ('чай по-монгольски' (заправленный мукой и маслом)) – 1 ФЕ.

По утверждению китайского исследователя чайной культуры Чжоу Сяовэй, чай в Китае – патриарх

среди напитков, а чайная церемония является «воплощением исконно китайской идеи о тесной взаимосвязи материального и духовного» [11, с. 159].

Важность и ценность чая как продукта ежедневного потребления нашло отражение в устойчивых выражениях: **宁可三日无盐, 不可一日无茶** (букв. *лучше три дня без соли, чем один день без чая*); **当家才知茶米贵, 养儿方知报家恩** (букв. *станешь главой семьи (будешь вести домашнее хозяйство) – узнаешь о цене на чай и рис, родишь ребенка, познаешь любовь семьи*) и др.

С помощью чая в китайской лингвокультуре создается образная характеристика бедной и богатой жизни: **残茶剩饭** (букв. *остаток чая, обеды пицци*; 'бедная жизнь; скудная пища'); **残茶剩酒** (букв. *остатки чая и спиртного*; 'бедная жизнь; скудная пища'); **粗茶淡饭** (букв. *плохо заваренный чай и скудная пища*; 'скромно питаться'; 'неприхотливая еда'; 'простая жизнь'); **柴米油盐酱醋茶** (букв. *семь простых вещей повседневного быта: дрова, рис, масло, соль, соус, уксус, чай*; 'простая жизнь'; 'необходимый минимум'); **浪酒闲茶** (букв. *безудержно (излишне) употреблять вино и расточительно расходовать чай*; 'вести разгульный образ жизни и предаваться излишествам'); **饭来张口, 茶来伸手** (букв. *еда сама приходит в раскрытый рот, чай прилагается*; 'жить на всем готовом').

Момент употребления чая в китайской лингвокультуре воспринимается как важная составляющая ритуала, церемонии, медитации и самопознания, дружеской беседы и делового общения, решения споров и заключения торговых договоров, т.е. это время, когда люди заняты важными делами: **茶余饭饱** (букв. *после чая и пицци досыта (вдоволь)*; 'в свободное время, на досуге, в часы праздности'); **茶余饭后** (букв. *в остальное время после чая и пицци*; 'в свободное время, на досуге'); **闲茶浪酒** (букв. *быть свободным после чая и спиртного*); **酒余茶后** (букв. *после спиртного и чая*; 'в свободное время, на досуге').

Китайская культура чаепития включала в себя искусство выращивания чая, чайную церемонию и своеобразную философию чаепития, которое сопровождалось сочинением и декламированием стихов, музицированием, созерцанием красоты природы [12], что подтверждает фразеологизм **无茶不成仪** (букв. *без чая нет церемонии*).

Китайские фразеологизмы как носители культурной информации аккумулировали в себе традиции и обряды китайского народа: **三茶六礼** (букв. *три сорта чая и шесть ритуальных церемоний (совершеннолетие, бракосочетание, траур, жертвоприношение, пириество с чествованием, визиты)*); – **女不吃两家茶** (букв. *одна девушка не пьет чай в двух домах; одна невеста не принимает чай дважды (не выходит замуж два раза)*). Данное устойчивое выражение отражает древний китайский обычай, в соответствии с которым во время обручения мужчина должен был

подарить невесте (ее родителям) чай, принятие этого дара означало согласие на брак.

По мере развития китайской культуры чаепития формировался определенный свод правил и требований: как правильно заваривать, наливать, подавать и пить данный напиток. Особое внимание уделяли температуре и качеству воды, которая использовалась для раскрытия вкусовых качеств чайного листа, также чайную чашку следовало наполнять лишь на 70%. Данные национально-культурные особенности зафиксированы во ФЕ: 冷水泡茶 – 没味儿 (букв. сырой (холодной) водой заваривать чай – безвкусный; ‘пресный; неинтересный’); ‘не находить удовольствия в чем-л.’); 酒满敬人, 茶满欺人 (букв. наливать спиртное до самого верха – выражать уважение, наливать чай наоборот, чтобы не обидеть).

В китайской фразеологии чай как целебный напиток противопоставляется негативному воздействию на человека спиртного: 茶喝多了养性, 酒喝多了伤身 (букв. чай развивает природные данные, воспитывает характер, спиртное вредит здоровью; ‘пить чай для здоровья полезно, пить спиртное – вредно’); 清茶胜酒, 友谊更久 (букв. простой чай лучше спиртного, дружба дольше и крепче).

Устойчивые выражения содержат и рекомендации о правильном времени и количестве употребления чая: 不饮隔夜茶, 不喝过量酒 (букв. не пейте чай на ночь, не пейте без меры алкоголь); 三伏天喝凉茶 – 正是时候 (букв. в максимальную летнюю жару фуцзянь есть жидкую пищу и пить холодный чай – в самый раз; ‘прийтись кстати; в самое время’); 三九天吃热茶 – 有冷有热 (букв. в период сильных холодов пить горячий чай – в холодном иметь горячее).

Антропоцентрический характер ФЕ с компонентом-номинацией чай в китайской фразеологии выражается в указании на психологическое и эмоциональное состояние, умственную деятельность, личностные качества и черты характера человека, затрагивая также сферу межличностных отношений, социальное взаимодействие между людьми.

Например, 茶饭无心 (букв. нет желания пить чай и есть пищу; ‘отсутствие настроения, состояние тоски’); 茶里放盐 – 惹人嫌 (咸) (букв. солить чай – быть недовольным, испытывать отвращение [слова 咸 [xián] (‘соленый, засоленный’) и 嫌 [xián] (‘быть недовольным’) по-китайски произносятся одинаково, т.е. являются омофонами; на основе омофонии слово ‘соленый’ приобретает в контексте значение ‘быть недовольным, испытывать отвращение’]; 皮球掉进面茶里 – 说他混蛋, 他还一肚子气 (букв. мяч упал в чай по-монгольски – говорить [мячу] «болван (дурак)», ‘сильно сердиться’); 人走茶凉 (букв. человек ушел, чай остыл; ‘ушедшего быстро забывают’); 拿着黄连当茶喝 – 自讨苦吃 (букв. пить коптис китайский как чай – пострадать по своей же вине, ‘самому напроситься на неприятности’).

Заключение. Характерными особенностями ФЕ с номинациями безалкогольных напитков в русском языке являются:

1) разнообразие номинаций: *квас, сыта, кислые щи, чай, кофе, сбитень, морс*;

2) наибольшей фразеоактивностью обладает номинация *квас*, что свидетельствует о значимости данного напитка в гастрономическом коде русской культуры;

3) в образном значении русских фразеологизмов с данным компонентом содержится несколько аспектов:

– исторический, бытовой, производственный, традиционный;

– с лингвокультурологических позиций коннотации русского кваса близки китайскому чаю, что находит подтверждение в следующем:

а) оба напитка являются исконно национальными и повседневными;

б) имеют богатую историю и широкую культуру потребления;

в) служат символом гостеприимства;

г) фразеологизмы с компонентами *квас* и *чай* обладают ярко выраженным антропоцентризмом;

4) использование нескольких компонентов-номинаций в составе одного устойчивого выражения;

5) противопоставление безалкогольных номинаций алкогольным с выраженной положительной коннотацией;

6) наличие уменьшительно-ласкательных форм номинаций: *квасок, чаек*.

В свою очередь характерными национально-культурными особенностями китайских ФЕ тематической группы «безалкогольные напитки» являются:

1) наличие всего одной номинации в составе – *茶 [chá] (‘чай’)*;

2) превалирование почти в два раза над русскими устойчивыми выражениями с данной номинацией (соответственно 51:30), что свидетельствует о более богатой истории и культуре чая в Китае;

3) использование одновременно двух компонентов *酒 [jiǔ] спиртное* и *茶 [chá] чай*, свидетельствующих о важности данных напитков для китайской культуры; в некоторых случаях они дополняют друг друга: *浪酒闲茶* (букв. безудержно (излишне) употреблять вино и расточительно расходовать чай); в иных моментах противопоставляются: *茶喝多了养性, 酒喝多了伤身* (букв. пить чай для здоровья полезно, а пить спиртное (водку) – вредно). Своеобразие оппозиции «чай–спиртное» в китайской фразеологии связано с правилами чайной церемонии и культурой винопития (алкогольным этикетом), полезным/вредным влиянием данных напитков на здоровье человека и воздействием на межличностное общение, обусловленных китайской традиционной культурой и конфуцианством, в основе которых лежат мировоззренческие понятия «этикет», «благопристойность», «учтивость».

В китайских устойчивых выражениях главный акцент делается на церемонии и искусстве чаепития, а в русских основное внимание уделяется пиршеским традициям – чайным застольям и посиделкам.

Литература

1. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
3. Ли, Гуаньхуа. Опыт лингвокультурологического и семантического описания русской фразеологической картины мира (на примере единиц с компонентом «еда») / Гуаньхуа Ли // Учен. записки Таврич. нац. ун-та имени В.И. Вернадского. – 2011. – Т. 24, № 1. – Ч. I. – С. 46–53.
4. Борисова, Л.В. Концепт «напитки» в кулинарном коде культуры / Л.В. Борисова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. – 2013. – № 4. – С. 2–12.
5. Тарасова, Ф.Х. Паремии с компонентом «пища» в татарском, русском и английском языках: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: монография / Ф.Х. Тарасова. – Казань: РИЦ «Школа», 2012. – 178 с.
6. Цзоу, Сюэцян. Лингвокультурная специфика концепта «чай» и её учет в обучении русскому языку китайских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Сюэцян Цзоу; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2007. – 22 с.
7. Василенко, А.П. Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах русского, французского, английского и китайского языков / А.П. Василенко, В.С. Рыбакина // Филологический аспект. – 2022. – № 4(84). – С. 56–60.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Совет. Энцикл., 1990. – 685 с.
9. Комова, Т.А. Концепты языка в контексте истории и культуры: [англ. яз.]: курс лекций. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 119 с.
10. Лутовинова, И.С. Слово о пище русской / И.С. Лутовинова / Т.А. Комова. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 285 с.
11. Чжоу, Сяовэй. Исследования чайной культуры в Древнем Китае / Сяовэй Чжоу // Гуманитарный вектор. – 2017. – № 12(3). – С. 157–161.
12. Ван, Лин. Китайское искусство чаепития: пер. с англ. / Лин Ван. – М.: Центрполиграф, 2003. – 239 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Тактильное сопровождение вербальных единиц в диалоге

Малышева Е.В., Васильева Е.Н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет», Тверь

Соотношение элементов комплексного семиозиса процесса коммуникативного обмена отражает наиболее полный характер диалогического общения и дает возможность проанализировать соотношение двух систем – вербальной и невербальной, направленных на реализацию и достижение успешной, координированной деятельности самих участников диалогической интеракции.

Цель статьи – выявление особенностей тактильного сопровождения вербальных действий и типовых комплексных вербально-тактильных коммуникативных актов различной иллокутивной направленности.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили 1258 диалогических фрагментов в сопровождении 1667 тактильных единиц на английском языке и 1455 диалогических фрагментов в сопровождении 2063 тактильных единиц на русском языке, полученных в результате сплошной выборки из произведений русской, английской и американской художественной литературы.*

Результаты и их обсуждение. *Использование различных коммуникативных средств языковой манифестации, объединенных общим значением, во многом зависит от ситуационной модели общения и поэтому накладывает определенный контекст использования тех или иных тактильных единиц в рамках диалогического взаимодействия партнеров.*

Заключение. *В процессе диалогического взаимодействия люди используют разнообразные виды прикосновений – рукопожатия, поцелуи, похлопывания, объятия, удары, толчки, подергивания и др.; речевые эпизоды, обусловленные использованием тактильных действий в типовых речевых актах, характеризуются проявлением определенных чувств и эмоций (радости, успокоения, выражения определенной степени доверия, чувства защищенности и комфорта, испуга, страха, боязни и др.).*

Ключевые слова: *диалог, коммуникация, речь, тактильное действие, прикосновение, речевой акт, интеракция, фрейм, взаимодействие.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 89–95)

Tactile Accompaniment of Verbal Units in the Dialog

Malysheva E.V., Vasilyeva E.N.

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education “Tver State University”, Tver

The ratio of elements of complex semiosis of the communicative exchange reflects the most complete character of the dialogue and gives an opportunity to analyze the relationship between two systems – the verbal and the nonverbal which are aimed at implementation and achievement of successful, coordinated activities of the participants of the dialogue.

The article is aimed at identifying features of tactile accompaniment of verbal actions and standard complex verbal-tactile communicative acts of various illocutive orientation.

Material and methods. *1,258 dialogical fragments accompanied by 1,667 tactile units in English and 1,455 dialogical fragments accompanied by 2,063 tactile units in Russian, obtained as a result of a complete sample of Russian, English and American fiction were the research material.*

Findings and their discussion. *The use of various communicative means of linguistic manifestation, united by a common value, is also highly dependent on the situational model of communication and therefore imposes a certain context for the use of certain tactile units in the dialogue of partners.*

Conclusion. *In the process of dialogue interaction people use a variety of types of touches – handshakes, kisses, pats, hugs, punches, jerks, twitches, etc.; speech episodes caused by the use of tactile actions in standard speech acts are characterized by the manifestation of certain feelings and emotions (joy, calm, expression of a certain degree of trust, sense of security and comfort, startle, dismay, fear, etc.).*

Key words: *dialogue, communication, speech, tactile action, touch, speech act, interaction, frame, interplay.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 89–95)

Механизм взаимодействия вербальных и невербальных кодов интерсемиотической обусловленности различных по своей природе (но схожих в функциональном плане) знаковых ходов представляет значительный интерес не только для описания коммуникативного процесса, связанного с проблемами обмена сообщениями между индивидами, но и общества как коммуникативной системы в целом. Взаимодействие вербальных и тактильных действий интерактивного обмена помогает, например, партнеру по диалогу воспринимать комплексные (вербально-тактильные) диалогические реплики адресанта положительно, настраивать адресата на дальнейшее результативное взаимодействие [2; 3; 7; 12], тем самым посредством использования комплексного вербально-тактильного композита достигается необходимый уровень отношений, который в дальнейшем будет развиваться и поддерживаться [1; 7]. Однако использование различных коммуникативных средств языковой манифестации, объединенных общим значением, во многом зависит и от ситуационной модели общения и поэтому накладывает определенный контекст использования тех или иных вербально-тактильных единиц в рамках интерактивного пространства партнеров по диалогу. Выделенные в таком контексте тактильные единицы в определенной степени находятся в зависимости от типовых иллокутивных актов (как составляющих ситуационных моделей на уровне функционально-семантического представления) [4], а социальный контекст коммуникации подразумевает определенный набор специфических тактильных единиц, которые используются в рамках типовых речевых актов и шире на базе различных иллокутивных функций, входящих в состав различных типов интерактивных взаимодействий [4; 6].

Актуальность настоящей работы обусловлена обращением к новейшим научным парадигмам исследования коммуникативного поведения говорящего субъекта в коммуникативно-социальной интеракции, в лингвокультурологии, невербальной семиотике и лингвосемиотике в сочетании с подходами, выработанными в коммуникативно-функциональной лингвистике, паралингвистике, лингвопрагматике, теории речевых актов. Обозначенные подходы к описанию данного круга проблем делают изучение различных аспектов современной коммуникации как в общем, так и в частном языкознании одной из наиболее сложных и актуальных проблем исследования в современном социуме. В этом ряду особую важность приобретают исследования таких единиц диалогического взаимодействия, которые способны отражать комплексный характер семиотического (знакового) ряда – как языкового, так и неязыкового плана – в диалогической интеракции [7–11], одновременно вплетенных друг в друга в ходе реализации конкретных коммуникативных целей, намерений и замыслов. К числу таких комплексных единиц относятся единицы

жестовых, тактильных и т.п. действий, включенных в контекст типового коммуникативного пространства диалогической интеракции и образующих вербально-авербальные комплексы [1; 2; 3; 12].

Материал и методы. Материалом исследования послужили 1258 диалогических фрагментов в сопровождении 1667 тактильных единиц на английском языке и 1455 диалогических фрагментов в сопровождении 2063 тактильных единиц на русском языке, полученных в результате сплошной выборки из произведений русской, английской и американской художественной литературы. В процессе исследования собранного материала для рассмотрения и анализа выделены 3 частотных типа фреймового взаимодействия, к которым относятся *регламентивы*, *сатисфактивы* и *квеситивы* (о подтипах фреймовых взаимодействий и классификации речевых актов см.: [4, с. 54–55; 5; 6]), так как именно они представлены наибольшим набором фрагментов с вербально-тактильными действиями (из 100% встречаемости тактильных действий в английском диалоге 25,1% приходится на регламентивы, 25% – на сатисфактивы, 13,6% – на квеситивы; из 100% встречаемости тактильных действий в русском диалоге 33,5% приходится на регламентивы, 25,4% – на сатисфактивы, 13,5% – на квеситивы).

Результаты и их обсуждение. Использование различных коммуникативных средств языковой манифестации, объединенных общим значением, во многом зависит и от ситуационной модели общения и поэтому накладывает определенный контекст использования тех или иных тактильных единиц в рамках диалогического взаимодействия партнеров. Выделенные в таком контексте тактильные единицы в некоторой степени отражают конкретный характер отношений между участниками диалога и находятся в зависимости от типичных иллокутивных актов (как составляющих ситуационных моделей на уровне функционально-семантического представления) [4–6]. Таким образом, социальный контекст подразумевает установленный набор специфических тактильных действий (тактильных единиц, прикосновений), которые используются в рамках типовых речевых актов и шире в рамках коммуникативно-прагматического (фрейма) на базе различных иллокутивных функций, входящих в состав выделенного типа интерактивных взаимодействий и квеситивов [1; 4; 5; 6].

Тактильное сопровождение вербальных действий и типовых комплексных вербально-тактильных коммуникативных актов регламентивного типа (фрейма). В английском языке в речевом акте «обращение» собеседники чаще всего используют такие тактильные единицы или тактильные действия (которые на письме передаются определенными глаголами или сочетаниями слов), как *to take* (14% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «приветствие» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих

тактильных единиц: *to kiss* (21% от общего употребления прикосновений) и *to shake a hand* (13% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «благодарность» – *to shake a hand* (18% от общего употребления прикосновений) и *to take* (8% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «прощание» – *to shake a hand* (25% от общего употребления прикосновений) и *to kiss* (21,4% от общего употребления прикосновений) и др.

Ср. и в рус.: в речевом акте «приветствие» участники диалогического общения используют чаще всего такие тактильные действия, как *целовать* (16% от общего употребления прикосновений) и *обнять* (15% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «обращение» – *взять* (15,2% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «прощания» – *целовать* (40,2% от общего употребления прикосновений), *обнять* (15% от общего употребления прикосновений) и *пожать руку* (13,4% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «благодарность» – *целовать* (29% от общего употребления прикосновений); *обнять* (14,4% от общего употребления прикосновений); *пожать руку* (12% от общего употребления прикосновений) и др.

Любопытно отметить, что тактильные действия способны не только сопровождать отдельные типовые речевые акты, но и определенным образом маркировать их конкретные вербальные единицы (как правило, представленных в текстах глаголами или сочетанием «глагол + существительное»; одиночными прилагательными и существительными) в процессе пошагового обмена репликами.

Для подтверждения предположения относительно тактильного сопровождения вербальных единиц рассмотрим частотные речевые акты «обращение», «приветствие», «благодарность» и «прощание» в рамках коммуникативно-прагматического типа на базе различных иллокутивных функций и выявим наиболее частотные прикосновения, сопровождающие конкретные вербальные единицы:

а) в речевом акте «обращение»: «*Kate / Chiv / Martin, etc. (обращение по имени)*» (43% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to take one's hand* (11% от общего употребления прикосновений), например: «*Gills!*» said the Captain, hurrying into the back parlour, and **taking him by the hand quite tenderly.** «Lay your head well to the wind, and we'll fight through it. All you've got to do,» said the Captain (Dickens, 1955: 167, V.I); «*My dear / honey / sweet, etc. (ласковое обращение)*» (14% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to take by one's hand* и *to embrace* (по 1,2% от общего употребления прикосновений), например: «*My dear Paul,*» Mrs Chick murmured, as **she embraced him,** «the beginning, I hope, of many joyful days!» (Dickens, 1955: 87, V.I);

б) в речевом акте «приветствие»: «*Jim / Ann, etc. (называние по имени)*» (28% от общего употребления)

в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to shake one's hands* (15% от общего употребления прикосновений), *to kiss* (15% от общего употребления прикосновений), *to take one's hand* (9% от общего употребления прикосновений), например: «*Ah! Crevecoeur*» said Louis, **taking his hand as if affected by some painful recollections,** «how happy is the Prince who has counselors near him, who can guard him against the effects of his own angry passions!» (Scott, 1962: 39); «*hello / good evening / morning / how do you do*» (15% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to shake one's hands* (19% от общего употребления прикосновений), например: «*Well, George, old fellow,*» says she, «and how do YOU do, this sunshiny morning?» **giving him a friendly shake of the hand...** (Dickens, 1957: 490); «*my name is / I am*» (11% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to shake one's hands* (63% от общего употребления прикосновений), например: «*When he had completed his inspection, he put out his right hand, shook Martin's hand, and said: 'My name is Colonel Diver, sir. I am the Editor of the New York Rowdy Journal*» (Dickens, 2001: 100);

в) в речевом акте «благодарность»: «*thank you*» (51% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to shake one's hands* (33% от общего употребления прикосновений), например: «*Thank you,*» said Martin, **shaking his hand.** «*You're a good fellow, upon my word, and speak very kindly. Of course you know,*» he added (Dickens, 2001: 256);

г) в речевом акте «прощание»: «*good bye / adieux*» (38% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *to shake one's hands* (32% от общего употребления прикосновений), например: «*That's right. Good-bye, father!*» said Prince, **shaking hands.** «*Good-bye, my son. Bless you!*» (Dickens, 1957: 512).

Ср. и в рус.:

а) в речевом акте «обращение»: «*Левин / Вронский / Леша / Аня (обращение по имени / фамилии)*» (14% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *взять за руку* (9% от общего употребления прикосновений), *обнимать* (9% от общего употребления прикосновений), например: Он подошел к ней и, **взяв ее за руку,** тихо сказал: – Анна, поедем послезавтра, если хочешь. Я на все согласен. Она молчала. – Что же? – спросил он. – Ты сам знаешь, – сказала она (Толстой, 1982: 315, Ч. VII);

б) в речевом акте «приветствие»: «*Левин / Штурлиц / Аня (называть по имени)*» (24% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: *обнять* (16,1% от общего употребления прикосновений), *целовать* (16,1% от общего употребления прикосновений), *пожать руку* (9% от общего употребления прикосновений), например: Костик! – Нюсенька, – **кинулся целоваться с ней парнишка,** – а кто это с тобой? – Костя! – Нюся кокетливо погрозила ему пальчиком, на котором

сверкал крупный бриллиант. – Только не делай вид, что не узнал мою лучшую подругу, наимоднейшую писательницу Арину Виолову! (Донцова, 2004: 134); «здравствуй(те) / добрый вечер / добрый день» (14% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: пожать руку (19% от общего употребления прикосновений), целовать руку (11% от общего употребления прикосновений), обнять (11% от общего употребления прикосновений), например: *Vonsoir, Lise, – сказал князь Андрей, вставая и учтиво, как у посторонней, целуя руку* (Толстой, 1978: 39, Т. I); «рад видеть тебя / вас / душой рад(а)» (10% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: обнять (27% от общего употребления прикосновений), поцеловать (23% от общего употребления прикосновений), например: *Когда все, раздевшись и оправившись с дороги, пришли к чаю, Марья Дмитриевна по порядку перецеловала всех. – Душой рада, что приехали и что у меня остановились, – говорила она* (Толстой, 1978: 320, Т. II);

в) в речевом акте «благодарность»: «говорить “спасибо”» (30% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: обнимать (17% от общего употребления прикосновений), целовать в щеку (12% от общего употребления прикосновений), например: *Спасибо, милый! – Лера поцеловала Юру в щеку. – Ты спас меня. Дальше я сама.* (Мареева, 2006: 335); «говорить “благодарю”» (29% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: пожать руку (30% от общего употребления прикосновений), например: *Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом: – Благодарю тебя, Печорин...* (Лермонтов, 1990: 535).

г) в речевом акте «прощание»: «говорить “прощай”» (39% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных прикосновений: целовать (24% от общего употребления прикосновений), обнять (15% от общего употребления прикосновений), целовать руку (11% от общего употребления прикосновений), например: *Ну, прощай, Верочка. Теперь я буду часто приезжать, – говорил он, целуя у Веры лоб и руки* (Куприн, 1976: 253);

Таким образом, употребление вербально-тактильных компонентов определенным образом позволяет прогнозировать использование того или иного тактильного элемента в конкретном речевом проявлении в типовом иллокутивном акте с различной иллокутивной функцией в рамках регламентивного типа (фрейма). Следовательно, сочетания таких вербально-тактильных взаимодействий в целом способствует идентифицированию участников диалогического общения в типовом иллокутивном акте и уточнять, конкретизировать «как?» и «каким образом?» происходит их взаимодействие.

Тактильное сопровождение вербальных действий и типовых комплексных вербально-тактиль-

ных коммуникативных актов сатисфактивного типа (фрейма). В речевом акте «успокоение» партнеры по английскому диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *to take* (11% от общего употребления прикосновений) и *to kiss* (9% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «утешение» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных действий: *to put* (17% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «упрек» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *to put* (11% от общего употребления прикосновений), *to seize* (6% от общего употребления прикосновений), *to push* (6% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «прощение» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных действий: *to give* (17% от общего употребления прикосновений) и *to kiss* (10% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «порицание» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *to shake* (7% от общего употребления прикосновений) и *to grasp* (7% от общего употребления прикосновений) и др.

Ср. и в рус.: в речевом акте «успокоение» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *обнять* (11% от общего употребления прикосновений) и *взять за* (10% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «утешение» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *обнять* (15% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «упрек» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *хватать* (17% от общего употребления прикосновений) и *взять за* (10% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «прощение» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *целовать* (20,4% от общего употребления прикосновений) и *обнять* (10,2% от общего употребления прикосновений); в речевом акте «порицание» партнеры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих тактильных единиц: *хватать* (14% от общего употребления прикосновений) и *ударить* (11% от общего употребления прикосновений) и др.

Тактильные действия вплетаются в структуру типового речевого акта и участвуют в формировании объема его иллокутивного потенциала и реализации конкретной иллокутивной силы, а также определенным образом маркируют конкретные вербальные единицы (как правило, представленные в текстах глаголами или сочетанием глагол + существительное; одиночными прилагательными и существительными) в процессе пошагового обмена репликами.

Рассмотрим частотные речевые акты «успокоение», «утешение», «упрек», «прощение» и «порицание»

в рамках коммуникативно-прагматического типа на базе различных иллокутивных функций и выявим частотные прикосновения, сопровождающие конкретные вербальные единицы (в англ.):

а) в речевом акте «утешение»: «*poor / little / dear, etc. (нежное обращение)*» (27% от общего употребления) в сопровождении частотных тактильных единиц: to take one's hand (10% от общего употребления прикосновений), to kiss one's cheek (6,5% от общего употребления прикосновений), например: *Glaswegian took him by the hand, and bade him «Cheer up a gliff! D'ye think I wad hae comed out at twal o'clock at night, and amaist broken the Lord's day, just to tell a fa'en man o' his backslidings? Na, na, that's no Bailie Jarvie's gate, nor was't his worthy father's the deacon afore him. Why, man!»* (Scott, 1998: 248);

б) в речевом акте «успокоение»: «*poor / little / dear, etc. (нежное обращение)*» (19% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: to kiss (15% от общего употребления прикосновений), to take one's hand (15% от общего употребления прикосновений), например: «*Cheer up» he said, taking her hand. «You never can tell what life will do. We sometimes find ourselves right when we thought we were all wrong»* (Dreiser, 2004: 271);

в) в речевом акте «упрек»: «*pup / idiot / cruel boy, etc. (грубо)*» (16% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: to shake by something (40% от общего употребления прикосновений), например: *When they got aboard, the king went for me, and shook me by the collar, and says: «Tryin' to give us the slip, was ye, you pup! Tired of our company – hey?» I says: «No, your majesty, we warn't – please don't, your majesty!»* (Twain, 1984: 167–168);

г) в речевом акте «прощение»: «*forgive»* (67% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: to give a hand (15% от общего употребления прикосновений), например: «*That was when you never ought to have asked for the security, George, and when you never ought to have got it, all things considered. But what's done can't be undone. You are always an honourable and straightforward fellow, as far as lays in your power, though a little flighty. On the other hand, you can't admit but what it's natural in us to be anxious with such a thing hanging over our heads. So forget and forgive all round, George. Come! Forget and forgive all round!» Mrs. Bagnet, giving him one of her honest hands and giving her husband the other, Mr. George gives each of them one of his and holds them while he speaks* (Dickens, 1957: 492–493).

д) в речевом акте «порицание»: *нет таких вербальных единиц, которые могли бы сопровождать определенные тактильные действия собеседников.*

Ср. и в рус.:

а) в речевом акте «утешение»: «*голубушка милая / колосочек мой и др. (ласково)*» (19% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: взять за руку (11% от общего

употребления прикосновений), прижаться к (7% от общего употребления прикосновений), целовать руку (7% от общего употребления прикосновений), целовать голову (7% от общего употребления прикосновений), например: *Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. – «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)», – отвечал он, взяв ее за руку. «Я умру!» – сказала она. Мы начали ее утешать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно; она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать (Лермонтов, 1990: 486)!..; «не расстраивайся / не горюй» (6,4% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: обнять (33% от общего употребления прикосновений), например: *Обнимая Устину, Давыдов рассмеялся: – Не горюй, рубаха – дело наживное, а синяк до свадьбы заживет. – До твоей свадьбы? – ехидно вставил Устин. – До первой в хуторе. Я-то пока еще ни за кого не сватался (Шолохов, 1977: 398); «ну полно / все пройдет» (5,1% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: обнять (30% от общего употребления прикосновений), например: *Ну полно, полно! – сказал Печорин, обняв его дружески, – неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться, – бог знает!.. – Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямицик уже начал подбирать вожжи (Лермонтов, 1990: 487);***

б) в речевом акте «успокоение»: «*не бойся / не волнуйся / забудь / не беспокойся*» (15% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: взять за руку (12% от общего употребления прикосновений), например: *Зарплата у меня почти смешная, я никогда... – Забудь об этом, – сказал Сережа, взяв меня за руку. – Просто забудь и ни о чем не беспокойся. Я тихо спросила: – Циркач – это ты, да? Он нахмурился. – Возможно, и что? – Ничего. Просто начинаю многое понимать (Полякова, 1999: 320); «успокойся» (11% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: обнять (20% от общего употребления прикосновений), например: *Андрей, как мне жаль! – кинулась к нему на шею Яна, сотрясаясь в рыданиях, понимая теперь, откуда у него на спине взялся этот большой шрам. – Ну, ну, ну, успокойся! Я еще не сейчас умираю! – обнял ее Андрей (Луганцева, 2009: 198);**

в) в речевом акте «упрек»: «*балда / дура / черт бессовестный и др. (с негативной окраской)*» (39% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: целовать руку (7% от общего употребления прикосновений), хватать руку (12% от общего употребления прикосновений), например: *Рука Наташки была холодной и жесткой. Я поцеловала ее руку и сказала, глядя в потолок: – Дура несчастная, чего тебе дома не сиделось? Сколько*

раз тебя учила: страсть к чужим тряпкам до добра не доводит (Полякова, 1999: 17).

г) в речевом акте «прощение»: «простите» (72% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: целовать руку (7% от общего употребления прикосновений), хватать руку (7% от общего употребления прикосновений), например: *Простите... – Что простить? – спросил князь Андрей. – Простите меня за то, что я сделала, – чуть слышным, прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, целовать руку* (Толстой, 1978: 393, Т. III).

д) в речевом акте «порицание»: «безбожник / каменюка / разбойник / поганец и др. (с негативной окраской)» (48% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: хватать за предмет одежды (11% от общего употребления прикосновений), например: *Какая ты дрянь, Лерка! – Настя схватила подругу за рукав и развернула к себе лицом. – Какая же ты дрянь, я до сих пор в это не верю! Ты же не такая была! – Ну, знаешь, – без запинки ответила Лера, – ты тоже не была убийцей, когда мы дружили* (Мальшева, 1999: 186);

На основании приведенных данных о тактильном сопровождении вербальных единиц сатисфактивного типа (фрейма) можно сделать следующие выводы: носители англо-американской и русской лингвокультуры используют различный спектр прикосновений в процессе диалогического общения (например, для представителей англо-американской лингвокультуры характерно использование таких прикосновений, как *to kiss, to take, to put, to seize, to push, to give, to shake, to grasp*); использование тех или иных прикосновений в диалоге не носит ярко выраженный характер (низкая встречаемость тактильных действий в диалогических фрагментах и, в целом, в отдельных фреймах – сатисфактивах (в английском языке до 17% на определенное прикосновение в речевых актах; в русском – до 20,4%)); наблюдается частичное сходство в употреблении или использовании определенных прикосновений (англ.: *to kiss, to seize, to grasp, to take*; рус.: *целовать, схватить, обнять, взять*), что предполагает частичное совпадение речевых актов, в которых используются данные прикосновения. На выбор конкретных тактильных действий в диалогической интеракции влияют как модель ситуации в целом, так и конкретный иллокутивный акт, в частности, целенаправленное усиление иллокутивной силы которого обращено на определенную поведенческую реакцию партнера.

Тактильное сопровождение вербальных действий и типовых комплексных вербально-тактильных коммуникативных актов квеситивного типа (фрейма). Как показывает собранный эмпирический материал, чаще всего партнеры по английскому диалогу используют следующие тактильные единицы: *to take* (7% от общего употребления прикосновений), *to put one's hand* (5,3% от общего упо-

требления прикосновений), *to shake* (5% от общего употребления прикосновений), а в русском – *хватать за* (9% от общего употребления прикосновений), *взять за руку* (6,1% от общего употребления прикосновений).

Однако набор тактильных действий, сопровождающих конкретные английские вербальные единицы в составе вербально-тактильных коммуникативных актов, выглядит так: «*what do want*» (4% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: to put a hand, to touch an arm, to pat on the hand и др. (8% от общего употребления прикосновений), например: «*What do you want? cried the man, turning quickly round, as Bumble touched him on the arm. «Following me?» «Only to ask a question» said the other, pointing to the scrap of paper. «What name am I to ask for?» «Monks!» rejoined the man; and strode hastily, away* (Dickens, 1953: 369); «*why do you*» (4% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: to put one's arm around someone, to put a hand to the waist, to grasp a hand, to lay a hand upon the shoulder и др. (7,7% от общего употребления прикосновений), например: «*Why do you know how pretty you are, child?» she says, touching her shoulder with her two forefingers. Rosa, very much abashed, says, «No, if you please, my Lady!» and glances up, and glances down, and don't know where to look, but looks all the prettier. «How old are you?» «Nineteen, my Lady»* (Dickens, 1957: 166).

Ср. и в рус.:

– «*чего ты*» (9,6% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: толкнуть, ударить по губам, трясти, схватить, коснуться рукой колена и др. (3,8% от общего употребления прикосновений), например: *Чего ты выеживаешься? – нараспев сказал он и неожиданно ударил меня по губам, ударил вроде бы легко, но я едва удержалась в кресле. – Ты сама сказала, между супругами такое бывает, – засмеялся он. – Так что если немного походишь с разбитой рожей, ничего страшного. – А ты нетерпелив, – усмехнулась я. – Не очень хорошее качество для человека твоей профессии* (Полякова, 2006: 53); «*ты куда?*» (4,3% от общего употребления) в сопровождении следующих частотных тактильных единиц: толкнуть, ударить по губам, трясти, схватить, коснуться рукой колена и др. (25% от общего употребления прикосновений), например: *Ты куда? – схватила я его за руку. – Хочу взглянуть, – пожал он плечами* (Полякова, 2000: 187).

Таким образом, на основании приведенных данных о тактильном сопровождении вербальных единиц в квеситивах можно сделать следующий вывод: использование глаголов, маркирующих тактильные действия, в английском и русском языках варьируется степенью их синонимичности и не носит ярко выраженного характера (например, в англ.: *to take, to catch, to grasp, to seize, to grip; to embrace, to clasp, to cling, to hug, to seize; to strike, to hit, to slap* и др.)

Заключение. На основании анализа эмпирического материала было установлено, что в процессе диалогического взаимодействия люди используют разнообразные виды прикосновений (тактильные действия, сопровождающие диалогическую речь собеседника) – рукопожатия, поцелуи, похлопывания, объятия, удары, толчки, подергивания и др.; речевые эпизоды, обусловленные использованием тактильных действий в типовых речевых актах, характеризуются проявлением определенных чувств и эмоций (радости, успокоения, выражения определенной степени доверия, чувства защищенности и комфорта, испуга, страха, боязни и др.); включаясь в контекст общих действий, тактильные действия сопровождают отдельные иллокутивные акты и вербальные единицы в процессе пошагового обмена репликами; являясь дополнительным компонентом структуры вербально-тактильного коммуникативного акта, тактильные единицы участвуют в формировании объема его иллокутивного потенциала и реализации его конкретной иллокутивной силы. Включенные осознанно или подсознательно в диалогическое общение типовые тактильные действия (тактильные единицы, прикосновения) участвуют в регулятивном процессе, маркируя тот или иной тип регулятивных действий. Таким образом, производя иллокутивный акт, инициатор выражает свое отношение, состояние, намерение и т.п., а тактильные действия, вплетенные в структуру иллокутивного акта, выступают в качестве дополнительных маркеров иллокутивности и выражают чувства близости, открытости, защищенности и комфорта, демонстрируют веру в искренность намерений, показывают конфликтность отношений, выступают в качестве средства успокоения, стимула, средства в побуждение к действию и в значительной мере усиливают эмоциональное состояние инициатора и адресата, а также их вербальные реплики в контексте диалогического общения.

Литература

1. Малышева, Е.В. Вербально-тактильный композит в коммуникативном пространстве диалога / Е.В. Малышева // Дискурс-Пи. – 2018. – № 1(30). – С. 24–28.
2. Малышева, Е.В. «Диалог без слов» или прикосновение как базовая единица диалогического взаимодействия [Электронный ресурс] / Е.В. Малышева // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2021. – № 4. – С. 111–128. – Режим доступа: www.tverlingua.ru.
3. Малышева, Е.В. Уровни фреймовой организации комплексного вербально-тактильного конструктивного взаимодействия [Электронный ресурс] / Е.В. Малышева // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022. – № 3. – С. 41–56. Режим доступа: www.tverlingua.ru.
4. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
5. Романов, А.А. Лингвистическая мозаика. Избранное / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания РАН, ТвГУ, ТГСХА, изд-во «Агросфера», 2006. – 436 с.
6. Романов, А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ. С примерами из русского и немецкого языков / А.А. Романов. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 264 с.
7. Романов, А.А. Место и роль вербально-тактильных коннекторов в формировании комплексных регулятивных конструкций диалога / А.А. Романов, Е.В. Малышева // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22–23 нояб. 2019 г. / редкол.: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), С.В. Мыскин, В.П. Синячкин. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2019. – С. 33–43.
8. Романов, А.А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики / А.А. Романов, Ю.А. Сорокин. – М.: Ин-т языкознания РАН, ТвГУ, 2004. – 253 с.
9. Романов, А.А. Вербо- и психосоматика: Две карты человеческого тела / А.А. Романов, Ю.А. Сорокин. – М.: Институт языкознания РАН, 2008. – 172 с.
10. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
11. Эпштейн, М.Н. Философия тела / М.Н. Эпштейн / Тульчинский, Г.Л. Тело свободы / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2006. – 432 с.
12. Romanov, A. Frame representation of verbal-tactile composite in English dialogue / A. Romanov, E. Malysheva, L. Romanova // Language and Literature. – Vol. 26, iss 4(2). – Poetics and Linguistics Association and SAGE Publications. – 2017. – P. 647–652.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Образ боярыни Морозовой в истории и искусстве

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье отражена эпоха раскола русской православной церкви. Анализируется образ боярыни Морозовой в некоторых поэтических текстах и картине В. Сурикова «Боярыня Морозова».

Цель статьи – показать историческую обстановку эпохи раскола русской православной церкви и проанализировать исторический и художественный образ боярыни Морозовой в живописи и поэзии.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили стихи Е. Евтушенко, А. Карна, А. Ахматовой, А. Вознесенского, С. Янтаринной и др., а также картина Василия Сурикова «Боярыня Морозова». Использовался описательный метод и метод филологического анализа поэтического текста.

Результаты и их обсуждение. В статье отражена трагическая страница русской истории середины XVII века – эпоха раскола русской православной церкви, вызванная реформами патриарха Никона, борьба старообрядцев во главе с протопопом Аввакумом и боярыней Морозовой за старую веру. Анализируется образ боярыни Морозовой в некоторых поэтических текстах и картине В. Сурикова «Боярыня Морозова». Также показывается, что для русской поэзии вообще характерна рецепция исторической живописи В. Сурикова в творчестве М. Волошина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. Несмотря на семиотические различия разных видов искусств, их границы диффузны, имеет место взаимовлияние и взаимодополнение, их объединяет обращение к глубинным составляющим психики человека.

Заключение. Анализ некоторых поэтических текстов, посвященных старообрядчеству, и картины В. Сурикова «Боярыня Морозова» показывает, что «ментальное соединение» (Ю.С. Степанов) зрительного и словесного углубляет понимание, обогащает восприятие и художественных произведений, и самого исторического факта, его героев и антигероев времени трагического раскола русской православной церкви.

Ключевые слова: поэтический текст, живопись, раскол, боярыня Морозова, протопоп Аввакум, Василий Суриков.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 96–99)

The Image of Boyarynya (Noblewoman) Morozova in History and Art

Muratova E.Yu.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article reflects the era of the schism within the Russian Orthodox Church. The image of Boyarynya Morozova in some poetic texts and the painting by V. Surikov "Boyarynya Morozova" is analyzed.

The purpose of the article is to show the historical situation of the era of the schism of the Russian Orthodox Church and to analyze the historical and artistic image of the noblewoman Morozova in painting and poetry.

Material and methods. The factual research material was the poems of E. Yevtushenko, A. Karp, A. Akhmatova, A. Voznesensky, S. Yantarina and others and the painting "Boyarynya Morozova" by Vasily Surikov. We used the descriptive method and the method of philological analysis of the poetic text.

Findings and their discussion. The article reflects the tragic page of Russian history of the mid-17th century – the era of the schism of the Russian Orthodox Church caused by the reforms of Patriarch Nikon, the struggle of the Old Believers led by Archpriest Avvakum and the noblewoman Morozova for the old faith. The image of the boyarynia Morozova in some poetic texts and the painting by V. Surikov "Boyarynya Morozova" is analyzed. The article also shows that Russian poetry in general is characterized by the reception of historical painting by V. Surikov in the works of M. Voloshin, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, A. Voznesensky, E. Evtushenko and others. Despite semiotic differences between different types of art, their boundaries are diffused, there is mutual influence and complementarity, and they are united by an appeal to the deep components of the human psyche.

Conclusion. The analysis of some poetic texts dedicated to the Old Believers and V. Surikov's painting "Boyaryna Morozova" shows that the "mental connection" (Yu.S. Stepanov) of the visual and the verbal deepens understanding, enriches the perception of both works of art and the historical fact itself, its heroes and antiheroes of the time of the tragic split of the Russian Orthodox Church.

Key words: poetic text, painting, schism, Boyarynya (noblewoman) Morozova, Archpriest Avvakum, Vasily Surikov.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 96–99)

Искусство играет особую роль в формировании и отражении языковой картины мира и менталитета каждого народа. Национально-культурная специфика может проявляться при помощи разных семиотических систем: живописи, поэзии, архитектуры, балета, кинематографа и под. Ю.М. Лотман разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов. Любое произведение искусства – это текст культуры, а культура – это сумма или даже единый организм разных текстов [1]. И этот «организм» воспроизводит историю, типы поведения, традиции, восприятие жизни, характерные как для многих народов, так и для конкретного отдельного социума. Николай Бердяев утверждал: «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [2, с. 107].

Важное значение в истории и литературе имеет персонификация культуры, т.е. сфера реальных или вымышленных личностей, через образы которых мы осмысливаем мир. Особую роль в ней играют прецедентные имена, кодирующие историческую и культурную информацию, которая «расшифровывается» членами культурного социума, обозначают культурные парадигмы, опредмечивают представления и образы, способны выражать целые исторические (Петр I, Екатерина II, Наполеон, Ленин и т.д.) и культурные эпохи:

*Приходят и проходят дни
многожеланно, бесталанно.
И только горечь – где они.
Борис, Марина, Осип, Анна?...*

*В круг мироздания и Земли,
где жизнь извечно первозданна,
не расплескав, себя внесли
Борис, Марина, Осип, Анна.*

В данном поэтическом примере только имена без фамилий открывают нам Серебряный век поэзии, его гениальных представителей: Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Анна Ахматова.

Цель статьи – показать историческую обстановку эпохи раскола русской православной церкви и проанализировать исторический и художественный образ боярыни Морозовой в живописи и поэзии.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили стихи Е. Евтушенко, А. Карпа, А. Ахматовой, А. Вознесенского, С. Янтарной и др. и картина Василия Сурикова «Боярыня Морозова». Использовался описательный метод и метод филологического анализа поэтического текста.

Результаты и их обсуждение. В нашей статье мы хотим осмыслить и проанализировать образы боярыни Морозовой и протопопа Аввакума, которые нашли отражение в живописи и поэзии, поскольку они не просто исторические личности – за ними, действительно, стоит историческая эпоха XVII века – эпоха раскола

русской православной церкви. Как писал Б.В. Томашевский, «произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты» [3, с. 152].

И в исследуемых стихах, и в картине В. Сурикова «Боярыня Морозова» отражена трагическая страница русской истории середины XVII века – эпоха раскола русской православной церкви, вызванная реформами патриарха Никона, в которых была разумность и необходимость. Пока были рукописные книги, вопроса о реформе не могло и быть, но когда во второй половине XVI века в Москве появился Печатный двор и было решено снабжать все церкви печатными богослужебными книгами, то открылось необычайное разнообразие в рукописных книгах. Для печатания был необходим единый образец. Протопоп Аввакум предлагал сделать образцом старорусские книги.

Патриарх Никон, наоборот, отдавал первенство греческой обрядности, считая ее более древней и надежной. Царь Алексей Михайлович и Никон признали нормой тогдашние печатные греческие книги.

Нововведения касались, казалось бы, незначительных вещей, не затрагивая догматов православной веры и делая акцент на обрядовой стороне: крестное знамение совершать тремя сложенными перстами, а не двумя, крестный ход должен вестись против солнца, введен новый иконописный канон, земные поклоны сменились поясными, Иисус и Девица стали именовать и писать Иисусом и Девой.

Но само проведение реформы было непродуманным и очень жестким. Никоним образом не было подготовлено общественное мнение, без учета того, что уровень благочестия русской жизни XVII в. был чрезвычайно высок даже в ее бытовой повседневности. В церкви без всяких комментариев были разосланы новые книги и предписание об изменении некоторых обрядов. И все. В итоге началось всеобщее негодование. Одни церкви, священники и паства приняли это распоряжение, другие – категорически нет. Царю подавали челобитные, умоляя защитить Церковь. Про греков говорили, что они под турецким игом изменили православие, Никона ругали изменником и антихристом, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах. Так начался раскол.

Здесь надо несколько слов сказать о патриархе Никоне. Это был образованный, но очень самоуверенный человек, прошедший тяжелую школу жизни. Никон – единственный и уникальный пример в истории религиозной России, когда крестьянский сын стал патриархом, имевшим полный официальный титул «*Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помориа и многих государств Патриарх*» с 1652 года по 1666 года с титулом «*Великого Государя*», т.е. выше подняться на Руси было невозможно. Но Никон был слишком самоуверен и высокомерен, он стал спорить с самим царем Алексеем Михайловичем, настаивая на том, что «священство выше царства», т.е. что ни один светский закон не может быть выше церковного, божественного, из чего

получалось, что патриарх по власти выше самого царя. В конечном итоге Никон был отлучен от священства: не только патриаршего достоинства, но из епископского сана и закончил свою жизнь простым монахом.

Яростными противниками церковной реформы, предводителями раскольников стали протопоп Аввакум и боярыня Морозова. За ярость в отстаивании старообрядческой веры Аввакума называли «неистовым»:

*Переходила истовость в неистовость
горящего пророка во плоти,
и книгу Аввакума перелистывать,
как будто в сруб пылающий войти.*

(Е. Евтушенко)

Царь предложил протопопу Аввакуму стать своим духовником с одним условием – отказаться от борьбы за старую веру. Протопоп Аввакум резко отказался. Протопопа Аввакума предали анафеме, расстригли, многих его сторонников изуродовали – урезали языки. Протопоп Аввакум провел 15 лет в земляной тюрьме, но не пошел на компромисс ни с патриархом, ни с царем. Царь Алексей Михайлович не решился его казнить, а вот его сын и преемник Федор Алексеевич отказался терпеть сопротивление протопопа Аввакума и приказал сжечь его живо. В 1682 году протопоп Аввакум был живо сожжен в срубе «за великими на царский дом хуль». Последнее, что люди увидели сквозь пламя – его поднятая к небу рука с двуперстным знаменем.

*У веры нету меры,
Она иль есть, иль нет,
И гибли старoverы...
...а в душах Божий свет.*

(З. Агаларов)

Сподвижница Аввакума боярыня Феодосия Морозова была одной из самых богатых женщин на Руси, жила в **непомерной роскоши**: в ее усадьбе расхаживали павлины, золоченая карета была запряжена двадцатью лошадьми и украшена драгоценными камнями, ее обслуживали сотни слуг, во владении Морозовой было 8 тысяч крестьянских дворов, она была в родстве с царской семьей. В тот период ей было 30 лет. Молодая вдова отличалась начитанностью, умом, знанием церковной литературы. Царь и боярство пытались уговорить, убедить непокорную и тоже неистовую в своих убеждениях Морозову, но ни богатство, ни знатность, ни уговоры и угрозы не остановили ее в борьбе за старую веру против царя и патриарха.

В конечном итоге боярыня Морозова и ее сестра были высланы в Боровск, заточены в земляную тюрьму, где обе умерли от истощения (их специально не кормили и не поили) в 1675 году.

*Из Москвы уезжает боярыня,
Напоследок двуперстьем грозит.
За крамольные речи наказана
Ссылкой в дальний монашеский скит.
Но не сломлена духом раскольница, –
Сердце вольное гневом кипит.
И бежит за ней русская вольница
Проводить исчезающий быт.*

(А. Карп)

Одновременно поэтические строки – это и ассоциативное обращение к картине Василия Сурикова «Боярыня Морозова». В русской культуре связь живописи и литературы традиционна: это библия и иконы, художественные миниатюры в древнерусских книгах и под. Ярче она проявилась в XIX в. Крупнейший художественный критик XIX века В.В. Стасов называл русскую литературу и искусство неразлучными близнецами [4].

Для русской поэзии, в частности, характерна рецепция исторической живописи В. Сурикова в творчестве М. Волошина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. Обращения к образам суриковских картин «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» – это, по сути, образование еще одного свертхтекста в русской литературе.

Например:

*Удел Руси – смердящих псов терпеть.
Но в мерзкой гнили всяческих засилий
Стрелецкой кровью будет пламенеть
Родное имя – Суриков Василий.*

(А. Ширяевец)

Или у А. Ахматовой:

*А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть.
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?*

У нее же:

*Великую зиму Я долго ждала,
Как белую схиму Её приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...*

У Андрея Вознесенского:

*Я свет звезды, как соль, возьму в щепоть
И осенью себя стихом трехперстым.
Мои труды благослови, Господь!
Через плечо соль брошу на восход.
(Двуперсть же, как держат папирску,
боярыня Морозова взовьет!)*

В. Губанов отождествляет Марину Цветаеву с боярыней Морозовой, а сама Морозова становится олицетворением поэзии:

*Марина! Слышишь, звезды спят,
и не поцеловать досадно,
и марту храп до самых пят,
и ты, как храм, до слез до самых.
Марина! Ты опять не роздана.
Ах, у эпох, как растерях, –
поэзия – всегда Морозова
до плахи и монастыря!*

На картине В. Сурикова на простых саях, застеленных соломой, полулежит Феодосия Морозова с поднятой вверх рукой с двумя перстами. Художник изобразил момент, когда Морозову, закованную в цепи, провозят по московским улицам «на позорище», чтобы затем заточить в Боровский монастырь. Лицо ее мертвецки бледно, руки бескровны. Сближая лицо Морозовой и возницы, который олицетворяет низменное начало, Василий Суриков ищет меру соответствия ничтожного и великого. В контрасте этих лиц с особой остротой

воспринимается трагическая сущность образа боярыни Морозовой, которая на картине – одновременно и жертва, и победительница в несломленной силе своей веры.

Вот как описывает картину «Боярыня Морозова» Светлана Янтарина:

*Сквозь марево морозное,
В толпу, где тишь и страх,
Боярыня Морозова
Въезжает на дровнях.
Да не в возочке выгнутом
Со шкурами в ногах,
А на солому кинута,
С цепями на руках.
Поднято двоеперстие
Худой ее кисти –
Благословляет действие
Спектакля на Руси.
Клобук да шаль монашеска,
Да черный страшный взгляд...
Не покорилась матушка!
Не подалась назад!
Не слушала под пытками
Священнический вздор,
Со старыми молитвами
Взяла за честь позор!*

*Ей кланяется девушка,
С сомнением смотрит люд –
Куда за Веру древнюю
Боярыню везут?
С колен не подымается
Юродивый. Он друг.
Кого в Сибирь сылаете?!
Могучий Русский ДУХ!*

Действительно, помимо центрального образа непокорной боярыни Морозовой, с ее фанатической силой в старую веру, важную роль играют люди, окружающие сани: группа дьячков, молодая монахиня, глаза которой переполнены ужасом, дети, несколько татар, боярышни в шубках, старушки, юродивый, старообрядцы, которых выдает одежда и тревожные, испуганные лица. И реакция на боярыню очень разная: кто-то жалеет Морозову и плачет, кто-то смеется и улюлюкает, кто-то радуется унижению «царской тетки».

Особую роль на картине играет нищий, который как бы отделен от толпы. Он – единственный из всех, окружающих боярыню людей, поднимает вслед за ней двуперстное знамение, открыто демонстрируя свою солидарность со *старой верой*:

*Он аскет. Ему не нужно бабы.
Он некоронованный царь улицы.
Сани прыгают через ухабы, –
Он разут, раздет, но не простудится.
У него горит святая вера.
На костре святой той веры греется
И с остервененьем изувера
Лучше всех двумя перстами крестится.*

(Н. Глазков)

Сани с боярыней как будто «раскалывают» толпу на сторонников и противников церковной реформы. Васи-

лий Суриков своей картиной гениально показал трагедию противостояния всего русского народа.

Заключение. Безусловно, существуют объективные различия между живописью и поэзией. «Произведения изобразительного искусства не развертываются во времени: их восприятие происходит одномоментно, в отличие от восприятия речи, танца, фильма; зритель может долго стоять перед понравившейся картиной, но нельзя сказать, что он еще не видел ее конца. А не обладая протяженностью во времени, художественные полотна, следовательно, отображают прежде всего статику мира... В отличие от живописи литературное произведение не утрачивает подлинности при тиражировании. В отличие от исполнительных искусств литературное произведение вполне “отчуждаемо” от своего создателя и т.д.» [5, с. 344, 373].

Все это подтверждает идею современной науки, что разные семиотические системы (в данном случае поэзия и живопись) разными средствами и путями постижения и достижения своих целей ставят одинаковые вопросы и пытаются получить на них ответы. Главное, как утверждает вслед за Н. Бердяевым и В. Розановым Ю.С. Степанов, что любое творчество есть создание нового, «прибыль бытия», «освобождение» и «преодоление» и, в конечном итоге «выход, исход, победа» [6].

Несмотря на семиотические различия разных видов искусств, их границы диффузны, имеет место взаимовлияние и взаимодополнение, их объединяет обращение к глубинным составляющим психики человека. Поэтому вполне естественно, что для современной гуманитарной науки стало актуальным гибридное лингвоизобразительное мышление.

Таким образом, анализ некоторых поэтических текстов, посвященных старообрядчеству, и картины В. Сурикова «Боярыня Морозова» показывает, что «ментальное соединение» (Ю.С. Степанов) зрительного и словесного углубляет понимание, обогащает восприятие и художественных произведений, и самого исторического факта, его героев и антигероев времени трагического раскола русской православной церкви.

Литература

1. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры / Ю.М. Степанов. – СПб., 2002. – 765 с.
2. Бердяев, Н.А. Национальность и человечество / Н.А. Бердяев // Судьба России. Кризис искусства. – М.: Наука, 2004. – С. 101–109.
3. Томашевский, Б.В. Писатель и книга. Очерк текстологии / Б.В. Томашевский. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1959. – 279 с.
4. Стасов, В.В. Избранные статьи о русской живописи / В.В. Стасов. – М., 1984. – 154 с.
5. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводов. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. – 3-е изд., стер. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 432 с.
6. Степанов, Ю.С. Творчество / Ю.С. Степанов // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: материалы конф. – М., Калуга, 2008. – С. 11.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Лингвокогнитивный туннель менасивности как прагматический инструмент

Новоселова О.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Тверь

Исследование посвящено описанию содержательного объема феномена вербальной угрозы и его семантической специфики, заложенной в ментальном пространстве носителя языка.

Цель статьи – разработать методологический аппарат для изучения лингвокогнитивного механизма реализации вербальной угрозы в английском языке.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили лексикографические дефиниции английского языка, которые отражают содержательно-функциональную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также дискурсивные практики со значением угрозы, реализованные в условиях англоязычной социальной интеракции. Методологическим основанием изучения лингвокогнитивной специфики менасивных высказываний явились конвергентные исследовательские приемы и деятельностно-регулятивный подход к анализу языкового материала, в основе которого лежит модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструкторов, разработанная в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации».

Результаты и их обсуждение. Языковая личность, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, может определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия, чтобы избежать негативных последствий.

Заключение. Предложенный автором ракурс исследования развивает методологическую базу менасологии как отдельного направления лингвистической прагматики и открывает широкие возможности для описания лингвокогнитивной специфики высказываний-угроз.

Ключевые слова: вербальная угроза, феномен менасивности, лингвокогнитивный туннель, туннель менасивности, семантический анализ, прагматика, вербальное воздействие.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 100–105)

Linguistic and Cognitive Tunnel of Menasivity as a Pragmatic Tool

Novoselova O.V.

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“A.N. Kosygin Russian State University (Technologies, Design, Art)”, Tver

The study is concerned with the description of the content of the phenomenon of verbal threat and its semantic specificity in the mental space of a native speaker.

The purpose of the article is to develop a methodology for studying the linguistic and cognitive mechanism of verbal threat implementation in English.

Material and methods. The actual material of the study was lexicographic definitions of the English language, which reflect the content-functional essence of the lexical and thematic space of the threat, as well as discursive practices with the meaning of the threat, implemented in the conditions of English-language social interaction. The methodological basis for studying the linguistic and cognitive specificity of menasive utterances were convergent research techniques and an activity-regulatory approach to the analysis of linguistic material, which is based on the model of dialogic communication, the theory of regulatory activity and its units – regulatory constructs, developed at Tver Scientific School “Dynamic model of regulatory communication”.

Findings and their discussion. A linguistic personality based on their own ideas about the content characteristics of a verbal threat and various types of knowledge can identify in a complex verbal practice with the meaning of threat the presence of a logical connection between a possible sanctioning influence and the need to perform causable actions in order to avoid negative consequences.

Conclusion. The perspective of the research proposed by the author develops the methodological basis of menasology as a separate direction of linguistic pragmatics and opens up wide opportunities for describing the linguistic and cognitive specificity of threat statements.

Key words: verbal threat, menasivity phenomenon, linguistic and cognitive tunnel, menasivity tunnel, semantic analysis, pragmatics, verbal impact.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 100–105)

В современных условиях быстро меняющейся среды социального взаимодействия наблюдается повышенный интерес лингвистов к феномену вербальной угрозы. Коммуникативно-интенциональный тип высказываний-угроз (также менасивов, менасивных высказываний или практик-угроз) регулярно становится объектом исследований и рассматривается в качестве функционально-прагматической единицы общения с различных теоретических позиций общего и частного языкознания [1–7].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, посвященных анализу содержательных характеристик высказываний-угроз, ученым не удалось систематизировать представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, очертить содержательный (семантический) объем этого феномена и прийти к единому мнению относительно лингвистических (от греч. *limes* – граница) параметров типовой коммуникативной ситуации угрозы. С указанных позиций примечательно и то обстоятельство, что на фоне «дискурсивного поворота» в лингвистике до настоящего времени не поднималась проблема описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования (использования) высказываний со значением угрозы в условиях социального взаимодействия. В частности, не поднимался вопрос о том, каким образом языковая личность как когнитивный агент интерпретирует и оценивает практики-менасивы, направленные на решение конкретных задач собеседников в ходе диалогической интеракции.

Также остается неизученным вопрос отображения феномена вербальной угрозы в ментальном пространстве носителя английского языка и описания структурной организации представлений языковой личности об этом феномене. Больше того, вне поля зрения ученых оказывается осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы, заложенной в ментальном пространстве говорящей личности.

В этой связи представляется перспективной цель исследования – разработать авторский методологический аппарат для изучения лингвокогнитивного механизма воздействующего потенциала вербальной угрозы в английском языке.

Материал и методы. Методологическим основанием изучения лингвокогнитивной специфики менасивных высказываний явились конвергентные исследовательские приемы и деятельностно-регулятивный подход к анализу языкового материала, в основе которого лежит (лингвопрагматическая) модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструкторов (регулятивов), предложенная основателем Тверской научной школы «Динамическая модель регулятивной коммуникации», профессором А.А. Романовым [8; 9]. Обозначенный ракурс исследования позволит осуществить интегративный синтез когнитивного и коммуникативного

(когнитивно-дискурсивного) подходов, вскрыть механизм проявления феномена вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия или феномена менасивности, на основе которого происходит оперирование угрозой его участниками, а также предложить когнитивный (смысловой) инструмент для толкования таких высказываний, как угроз и оценки их интенсивности воздействия на адресата. Избранный в работе когнитивно-дискурсивный подход коррелирует с принципом антропоцентризма, согласно которому в фокусе лингвистического анализа находится языковая личность как субъект речевой деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в типовых сценариях его жизнедеятельности.

Фактическим материалом исследования послужили лексикографические дефиниции английского языка, которые отражают содержательно-функциональную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также дискурсивные практики со значением угрозы, реализованные в условиях англоязычной социальной интеракции.

Результаты и их обсуждение. Проведенный семантический анализ показывает, что фреймообразующим (вершинообразующим) глаголом лексико-тематического пространства угрозы в английском языке является лексема-маркер *threaten*. Зафиксированные в словарях дефиниции глагола *threaten* явились основанием для определения в структуре его значения интегративного компонента «наступление негативных последствий», который включает в свой содержательный объем 4 базовых семы: «совершение чего-либо неприятного», «совершение чего-либо плохого», «причинение боли, вреда или беспокойства» и «осуществление наказания», а также 2 периферийные семы: «источник возможной опасности» и «разрушение чего-либо».

Кроме того, анализ демонстрирует, что глагол *threaten* характеризуется такими семантическими признаками, как реляционность, акциональность, целенаправленность, побудительность (каузативность), локутивность и менасивность. Обозначенные семантические признаки в своей совокупности участвуют в формировании побудительного значения глагола *threaten*. При этом признак менасивности, раскрывающий способ воздействия на объект при вербальной каузации, выступает дифференциальным признаком, который отличает глагол *threaten* от других английских глаголов речевой деятельности, обладающих побудительным значением.

В ходе исследования удалось расширить трактовку содержательного объема глагола *threaten* свойствами, конкретизирующими признак менасивности (свойствами-конкретизаторами), а именно: свойством-1 «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации», свойством-2 «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации», свойством-3 «причинно-следственная связь между возможным санкционным воздействием на объект

и причиной его совершения» / «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления», свойством-4 «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации», свойством-5 «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» и свойством-6 «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

Выявленная иерархическая совокупность базовых и периферийных сем, а также семантических признаков и свойств формирует интегративно-амальгамированный содержательный объем глагола *threaten*. Складывается отчетливая картина того, что содержательная сущность глагола *threaten* заключается в побудительном значении, которое обусловлено возможностью наступления негативных последствий для адресата угрозы в случае его отказа от выполнения каузируемого действия. Важно также констатировать, что объект каузации находится в ситуации выбора между возможностью применения к нему санкционных действий и необходимостью совершить каузируемые действия, которые он не желает выполнять.

Таким образом, изучение семантической специфики глагола *threaten* позволило выяснить, что в его содержательном объеме сочетаются элементы *контрарного плана*, которые задают диапазон функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы в английском языке: интегративный компонент «наступление негативных последствий», охватывающий различные способы санкционного воздействия на объект каузации, а также свойства менасивности, которые содержат указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий. Зафиксированная совокупность константных признаков и свойств отражает комплексное представление носителей английского языка о семантической структуре феномена вербальной угрозы. При этом не вызывает сомнений, что семантические признаки и свойства вербальной угрозы, отражая знания носителей языка об этом феномене, определенным образом структурируются в их ментальном пространстве и им «приписывается когнитивная структура» [10, с. 16], а языковая личность обращается к таким ментальным (когнитивным) структурам при каждой встрече с вербальной угрозой в виде дискурсивной менасивной практики (акта менасивной каузации) в контексте социального взаимодействия.

Сказанное определяет целесообразность установить, как варианты компонента «наступление негативных последствий» соотносятся друг с другом в ментальном пространстве носителя английского языка, как они структурируются и оцениваются с позиций их интенсивности воздействия. В целях проводимого описания варианты интегративного компонента (семы) вербальной угрозы были распределены по принципу увеличения интенсивности проявления

негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия на него: (а) «источник возможной опасности» → (б) «совершение чего-либо неприятного» → (в) «совершение чего-либо плохого» → (г) «причинение боли, вреда или беспокойства» → (д) «осуществление наказания» → (е) «разрушение чего-либо». Характерно, что перечисление сем начинается с семы (а), которая не содержит указания на конкретный способ наступления негативных последствий для объекта, в то время как каждая последующая сема «включает» в свой содержательный объем предыдущую сему, конкретизируя способ совершения санкционного воздействия. Другими словами, каждая последующая сема является семантически «объемнее» предыдущей, приобретая аккумулятивный характер.

Предлагаемое иерархическое распределение сем позволяет говорить о явлении «включенности» или *инклюзивном механизме (природе)* интегративного компонента «наступление негативных последствий», при котором каждая последующая сема включает в свой содержательный объем предыдущую, а вся совокупность взаимодействующих сем в полном объеме отражает все варианты интегративного компонента. В частности, инклюзивный механизм интегративного компонента проявляется в том, что на этапе встречи с вербальной угрозой языковая личность как когнитивный агент обращается к собственным – во многом субъективным – представлениям о возможных негативных проявлениях угрозы (семам), которые в определенном порядке структурируются в ее ментальном пространстве. Обладая знанием о наборе возможных негативных проявлениях угрозы, языковая личность может оценить санкционное воздействие конкретного менасива, содержащего тот или иной вариант интегративного компонента.

Распределение сем было представлено в виде реляционной структуры, в терминологии И.П. Суцова, негативных проявлений вербальной угрозы в последовательности: а→б→в→г→д→е, где буквами обозначены варианты интегративного компонента, а стрелки указывают на их инклюзивный характер. Предлагаемая структура фиксирует совокупность сем как реляционных позиций и особенностей их инклюзивного соотношения в содержательном объеме вербальной угрозы.

В выбранном ракурсе рассуждений важно обратить внимание на инвариантный характер признака менасивности вербальной угрозы, который сформирован 6 свойствами. Следуя предлагаемому вектору иерархического распределения элементов содержательного объема вербальной угрозы, свойства менасивности вербальной угрозы могут быть расположены в следующем порядке: свойство (1) «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации» → свойство (2) «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации» → свойство (3) «причинно-следственная связь между возможным

санкционным воздействием на объект и причиной его совершения» / «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления» → свойство (4) «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации» → свойство (5) «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» → свойство (6) «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

Обозначенное распределение свойств позволяет говорить о *механизме менасивной инклюзии* применительно к перечисленным свойствам, при котором каждое последующее свойство включает в содержательный объем предыдущее, а вся совокупность свойств в полном объеме отражает специфику побудительного значения вербальной угрозы. Предлагаемое распределение можно рассматривать как реляционную структуру свойств-конкретизаторов вербальной угрозы. Такая реляционная структура отражает позицию каждого свойства в этой структуре и фиксирует соотношение свойств в типовой коммуникативной ситуации угрозы. Эта структура может быть представлена в виде: 1 → 2 → 3 → 4 → 5 → 6, где цифры обозначают порядковые номера свойств менасивности, а стрелки указывают на их инклюзивный характер.

В рамках настоящего исследования удалось установить, что контрарные элементы вербальной угрозы обладают инклюзивной природой и образуют две реляционные структуры – реляционную структуру негативных проявлений и реляционную структуру свойств-конкретизаторов вербальной угрозы. При этом очевиден тот факт, что в ментальном пространстве носителя языка как когнитивного агента есть определенные зависимости между указанными реляционными структурами, так как языковая личность обладает способностью сопоставить негативные последствия вербальной угрозы с необходимостью выполнить каузируемые действия и возможностью избежать наступления санкционного воздействия [8, с. 101].

Не вызывает сомнений, что представление адресата о конкретной вербальной угрозе начинает формироваться с того, что он встречается с языковой репрезентацией определенного варианта интегративного компонента в виде менасивного высказывания. В силу инклюзивного механизма негативных последствий вербальной угрозы языковая личность может определить, какая позиция реляционной структуры была актуализирована в конкретной ситуации коммуникативного взаимодействия, и какое значение имеет актуализация этой позиции в координатах *здесь-и-сейчас*. Иными словами, языковая личность осуществляет оперирование инклюзивным механизмом негативных последствий вербальной угрозы, позволяющем ей оценить последствия конкретного менасива, сравнив эти последствия с собственными представлениями о возможном санкционном проявлении вербальной угрозы.

Например, «*If you don't clean your room, you can't have any dessert*»; «*If you don't lower your price on this component, we will go to another supplier*»; «*If you don't pay my invoice immediately, I will take you to court*».

С указанных позиций, очевидно, что адресат оценивает содержание негативных последствий менасивных высказываний не только на фоне своих представлений о более или менее интенсивных последствиях вербальной угрозы, но с позиций собственных знаний о возможности избежать санкционного воздействия при условии выполнения каузируемых действий. Поэтому в процессе оперирования негативными последствиями конкретного менасива языковая личность обращается к своим структурированным знаниям о свойствах-конкретизаторах вербальной угрозы. Так, в процессе оценки конкретного варианта интегративного компонента адресат последовательно «пропускает» этот компонент сквозь призму из шести свойств менасивности по когнитивному маршруту (в направлении) от свойства-1 к свойству-6.

С позиций предлагаемого подхода можно полагать, что свойства менасивности образуют *туннель менасивности* или *менасивный туннель* [6; 11; 12], который определяет лимнологическое пространство побудительного значения вербальной угрозы и задает границы для функционирования (использования) и интерпретации (понимания) негативных проявлений вербальной угрозы. Становится понятным, что участники прототипической ситуации вербальной угрозы осуществляют оперирование вариантами компонента «наступление негативных последствий» в границах содержательного пространства, задаваемого менасивным туннелем [11 с. 14]. Кроме того, можно утверждать, что предлагаемый механизм формирует психосемантическое пространство прототипической ситуации вербальной угрозы, объединяющее в целостное представление – со всеми содержательными связями – ее контрарные элементы.

Таким образом, интегративно-амальгамированная совокупность упорядоченных контрарных элементов вербальной угрозы формирует функционально-когнитивную структуру, фрейм или функционально-семантическое представление (Ф-структуру) типовой коммуникативной ситуации угрозы, а также задает лимнологические параметры для отдельных (во многом субъективных) представлений носителя языка о репрезентации угрозы в дискурсивном пространстве социальной интеракции. Принимая во внимание буквенные обозначения сем и порядковый номер каждого свойства менасивности, а также инклюзивную направленность и инвариантный характер контрарных элементов вербальной угрозы, фреймовую конфигурацию типовой коммуникативной ситуации угрозы можно представить в виде схемы:

Условные обозначения: те же; при помощи стрелок → и ← отображен инвариантный характер контрарных элементов вербальной угрозы и их инклюзивная направленность.

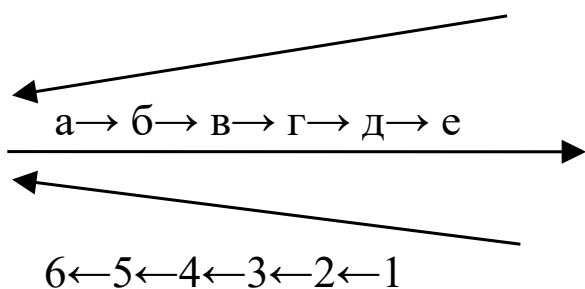

Схема. Фреймовая конфигурация
типовой коммуникативной ситуации угрозы

Предлагаемый фрейм демонстрирует туннельный характер вербальной угрозы и соотношение ее двух содержательных элементов контрарного плана – интегративного компонента «наступление негативных последствий» (см. буквы на схеме) и признака менасивности (см. цифры на схеме). Интегративный компонент, обладающий инклюзивной природой, представляет собой ось со стрелкой слева направо, которая проходит сквозь туннель из свойств менасивности – от свойства-1 до свойства-6. Примечательно, что варианты этого компонента расположены в порядке увеличения проявления их негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия (слева направо). В свою очередь, свойства менасивности, также обладающие инклюзивной природой, расположены на двух осях со стрелками справа налево в порядке увеличения возможности адресата избежать наступления негативных последствий (справа налево).

Представленный фрейм типовой коммуникативной ситуации угрозы фиксирует маршрут «прохождения» вариантов интегративного компонента через туннель из свойств менасивности вербальной угрозы, описывая механизм работы двух реляционных структур контрарного плана. В частности, в процессе «прохождения» по такому маршруту языковая личность понимает возможность наступления негативных последствий и определяет каузативную «силу» (значение) вербальной угрозы, а также осуществляет конкретизацию (интерпретацию, оценку) негативных проявлений конкретного высказывания-угрозы в содержательном пространстве менасивного туннеля. В результате языковая личность вырабатывает решение о своем дальнейшем вербальном или невербальном поведении, связанном с возможностью выполнить каузируемые действия или отказаться от их выполнения.

Читая схему, важно обратить внимание на графическое сближение двух диагональных линий со стрелками справа налево, обозначающее процесс постепенной (волнообразной) конкретизации свойств менасивности. Характерно, что, если в ходе социального взаимодействия участникам прототипической ситуации вербальной угрозы удалось установить,

что конкретный менасив не является проявлением агрессивного поведения говорящего (свойство-6), а содержит указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий, то можно говорить о сужении менасивного туннеля в направлении свойства-6 и, следовательно, об эффективном взаимодействии участников фрейма типовой коммуникативной ситуации угрозы. Например, адресат следующего высказывания со значением угрозы может оценить его как указание на возможность избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий: «*Siddy, I'll lick you for that*» (Twain, 2020).

Однако, если участникам акта каузации не удалось «пройти» по менасивному туннелю от свойства-1 до свойства-6 и избежать формирования враждебной настроенности по отношению друг к другу в ходе реализации своих коммуникативных намерений, то менасивный туннель расширяется по направлению к свойству-6, свидетельствуя о конфронтации участников социального взаимодействия. Например, «*You threaten me? You try to frighten me after your wife charges that you have been running around weeth my wife? You talk about my past! I like that. Haw! We shall see about dis!*» (Dreiser, 2020).

В русле сказанного важно уточнить, что инклюзивный механизм свойств менасивности предполагает последовательную включенность в процесс интерпретации практик-угроз всех их свойств. Однако в различных ситуациях социального взаимодействия участникам прототипической ситуации вербальной угрозы не всегда удастся последовательно продвигаться по менасивно-каузативному маршруту угрозы или по менасивному туннелю, и, следовательно, возможно прекращение такого маршрута на каком-либо свойстве.

Заключение. В ходе проведенного анализа установлено, что носители языка, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, могут определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия. Исследование демонстрирует, что семантические признаки и свойства вербальной угрозы задают **туннель менасивности** или **менасивный туннель**, который определяет лимнологическое пространство побудительного значения англоязычных высказываний-угроз и фиксирует границы для использования и интерпретации (понимания) негативных проявлений таких высказываний, реализованных в условиях социального взаимодействия. Разработанный менасивный туннель позволяет прояснить, как языковая личность осуществляет оперирование контрарными элементами вербальной угрозы, обладающими инклюзивной природой и формирующими в ментальном пространстве носителей языка систему реляционных структур.

Предложенный автором ракурс исследования открывает широкие возможности для описания лингвокогнитивной специфики высказываний-угроз, а также развивает методологическую базу менасологии как отдельного направления лингвистической прагматики. Разработанный туннельный знак может быть применен для описания вербального поведения языковой личности, использующей менасивные высказывания для решения коммуникативных задач. Поэтому дальнейшее изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом специфики функционирования менасивов в вербальном поведении говорящего субъекта, остается одним из актуальных направлений в области германского языкознания, и когнитивной лингвистики, требующим комплексного описания языковых структур и изучения прагматического воздействия, которое высказывания-угрозы оказывают на носителей английского языка.

Литература

1. Богданов, В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 87 с.
2. Мельник, Г.С. Политический менасив как неэтикетное речевое поведение / Г.С. Мельник, Б.Я. Мисонжников // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т.13, № 1. – С. 121–129.
3. Новоселова, О.В. Предвыборные менасивы в вербальном поведении американских политических деятелей [Электронный ресурс] / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2021. – № 4. – С. 44–61. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – Дата доступа: 14.10.2023.
4. Новоселова, О.В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискуссии [Электронный ресурс] / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2022. – № 3. – С. 73–85. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 14.10.2023.
5. Почепцов, Г.Г. Предложение / И.П. Иванова, В.В. Буракова, Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 164–281.
6. Романов, А.А. Менасивные конструкты предвыборной дискуссии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года / А.А. Романов, О.В. Новоселова. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.
7. Fraser, B. An Analysis of Vernacular Performative Verbs / B. Fraser // Towards Tomorrow's Linguistic / Ed. by Schuy etc. – Washington: Georgetown University Press, 1974. – P. 139–158.
8. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
9. Романов, А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков / А.А. Романов. – М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. – 264 с.
10. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 608 с.
11. Романов, А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электронный ресурс] / А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. научн. журн. – 2016. – № 4. – С. 1–35. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 14.10.2023.
12. Романов, А.А. Регулятивные менасивы в политической коммуникации США / А.А. Романов, О.В. Новоселова. – М.: Флинта, 2023. – 240 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Понятийные признаки в структурах макроконцептов душа и SOUL в XIX в.

Пименова М.В.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Международный гуманитарный университет
имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского», Санкт-Петербург

Статья посвящена определению понятийных признаков двух макроконцептов: русского душа и английского soul, появившихся в их структурах до конца XIX в.

Цель исследования – выявить полный набор понятийных признаков рассматриваемых макроконцептов.

Материал и методы. Для выявления понятийных признаков макроконцепта душа использовано восемь исторических словарей русского языка, макроконцепта soul – восемь словарей. Основные методы, применяемые в статье, следующие: сравнительно-исторический, описательный, концептуальный.

Результаты и их обсуждение. В итоге проведенного анализа был выявлен семьдесят один понятийный признак у макроконцепта душа, пятьдесят шесть понятийных признаков у макроконцепта soul. Общей характеристикой понятийных признаков анализируемых макроконцептов стала соотношенность души в сравниваемых лингвокультурах со стихиями: душа актуализируется признаками воды и воздуха, soul – воздуха и огня. Русская и английская языковые картины мира показали различия в признаках локализации изучаемых концептов: у макроконцепта душа – это признаки ‘грудь, грудная полость’; ‘нижняя часть шеи над этой ямочкой’, ‘расположение’, ‘ямочка на шее, над грудной костью’, ‘отдельно’, ‘сторона’ и у макроконцепта soul – ‘вместилище’, ‘внутренний’, ‘кровь’.

Заключение. У макроконцепта душа отмечены признаки действий (‘двигать’, ‘действие’, ‘занимать’, ‘обещание’, ‘поклоняться’, ‘приветствие’, ‘присяга/присягнуть’, ‘руководить’, ‘уверение’); тела и его свойств (‘возраст’, ‘носитель’, ‘организм’, ‘пол’, ‘смерть’, ‘телесная оболочка’); сущности (‘призрак’, ‘нравственный’, ‘сущность’, ‘тень’); морали (‘нравственный’, ‘совесть’); воли и характера (‘воля’, ‘искренность/искренний’, ‘качества/свойства’, ‘ответственность’, ‘сердечный’, ‘усердие’, ‘характер’, ‘хотеть’); состояния и способностей (‘одаренный’, ‘свобода’, ‘состояние’, ‘способность’); внутреннего мира (‘внутренний/психический’, ‘мир’), социального статуса (‘ревизский/податного состояния’, ‘родовой’); эти признаки у макроконцепта soul не выявлены. В структуре макроконцепта soul изучаемого периода обнаружены понятийные признаки, отсутствующие у макроконцепта душа: абстрактные признаки (‘квинтэссенция’, ‘принцип’, ‘соединение’, ‘цель’, ‘часть’); признаки человека (‘личность’, ‘персонаж’); мощи (‘сила’, ‘энергия’); оценочные (‘главный’, ‘существенный/неотъемлемый’) и религиозные признаки (‘христианский’).

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, понятийные признаки, языковая картина мира, лингвокультура, значение слова, сопоставительные исследования.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 106–115)

Conceptual Features in the Structures of the Macro-Concepts of душа and Soul in the 19th Century

Pimenova M.V.

Education Establishment “P.P. Semenov-Tian-Shansky International
Humanitarian University”, St. Petersburg

The article is concerned with defining the conceptual features of two macro-concepts: the Russian душа (dusha) and the English soul, which appeared in their structures before the late 19th century.

The purpose of the study is to identify a complete set of conceptual features of the macro-concepts under consideration.

Material and methods. To identify the conceptual features of the macro-concept of душа, eight historical dictionaries of the Russian language were used, and eight dictionaries were used for the macro-concept of soul. The main methods used in the article were the following: comparative-historical, descriptive, conceptual.

Findings and their discussion. As a result of the analysis, seventy-one conceptual features were identified for the macro-concept of душа, fifty-six conceptual features were identified for the macro-concept of soul. A common characteristic of the conceptual features of the analyzed macro-concepts was the correlation of the soul in the compared linguistic cultures with the element: душа is actualized

Адрес для корреспонденции: e-mail: MVPimenova@yandex.ru – М.В. Пименова

by the signs of water and air, soul is actualized by the signs of air and fire. The Russian and English language pictures of the world showed differences in the signs of localization of the concepts under study: for the macro-concept of *dyua* it is the signs of 'chest, chest cavity'; 'the lower part of the neck above this dimple', 'location', 'the dimple on the neck, above the breastbone', 'separately', 'side' and for the macro concept of soul these are 'receptacle', 'internal', 'blood'.

Conclusion. The macro-concept of *dyua* has signs of actions ('move', 'action', 'occupy', 'promise', 'swear', 'greeting', 'a swear/to swear', 'lead', 'confidence'); body and its properties ('age', 'carrier', 'organism', 'gender', 'death', 'bodily shell'); essences ('ghost', 'moral', 'essence', 'shadow'); morality ('moral', 'conscience'); will and character ('will', 'sincerity/sincere', 'qualities/properties', 'responsibility', 'heartfelt', 'zeal', 'character', 'want'); states and abilities ('gifted', 'freedom', 'state', 'ability'); inner world ('inner/psychic', 'world'), social status ('revision/tax status', 'ancestral'); These features were not identified in the macro-concept of soul. In the structure of the macro-concept of soul of the period under study, we found conceptual features that were absent in the macro-concept of *dyua*: abstract features ('quintessence', 'principle', 'connection', 'goal', 'part'); attributes of a person ('personality', 'character'); power ('strength', 'energy'); evaluative ('main', 'essential/inalienable') and religious characteristics ('Christian').

Key words: concept, conceptual structure, conceptual features, linguistic picture of the world, linguistic culture, word meaning, comparative studies.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 106–115)

Обращение к теме главных составляющих внутреннего мира человека сохраняет свою актуальность во все времена. Цель исследования – определить полный набор понятийных признаков русского и английского макроконцептов *душа* и *soul*. Тема концептуализации души, поднимаемая в данной статье, затрагивает вопросы развития понятийных признаков в структурах изучаемых макроконцептов до конца XIX в. Актуальность предпринятого исследования состоит в сравнении путей переосмысления первопризнаков макроконцептов *душа* и *soul*, которые сохраняют свою значимость в изучаемый период либо исчезают. Научная новизна предпринятого исследования заключается в первом опыте определения и сопоставления понятийных признаков русского и английского макроконцептов *душа* и *soul* периода XI–XIX вв.

Душа – значимая составляющая внутреннего мира – представляет собой стержень ментальности народа: по качествам души определяют характер народа в целом, его ментальность: «Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка» [1, с. 52].

Материал и методы. Источником выявления понятийных признаков макроконцепта *душа* стали восемь исторических словарей русского языка, макроконцепта *soul* – восемь исторических и толковых словарей. В статье применяется комплекс следующих научных методов: сравнительно-исторический, описательный, концептуальный, метод компонентного анализа словарных дефиниций слов, вербализующих изучаемые макроконцепты.

Результаты и их обсуждение. В лингвистической литературе отмечен ряд работ, в которых были исследованы концепты *душа* и/ или *soul*, привлекаемых к анализу в данной статье. Исследователи чаще всего обращаются к фразеологизмам, чтобы выявить значимые стороны концепта *душа*. Сопоставительный анализ концепта *душа* в русской и армянской языковых картинах мира был предпринят Н.К. Гаспарян [2]. О.Н. Жердеева и Т.В. Юшко рассмотрели концепт *душа* с позиций русского и немецкого национального

самосознания [3, с. 240–245], Е.А. Журавлева – русского национального самосознания [4, с. 107–113], в русском и китайском концепт *душа* проанализировала Лян Цзин [5, с. 62–66], в английском, немецком и русском – Г.И. Маринина [6, с. 132–135]. В аспекте духовной составляющей личности человека концепты *душа* и *сердце*, в ассоциативной связи с концептами *судьба* и *тоска* были описаны В.А. Масловой [7, с. 60–66; 8, с. 222–232]. Структуры концептов *душа* и *soul* были сопоставлены в докторской диссертации и монографиях М.В. Пименовой [9–11].

В славянских языках (русском и белорусском) на материале устойчивых сочетаний С.М. Прохорова проанализировала связку «душа – тоска – судьба» [12, с. 31–34].

В качестве источника для определения понятийных признаков концепта *душа* XI–XIX вв. привлечено восемь словарей русского языка. Словари русского языка периода XI–XIX вв. к слову *душа* приводят похожие толкования:

– (по христианскому вероучению) бессмертное нематериальное начало в человеке¹; по религиозным представлениям – бесплотное существо, являющееся носителем жизни и духовного мира человека и способное существовать отдельно от тела²; нематериальное (по религиозным представлениям – божественное, бессмертное) начало в человеке, носитель жизни³; человек без плоти, бестелесный, по смерти своей⁴;

– дух, духовное начало в человеке⁵; духовная сторона человека⁶;

¹ Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. М.: Русский язык, 1980. Т. III. С. 104.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Т. IV. С. 384.

³ Словарь русского языка XVIII в. Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. Т. VII. С. 42.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 609.

⁵ Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. М.: Русский язык, 1980. Т. III. С. 105.

⁶ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 749.

– совесть, нравственная ответственность⁷; нравственные качества⁸; совесть⁹; ¹⁰;

– жизнь: *душа живая (животная)* – живой организм¹¹; ¹²; церк. дух, влияющий в тело животного; жизнь¹³. *Душу свою положити (полагати)* за кого-л., по ком-л. – пожертвовать своей жизнью для спасения другого¹⁴;

– человек¹⁵; ¹⁶; ¹⁷;

– духовные свойства¹⁸; душевное свойство человека¹⁹;

– обещание, присяга²⁰; *В з я т и себѣ на душу* – присягнуть, поклясться²¹;

– существо²²; ²³; *(Всею) душою, о т ъ (всёя) души* – искренне, усердно, всем существом²⁴;

– дыхание²⁵;

– ямочка на шее, над грудной костью, и нижняя часть шеи над этой ямочкой²⁶;

– ласковое обращение к любимому человеку²⁷;

– дух, освободившийся по смерти от телесной оболочки; призрак, тень²⁸;

⁷ Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. М.: Русский язык, 1980. Т. III. С. 106.

⁸ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 749.

⁹ Там же.

¹⁰ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 791.

¹¹ Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. М.: Русский язык, 1980. Т. III. С. 106.

¹² Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 750.

¹³ Там же. С. 791.

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Т. IV. С. 385.

¹⁵ Словарь древнерусского языка XI–XVI вв. М.: Русский язык, 1980. Т. III. С. 106.

¹⁶ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 750.

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Т. IV. С. 384.

¹⁸ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 749.

¹⁹ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 791.

²⁰ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 750.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Т. IV. С. 385.

²² Словарь Академии российской. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1790. Стлб. 823–824.

²³ Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 750.

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Т. IV. С. 384.

²⁵ Там же. С. 385.

²⁶ Там же. С. 384.

²⁷ Там же.

²⁸ Словарь русского языка XVIII в. Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. Т. VII. С. 42.

– сущность вещи²⁹;

– чувство³⁰;

– приветствие любимому человеку³¹.

Некоторые из этих значений объединяются с учетом религиозного и философского подходов, материального и идеального взглядов:

– (anima) то, что дает жизнь существу³²; жизненное существо человека, воображаемое отдельно, от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа³³;

– внутренний мир, нравственные качества, характер человека³⁴;

– живое существо³⁵;

– внутренний психический мир человека – сознание и чувства; состояние, расположение чувств и мыслей³⁶;

– бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей³⁷; ³⁸; ум, разум³⁹;

– человек с духом и телом⁴⁰;

– душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр.⁴¹;

– душа есть бесплотное тело духа: в этом значении дух выше души⁴²;

– Способность приводить в движение, занимать или руководить многими⁴³.

В.И. Даль в некоторых значениях подчеркивает социальный статус *души* в российском обществе:

– говоря *душа*, в значении «человека», разумеют иногда людей обоого пола, либо только мужеского, душу ревизскую, что, собственно, означает человека

²⁹ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 791.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. Стлб. 749.

³³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 609.

³⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Т. IV. С. 384.

³⁵ Там же.

³⁶ Словарь русского языка XVIII в. Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. Т. VII. С. 42.

³⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 609.

³⁸ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 790.

³⁹ Там же. С. 791.

⁴⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 609.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 791.

податного состояния⁴⁴; человек всякого пола и возраста⁴⁵.

Памво Берында в «Лексиконе славянорусском и имён толковании» 1627–1653 гг. слово *душа* толкует с позиций малопонятных церковно-славянских слов в аспекте соотношения сильных эмоций, которые предполагают безрассудные поступки⁴⁶. В этом словаре приводится *души смерть*, означающее «погубление божьей благодати», при этом *душа* толкуется через слово *дух*⁴⁷.

«Словарь Академии российской», вышедший в 1790 г., слово *душа* включает в статью «дух», приводя многочисленные устойчивые сочетания, сформировавшиеся и функционировавшие в конце XVIII века в русском языке⁴⁸.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» приводятся выражения *Родовья души*, означающее «населенное имение, полученное по наследству», *Ревижская душа* – «Каждый из крестьян, или мещан, вписанных в ревизию»⁴⁹.

Производные от слова *душа* показывают сохранение некоторых мотивирующих признаков русского макроконцепта: *душевный* «сердечный, искренний», *душегрея* – одежда, которую носят для утепления груди⁵⁰.

Полученные результаты сведем в таблицу 1. Помета «м.» означает мотивирующие признаки, выявленные на предыдущем этапе исследования; «+» – наличие понятийного признака, помета «-» – его отсутствие. Список словарей приводится по имени автора-составителя или в сокращенном виде.

Тенденциями развития макроконцепта *душа* являются:

1. Некоторые мотивирующие признаки, обнаруженные на предшествующем этапе анализа, в словарях исследуемого периода не выявлены. К ним относятся следующие признаки: «бабочка», «ветер», «воздух», «дикое», «дышать», «(женский) предок», «мотылек», «привидения», «разум», «рай», «сердцевина», «стержень», «судьба», «(теплые тропические) края», «эмоциональный», «эмпирей».

2. Другая часть мотивирующих признаков сохранила свою актуальность в изучаемый период в неизменном виде: «грудь, грудная полость», «дух», «духовный», «дыхание», «живой», «животное», «человек», «чувства».

⁴⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. I. С. 609.

⁴⁵ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 790.

⁴⁶ Берында П. Лексикон славянорусский и имён толкование. Киево-Печерская лавра, 1627. С. 33.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Словарь Академии российской. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1790. Стлб. 823–824.

⁴⁹ Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Санкт-Петербург: Издание Н.Л. Тиблена, 1867. С. 791.

⁵⁰ Там же.

3. Третья часть мотивирующих признаков претерпела трансформацию: мотивирующий признак «бестелесный» расширяется до понятийного признака «бестелесный/ бесплотный»; мотивирующий признак «опухоль на шее» развивается в понятийный признак «нижняя часть шеи над этой ямочкой»; мотивирующий признак «привидения» изменяется и становится понятийным признаком «призрак»; мотивирующий признак «сердце» переходит в понятийный признак «сердечный»; мотивирующий признак «существование» изменяется до понятийного признака «существо»; мотивирующий признак «тело» расширяется до понятийного признака «тело/ телесная оболочка»; мотивирующий признак «ямочка над грудной клеткой» развивается до понятийного признака «ямочка на шее, над грудной костью».

4. В период XI–XIX вв. в структуре макроконцепта *душа* появились новые понятийные признаки: «благодать», «безумие», «бессмертие/ бессмертное», «божье/ божественный», «вещь», «влиятельный», «внутренний/ психический», «возраст», «воля», «двигать», «действие», «занимать», «злоба», «искренность/ искренний», «качества/ свойства», «любовь», «мир», «мыслить/ мысли», «начало», «нематериальный», «носитель», «нравственный», «организм», «рассуждать», «обещание», «одаренный», «ответственность», «отдельно», «поклониться», «пол», «понимать», «приветствие», «присяга/ присягнуть», «разум», «расположение», «ревизский/ податного состояния», «родовой», «руководить», «свобода», «смерть», «совесть», «сознание», «состояние», «способность», «сторона», «страсти», «сущность», «тень», «уверение», «ум», «усердие», «характер», «хотеть».

Обратимся к макроконцепту *soul*. Для определения понятийных признаков макроконцепта *soul*, развившихся в его структуре до XIX в., было привлечено шесть словарей соответствующего периода. До конца XIX в. макроконцепт *soul* мог быть вербализован несколькими лексемами: *Saul(e)*, *Saull*, *Saw(e)*, *Soule* [древнеанглийская форма *sāwol*]⁵¹. Ф.Х. Стратман указывает даты первого упоминания той или иной лексемы, вербализующей английский макроконцепт: древнеанглийские *sāwel*, *sāwul*, *sāwl*, *sāul* = древнесеверное *sāla*, готские *sēola*, *sai-wala*; древневерхненемецкое *sēla*, означавшие «душа, ум»; слово *sawle* употребляется с 1599 г.; вариант *saule* используется XVII в.; словоформы *sowle*, *soule*; *sale* встречаются с 1640 г.; наравне с ними в этот период функционируют варианты *sōwle*; *saule*; *soule*; *sāule*; *saule*, *saulen*; *soulen*⁵².

Словари английского языка приводят следующие значения слова *soul* (в скобках указывается период появления того или иного толкования или автор произведения, где это значение слова актуализируется):

⁵¹ Tolkien J.R.R. A Middle English Vocabulary. Oxford University Press. [Electronic resources]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/43737/43737-h/43737-h.htm> (accessed: 25.04.2023).

⁵² Stratmann 2008, p. 522] Stratmann F. H. A Middle-English Dictionary: containing words used by English writers from the 12th to the 15th century. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 522.

Понятийные признаки макроконцепта *душа*

№	Понятийные признаки	Словари							
		Берында П.	Даль В.И.	САР	СДЯ XI–XIV вв.	Срезневский И.И.	СРЯ XI–XVII вв.	СРЯ XVIII в.	СЦРЯ
1	‘благость’	+	–	–	–	–	–	–	–
2	‘безумие’	+	–	–	–	–	–	–	–
3	‘бессмертие/ бессмертное’	–	+	+	+	–	–	+	+
4	‘бестелесный/ бесплотный’ – ‘бестелесный’ (м.)	–	+	+	–	–	+	–	–
5	‘божье/ божественный’	–	–	–	–	–	–	+	–
6	‘вещь’	–	–	–	–	–	–	–	+
7	‘влиятельный’	–	–	+	–	–	–	–	+
8	‘внутренний/ психический’	–	+	–	–	–	+	+	–
9	‘возраст’	–	–	+	–	–	–	–	+
10	‘воля’	–	+	+	–	–	–	–	+
11	‘грудь, грудная полость’ (м.)	–	–	–	–	–	–	–	+
12	‘двигать’	–	–	–	–	–	–	–	+
13	‘действие’	–	–	+	–	–	–	–	–
14	‘дух’ (м.)	+	+	+	+	–	–	+	+
15	‘духовный’ (м.)	–	+	–	+	+	+	–	+
16	‘дыхание’ (м.)	–	–	–	–	–	+	–	–
17	‘живой’ (м.)	–	–	–	+	–	–	–	–
18	‘животное’ (м.)	–	+	+	+	–	–	–	+
19	‘жизнь/ жизненное’ – ‘жизненная/ жизнь’ (м.)	–	+	–	+	+	+	+	+
20	‘занимать’	–	–	–	–	–	–	–	+
21	‘злоба’	+	–	–	–	–	–	–	–
22	‘искренность/ искренний’	–	–	–	–	–	+	–	+
23	‘качества/ свойства’	–	+	+	–	+	+	–	+
24	‘любовь’	–	–	+	–	–	–	–	–
25	‘мир’	–	–	–	–	–	+	+	–
26	‘мыслить/ мысли’	–	–	+	–	–	–	+	–
27	‘начало’	–	–	–	+	–	–	+	–
28	‘нематериальный’	–	–	–	+	–	–	+	–
29	‘носитель’	–	–	–	–	–	+	+	–
30	‘нравственный’	–	–	–	+	+	+	–	–
31	‘нижняя часть шеи над этой ямочкой’ – ‘опухоль на шее’ (м.)	–	–	–	–	–	+	–	–
32	‘организм’	–	–	–	+	–	–	–	–
33	‘призрак’ – ‘привидения’ (м.)	–	–	–	–	–	–	+	–
34	‘разум’ (м.)	–	+	–	–	–	–	–	+
35	‘рассуждать’	–	–	+	–	–	–	–	–
36	‘из моря’ (м.)	–	–	–	–	–	–	–	–
37	‘из озера’ (м.)	–	–	–	–	–	–	–	–
38	‘обещание’	–	–	–	–	+	–	–	–
39	‘одаренный’	–	+	+	–	–	–	–	+

40	‘ответственность’	–	–	–	+	–	–	–	–
41	‘отдельно’	–	+	–	–	–	+	–	–
42	‘поклониться’	–	–	–	–	–	+	–	–
43	‘пол’	–	+	+	–	–	–	–	+
44	‘понимать’	–	–	+	–	–	–	–	–
45	‘приветствие’	–	–	+	–	–	–	–	+
46	‘присяга/ присягнуть’	–	–	–	–	+	+	–	–
47	‘расположение’	–	–	–	–	–	–	+	–
48	‘ревизский/ податного состояния’	–	+	–	–	–	–	–	+
49	‘родовой’	–	–	–	–	–	–	–	+
50	‘руководить’	–	–	–	–	–	–	–	+
51	‘сердечный’ – ‘сердце’ (м.)	+	–	–	–	–	–	–	+
52	‘свобода’	–	–	+	–	–	–	+	–
53	‘смерть’	+	–	–	+	–	–	+	–
54	‘совесть’	–	+	–	+	+	–	–	+
55	‘сознание’	–	–	–	–	–	–	+	–
56	‘состояние’	–	–	–	–	–	–	+	–
57	‘способность’	–	–	+	–	–	+	–	+
58	‘сторона’	–	–	–	–	+	–	–	–
59	‘страсти’	–	–	+	–	–	–	–	–
60	‘существо’ – ‘существование’ (м.)	–	+	+	–	+	+	–	+
61	‘сущность’	–	–	–	–	–	–	–	+
62	‘тело/ телесная оболочка’ – ‘тело’ (м.)	+	+	+	–	–	+	+	+
63	‘тень’	–	–	–	–	–	–	+	–
64	‘уверение’	–	–	+	–	–	–	–	–
65	‘ум’	–	–	–	–	–	–	–	+
66	‘усердие’	–	–	–	–	–	+	–	–
67	‘характер’	–	–	–	–	–	+	–	–
68	‘хотеть’	–	–	+	–	–	–	–	–
69	‘человек’ (м.)	+	+	+	+	+	+	+	+
70	‘чувства’ (м.)	–	+	–	–	–	–	+	+
71	‘ямочка на шее, над грудной костью’ – ‘ямочка над грудной клеткой’ (м.)	–	–	–	–	–	+	–	–

– активная сила (Драйден)⁵³; внутренняя сила⁵⁴;
– величие ума⁵⁵;
– вместилище жизни и интеллекта⁵⁶; вместилище
эмоций, чувств и т.д.⁵⁷;

⁵³ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. P. 353–354.

⁵⁴ Chamber’s Etymological Dictionary of the English language / Ed. J. Donald. London & Edinburg: W. & R. Chambers, 1874. P. 481.

⁵⁵ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. P. 353–354.

⁵⁶ Chamber’s Etymological Dictionary of the English language / Ed. J. Donald. London & Edinburg: W. & R. Chambers, 1874. P. 481.

⁵⁷ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

– жизнь⁵⁸; ⁵⁹; ⁶⁰; ⁶¹; ⁶²; жизнь & кровь⁶³ [Hall 2009, p. 531]; один из трех видов или типов души, дающий,

⁵⁸ Chamber’s Etymological Dictionary of the English language / Ed. J. Donald. London & Edinburg: W. & R. Chambers, 1874. P. 481.

⁵⁹ Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. P. 530.

⁶⁰ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. P. 353–354.

⁶¹ Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. 1966. P. 848. [Electronic resources]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (accessed: 25.04.2023).

⁶² Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. London: J. Murray, 1921. P. 1379.

⁶³ Hall J.R. C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. P. 531.

соответственно, растительную, животную или разумную жизнь⁶⁴;

- вечное начало как моральная составляющая⁶⁵;
- воля, цель; желание⁶⁶;
- живое существование⁶⁷; живое существо⁶⁸;
- животное⁶⁹;
- качество ума⁷⁰;
- духовная или эмоциональная часть человека⁷¹;
- дух; духовный⁷²; быть духовно живым⁷³;
- бестелесный дух человека (др.-англ.)⁷⁴; бестелесный дух умершего между смертью и судным днем (с 1425 г.; по другим данным с 1385 г.)⁷⁵;
- жизненный принцип (XIV в.; Шекспир)^{76, 77};
- существенная часть (неотъемлемая часть) чего-л.⁷⁸;
- сущность⁷⁹;

⁶⁴ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. 1966. С. 848. [Electronic resources]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (accessed: 25.04.2023).

⁶⁸ Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. 788 p. P. 531.

⁶⁹ Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. 1966. С. 848. [Electronic resources]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (accessed: 25.04.2023).

⁷⁰ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. P. 353–354.

⁷¹ Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. 1966. С. 848. [Electronic resources]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (accessed: 25.04.2023).

⁷² Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. 788 p. P. 530–531.

⁷³ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁷⁴ Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. 1966. [Electronic resources]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (accessed: 25.04.2023).

⁷⁵ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁷⁶ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. 554 p. P. 353–354.

⁷⁷ Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. 1966. [Electronic resources]. URL: https://archive.org/stream/onions-ed.-the-oxford-dictionary-of-english-etymology-1966/Onions%20%28ed.%29%20-%20The%20Oxford%20Dictionary%20of%20English%20Etymology%20%281966%29_djvu.txt (accessed: 25.04.2023).

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Chamber's Etymological Dictionary of the English language / Ed. J. Donald. London & Edinburgh: W. & R. Chambers, 1874. P. 481.

– человеческое существо; человек⁸⁰; человек (1004 г.)^{81, 82};

- та часть человека, которая думает, чувствует, желает и т.д.⁸³; разумное существо вообще (Милтон)⁸⁴;
- смерть (Шекспир)⁸⁵;
- одухотворение (Шекспир)⁸⁶;
- одушевлять и управлять телом/ контролировать тело⁸⁷;
- способность души понимать божественные истины, созерцать божественные тайны и видения, предвидеть будущее и т.д.⁸⁸;
- тело (*sâwôlhûs* n. (soul house) «body»)^{89, 90, 91};
- личность⁹²;
- персонаж в пьесе; также в названиях книг⁹³;
- ум, интеллект; воображение⁹⁴;
- чувства⁹⁵;
- в клятвах и утверждениях: *God so wisli on (upon) min soul reue; so Jupiter have of (on) min soul part*⁹⁶;
- в благочестивых или оскорбительных восклицаниях: *god blesse his soul; the fend have his soul*⁹⁷;
- судьба⁹⁸.

Некоторые словари объединяют религиозное и философское значения слова *soul*, или материальное и идеальное (нематериальное) начала в человеке или чувственные и умственные способности:

⁸⁰ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. P. 353–354.

⁸¹ Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. P. 530–531.

⁸² Chamber's Etymological Dictionary of the English language / Ed. J. Donald. London & Edinburgh: W. & R. Chambers, 1874. P. 481.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Johnson S.A.M. A Dictionary of the English Language: in 2 vol. London: Printed for J. Knapton; C. Hitch and L. Hawes; A. Millar R. and J. Dodsley j and M. and T. Longman, 1756. P. 353–354.

⁸⁵ Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. P. 530.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge University Press, 2009. P. 530.

⁹⁰ Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. London: J. Murrey, 1921. P. 1379.

⁹¹ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁹² Chamber's Etymological Dictionary of the English language / Ed. J. Donald. London & Edinburgh: W. & R. Chambers, 1874. 596 p. P. 481.

⁹³ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. London: J. Murrey, 1921. P. 1379.

⁹⁶ Oxford English Dictionary. Middle English Compendium [Electronic resources]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED41795> (accessed: 25.04.2023).

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

- нематериальный и бессмертный дух человека⁹⁹;
- дух; квинтэссенция и главная часть (Шекспир)¹⁰⁰;
- дух & огонь¹⁰¹;
- энергия или величие ума¹⁰²;
- духовный и разумный элемент в человеке¹⁰³;
- христианская душа¹⁰⁴.

В английском обществе существовал закон, который назывался *sawol-sceat* «выплата церкви по смерти человека»¹⁰⁵. Т.е. за смерть человека выплачивался штраф в пользу церкви, а не семьи, утратившей его.

Полученные данные сведем в виде таблицы 2.

В ходе анализа словарных статей были обнаружены следующие тенденции развития структуры макроконцепта *soul*:

1. Мотивирующие признаки, сохранившие свою актуальность в изучаемый период, перешедшие в разряд понятийных: ‘бестелесный’, ‘дух’, ‘духовный’, ‘живой’, ‘животное’, ‘жизненный/жизнь’, ‘сила’, ‘судьба’, ‘тело’, ‘часть’, ‘чувства’.

2. Мотивирующие признаки, которые в словарях изучаемого периода не встречены: ‘в воде’, ‘в дереве’, ‘дикое’, ‘из моря’, ‘из озера’, ‘принадлежащее’, ‘пришедшее’, ‘соединение’, ‘солнце’.

3. Третья часть мотивирующих признаков макроконцепта *soul* претерпела трансформацию: мотивирующий признак ‘существование’ становится понятий-

ным признаком ‘существо’; мотивирующий признак ‘человек’ расширяется до понятийного признака ‘человек/человеческий’; мотивирующий признак ‘эмоциональный’ расширяется до понятийного признака ‘эмоции/эмоциональный’.

Макроконцепту *душа* не свойственны такие признаки, как ‘в воде’, ‘в дереве’, ‘из моря’, ‘из озера’, ‘принадлежащее’, ‘пришедшее’, ‘сила’, ‘соединение’, ‘солнце’, ‘часть’, ‘эмоциональный’, отмеченные в структуре макроконцепта *soul* в указанный период.

Для английского макроконцепта *soul* не свойственны такие признаки, как ‘бабочка’, ‘безумие’, ‘ветер’, ‘воздух’, ‘грудь, грудная полость’, ‘дыхание’, ‘дышать’, ‘злоба’, ‘мотылек’, ‘опухоль на шее’, ‘привидения’, ‘рай’, ‘сердце’, ‘сердцевина’, ‘стержень’, ‘(теплые тропические) края’, ‘эмпирии’, ‘ямочка над грудной клеткой’, которые обнаружены в структуре макроконцепта *душа* в изучаемый период.

Заключение. Понятийные признаки в структуре русского макроконцепта *душа* в XI–XIX вв. можно представить в виде 18 блоков:

1. Нечто, имеющее идеальную природу (‘бессмертие/ бессмертное’, ‘бестелесный/ бесплотный’; ‘нематериальный’);
2. Нечто, имеющее материальную природу (‘вещь’);
3. Божественное (‘божье/ божественный’, ‘духовный’, ‘судьба’);
4. Жизнь (‘живой’, ‘жизнь/ жизненное’);
5. Живое существо (‘животное’, ‘существо’, ‘человек’);
6. Эмоциональное (‘злоба’, ‘любовь’, ‘страсти’, ‘чувства’);
7. Ментальное (‘безумие’, ‘мыслить/ мысли’; ‘понимать’, ‘разум’, ‘рассуждать’, ‘сознание’, ‘ум’);
8. Локализация (‘грудь, грудная полость’; ‘нижняя часть шеи над этой ямочкой’, ‘расположение’, ‘ямочка на шее, над грудной костью’, ‘отдельно’, ‘сторона’);

Таблица 2

Понятийные признаки макроконцепта *soul*

№	Понятийные признаки	Словари					
		Chamber's Etymological Dictionary of the English language	Hall J.R.	Johnson S.A.M.	Onions C.T.	Oxford English Dictionary	Weekly E.
1	‘активный’	–	–	+	–	–	–
2	‘бессмертный’	–	–	+	–	–	–
3	‘бестелесный’ (м.)	–	–	–	+	+	–
4	‘величие’	+	–	+	–	–	–
5	‘вечный’	–	–	–	–	+	–
6	‘видеть’	–	–	–	–	+	–
7	‘вместилище’	+	–	–	–	+	–

8	‘внутренний’	+	-	-	-	-	-
9	‘воля’	-	-	-	-	+	-
10	‘воображение’	-	-	-	-	+	-
11	‘восклицание’	-	-	-	-	+	-
12	‘главный’	-	-	+	-	-	-
13	‘думать’	+	-	-	-	-	-
14	‘дух’ (м.)	-	+	+	+	+	-
15	‘духовный’ (м.)	-	+	-	+	+	-
16	‘желать/ желание’	+	-	-	-	+	-
17	‘живой’ (м.)	-	+	-	+	+	+
18	‘животное’ (м.)	-	-	-	+	-	-
19	‘жизненный/жизнь’ – ‘жизненная/ жизнь’ (м.)	+	+	+	+	+	+
20	‘интеллект’	+	-	-	-	+	-
21	‘качество’	-	-	+	-	-	+
22	‘квинтэссенция’	-	-	+	-	-	-
23	‘клятва/ утверждение’	-	-	-	-	+	-
24	‘кровь’	-	+	-	-	-	-
25	‘личность’	+	-	-	-	+	-
26	‘моральный’	-	-	-	-	+	-
27	‘нематериальный’	-	-	+	-	-	-
28	‘огонь’	-	-	+	-	-	-
29	‘одухотворение’	-	+	-	-	-	-
30	‘одушевлять’	-	-	-	-	+	-
31	‘понимание’	-	-	-	-	+	-
32	‘предвидение’	-	-	-	-	+	-
33	‘разумный’ – ‘разум’ (м.)	-	-	-	-	+	-
34	‘персонаж’	-	-	-	-	+	-
35	‘принадлежащее’ (м.)	-	-	-	-	-	-
36	‘принцип’	-	-	+	+	-	-
37	‘пришедшее’ (м.)	-	-	-	-	-	-
38	‘сила’ (м.)	+	-	+	-	-	-
39	‘смерть’	-	+	-	-	-	-
40	‘созерцание’	-	-	-	-	+	-
41	‘способность’	-	-	-	-	+	-
42	‘судьба’ (м.)	-	-	-	-	+	-
43	‘существенный/ неотъемлемый’	-	-	-	+	-	-
44	‘существо’ – ‘существование’ (м.)	-	+	+	+	-	-
45	‘сущность’	+	-	-	-	-	-
46	‘тело’ (м.)	-	+	-	-	+	+
47	‘ум’	+	-	+	-	+	-
48	‘управлять/ контролировать’	-	-	-	-	+	-
49	‘христианский’	-	-	-	-	+	-
50	‘цель’	-	-	-	-	+	-
51	‘часть’ (м.)	+	-	+	+	-	-
52	‘человек/ человеческий’ – ‘человек’ (м.)	+	+	+	+	+	-
53	‘чувства’ (м.)	-	-	-	-	+	+
54	‘чувствовать’	+	-	-	-	-	-
55	‘эмоции/ эмоциональный’ – ‘эмоциональный’ (м.)	-	-	-	+	+	-
56	‘энергия’	+	-	-	-	-	-

9. Стихии ('начало'): а) вода ('влиятельный'); б) воздух ('дух', 'дыхание');

10. Психика/ внутренний мир ('внутренний/ психический', 'мир');

11. Действие ('двигать', 'действие', 'занимать', 'обещание', 'поклониться', 'приветствие', 'присяга/ присягнуть', 'руководить', 'уверение');

12. Тело и его свойства ('возраст', 'носитель', 'организм', 'пол', 'смерть', 'тело/ телесная оболочка');

13. Сущность ('призрак', 'нравственный', 'сущность', 'тень');

14. Мораль ('нравственный', 'совесть');

15. Воля и характер ('воля', 'искренность/ искренний', 'качества/ свойства', 'ответственность', 'сердечный', 'усердие', 'характер', 'хотеть'); 1

16. Социальный статус ('ревисский/ податного состояния', 'родовой');

17. Состояние и способности ('одаренный', 'свобода', 'состояние', 'способность');

18. Оценка ('благость');

Понятийные признаки, развившиеся в структуре английского макроконцепта *soul* в XI–XIX вв., можно представить в виде 20 блоков:

1. Нечто, имеющее идеальную природу ('нематериальный', 'одухотворение', 'одушевлять');

2. Нечто, имеющее материальную природу ('бестелесный');

3. Божественное ('бессмертный', 'величие', 'вечный', 'духовный', 'судьба');

4. Жизнь ('живой', 'жизненный/ жизнь');

5. Живое существо ('животное', 'смерть', 'существо');

6. Эмоциональное ('чувства', 'чувствовать', 'эмоции/ эмоциональный');

7. Ментальное ('воображение', 'думать', 'интеллект', 'понимание', 'разумный', 'ум');

8. Локализация ('вместилище', 'внутренний', 'кровь');

9. Стихии: а) воздух ('дух'); б) огонь ('огонь');

10. Действие ('восклицание', 'клятва/ утверждение', 'управлять/ контролировать');

11. Тело и его свойства ('тело');

12. Сущность ('сущность');

13. Мораль ('моральный');

14. Воля и характер ('воля', 'желать/ желание', 'качество');

15. Состояние и способности ('активный', 'видеть', 'предвидение', 'созерцание', 'способность');

16. Абстракция ('квинтэссенция', 'принцип', 'цель', 'часть');

17. Человек ('личность', 'персонаж', 'человек/ человеческий');

18. Мощь ('сила', 'энергия');

19. Оценка ('главный', 'существенный/ неотъемлемый');

20. Религия ('христианский'). Признаки психики/ внутреннего мира и социального статуса у макроконцепта *soul* не отмечены.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Гаспарян, Н.К. Концепт *душа* в сопоставительном аспекте: русская и армянская картины мира / Н.К. Гаспарян // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 84–91.
3. Жердеева, О.Н. Концепт *душа* в русском и немецком языках: от языковой картины мира к национальному самосознанию / О.Н. Жердеева, Т.В. Юшко // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 3(3). – С. 240–245.
4. Журавлева, Е.А. Концепт «Душа» в русском национальном самосознании / Е.А. Журавлева // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2007. – № 3. – С. 107–113.
5. Лян, Цзин. Русский концепт душа на фоне китайского / Лян Цзин // Весн. БДУ, 2007. – Сер. 4. – № 3. – С. 62–66.
6. Маринина, Г.И. Национально-культурная специфика реализации концепта *душа* в английской, немецкой и русской фразеологической картине мира / Г.И. Маринина // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – 2017. – № 10(76). – Ч. III. – С. 132–135.
7. Маслова, В.А. *Душа* и *сердце* как духовная ипостась человека / В.А. Маслова // Homo Lingualis в языке и культуре: монография / В.А. Маслова. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2004. – 214 с.
8. Маслова, В.А. Двойничество в культуре: судьба, душа, тоска / В.А. Маслова // Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
9. Пименова, М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография / М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с. (Сер. «Этнориторика и этногерменевтика». Вып. 5).
10. Пименова, М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук / М.В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
11. Пименова, М.В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации: монография / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
12. Прохорова, С.М. Сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов с компонентами Душа, Тоска, Судьба / С.М. Прохорова // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы междунар. науч. конф., Минск, 7–9 апр. 1999 г. – Минск., 1999. – Т. 2. – С. 31–34.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Канцэпт жыццё ў беларускай мастацкай карціне свету: вобразны і паняццевы кампаненты

Півавар К.С.

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка», Мінск

У артыкуле прааналізаваны кампаненты канцэпту “жыццё” ў беларускай мастацкай карціне свету.

Мэта даследавання – вылучыць у структуры канцэпту “жыццё” вобразны, каштоўнасны кампаненты.

Матэрыял і метады. У даследаванні выкарыстаны метады кампанентнага, кантэкстуальнага аналізу і лінгвакультуралагічнай інтэрпрэтацыі. Матэрыялам для рэканструкцыі канцэпту “жыццё” паслужылі паэтычныя і празаічныя творы (пераважна – афарыстычныя выказванні беларускіх пісьменнікаў).

Вынікі і іх абмеркаванне. Вобразны кампанент канцэпту прадстаўлены метафарамі “вада”, “агонь”, “наветра”, “сонца і расліны”. Найбольш частотным і важным мы вызначым вобраз шляху, дарог. Каштоўнасны кампанент выражаны праз наступныя моўныя сродкі (прыметнікі дарагое, незабыўнае; назоўнікі доброта, скарб; дзеясловы шанаваць, любіць).

Заключэнне. Праведзенае даследаванне дазваляе ўстанавіць, што феномен “жыцця” атрымаў шматграннае і глыбокае асэнсаванне ў беларускай паэтычнай творчасці, што абумовіла багаты змест канцэпту, які ўключае як універсальныя кагнітыўныя прыметы, так і прыметы, абумоўленыя жыццёвым укладам, культурнымі асаблівасцямі, светапоглядам беларускага народа. Такім чынам, канцэпт “жыццё” шматмерны, у ім можна выдзеліць як рацыянальнае, так і эмацыянальнае, як абстрактнае, так і канкрэтнае, як універсальнае, так і нацыянальнае і індывідуальна-асобаснае.

Ключавыя словы: канцэпт, жыццё, лінгвакультуралагічны аналіз паэзіі, вобразны кампанент, каштоўнасны кампанент.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 116–119)

The Concept of Life in the Belarusian Literary-Artistic World-Image: Figurative and Conceptual Components

Pivavar E.S.

Education Establishment “Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University”, Minsk

The article analyzes components of the concept of life in the Belarusian literary-artistic world-image.

The purpose of the article is to identify figurative and value components in the structure of the concept of life.

Material and methods. The research uses methods of component, contextual analysis as well as linguistic and ocultural interpretation. Poetic and prosaic works (mainly aphoristic statements of Belarusian writers) served as the material for the reconstruction of the concept of life.

Findings and their discussion. The figurative component of the concept is represented by metaphors of water, fire, air, sun and plants. The image of the path and roads is defined by us as the most frequent and important one. The value component is expressed through the following linguistic means: adjectives precious, unforgettable; nouns kindness, treasure; verbs to appreciate, to love.

Conclusion. The conducted research allows us to establish that the phenomenon of life has received a multifaceted and deep understanding in the Belarusian poetic creativity, which caused the rich content of the concept, including both universal cognitive features and features due to the lifestyle, cultural characteristics, worldview of the Belarusian people. Thus, the concept of life is multidimensional, it is possible to distinguish both rational and emotional, both abstract and concrete, both universal and national and individual-personal in it.

Key words: concept, life, linguistic and cultural analysis of poetry, figurative component, value component.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 116–119)

Выбар канцэпту *жыццё* ў якасці аб'екта даследавання абумоўлены шэрагам прычын. Рэфлексія над жыццём уласціва чалавечаму мысленню, таму вывучэнне аднайменнага канцэпту выклікае асаблівую цікавасць. Усведамленне жыцця, адносіны да яго ў любой лінгвакультуры ўяўляюць сабой этнаспецыфічныя нормы і стэрэатыпы паводзін, а таксама адлюстроўваюць ментальнасць носьбітаў мовы. Мэта дадзенага даследавання – вылучыць у структуры канцэпту *жыццё* вобразны, каштоўнасны кампаненты. Матэрыялам для рэканструкцыі канцэпту паслужылі зборнікі паэтычных і празаічных твораў [1; 2], афарызмаў [3].

Вынікі і іх абмеркаванне. У межах культуралагічнага падыходу канцэпт трактуецца як складанае сацыяпсіхічнае ўтварэнне, якое мае паняццевы, вобразны і каштоўнасны кампаненты. Ю.С. Сцяпанаў азначае культуру праз канцэпты: “Канцэпт – гэта згустак культуры ў свядомасці чалавека, тое, у выглядзе чаго культура ўваходзіць у ментальны свет чалавека” [4, с. 14]. На думку В.А. Маславай, лінгвакультурныя канцэпты – імёны абстрактных паняццяў, паколькі культурная інфармацыя прымацоўваецца да сігніфіката, г.зн. да паняццевага ядра. Планам зместу канцэпту з’яўляецца ўся сукупнасць ведаў пра дадзены аб’ект, а планам выражэння – сукупнасць моўных сродкаў (лексічных, фразеалагічных, граматычных) [5, с. 10]. Лінгвакультурны канцэпт адрозніваецца ад іншых ментальных адзінак акцэнтualізацыяй каштоўнаснага элемента, таму што цэнтрам канцэпту з’яўляецца каштоўнасць, паколькі гэта лінгвакультурны канцэпт, а ў аснове культуры ляжыць менавіта каштоўнасны прынцып. Даследаваннем канцэптаў як ментальных утварэнняў займаюцца В.У. Красных, У.І. Карасік, М.У. Піменава, Г.Г. Слышкін, І.А. Сцярнін і інш. Канцэпт з іх пункту погляду – шматмерная ментальная існасць, якая мае вобразнае, паняццевае і каштоўнаснае вымярэнні.

М.У. Піменава, С.Р. Варкачоў выдзяляюць у любым канцэпце паняццевую, вобразную, этымалагічную і асацыятыўную характарыстыкі [6, с. 65]. На думку І.А. Сцерніна, канцэпт не валодае дакладнай структурай, што звязана з яго актыўнай роляй у працэсе мыслення. Аднак мы схільныя вылучыць у структуры канцэпту вобразны, каштоўнасны і паняццевыя кампаненты. У змесце дадзенага артыкула засяродзілі ўвагу на вобразным і каштоўнасным кампанентах канцэпту.

Аналіз кантэкстаў з рэпрэзентацыяй канцэпту *жыццё* паказвае, што частотнымі з’яўляюцца тэксты, дзе прасочваецца цесная семантычная сувязь жыцця і дарогі (шляху, сцежкі): *Блудныя сцежкі цёмнага жыцця* (Я. Купала); *Адслоне другія пуціны жыцця* (Я. Купала); *Ты сышоў з жыцця дарогі, / Але ўсё ж душою / З намі будзеш, вечно будзеш / Зваць на бой нас з цымою* (Я. Колас); *Дарогу жыцця па парадку / Прайсці яшчэ раз, азірнуцца, / Сабраць з дарог каменні тыя, / Што губяць сілы маладыя, – / К вясне б маёй*

хацеў вярнуцца (Я. Колас); *Доўгі грэшны шлях жыцця...* (З. Бядуля); *Жыццё – няроўная дарога / Паміж няроўных і людзей* (П. Броўка); *Чым сцежку жыцця абазначыў* (Я. Купала); *На зямлі дарога, як само жыццё: відна толькі каля ног, але ж і заве-зазвае яна ўдалы* (К. Чорны); *Шлях жыцця майго, просты і роўны* (К. Буйло). Сведчаннем этнаспецыфічнага выкарыстання лексікі з’яўляецца безэквівалентнае слова *гасцінец* – ‘вялікая бітая дарога, тракт [7, с. 146]: *Жыццё – гасцінец, гады – як вёрсты* (А. Гарун), а таксама ўзгаданне трэцяга паэтычнага зборніка класіка беларускай літаратуры Янкі Купалы “Шляхам жыцця” (1913), які ў поўнай меры можна лічыць прэцэдэнтным тэкстам беларускай літаратуры, пра які Якуб Колас пісаў: *А я пайду з ім “Шляхам жыцця” і буду асвятляць дарогу, каб яму лягчэй было прабывацца* (Я. Колас). Найчасцей вобразны кампанент у мастацкіх кантэкстах знаходзіць адлюстраванне ў вобразна-выяўленчых сродках з кампанентам *вада* (яе розныя формы – *крыніца, струмень, рака, мора, водныя хвалі*): *Па хвалях жыцця паплывём* (Я. Купала); *Б’ецца жыццё жыватворнай крыніцаю* (Я. Купала); *мы будзем заўсёды разам плысці па шумлівай рацэ жыцця* (Я. Васілёнак); *Жыццё б’е крыніцай* (К. Буйло); *Калі б рака жыцця вярнула зноў / Мяне да першых летуценняў, сноў* (У. Караткевіч); *Глядзі, не рызыкуй дарэмна, / Любы, / жыццё – няўмольны страшны / крыгаход* (А. Бачыла); *Рака жыцця нясе* (П. Панчанка); *Акіяны жыцця нёс яго невядома куды* (У. Караткевіч); *Бо жыццё – акіяны, не задачнік* (П. Панчанка); *Уцяклі, вырваліся з кіпучага мора жыцця* (М. Зарэцкі); *Жыццё, і падзеі, і людзі ў ім праходзяць, нібы тыя рачныя хвалі* (Я. Колас).

Падобна вадзе, жыццё кіпіць, плыве, віруе, бурліць – дадзеная метафара з’яўляецца даволі частотнай: *Дзе ні глянь – усюды жыццё кіпіць, а сам пазіраеш на ўсё гэта неяк радасна* (К. Каганец); *Жыццё ўжо усюды кіпела* (Ц. Гартны); *Не дзіва, што тут, каля крынічкі, кіпела жыццё, бо кожнаму хацелася стаць бліжэй да вады, каб палюбавацца на сваё ўласнае хараства ў яе люстры, як гэта любілі рабіць прыгожыя краскі* (Я. Колас); *Ён не дужа цікавіўся палітыкай, тым неспакойным, шматтурботным жыццём, што бурліла, плыло, абганяла яго* (В. Быкаў).

Жыццё параўноўваецца і з іншымі вобразамі прыродных стыхій – *паветра, буры* (*Буры жыцця мне слёз не скупілі* (Я. Купала); *Цяжка з віхрам жыцця біціся* (Я. Купала)); *агню* (*Жыццё чалавечае – як агонь. Быў і няма. Зноў загарэлася і патухла. Зноў гарыць. І так – бясконца.* (Я. Брыль); *Зазябла жыццё даўно патрачаным бляскам, усміхнулася агнёва-прамяністай усмешкай.* (М. Зарэцкі)). А таксама рэпрэзентуецца праз раслінную метафару: *Як ні круці, як ні мяркуй, а парасткі новага жыцця прабываюцца буйна, густа, сакавіта* (Я. Колас); *Жыццё так цвіце і буе* (К. Кірэнка); *Жыццё можна назваць кветкай, хараства – медам гэтай кветкі, а чалавека – пчалінай, збіраючай гэты мёд* (З. Бядуля); *Мы насенне жыцця* (А. Разанаў).

У беларускай моўнай карціне свету вобраз сонца валодае станоўчай канатацыяй і даволі часта адзначаецца ў кантэкстах, дзе рэканструюецца вобразны кампанент канцэпту *жыццё*: **Сонца жыцця і красы** (П. Глебка); *Усё жыве адным жыццём, жыццём радасці, жыццём сонца...* (Я. Нёманскі).

Распаўсюджанай з'яўляецца асацыяцыя жыцця з жытам, зернем, раллэй. У гэтай сувязі бачыцца моцны культ зямлі, трывалыя традыцыі земляробства: *Вечны свет, а я – жыхар часовы... / Ды вучуся ў зерня і раллі / Радавацца / і душой, / і словам / Усяму жывому на зямлі* (С. Законнікаў. З невядомасці на свет з'явіцца); *Даўно з бяссмерцем / людзі ў добрай згодзе. / Яно заўжды трымаецца на ты – / мы каласамі ў гэты свет прыходзім, / Каб сілу даць зярнятам маладым* (С. Законнікаў); *Жыцця неўзаранае поле / Чакае свайго плугара* (С. Законнікаў); *Што значым мы / самі па сабе?... / Семя знаходзіць сябе / ў сяўбе. / У гэтым полі, / гэтым жыцці / мы павінны / прарасці. / У гэтым полі / гэтым жыцці / мы павінны / узысці. / У гэтым полі, / гэтым жыцці / мы павінны / сябе знайсці. / А па вясне, / а па сяўбе / мы ўжо / не самі па сабе* (А. Вярцінскі).

Параўнанне жыцця з вобразам кнігі таксама можна лічыць культурна абумоўленым, дазваляе зрабіць вывад пра важнасць кнігі ў моўнай свядомасці беларусаў: *Багата жыцця кніг яшчэ перачытаю?* (А. Гарун); *Кніга жыцця нудная і часам жудасная. Шчаслівы той чалавек, хто ў шчырай прыязні да іншых людзей акружаны іхняй увагаю да сябе, забываецца аб гэтай праклятай кнізе...* (З. Бядуля); *Чым цікава жыццё, – казаў адзін дуб, – дык гэта тым, што яно хоць і ідзе па пэўных законах, але вечна змяняецца і разгортвае новыя старонкі. І колькі б ты ні жыў, ніколі не пасягнеш яго мнагалучнасці* (Я. Колас).

Жыццё асацыюецца з навучаннем, школай, у свядомасці часта ўспрымаецца як настаўнік: *Школу жыцця Сымонка пачаў праходзіць маючы шэсць гадоў ад нараджэння* (З. Бядуля); *Цяжкую школу жыцця прайшоў дзед Павал; многа працы перанеслі яго старыя, калісь крэпкія плечы* (Я. Колас); *А жыццё – настаўнік строгі – / Праз пажары павяло, / Абвіло мяне дарогай, / Сэрца болем наліло* (П. Панчанка); *Але ўрокі жыцця аказаліся мацнейшымі за ўрокі выхавальнікаў* (К. Крапіва).

Раскрыта таксама і ўяўленне жыцця як дома: *Выйшаў я з муру жыцця свайго на сонца, на вольнае паветра, на ясны свет* (М. Гарэцкі); *А пакой жыцця майго быў прахадны. І хадзілі па ім, і снавалі праз яго – безупынку...* (М. Гарэцкі); *Кладзі падмурак новага жыцця!* (А. Звонак).

Каштоўнасць кампанент канцэпту рэпрэзентуецца праз шматлікія кантэксты, дзе жыццё параўноўваецца са скарбам, стаіць у адным шэрагу з радасцю, шчасцем – усе гэтыя паняцці ўспрымаюцца станоўча ў карціне свету беларусаў: *Самы найдаражэйшы скарб свой, жыццё сваё аддаю табе!* (З. Бядуля); *Жыццё – вялікая даброта* (У. Караткевіч); *І вянок,*

і свечкі напаміналі сабою вяселле, радасць і жыццё (Ц. Гартны).

Каштоўнасць жыцця рэпрэзентуецца праз дзеяловыя любіць, шанаваць (жыццё), прыметнік *дарагое*: *Кожны з вас, дзеці, любіць жыццё, і яго трэба любіць, бо гэта любоў скрашывае чалавеку самыя цяжкія і трудныя мінуты яго жыцця. Не толькі чалавек, а і птушка, і ўсякае Божае стварэнне мае гэту любоў, усім роўна хочацца жыць на свеце і ўзяць ад жыцця і радасць, і гора, і ўсё тое, з чым спатыкае яго кожнага* (Я. Колас); *А славяць ўсе жыццё!* (У. Караткевіч); *Свая рубашка бліжэй да цела, а жыццё для яго даражэй за ўсё, і захаваць яго можна, толькі кінуўшы зброю і здаўшыся немцам* (У. Караткевіч); *Маё жыццё даражэй за медалі* (В. Быкаў); *Закапалі мы бляшаначку з-пад ваксы, і ў ёй – запіску са словамі Мікалая Астроўскага: “Самае дарагое ў чалавека – гэта жыццё...”* (М. Стральцоў); *Жыццё нам дарагое* (К. Кірэнка); *Усё, што Сотнікаў перажыў на вайне, яшчэ і каторы раз, даводзіла неабвержнасць не новага ўжо меркавання, што адзіная рэальная каштоўнасць у чалавека на свеце – яго жыццё. Калі-небудзь у дасканалым людскім грамадстве яно стане катэгорыяй-абсалютам, мерай і цанюю ўсяго. Кожнае такое жыццё, з'яўляючыся галоўным сэнсам чалавечага існавання, зробіцца не меншай каштоўнасцю для ўсяго грамадства наогул, сіла і гармонія якога будуць вызначацца і часцем кожнага яго члена* (В. Быкаў); *Усё золата, якое толькі ёсць на свеце, – нікчэмная драбязя і непатрэбчына перад самім жыццём* (К. Чорны).

Адзначаецца і пэўная амбівалентнасць успрымання жыцця: поўнае, шчаслівае жыццё без перашкод уяўляецца станоўча: *Жыццё было багатае, поўнае. Добрае жыццё. Не наракае Раговіч на яго. Адно дрэнна, што ні разу не падумаў вось аб гэтым, не паішкаў адказу на запытанне, якое цяпер так непакоіць старое нутро* (М. Зарэцкі); *Аб жыцці. У якіх бы выпрабаваннях ні быў, я заўсёды любіў жыццё. Я заўважыў, што чым слабей туліла мяне да сябе жыццё, тым мацней я за яго трымаўся, тым больш салодкім яно здавалася мне, мяне радаваў проста-такі кожны ўдых. Мне было як і часце бачыць любое характэрнае жыцця* (І. Мележ). І, адпаведна, наадварот, жыццё, поўнае бед, успрымаецца негатыўна: *Цэннасць жыцця – гэта творчасць, гэта рух уперад, – калі жыццё не гніе ў застоі, а ўсяляк прабівае сабе дарогу ўперад і ўвыш, калі кругазор чалавека робіцца ўсё абшырнейшы ды большы і даходзіць да безгранічнасці* (З. Бядуля); *Бо ведаў: неацэнны дар – жыццё – нельга абражаць рабствам, голадам, цемрай, нацыянальным уціскам, смяротнымі пакараннямі* (У. Караткевіч).

Заклучэнне. Вобразны кампанент канцэпту *жыццё* рэпрэзентуецца як дарога, шлях (сцежка), прыродныя стыхіі (найчасцей – вада ў розных формах), паветра (бура), агонь, зямля (ралля), кніга, настаўнік, зерне, дом. Каштоўнасць кампанент выяўляецца праз лексічныя адзінкі са станоўчай канатацыяй (жыццё дарагое, скарб, трэба любіць і шанаваць). Назіранні над

кантэкстамі, у якіх рэпрэзентуецца даследаваны канцэпт, прыводзяць да высновы аб асаблівай значнасці для беларускага народа такіх каштоўнасных устано-вак, як мудрасць, веданне сваёй гісторыі, працавітасць: *І быў тады шчаслівы, здаволены жыццём – жыццём аратая, бо ў тым была праўда жыцця...* (М. Гарэцкі); *Люба жыць сярод працы, свяцейшай усіх прац, – працы земляроба. Люба мець здаровае цела і здаровы дух* (М. Гарэцкі).

Такім чынам, даследаванне творчасці класікаў беларускай літаратуры ўяўляе безумоўную цікавасць, па той прычыне, што атрыманыя вынікі не толькі даюць звесткі пра структуру ісэнсавае нападўненне нацыянальна спецыфічных канцэптаў, але і дэманструюць асаблівасці канцэптуалізацыі ўніверсальнай аб'ектыўнай рэчаіснасці, у прыватнасці катэгорый быцця, у межах пэўнай этнічнай культуры. Універсальныя канцэпты, трансфармаваныя светаўспрыняццем і светаразуменнем канкрэтнага народа, з'яўляюцца базавымі элементамі кожнай нацыянальнай канцэптасферы. Прааналізаваны канцэпт *жыццё*, без сумнення, адносіцца да лінгваментальных структур такога тыпу.

Літаратура

1. Беларуская літаратурная спадчына: анталогія: у 2 кн. / уклад. П.М. Лапо [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 944 с.
2. Беларуская літаратурная спадчына: анталогія: 2 кн. / уклад. С.А. Курбанава [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 2. – 1029 с.
3. Гаўрош, Н.В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч. – Мінск: Выш. шк., 2012. – 638 с.
4. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск: БелЭН, 2005. – 784 с.

Паступіў у рэдакцыю 13.11.2023

От рэп-баттла к баттл-симулякру: функциональный дрейф рэп-дискурсии

Романов А.А., Романова Л.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет», Тверь

Настоящее исследование посвящено описанию новой симулякрной разновидности рэп-дискурсии. Выделенная разновидность функциональной дискурсии рассматривается не только в качестве метода выявления и изучения социально-публичной коммуникации, но и в качестве объекта исследования процессов формирования социально-политической и производственно-экономической информационной среды как структурно-организующего и коммуникативно-регулятивного ядра общества.

Цель работы – обозначить тенденцию коммуникативно-прагматического дрейфа когнитивно-дискурсивного феномена «рэп-баттл» как разновидности одной из прикладных форм функциональной дискурсии.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступает особая разновидность рэп-дискурса, которая представлена набором корпоративных практик рэп-дискурсии, затрагивающих конкретную сферу производственной деятельности. Методологической основой исследования явился деятельностный подход к анализу речевых (дискурсивных) единиц, в основе которого лежит регулятивная модель интерактивного общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструктов или регулятивов. Поставленные задачи и характер объекта исследования определили использование соответствующих методов, которые находятся в рамках деятельностного понимания коммуникации, и тем самым обусловили как необходимость синтеза когнитивного, коммуникативно-регулятивного и конструктивного подходов, так и применение комплексного инструментария с использованием методов теории речевой деятельности, теории речевых актов и когнитивного конструирования практик рэп-баттла.

Результаты и их обсуждение. В представленном исследовании были описаны функционально-прагматические свойства нового типа симулякрной рэп-дискурсии. Также были выделены отличительные признаки анализируемого типа рэп-дискурсии, раскрывающие потенциал и бимодальный характер функционально-прагматической разновидности корпоративного рэп-баттла. К наиболее характерным свойствам для выделенной разновидности агональной рэп-дискурсии причислены такие свойства, как «динамичность», «эмоциональная напряжённость», «игровое поведение», «интегративность», «регулятивность» и «эристическая агональность».

Заключение. Выделенные в предложенном исследовании свойства функционально-прагматического потенциала симулякрной разновидности рэп-баттла позволили зафиксировать дисперсное расширение функционально-тематического диапазона и содержательного объема коммуникативного феномена «рэп-баттл». Отмеченное расширение обуславливает применение манипулятивно-прагматического акцентирования переноса внимания массового адресата с канонического образца рэп-баттла на симулякрный баттл-рэп, сохраняя при этом форму и структуру публичных баттловых состязаний. Процедура манипулятивного переноса внимания позволяет организаторам баттл-шоу экспонировать, с одной стороны, агональную (состязательную) форму баттльного противостояния, и одновременно, с другой – подменять ненастоящую (наигранную, формальную) нацеленность боевой архитектуры (конструктивности) рэп-баттла на показную (обманную, подтасованную, срежиссированную, фейковую) сторону состязательного вербального противостояния.

Ключевые слова: агональный дискурс, баттл-симулякр, дискурсивная практика, вербальное противостояние, иллюктивность, речевой жанр, рэп-баттл.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 120–125)

From Rap Battle to Battle Simulacrum: Functional Drift of Rap Discourse

Romanov A.A., Romanova L.A.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
“Tver State University”, Tver

This study is devoted to the description of a new simulacrum variety of rap discourse. The selected type of functional discourse is considered not only as a method of identifying and studying social and public communication, but also as an object of research of the processes of formation of the social and political as well as the industrial and economic information environment as a structural-organizing and communicative-regulatory core of society.

The purpose of the work is to identify the tendency of the communicative-pragmatic drift of the cognitive-discursive phenomenon “rap battle” as a variety of one of the applied forms of functional discourse.

Адрес для корреспонденции: e-mail: romanov_fgsha@mail.ru – А.А. Романов

Material and methods. The research material is a special kind of rap discourse, which is represented by a set of corporate practices of rap discourse affecting a specific sphere of industrial activity. The methodological basis of the study was an activity-based approach to the analysis of speech (discursive) units, which is based on the regulatory model of interactive communication, the theory of regulatory activity and its units – regulatory constructs or regulatives. The tasks set and the nature of the object of research determined the use of appropriate methods that are within the framework of the activity understanding of communication, and thereby determined both the need for the synthesis of cognitive, communicative-regulatory and constructive approaches, as well as the use of complex tools using methods of the theory of speech activity, the theory of speech acts and the cognitive construction of rap battle practices.

Findings and their discussion. The presented study describes the functional and pragmatic properties of a new type of simulacrum rap discourse. The distinctive features of the analyzed type of rap discourse were also highlighted, revealing the potential and bimodal nature of the functional-pragmatic variety of corporate rap battle. The most characteristic properties for the selected variety of agonal rap discourse include such properties as “dynamism”, “emotional tension”, “game behavior”, “integrativity”, “regularity” and “eristic agonality”.

Conclusion. The properties of the functional-pragmatic potential of the simulacrum variety of rap battle highlighted in the proposed study made it possible to fix the dispersed expansion of the functional-thematic range and the content volume of the communicative phenomenon “rap battle”. The noted expansion determines the use of manipulative and pragmatic emphasis on transferring the attention of the mass addressee from the canonical sample of rap battle to simulacrum battle rap, while maintaining the form and structure of public battle competitions. The procedure of manipulative transfer of attention allows the organizers of the battle show to exhibit, on the one hand, the agonal (adversarial) form of the battle confrontation, and at the same time, on the other hand, to replace the fake (feigned, formal) focus of the combat architectonics (constructiveness) of the rap battle with the ostentatious (deceptive, rigged, staged, fake) side of the adversarial verbal confrontations.

Key words: agonal discourse, battle simulacrum, discursive practice, verbal confrontation, illocution, speech genre, rap battle.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 120–125)

С появлением стремительного развития обмена интерактивно-информационными потоками в социальной сфере общества возрос интерес к феномену состязательных коммуникативных практик, что повлекло за собой порождение (генерацию) новых форм массовой коммуникации, реализуемых с целью агонального (победного) воздействия на выбранного в качестве объекта нападения и атак соперника. В этих условиях получили широкое признание всевозможные жанровые типы, виды и подвиды (разновидности) агональных коммуникативно-дискурсивных практик, в том числе и вербально-агрессивных практик «словесного боя», которые нацелены на достижение безоговорочной победы над своими соперниками, оппонентами, противниками или конкурентами с использованием всевозможных средств вербальной эристики. К наиболее ярким представителям такого жанра нередко причисляют рэп-баттл (также: баттл-рэп и реп-батл), который сегодня рассматривается как популярное явление не только в молодежной среде социума, но также в социально-политической и в производственно-экономической сферах жизнедеятельности современного общества как *инструмент* эффективной борьбы соперников за социально-коммуникативное доминирование и бенефициарный репутационный капитал в обществе с использованием различных средств прямого и косвенного воздействия на своих оппонентов в дихотомическом сопоставлении «дискурса победителя» versus «дискурса побежденного / проигравшего» [1; 2].

Применение таких инструментов в условиях социально-экономической конкуренции внутри- и межкорпоративного социально-экономического пространства оказывается чрезвычайно эффективным механизмом по созданию кризисных ситуаций в политико-

экономической борьбе с конкурентами – соперниками, оппонентами для того, чтобы в контексте упорной борьбы за свое превосходство интенсивно осуществлять агрессивное-атакующее влияние (воздействие, давление) как на социально-политические и экономические условия жизнедеятельности отдельных участников вербального состязания и сотрудников профессиональных организаций, так и на эмоции, мотивы и поведение руководителей производственно-финансовых и технологических объединений, общественных организаций, отдельных отраслей хозяйства и технологических корпораций и даже на отдельных граждан с целью переформатировать у них индивидуальную картину мира и изменить их личностные установки, формы поведения и культурно-исторические ценности. Иллюстративным примером эффективной реализации информационно-коммуникативного инструментария в виде набора вербально-коммуникативных и авербально-медийных технологий и практик по переформатированию ментальных установок как участников вербального противостояния, так и коллективного адресата в лице сотрудников производственных корпораций или объединений могут служить событийные материалы проведенных словесных баталий, описанных в работах по политической и социально-экономической тематике [3].

Являясь современной и непривычной для массового сотрудника технологией конкурентной борьбы внутри- и межкорпоративного сообщества, формат агонального рэп-дискурса становится сегодня актуальной и популярной формой состязательной технологии по отбору кандидатов на тот или иной производственный пост, основу которой составляет популярная для молодежного стратума в возрасте 18–40 лет модель прямого (эксплицитного)

коммуникативно-дискурсивного оппонирования (противостояния, противоборства) в виде вербального конструктивного образования или комплексной коммуникативной практики «корпоративный рэп-баттл». В этой связи становится важным проследить механизм публичного производства (образования, порождения) «корпоративного рэп-дискурса» как коммуникативного конструкта и проанализировать сам дискурсивный массив вербального противоборства, нацеленного на достижение победы над соперником любыми доступными средствами *эристической риторики*. В корпоративной рэп-дискурсии риторическая эристика призвана использовать всевозможные *эристымы* как вербально-интерактивные шаги-практики боевого набора инструментальных средств, реализующих выражение установок, уловок, ловушек, ухищрений и даже провокативных подначиваний вкпе с агрессивными практиками троллинга, буллинга, моббинга и флеймиенга как конститuentов «острой силы» воздействия на соперника для достижения безоговорочного успеха в дискурсивном противостоянии.

Анализ механизма производства публичного «рэп-дискурса» особенно актуален тем, что на данном этапе исследования важно установить специфические признаки-свойства, которые присущи только корпоративной разновидности рэп-дискурсии. Кроме того, чрезвычайно важно зафиксировать процесс формирования участниками любого – в том числе и корпоративного – типа (разновидности) дискурса и определить возможности его (её) коммуникативно-прагматического дрейфа. Необходимо проследить при этом процесс порождения метарегулятивных свойств типовой разновидности, способных не только порождать, вырабатывать, но осуществлять контроль над формированием части процесса тематико-семантического контента публично-корпоративного рэп-дискурса. При этом рэперы как участники словесного противоборства не упускают из поля зрения и тот факт, что контроль даже над частью рэп-дискурса означает контроль над частью его содержания, а следовательно, и косвенный контроль над общественным сознанием, т.е. возможен контроль (регулятивность) не только того, *что* люди думают, но также и того, *о чем* они думают. Таким образом, контроль над агональным дискурсом предоставляет не только «особый доступ к его производству», но разрешает также и доступ к его содержанию, стилю и даже к индивидуальному сознанию непосредственных участников (рэперов) и «общественному сознанию» [4, с. 15] всех присутствующих на рэп-баттле зрителей, сотрудников фирмы, корпорации или концерна.

Цель исследования – обозначить тенденцию коммуникативно-прагматического дрейфа когнитивно-дискурсивного феномена «рэп-баттл» как разновидности одной из прикладных форм функциональной дискурсии.

Материал и методы. В качестве *материала исследования* выступает особая разновидность

рэп-дискурса, которая представлена набором корпоративных практик рэп-дискурсии, затрагивающих конкретную сферу производственной деятельности.

Методологической основой исследования явился деятельностный подход к анализу речевых (дискурсивных) единств, в основе которого лежит регулятивная модель интерактивного общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструктов или регулятивов. Поставленные задачи и характер объекта исследования определили использование соответствующих методов, которые находятся в рамках деятельностного понимания коммуникации, и обусловили необходимость синтеза когнитивного и коммуникативного (регулятивно-конструктивного) подходов, использование инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики и применение метода когнитивного конструирования.

Результаты и их обсуждение. В исследовании, посвященном дискурсивной эристике политического рэп-баттла [2], было показано, что рэп-баттлы, как и любое другое организуемое мероприятие, реализуются в определенном структурированном формате, который опирается на набор соответствующих условий и правил поведения участников вербального противостояния относительно друг друга. К наиболее характерным условиям и признакам, конституирующим жанровую принадлежность состязательной дискурсии в виде дискурсивных рэп-практик, относятся следующие признаки: *рифмованность* («поэтичность») рэп-баттла (поединка), в котором наличие рифмы в текстах соперников является обязательным условием, *ценность* рэп-баттла, фиксируемая значимым наличием определенного количества словесных «панчей» (выпадов) в текстах вербальных баталий, которыми обмениваются участники словесной «дуэли», *лимологичность* рэп-баттла, определяемая условием обязательного, оговоренного заранее раундового разбиения, *регулятивность передачи* права сопернику на ответный ход, а также *размытость границ* реактивного объема вербального противостояния.

Выделенные свойства коммуникативно-конструктивного феномена «рэп-баттл» способствовали в своей совокупности тому, что «коммуникативный конструкт рэп-баттл» показал и доказал свою привлекательность и востребованность разными слоями общества и довольно быстро превратился в «эффективный технико-технологический инструмент вербального воздействия на массового адресата» [1], с помощью которого оказалось возможным выявить и показать, как «конкретные структуры дискурса участвуют не только в манипуляции, но и в других формах управления общественным сознанием в целом» [4, с. 7]. В указанном контексте рэп-дискурс как интегративный элемент состязательной культуры хип-хопа и агонально-эристической риторики музыкального явления рэпа, появившихся в качестве

своеобразного ответа на глобализационные процессы в мире в виде продукта процессов культурной гибридизации, становится разновидностью одной из «прикладных форм дискурс-анализа» [4; 5], которую можно использовать не только в качестве метода описания и изучения публичной коммуникации в функции «структурно-организующего, регулятивного ядра общества» [6; 7; 12].

С этих позиций агональный рэп-баттл предстает в виде дискурсивно-коммуникативного конструкта, который одновременно может рассматриваться и как «объект описания функциональной активности когнитивных агентов социо-политической и экономической сфер жизнедеятельности социума» [6, с. 25; 7; 9], и как инструментальный механизм в эффективной борьбе с соперниками за социально-политическое лидерство в стране, регионе, городе, корпорации, фирме и за бенефициарный репутационный капитал в глазах общественности с использованием различных средств прямого и косвенного воздействия на своих оппонентов, оказывая существенное влияние не только на их репутационный капитал, но и на проявления внутренних характеристик их социального статуса. Говоря о проявления в боевой рэп-дискурсии социального статуса человека, мы обращаемся «к трем сферам проявления статуса: индексам стиля жизни, человеческих контактов и речи» [9, с. 30], которые в своем переплетении и взаимообусловленности оказывают существенное влияние не только друг на друга, но также и на результирующую продуктивность противоборствующего взаимодействия. Результирующая продуктивность процессов вербально-агонального противостояния между противоборствующими сторонами эксплицирует реальную возможность каждого из участников проявить и демонстративно экспонировать в выгодном для себя свете внутренние характеристики личного социального статуса и при этом одновременно нивелировать те характеристики социального статуса своего соперника, статус которых, по мнению оппонента-участника, требует корректировки, ретуши или замалчивания. Отмеченная специфика вербально-состязательной рэп-дискурсии послужила определенным импульсом, активно стимулирующим интерес со стороны корпоративного менеджмента к организации и проведению рэп-баталей в своих трудовых коллективах. Поэтому кажется далеко неслучайным тот факт, что типовое разнообразие рэп-баттлов, обладая эмоциональной привлекательностью и способностью публично выявлять победителя, с активной неизбежностью «ворвались» всеми формами в корпоративную культуру производственной сферы деятельности, обозначив тем самым новый прагма-функциональный дрейф коммуникативного феномена «рэп-баттл» в сторону корпоративного бизнеса и выделив отдельный тип рэп-баттла под названием «корпоративно-производственный рэп-баттл» [1; 2; 6].

В этой связи особый интерес для лидеров по управлению персоналом вызвала возможность использовать

коммуникативные технологии открытой агональной борьбы для публичного разрешения нарастающих или уже возникших внутрикорпоративных конфликтов. Кроме того, также не менее востребованными и полезными оказались коммуникативные технологии по проведению рэп-баттлов, которые доказали свою эффективность при осуществлении процедур конкурентного отбора претендентов на те или иные должностные позиции. Одним словом, «мода на рэп-баттлы, – по словам корреспондента Н. Важдовой, – дошла и до бизнеса. Теперь это новый тренд в программе корпоративов... Причём в большинстве случаев состязание проводится между топ-менеджерами компании-заказчика». Примечательно, однако, что основные заказчики – «крупные корпорации, которые с помощью баттлов не только развлекают коллектив, но и решают производственные задачи» [3]. Корреспондент приводит пример того, как топ-менеджеры одной крупной московской строительной компании наметили даже конкретные сроки проведения *репетиций корпоративного рэп-батала* в своей организации. «До новогоднего корпоратива, – пишет автор, – осталось чуть больше месяца, а подготовиться нужно основательно. Номер рассчитан всего на пять минут, и за это время гендиректору нужно успеть высказать все свои претензии в адрес руководителя отдела логистики и главному бухгалтеру. Гендиректор давно устал от их конфликтов и решил, что публичный рэп-поединок поможет сплотить враждующие отделы» [3] и снять существующие барьеры, которые мешают эффективной работе компании.

Состязательная способность агональной рэп-дискурсии выявлять «правду конфликтного противостояния и истинные причины его сути в открытом режиме» [1; 11] пришлось по вкусу директорскому корпусу различных компаний и корпораций: «руководители перестали бояться конфликтов и открытого обсуждения проблем. Оказалось, что агональные свойства рэп-баттл помогают выявить конфликтную ситуацию или, наоборот, предотвратить появление нового конфликта в будущем. Однако, в этой ситуации высветилась довольно-таки существенная проблема: с одной стороны, корпоративно-производственный тип рэп-баттла функционально-прагматически выполняет инструментальную роль коллективного развлечения работников компании и в то же время должен, согласно базовым свойствам рэп-дискурсии, отвечать эмоционально-зрелищному настрою и соответствовать развлекательным ожиданиям (экспектациям) присутствующей публики. Иначе говоря, корпоративно-производственный тип рэп-баттла уже заранее, пресуппозитивно снижает (выбирает «взвешенный») уровень агонально-эристического настроения присутствующих на корпоративе и самих участников коммуникативного противостояния как акторов, претендующих на то, чтобы сценарно (по-актерски) выполнять роль самостоятельных массовиков-затейников из своего рабочего коллектива.

С другой же стороны, такой корпоративно-производственный тип рэп-баттла призван в то же время одновременно решать и производственные задачи, в частности: а) обозначить болевые точки в отношениях между членами трудового коллектива, б) показать в достаточно шуточной форме на глазах всего коллектива и его руководства пути выхода из сложившейся кризисной ситуации и в) служить основанием для принятия руководством компании соответствующего эффективного решения по выявленным проблемным точкам деятельности компании [10, с. 73–112]. В дополнение к этому, корпоративно-производственный рэп-баттл способен параллельно решать и другие важные задачи, связанные с производственной деятельностью компании или фирмы. Например, эксплицитно нести коммуникативно-интенциональный посыл сотрудникам о том, что в данной компании каждый работник может быть достойно оценён по его результатам на рабочем месте или может успешно продвигаться по управленческой вертикали и достичь высоких управленческих позиций, вплоть до уровня топ-менеджера.

Следует также понимать, что рассматриваемая разновидность корпоративно-производственного рэп-баттла может продуктивно использоваться в условиях реорганизации структурных подразделений компании для того, чтобы в непринужденной, раскрепощенной обстановке и в доступной (игровой) форме представлять своему коллективу нового (новоизбранного, переизбранного) руководителя или топ-менеджера для конкретного вида производственной деятельности. При этом важно иметь в виду, что вербально-агональная форма представления руководителя коллективу допускает возможность использования публично-игровой (легкой) критики руководителя любого ранга без соответствующих оргвыводов, потому что руководитель становится сопричастным к содержательному контенту критических практик рэп-дискурсии.

Помимо всего прочего рассматриваемая разновидность корпоративно-производственного рэп-баттла реализует ещё одну немаловажную в психологическом плане функцию, которая связана с механизмом релаксации организма: «у нового руководителя могло быть немало завистников среди старших коллег» и в непринужденной обстановке веселый и фехтующий обмен остротами в виде легкого подтрунивания и подначивания «должен снять это напряжение в коллективе» [3].

Вместе с тем нужно учитывать, что корпоративно-производственный рэп-баттл – это полифункциональное в плане коммуникативного воздействия событие и по этой причине не следует упрощать тщательность к его проведению и с точки зрения корпоративного шоу-развлечения, и с точки зрения эффективного инструмента реализации управленческих задач. Действительно, стоит иметь в виду, что участие в корпоративно-производственном рэп-баттле

с различных сторон – как со стороны непосредственных исполнителей, так и со стороны руководителей коллектива и присутствующих на празднике работников компании – требует основательной подготовки: соблюдать структурно-жанровую специфику подачи материала, уметь импровизировать и составлять тексты для каждого корпоратива с учетом решаемых в коллективе задач, а также находить «экспромтные» заготовки, владеть техникой чтения рэп, знать обстановку в коллективе и учитывать настроение участников корпоративного праздника. И очень важно помнить главное: принимая решение проводить корпоративно-производственные рэп-баттлы, следует учитывать, что выявленная новая разновидность рэп-дискурсии является всего лишь фрагментарной частью программы праздничного развлечения, что позволяет причислить эту новую разновидность (новое направление) рэп-баттла к типу вербально-агональных состязаний, предназначенных для развлекательных программ с целью укрепления корпоративной культуры компании.

Становится понятно, что развлекательный (концертный, шуточный, «несерьезный») характер таких корпоративно-производственных рэп-баттлов снимает с них многие ограничения, которые должны соблюдать участники (рэперы, рэп-чтецы) канонических рэп-баттлов, например, политических рэп-баттлов [ср.: 1; 2; 11; 12]. Развлекательный характер таких рэп-баттлов даже допускает использование собственных студийных звукозаписей в качестве фонограммной подстраховки в процессе публичного противоборства. Больше того, разрешается даже выступать под собственную фонограмму. Н. Важдаева отмечает: «Если таланта не хватает даже на это, то и здесь никаких проблем. Организаторы подбирают актёров с похожими голосами, и те надиктовывают рэп на фонограмму, а сотрудникам остаётся только выйти на сцену, взять выключенный микрофон и делать вид, что они читают рэп сами» [3]. Записанную фонограмму мнимый рэпер может дополнять сопровождающим набором характерных для рэп-чтецов жестов. В итоге получается демонстрация обманной (фальшивой, фейковой) рэп-дискурсии, а сам корпоративно-производственный тип рэп-баттла приобретает функциональную двойственность: с одной стороны, он реализует ряд функциональных признаков, присущих агонально-эристическим рэп-баттлам, а с другой – имитирует рэп-баттл, превращаясь в разновидность состязательного рэп-симулякра.

Заключение. Проявленный в обществе широкий интерес к новым возможностям рэп-дискурсии в сферах производственной и управленческой деятельности человека говорящего как человека коммуникативного неизбежно детерминирует расширение функционально-семантического и содержательного диапазона коммуникативного феномена «дискурсивный рэп-баттл», что обуславливает, с прагматической точки зрения, акцентирование переноса внимания

и участников, и массового адресата с содержательно-тематической архитектоники рэп-баттла на формально-организационную (симулякрную) платформу баттл-рэп. Осуществляя прагматический перенос акцентов с семантического на тематическое «поле боя», организаторы и участники батального (баттлового) противостояния подчеркивают таким образом ненастоящую (искусственную, формальную) нацеленность такого состязания, направленную на реализацию показной (подтасованной, фейковой) боевитости соперников, чтобы через такую сконструированную форму интеракции добиться профилактического разрешения реально возникающей, а, может, уже возникшей предконфликтной ситуации внутри коллектива или между отдельными структурными подразделениями всей корпорации. Суть прагматического переноса внимания заключается в том, что в процессе переноса осуществляется смена значимости и оценки полюсов (как в туннельной коммуникации – от минуса к плюсу и наоборот) в типовой (канонической) схеме рэп-баттла. Другими словами, акцент с содержательной сферы конструкта S(p) переносится на показную боевитость P(s).

Литература

1. Романов, А.А. Интегривно-дискурсивный подход к феномену «политический рэп-баттл» [Электронный ресурс] / А.А. Романов, Л.А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2021. – № 4. – С. 1–27. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 10.10.2023.
2. Романов, А.А. Тема-рематический механизм актуализации эристических установок участников коммуникативно-когнитивного конструкта “политический рэп-баттл” [Электронный ресурс] / А.А. Романов, Л.А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2020 – № 4. – С. 96–155. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 10.10.2023.
3. Важаева, Н. Бухгалтеры, раунд! Рэп-баттлы захватывают компании и корпоративы [Электронный ресурс] / Н. Важаева // Life.ru. – 2017. – 27 окт. – Режим доступа: https://life.ru/t/бизнес/1055269/bukhghaltiery_raund_repattly_zakhvatyvaiut_kompanii_i_korporativy. – Дата доступа: 23.02.2023.
4. Ван Дейк, Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. Ван Дейк; пер. с англ. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 344 с.
5. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
6. Романов, А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход / А.А. Романов. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверс. гос. ун-т, 2002. – 191 с.
7. Романов, А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ / А.А. Романов. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.
8. Романова, Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка / Л.А. Романова. – М.: Ин-т языкознания РАН. – 180 с.
9. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
10. Романов, А.А. Управление персоналом: Психология влияния: учебник для экон. спец. вузов / А.А. Романов, А.А. Ходырев. – М.: Лилия, 2000. – 216 с.
11. Романов, А.А. Дискурсивная эристика политического рэп-баттла: Инструментальный потенциал и современные практики / А.А. Романов, Л.А. Романова. – М.: Ленанд, 2023 (в печати).
12. Романов, А.А. Политический рэп-баттл как новая форма дискурсивной эристики [Электронный ресурс] / А.А. Романов, Л.А. Романова. // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2020. – № 2. – С. 46–101. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 10.10.2023.

Поступила в редакцию 13.11.2023

О некоторых тенденциях развития современной русской пунктуации

Сафронова Н.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Владимир

Пунктуационная система русского языка, складывающаяся на протяжении нескольких веков, в настоящее время претерпевает значительные изменения. Лингвисты согласны в том, что реальное употребление знаков препинания на современном этапе развития языка часто не соответствует нормам, закреплённым в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года.

Цель статьи – выявить основные тенденции развития русской пунктуации на современном этапе.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили предложения, содержащие отступления от современных пунктуационных норм, выявленные в текстах печатных СМИ РФ и Владимирской области, в том числе в рекламных текстах, в период с 2019 по 2023 г., а также в текстах современной художественной литературы XXI века. В основном использовался описательно-аналитический метод, предполагающий наблюдение, классификацию, обобщение и интерпретацию языкового материала.*

Результаты и их обсуждение. *В настоящее время наблюдаются значительные отступления от действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года. Возникает явление, получившее название нерегламентированной пунктуации. Нерегламентированная пунктуация широко распространена в текстах СМИ, рекламы, художественной литературы. К основным тенденциям развития пунктуации, которые выявляются при анализе нерегламентированной пунктуации, можно отнести расширение сфер применения и функций одних знаков (например, тире, многоточие, точка, восклицательный и вопросительный знаки), сужение других (точка с запятой), изменение функций третьих (двоеточие). Эти изменения связаны прежде всего с усилением влияния интонационного и семантического принципов русской пунктуации, стремлением пишущего передать эмоции, чувства, экспрессию, сформировать дополнительные смыслы и привлечь внимание читателей при помощи нетрадиционного использования знаков препинания.*

Заключение. *Пунктуационные нормы подвергаются значительным изменениям. Пунктуация в большей степени становится антропоцентричной, так как пишущий при помощи знаков препинания не столько стремится точно передать мысль, сколько обратить внимание на эмотивную и экспрессивную сторону высказывания, заставить читающего участвовать в создании смыслов самому.*

Ключевые слова: *русская пунктуация, знаки препинания, принципы русской пунктуации, тенденции развития пунктуации.*
(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 126–130)

About Some Trends of Modern Russian Punctuation Development

Safronova N.A.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
“Vladimir State A.G. and N.G. Stoletovs University”, Vladimir

The punctuation system of the Russian language, which has been evolving for centuries, is undergoing significant changes. Linguists agree that the actual use of punctuation marks at the present stage of the language development often does not correspond to the norms set in the «Rules of Russian Orthography and Punctuation» of 1956.

The article is aimed to identify the main trends in the development of Russian punctuation at the present stage.

Material and methods. *The research was based on sentences containing deviations from modern punctuation norms identified in the texts of the print media of the Russian Federation and Vladimir Region, including advertising texts, in the period from 2019 to 2023, as well as in the texts of modern fiction of the 21st century. A descriptive and analytical method was used mainly to observe, classify, generalize and interpret the language material.*

Findings and their discussion. *Currently there are significant deviations from the existing «Rules of Russian Orthography and Punctuation» of 1956. A phenomenon called unregulated punctuation arises. Unregulated punctuation is widespread in the texts*

Адрес для корреспонденции: e-mail: natalia_1271@mail.ru – Н.А. Сафронова

of media, advertising, fiction. The main trends in the development of punctuation, which are detected in the analysis of unregulated punctuation, can include the expansion of the scope and functions of some characters (for example dash, ellipse, dot, exclamation and question mark), narrowing of others (semicolon), changing the functions of still others (colon). These changes are connected first of all with the strengthening influence of intonation and semantic principles of Russian punctuation, desire of the writer to convey emotions, feelings, expression, form additional meanings and attract the attention of readers through the unconventional use of punctuation marks.

Conclusion. Punctuation standards undergo significant changes. Punctuation becomes more anthropocentric, as the writer, with the help of punctuation marks, does not so much strive to accurately convey the thought, but to pay attention to the emotive and expressive side of the statement, to make the reader participate in the creation of meanings himself.

Key words: Russian punctuation, punctuation marks, principles of Russian punctuation, trends of punctuation development.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 126–130)

Пунктуация представляет собой исторически сложившуюся, стройную и довольно устойчивую систему. Современная пунктуационная система в основном сложилась к концу XVIII века, однако на протяжении 1-й половины XIX века продолжали наблюдаться значительные расхождения в пунктуационном оформлении синтаксических конструкций. Современные пунктуационные нормы складывались и подвергались теоретическому осмыслению и описанию на протяжении XIX–XX веков и были закреплены в едином своде орфографических и пунктуационных норм «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года, утверждённом Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. В разработке и составлении этого свода правил принимали участие крупнейшие и авторитетнейшие лингвисты того времени: В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, С.Г. Бархударов, А.Б. Шапиро и многие другие. Нормы, закрепленные в этом издании, являются действующими до настоящего времени. Однако лингвисты конца XX – начала XXI века всё чаще отмечают, что «расхождения в употреблении знаков в современных текстах с правилами, утвержденными в 1956 г., довольно значительны» [1, с. 103]. Это дает ученым возможность говорить об изменениях в современной пунктуационной системе, а также актуализирует необходимость исследования тенденций и направлений данных изменений.

Вместе с тем следует согласиться с точкой зрения Н.Л. Шубиной, что, несмотря на отмечаемое многими преподавателями, редакторами и просто культурными людьми общего снижения пунктуационной грамотности до сих пор в лингвистике «сохраняется позиция отношения к пунктуации как “далёкой периферии” лингвистических знаний» [2, с. 4]: пунктуация рассматривается как сугубо прикладная отрасль знаний, и полного научного осмысления процессов, происходящих в современной пунктуационной системе, не произошло. Хотя следует отметить, что попытки описать эти изменения в последние десятилетия возникали неоднократно. Так, появилось довольно много работ, в том числе кандидатских и даже докторских диссертаций, посвященных проблемам современной пунктуации. Рассматриваются экспрессивная функция знаков препинания, функциональ-

но-коммуникативный и прагматический аспекты их употребления, некоторые изменения в употреблении отдельных знаков препинания, пунктуация в языке СМИ, рекламных текстах, интернет-коммуникации и т.д. (Н.С. Валгина, Н.Н. Орехова, Л.А. Будниченко, Е.О. Захарова, М.М. Габышева и др.).

Цель данной работы – выявление основных тенденций развития русской пунктуации на современном этапе.

Материал и методы. В качестве фактического материала исследования использовались предложения, содержащие отступления от современных пунктуационных норм, выделенные в текстах печатных СМИ РФ и Владимирской области, том числе в рекламных текстах, в период с 2019 по 2023 г., а также в текстах современной художественной литературы XXI века общим объемом более 500 единиц. В процессе интерпретации полученных данных в основном использовался описательно-аналитический метод, предполагающий наблюдение, интерпретацию, классификацию и обобщение языкового материала.

Результаты и их обсуждение. Традиционно отмечается, что в основе русской пунктуации лежат 3 основных принципа: формально-грамматический (структурный, синтаксический), семантический (смысловой) и интонационный. При этом формально-грамматический обычно считается ведущим: «Знаки препинания являются прежде всего показателями синтаксического, структурного членения письменной речи. Именно этот принцип сообщает современной пунктуации стабильность. На таком основании ставится наибольшее число знаков» [3, с. 389]. Семантический, или смысловой, принцип русской пунктуации также является одним из важнейших. Поэтому зачастую лингвисты говорят о структурно-семантической основе русской пунктуации. Так, например, постановка тире или двоеточия в бессоюзном сложном предложении (БСП) основывается как на анализе структуры предложения, так и на анализе тех семантических отношений, которые возникают между его частями: *Назвался груздём – полезай в кузов* (пословица) – в первой части БСП содержится указание на условие совершения действия, названного во второй части. Интонационный принцип, как полагает большинство лингвистов, является важным, однако не главным, а зачастую

дополнительным к формально-грамматическому и семантическому принципам, что позволяет некоторым исследователям выделять не три, а два принципа: семантико-синтаксический и семантико-интонационный [4, с. 199]. Указание на то, что «принципы действуют, как правило, одновременно» [4, с. 199] не вызывает возражений, как и то, что «в конкретных речевых ситуациях пунктуация помогает выявить структуру, смысл и интонацию письменной речи» [4, с. 199].

Н.С. Валгина отмечает: «Правила обычно не насаждаются насильственно, а формируются как обобщенный итог длительных наблюдений над практикой печати, правила привязаны к определенному времени, и они в той или иной мере могут отставать от практики» [1, с. 101].

Исследователь указывает 2 основные причины того, что наряду с нормативной пунктуацией в современных текстах широко представлены и ненормативные варианты постановки знаков препинания, или так называемая нерегламентированная пунктуация. Первая причина – активизация в речи конструкций, «связанных с экспрессивным синтаксисом: парцелированных и сегментированных структур, конструкций с ослабленными синтаксическими связями и др.», так как «это достаточно “свежий” синтаксический материал, который из-за отсутствия правил вызывает в печати разную в оформлении» [1, с. 103]. Вторая причина – «сдвиги в функциональной значимости самих знаков препинания» [1, с. 103]. Следует согласиться, что эти причины в основном и обуславливают тенденции, которые характерны для современного этапа развития пунктуационной системы.

К основным тенденциям можно отнести следующие.

1. Расширение функций знаков препинания, использующихся в соответствии с действующими пунктуационными нормами в качестве знаков, обозначающих конец предложения. Это касается прежде всего точки: «Точка сегодня может разрывать грамматическую структуру, создавая тем самым определенные смысловые и интонационные акценты в высказывании при парцелляции» [1, с. 104], при этом предложение приближается по ритмомелодике к живой разговорной речи. Кроме того, парцелированные конструкции выступают средством экспрессивного синтаксиса. Это свидетельствует о том, что точка в парцелированных конструкциях также приобретает несвойственную ей функцию – формирования экспрессивности высказывания. Эта особенность парцелированных конструкций широко используется в публицистике и художественной речи: *Губернатору Владимиру Сипягину, судя по всему, так и не удалось перенести запланированные на субботний день встречи – на церемонии открытия памятника его не было. Как и митрополита Владимирского и Суздальского Тихона (ЗЕБРА[™]); Граждане, которые там проживают, они уже утратили право жить там, которое имели только на период трудовых отношений. Когда заключали договоры найма (Призыв).*

Н.С. Шубина подчеркивает, что «“сегментирующая” точка является в большей степени функциональным знаком, чем точка, маркирующая конец высказывания» [5, с. 428], а сами парцелированные конструкции выступают средством актуального членения. При помощи точки выделяется новая и наиболее важная информация, содержащаяся в парцелированной конструкции.

Активизируется и использование восклицательного и вопросительного знаков. Причем эти знаки, в соответствии с пунктуационными нормами считающиеся знаками конца предложения, активно используются в середине предложения, в парцелированных конструкциях, и даже в некоторых случаях в начале предложения: *!!!Акция!!! (Призыв); ? Можно ли высевать семена астры однолетней под зиму в открытый грунт? (Цветок); Но. В силах ли он, если в классе 30 человек? А зарплата в три гроша? (Комсомольская правда); Расскажем и про бюджетные варианты (!), и про лакшери-места (Территория Радужный); «ДА!НКО», я вернусь!» (Территория Радужный). При этом усиливается экспрессивная и смысловая функция этих знаков. О.В. Тискова утверждает, что «любой связный текст допускает широкую возможность пунктуационных вариантов. Каждый такой пунктуационный вариант изменяет смысл высказывания, вносит в него новые оттенки значения» [6, с. 9]. В некоторых случаях в текстах СМИ и рекламы они способны заменять слово «вопрос» или служить средством привлечения внимания. Одна из причин использования нерегламентированной пунктуации в современном тексте – стремление привлечь внимание читателя, что с каждым разом сделать становится всё сложнее из-за обилия информации, поэтому авторы часто прибегают не только к лексическим приемам, но и к пунктуационным. Вероятно, на такое употребление знаков повлияло и развитие интернет-коммуникации, где графические знаки, в том числе и пунктуационные, приобретают особое значение.*

2. Расширение функций тире в разнообразных типах конструкций. Тире в предложениях может использоваться в позициях и функциях, в которых раньше выступало двоеточие: в бессоюзных сложных предложениях (БСП), в которых вторая предикативная часть указывает на основание, причину того, о чем говорится в первой части: *Так папа десять лет назад и принес эту ткань – у них на работе кто-то продавал (Русский репортер);* в БСП, в которых вторая часть поясняет содержание первой части или какой-то из её частей: *Вслед за эфиром зампреда ПАРНАС Яшин поставил ультиматум – либо лидер ПАРНАСа участвует в праймериз наравне со всеми, либо Яшин отказывается от выдвижения своей кандидатуры (Русский репортер); Эти планы резко критикует Ассоциация предприятий автомобильного транспорта Владимирской области – ее руководство прогнозирует проблемы для пассажиров пригородных*

автобусов, которых пытаются загнать на вокзалы, лишив привычных и удобных мест посадки и высадки из автобусов (ЗЕБРА™); после обобщающего слова перед рядом однородных членов предложения: *Собрали необычные, незабываемые и крышесносные грибные сочетания – чизкейки, коктейли, шоты, эклеры...* (Территория Радужный). Вывод, к которому приходит Е.А. Кузнецова, представляется обоснованным: «...функции тире в современном русском языке значительно расширяются и включают в себя некоторые функции, которые были присущи ранее двоеточию» [7, с. 324].

Однако употребление тире не ограничивается теми позициями и функциями, в которых выступало ранее двоеточие. Исследователи отмечают, что в настоящее время тире становится универсальным знаком и активно распространяется [2, с. 5; 8, с. 124] даже в тех случаях, где раньше оно не встречалось: *Зло мимикрирует, оно маскируется под добро – если уж вернуться к началу разговора* (Призыв); *Музей хрусталя – в рубиновом блеске* (Аргументы и факты); *Изменения – не проблема: владимирские предприниматели находят удобные инструменты для развития бизнеса* (ЗЕБРА™); *Дорогие М.В. Сергеева, Г.В. Волкова, С.А. Брунова, В.В. Нурмухамедова, Ю.В. Воробьева – огромное спасибо за ваш труд, за доброе, внимательное, чуткое и тёплое отношение к нам, пожилым и больным людям* (Территория Радужный).

Тире широко используется в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, на месте пропуска каких-либо членов предложения, при особом интонационном и смысловом членении предложения, когда при помощи тире пишущий обозначает паузу перед каким-либо членом предложения, что в свою очередь способствует актуальному членению предложения и формированию новых смысловых и эмоциональных акцентов.

3. Н.С. Валгина указывает на расширение функций двоеточия, относя к функциям этого знака эмфатическую (выразительную), которая активно используется в СМИ. Отмечая броскость, краткость и эффектность таких конструкций, которые встречаются прежде всего в заголовках, ученый указывает на особенность структуры таких предложений: строятся «...они по схеме: название общей проблемы и конкретизирующие ее частные аспекты и детали; место и событие» [1, с. 118]: *Аби: выход на рынок дальнего зарубежья и рост выплат в региональный бюджет* (ЗЕБРА™); *Наука защищать: ВлГУ и Адвокатская палата провели «неделю карьеры» для студентов* (ЗЕБРА™). Вместе с тем это употребление не препятствует реализации основной функции двоеточия – пояснительно-разъяснительной [1, с. 118].

4. К тенденциям современной пунктуации следует отнести и активное использование многоточия в разнообразных функциях. Согласно мнению ученых, «развитие значений многоточия идет по пути

углубления его содержательной сущности: указание на подтекстное содержание, алогизмы, указание на неожиданность и неоправданность каких-либо сочетаний слов и т.п.» [1, с. 125]: *...Я, извини, не приспособлен ломать чьи-то шеи. И вообще: мне голос надо беречь, голос и... репутацию!* (Д. Рубина); *Если в мае квартирную «печку» можно отключить, в сентябре ее не включишь, так как отопительный сезон еще не начался. А еще иногда батареи засоряются... А еще падает давление в системе... А еще... Да мало ли отговорок мы слышали о том, почему в квартире вдруг становится холодно* (ПРОГОРОД).

5. Сужение функции и снижение употребительности некоторых знаков. К таким знакам можно отнести прежде всего точку с запятой, которая, как указывает Н.С. Валгина, утратила многие из своих функций и сфер употребления, отмеченных в XVIII–XIX вв., и используется в настоящее время только в очень распространенных предложениях, и прежде всего в БСП [1, с. 111]. Справедливость этой точки зрения доказывает то, что в рассматриваемых текстах средств СМИ практически не встречается данный знак препинания. О сужении сферы действия других знаков препинания, на наш взгляд, следует говорить очень осторожно, так как во многих случаях речь идет о вариативном употреблении, например, тире и двоеточия в некоторых типах конструкций: при однородных членах с обобщающим словом, в БСП и др. Хотя, по наблюдениям Е.А. Кузнецовой, в некоторых случаях можно говорить о том, что тире вытесняет двоеточие в случаях, «когда вторая часть бессоюзного предложения имеет значение основания, причины того, о чем говорится в первом предложении» [7, с. 324].

6. В то же время в текстах рекламы, публицистики и особенно художественной литературы активно используется прием, заключающийся в полном или частичном исключении знаков препинания. Это дает возможность собственного интонирования читающим текста, возникновению множественности смыслов [9, с. 5]: *Кому важно сделать прививку* (Ва-БанкЪ);

*как преступника тянет на место пре
красну девицу в терем на красный свет
пешехода к зебре дитя на свет
божий тянет меня к тебе* (Е. Орлов. ЮЛОВАЙ).

Справедливым представляется замечание Н.Л. Шубиной о том, что «для русской традиции характерно обращение к особому пунктуационному оформлению текста для выражения экспрессии, подтекстового смысла» [2, с. 12].

Заключение. Таким образом, пунктуационные нормы, достаточно стабильные, складывающиеся на протяжении многих десятилетий и даже веков, в настоящее время подвергаются значительным изменениям. Для современной русской пунктуации характерно усиление роли семантического и интонационного принципов. Формально-грамматический принцип русской пунктуации, отмечаемый многими

лингвистами в качестве ведущего, остается таковым для нормативных знаков препинания. Однако в данный период активно развивается нерегламентированная пунктуация, которая широко представлена в СМИ, рекламных текстах, художественной литературе. На современном этапе развития пунктуационной системы наблюдается стремление использования знаков препинания для выражения чувств, эмоций пишущего, для привлечения внимания читателей, формирования множественности смыслов, в том числе и подтекстовых, а также других целей. Таким образом, пунктуация в большей степени становится антропоцентричной, так как пишущий при помощи знаков препинания не столько стремится точно передать мысль, сколько обратить внимание на эмотивную и экспрессивную сторону высказывания, заставить читающего участвовать в создании смыслов самому. Это приводит к расширению сфер применения и функций одних знаков (например, тире, многоточие, точка, восклицательный и вопросительный знаки), сужению других (точка с запятой), изменению функций третьих (двоеточие).

Литература

1. Валгина, Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Высш. шк., 2004. – 259 с.
2. Шубина, Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учебник для студентов высш. учеб. заведений / Н.Л. Шубина. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – 256 с.
3. Валгина, Н.С. Современный русский язык. Синтаксис / Н.С. Валгина. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
4. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.
5. Шубина, Н.Л. Новые тенденции в пунктуационно-графическом оформлении русского текста / Н.Л. Шубина // Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация. Хрестоматия научных работ / авт.-сост.: С.В. Друговойко-Должанская, М.Б. Попов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – С. 420–421.
6. Тискова, О.В. Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Тискова. – Барнаул, 2004. – 24 с.
7. Кузнецова, Е.А. К вопросу о современных тенденциях в русской пунктуации (на примере вариативного использования тире и двоеточия в современном русском языке) / Е.А. Кузнецова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – № 5. – С. 320–324.
8. Юдина, Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис – эволюция – прогресс? / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
9. Захарова, Е.О. Нерегламентированная пунктуация как признак рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.О. Захарова. – Томск, 2010. – 24 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Семантическое развитие глаголов движения в русском языке

Стариченок В.Д.

Учреждение образования «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка», Минск

В статье рассматриваются актуальные для современной лингвистической науки вопросы, связанные со смысловым развитием глаголов движения.

Цель работы – установить основные закономерности смыслового развития полисемантических глаголов движения в русском языке.

***Материал и методы.** Материалом для исследования послужили глагольные единицы русского языка со значением движения и перемещения в пространстве, в смысловых структурах которых фиксируются вторичные лексико-семантические варианты. При решении поставленных задач были использованы дефиниционно-семантический, описательный, контекстуальный методы, а также элементы компонентного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** В нашем исследовании характеризуются глагольные единицы русского языка со значением движения по земле, воде и воздуху, в смысловых структурах которых в результате семантической деривации образуются вторичные лексико-семантические варианты. Устанавливаются различные виды отождествлений и сравнений семантики глаголов движения с экзистенциальной, социальной, ментальной, темпоральной, квантитативной, метеорологической, звуковой, финансово-экономической и другими сферами бытия человека. Определяются глаголы с широкой и узкой семантической парадигмой, подробно анализируется смысловая структура глагола плыть (плавать), вторичные значения которого объединяются в десять смысловых центров.*

***Заключение.** Глагольные единицы русского языка со значением движения по земной поверхности, воде и воздуху активно включаются в процессы семантической деривации, выступают в качестве структурных единиц донорской сферы и демонстрируют взаимосвязь и взаимообусловленность различных компонентов широкого «двигательного» континуума.*

***Ключевые слова:** глагол, семантика, лексико-семантический вариант, глаголы движения (по суше, воде и воздуху), семантическая деривация, многозначность, русский язык.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 131–134)

Semantic Development of Verbs of Motion in the Russian Language

Starichenok V.D.

Education Establishment “Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University”, Minsk

The article deals with topical issues of modern linguistic science related to the semantic development of verbs of motion.

The purpose of the article is to establish the main patterns of semantic development of polysemantic verbs of motion in the Russian language.

***Material and methods.** The material for the study was the verbal units of the Russian language with the meaning of motion and displacement in space, in the semantic structures of which secondary lexical and semantic variants are fixed. By solving the tasks, definitional-semantic, descriptive, contextual methods, as well as elements of component analysis were used.*

***Findings and their discussion.** In our study, the verbal units of the Russian language with the meaning of motion on land, in water and air are characterized, in the semantic structures of which secondary lexical and semantic variants are formed as a result of semantic derivation. Various types of identifications and comparisons of the semantics of verbs of motion with existential, social, mental, temporal, quantitative, meteorological, acoustic, financial, economic and other spheres of human existence are established. Verbs with a broad and narrow semantic paradigm are identified, the semantic structure of the verb to swim is analyzed in detail, the secondary meanings of which are combined into ten semantic centers.*

***Conclusion.** Thus, verbal units of the Russian language with the meaning of motion on land, in water and air are actively involved in the processes of semantic derivation, act as structural units of the donor sphere and demonstrate the interconnection and interdependence of various components of a wide “motion” continuum.*

***Key words:** verb, semantics, lexical and semantic variant, verbs of motion (on land, in water and air), semantic derivation, polysemy, the Russian language.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 131–134)

Вопросы функционирования глаголов движения, перемещения в пространстве входят в число актуальных проблем, рассматриваемых отечественными и зарубежными лингвистами. В самом широком смысле движение – это неотъемлемое свойство бытия, способ существования материи, важнейший ее атрибут. Движение – это проявление изменчивости вещей, предметов, явлений и событий, непрерывный процесс изменения и развития материального мира, изменение положения материальных частиц и объектов в пространстве и времени. Движение можно считать пятым измерением (после земли, воды, воздуха и огня), своего рода квинтэссенцией – сутью всего, что движется, находится в постоянной динамике и объединяет энергию всего пространства Вселенной и стихии земного существования, все видимые процессы материального мира и неосознаваемые, невидимые чувственные и мыслительные процессы духовного мира человека.

Различные формы движения и перемещения находятся в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей, которые руководствуются разными принципами при отборе лексического материала, используют разные подходы к описанию процесса движения [1–5]. Однако до сих пор нет определенной стабильности в использовании глагольной терминологии, нет единого мнения о принципах разграничения тематических групп глаголов, отсутствуют специальные работы, посвященные всестороннему анализу семантических структур глаголов движения, выявлению специфики их вовлечения в процессы семантической деривации. Поэтому исследование глаголов движения в их вторичной семантической функции является актуальным и востребованным в современной научной парадигме. Цель статьи – установить основные закономерности смыслового развития полисемантических глаголов движения в русском языке.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили глагольные единицы русского языка со значением движения и перемещения в пространстве, в смысловых структурах которых фиксируются вторичные лексико-семантические варианты (в дальнейшем – ЛСВ). Общетеоретическую и методологическую базу статьи составили труды, посвященные исследованию содержательных компонентов значения глаголов, выявлению смысловых структур лексических единиц и их лексико-семантических вариантов, а также изучению лексико-тематических группировок глаголов. При решении поставленных задач были использованы дефиниционно-семантический, описательный, контекстуальный методы, а также элементы компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение. Глаголы движения и перемещения в пространстве образуют сложную многомерную группу, которая характеризуется открытостью и способностью образовывать вторичные ЛСВ (в дальнейшем – ЛСВ) других тематических

групп, что в определенной степени способствует пополнению этой группы новыми элементами и обеспечивает единство и непрерывность семантического континуума глагола. Такие глаголы в языковом сознании человека чаще всего отражаются в движении по твердой поверхности (*идти, бежать, бродить, ползти, плестись*), перемещении по водной поверхности (*плавать, течь, нырять, тонуть*), движения в воздушной среде (*лететь, парить, взлетать, опускаться*). Характер смыслового развития таких глаголов зависит от их социальной и коммуникативной значимости, которая прежде всего отражается в соответствующих денотативных пространствах.

Специфика семантической деривации глаголов движения заключается в репрезентации многочисленных семантических моделей, исходная донорская сфера в которых носит постоянный характер и отражает различные формы и виды движения. Семантика первичных ЛСВ этой сферы может выявлять определенные пути и сценарии развития семантической деривации, что позволяет прогнозировать эволюцию значения слова. Поэтому в ряде случаев семантически близкие первичные ЛСВ образуют примерно одинаковые по семантике вторичные ЛСВ. Реципиентная (итоговая, результативная) понятийная сфера в таких семантических моделях, наоборот, носит непостоянный, изменчивый характер, отражающий практически всю реальность бытия человека и всего того, что его окружает. При метафорической проекции в реципиентной сфере сохраняются не только смысловые компоненты исходной сферы движения, но и их коннотативный потенциал, что создает большие возможности для формирования вторичных эмоционально-оценочных ЛСВ [6, с. 16].

Движение по твердой поверхности как естественное движение человека по суше считается наиболее актуальным в его жизнедеятельности (по сравнению с плаванием или полетом). Именно поэтому глаголы *идти, ходить, бежать* и др. обладают мощным потенциалом семантического варьирования и образуют многочисленные вторичные ЛСВ. Так, практически все ЛСВ глагола *идти* объединены семантическим инвариантом ‘находится в состоянии движения, действия’, который в определенных контекстуальных ситуациях дифференцируется и отражает более детальные и конкретные фрагменты движения в пространстве. Значения этого глагола тесно связаны с категориями пространства и времени (*девушка идет по дороге, автобус идет в Минск, дорога идет через лес, письма идут долго, весна уже идет, фильм идет почти два часа*). Конкретное физическое движение в пространстве может вызвать ассоциативные звуковые представления о разных процессах речевой деятельности. В таких случаях глагол *идти* теряет свое лексическое значение и в сочетании с существительными *звук, песня, речь, беседа, молва* выражает специфику звучания чего-либо, процесса ведения разговора, его истинности или ложности (*идет плавная беседа,*

речь идет о военных событиях). Различные параметры этого глагола могут переноситься в мир межличностных отношений и социального пространства, а также на выражение фрагментов метеорологических, экзистенциальных, психических, ментальных, экономических и других процессов (*идти в ногу со временем, идти своим путем, идти на риск, идет жизнь, жизнь прошла, идут дожди, мысли шли одна за другой, идти на хитрость, товары идут на экспорт, зарплата идет на выплату долга*).

Глагол *ходить* ‘обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)’ во многих случаях дублирует вторичные ЛСВ глагола *идти*, которые развиваются по аналогичным для слова *идти* семантическим моделям (*ходить в очках, ходить босиком, ходить в гости, ходить гулять, по всей линии ходили поезда, месяц ходил по небу, письмо пошло ходить из рук в руки, гул от множества голосов волнами ходил по большой аудитории, нехорошие вести ходят в народе*).

На основе исходного ЛСВ глагол *бежать* ‘быстро передвигаться, сильными толчками ног отделяясь от земли’, образовались семантические дериваты, представляющие акциональную, локативную, темпоральную, экзистенциальную и ментальную семантические сферы (*тропинка бежит в гору, дорога змейкой бежала снизу вверх, всюду бежали ручьи, облака бегут над морем, годы бегут, бежит время, мысли бегут*).

Глаголы движения в воздушном пространстве, недостаточно освоенном человеком, проявляют наименьшую активность семантической деривации и образуют небольшое количество вторичных ЛСВ. Движение в воздухе отождествляется с теми сторонами физической и психической деятельности человека, которые предполагают развитие, изменение, развертывание, быстроту, что в языке представлено временными, мыслительными, звуковыми, обонятельными и другими вторичными ЛСВ. Доминирующим среди таких лексических единиц является глагол *летать* ‘передвигаться, перемещаться в воздухе’, в семантической структуре которого выделяются вторичные ЛСВ со следующими семантическими маркерами:

а) быстрота передвижения по земле (*люди не бежали, а просто летели; машины летели и ослепляли нас потоком лучей*);

б) временной показатель, быстрота течения времени (*время и наша жизнь, как стрела, летят вперед; в тридцать лет жизнь летит, как поезд*);

в) ментальные операции, связанные с быстрой, концентрацией мысли (*мои мысли летели домой, к матери; мысли его летели куда-то далеко*);

г) характер распространения звуков в воздухе (*песня, летящая над землей; потоки слов бегут и летят*).

Глаголы движения в воде, которая является нехарактерной для человека средой, характеризуются неширокой смысловой углубленностью и небольшими смысловыми парадигмами. Исключением является

глагол *плыть (плавать)*, вторичные ЛСВ которого объединяются в десять смысловых центров.

1. В первом из них очерчено движение переносится из водной сферы в воздушную и распространяется на явления природы (облака, туман, дым). В таких случаях вторичная семантика глагола подразумевает определенный способ движения и перемещения, при котором предмет движется тихо и спокойно (иногда незаметно для глаза) и почти сливается с поверхностью. Примерно такая же семантика наблюдается в выражениях с существительным *ночь* (*ночь плыла над деревней, сентябрьская ночь плыла над полями, ночь плыла над Минском*).

2. Водно-воздушные ЛСВ изображают движение птиц, небесных тел, летательных аппаратов (*аисты снова плавали под облаками, луна тихо плывет по небу, в небе плавали огромные свинцовые тучи*).

3. В переносных значениях глагола *плавать* третьего смыслового центра водная сфера заменяется земной, а в смысловых структурах актуализируется определенное движение людей (обычно плавное, замедленное) и транспортных средств (*плыл поток людей, сплошной поток войск плывет по главной улице, по холмистой низине ржи плыл комбайн*).

4. Четвертый смысловой центр представлен вторичными экзистенциальными ЛСВ, выявляемыми чаще всего в составе устойчивых выражений (*плыть по течению, плыть против течения*).

5. Пятый семантический центр объединяет звуковые ЛСВ по принципу их корреляции с распространением в воздухе. При семантической деривации в этих случаях меняется не только среда (вода на воздух), но и тип предмета: ведь движутся не физические объекты, а звуки, причем звуки спокойные, медленные, не резкие (*над рекой плыла мелодия очень знакомой песни, тоскливые звуки гитары плыли в полумраке теплой комнаты*).

6. В шестом смысловом центре внимание концентрируется на запаховых (одорических) символах (*плыл легкий запах цветущей вишни, в воздухе плавали ароматы цветущих садов*).

7. В седьмом смысловом центре ЛСВ объединяются ментальным признаком, обозначаемом маркерами ‘память человека’, ‘его мысли, образные идеи’ и т.д. (*мысли плывут по своему кругу, мысли плывут длинным потоком*).

8. Восьмой смысловой центр носит темпоральный характер и отражается в формуле «все течет, все меняется» (*время летит быстро, и мы не будем с этим спорить*).

9. Устойчивый характер приобретает выражение *плавать на экзамене* в значении ‘не иметь достаточных знаний, не разбираться в чем-либо, говорить, отвечать наугад, неуверенно, слабо отвечать на экзаменационные вопросы’.

10. Фрагмент современных финансовых отношений раскрывается в контексте с существительным *деньги* (*через этот отдел плывут миллиарды денег, цены на товары плавают*).

Заключение. Таким образом, глагольные единицы русского языка со значением движения по земной поверхности, воде и воздуху активно включаются в процессы семантической деривации, выступают в качестве структурных единиц донорской сферы и демонстрируют взаимосвязь и взаимообусловленность различных компонентов широкого «двигательного» континуума. Семантическое развитие таких глаголов осуществляется в результате трансформаций интегрального признака ‘изменение местоположения в пространстве’, в результате чего образуются вторичные метафорические ЛСВ, в которых водная стихия движения заменяется на воздушную или земную (и наоборот). Одной из причин таких трансформаций считается экстралингвистическая реальность, где плавающие на поверхности воды предметы воспринимаются носителями языка как предметы, движущиеся в воздухе или по земле.

Многие глагольные номинации движения характеризуются широкими смысловыми парадигмами и включают в свой состав более 10 переносных ЛСВ (*идти, ходить, бежать, плавать, течь*), которые в определенной степени раскрывают фрагменты языковой картины мира.

Практически во всех глагольных номинациях, связанных со средой движения по земле, воде, воздуху, реализуется темпорально-философская семантическая модель «движение → время, жизнь» (*годы идут, время бежит, часы и дни текут, мгновения текут, годы текут, время летит, жизнь мчится, несутся дни и недели, жизнь прошла*). Восприятие движения как способа бытия явлений физического мира – основа для переноса представлений о движении в сферу межличностных отношений (*идти против кого-либо, идет против своей совести, идти замуж, он шел на компромисс, расходиться во взглядах*). Глаголы движения играют важную роль в представлении ментальной сферы, мыслительной деятельности человека, которая, не имея внешних показателей движения,

отражает специфику формирования мысли, ее направленности (*мысли плывут, летят, гонятся друг за другом*). Вторичные ЛСВ имеют тенденцию выходить за рамки семантики глаголов движения и приобретать другие характеристики, отражающие разные виды звукового континуума (*звуки песни плывут и разливаются по всему саду, песня летит из окон дома, по деревне ходит нехороший слух, речь идет о новом проекте*). Глаголы движения также экстраполируют часть своей семантики на количественную (*по улице плывет море людей, огромными потоками бежит вода*), физиологическую (*падает пульс, плывет всевокруг*), психическую (*падает настроение, по спине бежит холодок*), одорическую (*плывет запах сирени*), метеорологическую (*дождь идет, плывут туманы*), финансово-экономическую (*товары идут на экспорт, идет погашение кредитов*) и другие сферы.

Литература

1. Аверьянова, А.Н. Глаголы движения (перемещения) в современном русском языке / А.Н. Аверьянова // Исследования по грамматике русского языка. – Вып. № 77. – Л.: Изд-во ЛГУ, 2010. – С. 39–49.
2. Майсак, Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т.А. Майсак. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – 478 с.
3. Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – 520 с.
4. Чепасова, А.М. Глаголы в современном русском языке / А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. – М.: Флинта, 2017. – 408 с.
5. Ярема, Е.В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: на материале русского, английского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Ярема; Адыг. гос. ун-т. – Армавир, 2008. – 23 с.
6. Стариченок, В.Д. Человек в белорусском языковом континууме / В.Д. Стариченок. – Минск: Колорград, 2018. – 292 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Механізмы рэгулявання кампенсаторнай функцыі кампанентаў у канструкцыях з эліпсісам дзеяслова

Чайка Н.У.

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка», Мінск

Актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю ўстанавіць спецыфіку спосабаў эксплікацыі прэдыкатывых значэнняў у эліптычных сказах і ўмовы іх функцыянавання.

Мэта даследавання – выявіць і структураваць мадэлі рэгулявання кампенсаторнай функцыі кампанентаў у канструкцыях з эліпсісам дзеяслова.

Матэрыял і метады. Матэрыял даследавання – беларуская мастацкая проза XX–XXI стагоддзяў. Выкарыстоўваліся апісальны метады, кампанентны аналіз, трансфармацыйны метады, сінтаксічныя мадэляванні, дыстрыбутывы і стыстычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Кампенсаторная функцыя прэдыкатывых частак поліпрэдыкатывых і ўскладненых сінтаксічных адзінак і кампанентаў у структуры звышфразавыя адзінства рэгулюецца структурна-сэнсавымі моўнымі механізмамі. Структураванне сінтаксічнага аб'екта ў семантычныя мадэлі і структурныя схемы заснавана на фармальных моўных механізмах. Кампенсаторная функцыя кампанентаў на аснове семантычнай тоеснасці і ўзгаднення рэгулюецца сэнсавымі механізмамі.

Заключэнне. Моўныя механізмы рэгулююць кампенсаторную функцыю частак у структуры поліпрэдыкатывых сінтаксічных адзінак з эліпсісам дзеяслова: экспліцытна-паратаксічнага, імпліцытна-паратаксічнага, экспліцытна-гіпатаксічнага, імпліцытна-гіпатаксічнага, камбінаванага відаў; зямічэнне эліпсаванага выказніка функцыянальна тоесным кампанентам ў канструкцыях наступных семантычных тыпаў: дынамічна-лакатыўнага, экзістэнцыяльна-лакатыўнага, лакатыўна-пацыентыўнага, акцыянальна-безаб'ектнага, акцыянальна-дэлібератыўнага, акцыянальна-аб'ектнага пераўтваральнага і інш.; структураванне семантычных тыпаў эліптычных канструкцый у адпаведныя мадэлі і схемы.

Ключавыя словы: эліпсіс, кампенсаторная прыкмета, параметры тыпалогіі, інварыянтныя мадэлі, структурныя, семантычныя мадэлі, тып прэдыката, тэмпаральнасць, мадальнасць, персанальнасць, парадыгма структурна-сінтаксічных мадыфікацый, канструкцыі з імпліцытнай семантыкай, сінтаксічнай рэдукцыяй, кампрэсіяй, парцэляцыя.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 135–139)

Mechanisms for Regulating the Compensatory Function of Components in Constructions with an Ellipsis of the Verb

Chaika N.V.

Education Establishment “Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University”, Minsk

The relevance of the study is due to the need to establish the specifics of the ways of explication of predicative meanings in elliptic sentences and the conditions of their functioning.

The purpose of the research is to identify and structure models for regulating the compensatory function of components in constructions with an ellipsis of the verb.

Material and methods. The material of the study was the Belarusian fiction of the 20th–21st centuries. The descriptive method, component analysis, transformational method, syntactic modeling, distributive method and statistical method were used.

Findings and their discussion. The compensatory function of the predicative parts of the polypredicative and complicated syntactic units and components in the structure of the supra-phrasal unity is regulated by structural and semantic linguistic mechanisms. Structuring of a syntactic object into semantic models and structural schemes is based on formal language mechanisms. The compensatory function of components based on semantic identity and agreement is regulated by semantic mechanisms.

Conclusion. Linguistic mechanisms regulate the compensatory function of parts in the structure of polypredicative syntactic units with the ellipsis of the verb: explicit-paratoxic, implicit-paratoxic, explicit-hypotoxic, implicit-hypotoxic, combined types; replacement of an elliptic predicate with a functionally identical component in constructions of the following semantic types: dynamic-locative, existential-locative, locative-patient, promotional-objectless, promotional-deliberative, promotional-object transformative etc.; structuring of semantic types of elliptical structures in the corresponding models and schemes.

Key words: ellipsis, compensatory feature, typology parameters, invariant models, structural and semantic models, predicate type, temporality, modality, personality, paradigm of structural and syntactic modifications, constructions with implicit semantics, syntactic reduction and compression, parcellation.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 135–139)

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы на сучасным этапе выклікала значнае пашырэнне адзінак дынамічнага сінтаксісу: канструкцый з эліпсісам дзеяслова, парцэляваных канструкцый, канструкцый з імпліцытнай семантыкай, з сінтаксічнай рэдукцыяй і кампрэсіяй, вытворных канструкцый, падпарадкаваных універсальным філасофскім законам актуалізацыі неабходнай інфармацыі. Антрапацэнтрычны характар сучасных моўных працэсаў выклікаў тэндэнцыю да ўдасканалення механізмаў рэгулявання моўнай сістэмы, што паўплывала на карэляцыю паміж развіццём мыслення і матэрыяльнымі сродкамі яго выражэння. У сувязі з гэтым тыпалагічнае апісанне адзінак дынамічнага сінтаксісу з выяўленнем спецыфікі моўных з’яў і заканамернасцей іх функцыянавання стала адным з прыярытэтных напрамкаў айчыннага і замежнага мовазнаўства. Гэту працу ў поўным аб’ёме магчыма ажыццявіць толькі з дапамогай вытлумачальнага патэнцыялу тыпалагічнай характарыстыкі аб’екта і метадалогіі, якая выяўляе сутнасць і прыроду сінтаксічнай з’явы.

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы тлумачыцца агульнымі тэндэнцыямі сучаснасці – эканоміі моўных сродкаў, дыстынктнасцю выказвання, тэндэнцыяй да аналітызму і патрэбай інфармацыйнага акцэнтавання. Названыя фактары абумоўліваюць шырокае функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый – канструкцый няпоўных, эліптычных, вытворных, рэдукаваных, парцэляваных і сегментаваных, а таксама з імпліцытнай семантыкай. Сінтаксічная сістэма беларускай мовы імкліва мяняе аблічча – канструкцыі набываюць структурную фрагментарнасць, сінтаксічныя сувязі і адносіны нейтралізуюцца, канструкцыі скарачаюцца да памеру рэплікі, прэдыкатыўнасць выражаецца сродкамі кантэксту або імпліцытна, часцей назіраецца «другаснае прэдыцыраванне» ў сказах розных структурных тыпаў. Таму падобныя з’явы выклікаюць цікавасць даследчыкаў на сучасным этапе.

Механізмы рэгулявання кампенсаторнай функцыі вывучаліся прадстаўнікамі розных школ і напрамкаў – структурнай лінгвістыкі (Дж. Арма, М. Вішнеўскі, А.В. Грудзева, А.М. Мухін, Т.Д. Шабанова) [1–5], семантычнага напрамку ў мовазнаўстве (К. Карлсан, П.А. Лекант, Г.А. Золатава) [6–8], функцыянальнага напрамку даследавання (Т.А. Коласава, Я.У. Лісо-

чанка, С.С. Дзікарова, Б. Хаўнспергер, А. Унішэўска) [9–12]. Даследчыкі рабілі акцэнт на з’явах сінтаксічнай непаўнаты, вытлумачальным патэнцыялам пры гэтым служыла тыпалагічная характарыстыка аб’екта лінгвістыкі з улікам адпаведных параметраў упарадкавання. У працах таксама ўкараналася пытанне дыстынктнасці выказвання, аб’ектам вывучэння пры гэтым выступалі парцэляцыя, сегментацыя.

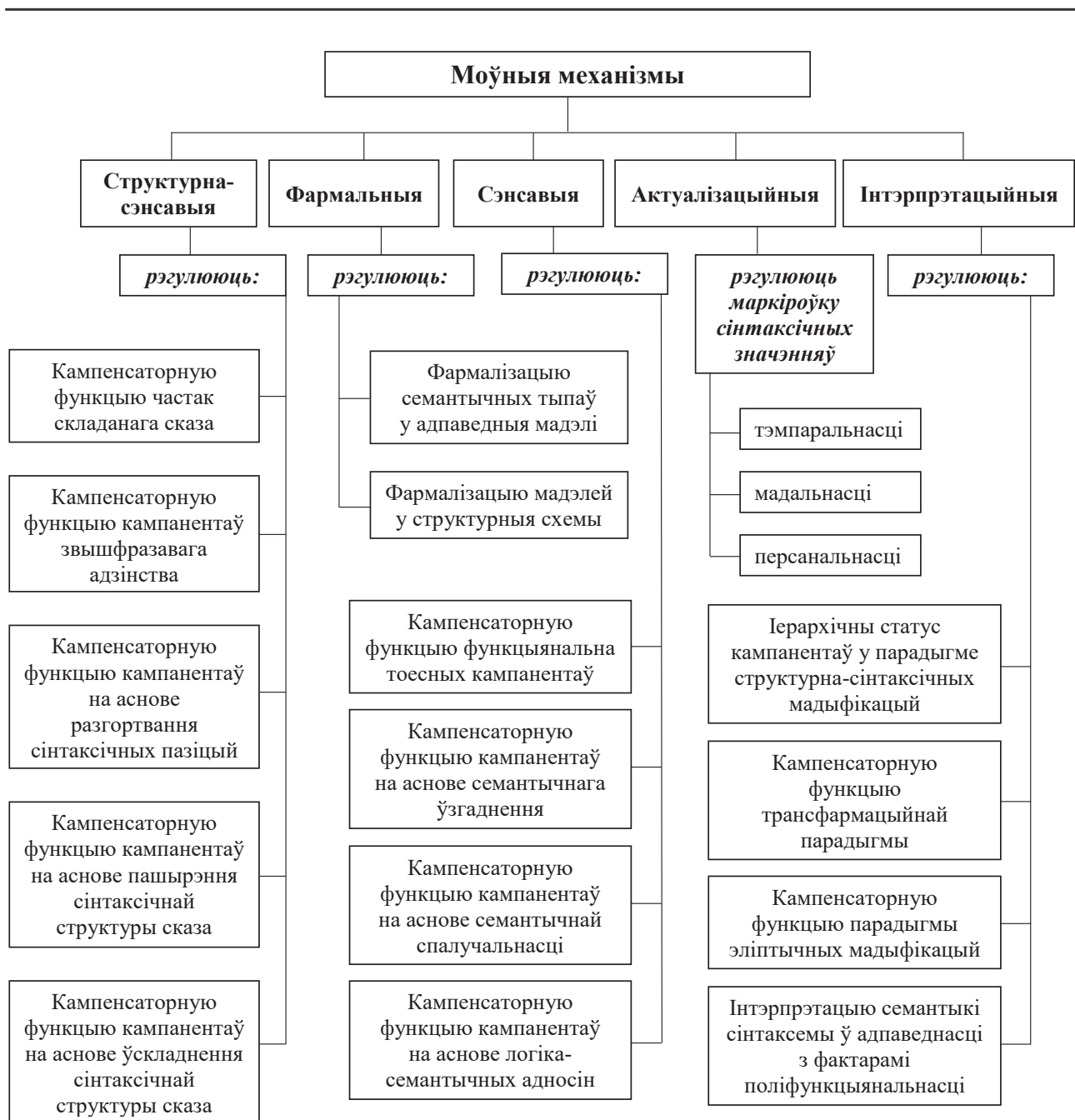
Нягледзячы на значную колькасць прац па актуальных працэсах у сінтаксічных сістэмах розных моў, на беларускамоўным матэрыяле падобныя даследаванні не праводзіліся. Актуальнасць такога аналізу абумоўлена неабходнасцю выявіць асноўныя механізмы функцыянавання структурна-сінтаксічных мадыфікацый.

Мэта даследавання – выявіць механізмы рэгулявання кампенсаторнай функцыі кампанентаў у канструкцыях з эліпсісам дзеяслова.

Матэрыял і метады. Сістэма моўных механізмаў адлюстроўвае законы і заканамернасці, што рэгулююць функцыянаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Кампенсацыя эліпсіса ажыццяўляецца з дапамогай моўных сродкаў розных узроўняў – сінтаксічнага, марфалагічнага, лексічнага, фанетычнага, таксама можа быць абумоўлена логіка-семантычнымі фактарамі (імпліцытнай семантыкай). Клас моўных механізмаў, што рэгулююць функцыянаванне эліптычных канструкцый, паводле якаснага і колькаснага складу не мае аналагаў у сінтаксічнай сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы (мал.).

Вынікі і іх абмеркаванне. *Структурна-сэнсавыя моўныя механізмы* рэгулююць структурна-сістэмную абумоўленасць функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова.

Структурныя фактары праяўляюцца ў кампенсацыі сэнсу сказа шляхам разгортвання сінтаксічных пазіцый, а таксама ва ўзаемадзеянні кампанентаў у структуры звышфразавога адзінства. Сэнсавыя фактары рэалізуюцца ў сэнсавай спалучальнасці або ва ўзгадненні структурных кампанентаў (а гэта залежыць ад характару сінтаксічнай сувязі). Выражаны характар механізм структурна-сэнсавога рэгулявання набывае ў канструкцыях з поліфункцыянальным характарам залежных словаформ, дзе адзіным сродкам маркіроўкі сэнсу выступае структурны кампанент – аднародныя выказнікі, адасобленыя члены, параўнальны зварот, устаўная канструкцыя і інш.

Мал. Механізмы рэгулявання кампенсаторнай функцыі кампанентаў

Сутнасць структурна-сэнсавога рэгулявання заключаецца ў вызначэнні кола лексем, што могуць узгадняцца з залежнай словаформай і замяшчаць сінтаксічную пазіцыю выказніка. Сэнсавое ўзгадненне (у адрозненне ад сэнсавай спалучальнасці, якая рэалізуецца пераважна на базе падпарадкавальнай сувязі) структурна абумоўлена і можа ажыццяўляцца на аснове паратаксічнай сінтаксічнай сувязі: *Міхась доўга – на раку за вёскай і адарвацца не можа* (Б. Мікуліч), паўпрэдыкатыўнай: *Над вёскай белыя воблачкі, час ад часу спыняючыся* (Я. Брыль), далучальнай: *Трэба было пахаваць паклажу. І Лявон – у хату да дзеда Саўкі, і не што-небудзь, а ваенную маёмасць* (Г. Далідовіч), інтрадуктыўнай: *Іван Сідаравіч пра ўсё – з інтарэсам*

(*а слухаць ён любіў*) («Белая Русь»). Наяўнасць скрытай прэдыкатыўнасці ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова дазваляе на аснове параўнальнай сувязі «ўзгадніць» магчымае лексічнае напаўненне эліпсаванага дзеяслова: *Над намі воблакі, нібы імклівыя белыя лебедзі*. Падпарадкоўваецца структурна-сэнсавым механізмам і ўзаемадзеянне кампанентаў у структуры звышфразавога адзінства на аснове логіка-семантычных або семантыка-сінтаксічных адносін: *Яшчэ ў мяне старэйшая сястра. Без яе цяжка было б пражыць* (Г. Далідовіч).

Функцыянаванне складаных канструкцый з эліпсісам дзеяслова абумоўлена падключэннем яшчэ і сінтаксічных адносін, на аснове якіх ажыццяўляецца

семантичнае ўзгадненне або спалучальнасць. Абавязковай умовай рэалізацыі сэнсавага ўзгаднення выступае сінтаксічны паралелізм, які назіраецца ў складаных сказах розных відаў з адносінамі адначасовасці, паслядоўнасці, неадпаведнасці і інш.: *Жыта – у Хведарава гумно, авёс і пшаніцу – у Грыбковае, грэчку і проса – да Алёшы Губатага* (І. Мележ) або ў канструкцыях з канстантнай маркіроўкай семантыкі: *За невялічкай паласой лесу – паляна, і там жа, побач з ёй, – малады дубоўнік* (І. Стадольнік).

Механізм сэнсавай спалучальнасці рэгулюе функцыянаванне разнавіднасцей поліпрэдыкатыўных адзінак з сінтаксічным падпарадкаваннем, гэта значыць з адносінамі аб'ектнымі, атрыбутыўнымі, акалічнаснымі і інш.: *Калі старшыня сказаў, што надзел пойдзе пад калгас, мы не адразу наверылі, што гэта ён нам* (І. Мележ). Аналагічным чынам рэгулюецца функцыянаванне самастойных сінтаксічных адзінак у структуры звышфразовага адзінства, заснаванае на прычынных, мэтавых, умоўна-выніковых і іншых адносінах: *А я думаю: прыйду з вайны, хату добрую пастаўлю. Каб першыя промні – у нашы вокны* (А. Дударэў). Адрозненні паміж часткамі складанага сказа і кампанентамі звышфразовага адзінства выяўляюцца ў характары аб'ектаў спалучэння. Пры немагчымасці рэгуляваць функцыянаванне з дапамогай семантыка-сінтаксічных адносін падключаюцца логіка-семантычныя, якія, у адрозненне ад сінтаксічных, падразумяваюць віды рэфэрэнтнай аднесенасці прэдыкатаў і аб'ектаў і змену іх лексіка-граматычнага класа і сінтаксічнай функцыі: *Глядзеў на вуліцу і бачыў: па Крывой праязджалі дзве фурманкі. Каля пярэдняй – селянін у зімовай салдацкай шапцы, у суконнай жакетцы, нізенькі. Другі – у адной картовай сарочцы* (С. Баранавых). Значыць, базавымі механізмамі рэгулявання іх функцыянавання будуць выступаць спалучэнне і ўзгадненне адначасова. Спалучэнне рэалізуецца ў абмежаванні лексем на месцы незамешчанага сінтаксічнага пазіцыі выказніка адносна лакатыва *каля пярэдняй* у дадзеным выпадку. Механізм узгаднення рэгулюе адсутнасць супярэчнасці паміж граматычна адрозным, але сэнсава падобным прэдыкату кампанентам-лакатывам.

Фармальныя моўныя механізмы рэгулююць фармалізацыю сістэмы семантычных тыпаў канструкцый з эліпсісам дзеяслова – пабудову мадэлей і структурных схем у строгай адпаведнасці з тыпам прэдыката. Фармалізацыя адыгрывае важную ролю ў выяўленні семантычнай тыпалогіі канструкцый эліпсісам дзеяслова. Тыповы характар набываюць не сінтаксемы (як лічыць большасць даследчыкаў), а семантычныя кампаненты і мадэлі. Напрыклад, мадэль *данатар – прэдыкат – рэцыпіент – данатыў* указвае на семантыку актыўнага непераўтваральнага ўздзеяння, *агенс – прэдыкат – дырэктыву-фініш* – на семантыку руху. Фармалізацыя прадастаўляе зручны спосаб аналізу і класіфікацыі семантычных тыпаў

канструкцый з эліпсісам дзеяслова на ўзроўні мадэлей без уліку канкрэтнага лексічнага напаўнення. Пабудова структурных схем дазваляе сістэматызаваць увесь арсенал структурна-сінтаксічных сродкаў, з дапамогай якіх рэалізуецца тая ці іншая мадэль. Фармалізацыя выступае адзіным магчымым спосабам выяўлення ступені частотнасці і прадуктыўнасці мадэлей.

Сэнсавыя моўныя механізмы рэгулююць замяшчэнне эліпсаванага выказніка семантычна тоесным кампанентам (які і выступае ў якасці паказчыка), дзейнічаюць выключна на ўзроўні семантычнай мадэлі канструкцыі і абумоўлены законамі семантычнай спалучальнасці і семантычнага ўзгаднення. Якасны склад мадэлі рэгулюецца тыпам прэдыката і не дапускае «чужых» кампанентаў. Зрэдку назіраюцца выпадкі, калі кампанент выкарыстоўваецца ў некалькіх семантычных тыпах (напрыклад, пацыентыў у канструкцыях з семантыкай перамяшчэння і актыўнага дзеяння, спосаб у канструкцыях з семантыкай актыўнага дзеяння і руху і інш.). Аднак семантычна тоесны кампанент набывае тыпізаваны характар, напрыклад, паказчыкам семантыкі руху выступае адзін з лакатыўных кампанентаў (дырэктыву-фініш) або, пры яго адсутнасці, – медыятыў: *Я – у вёску і Я – пехатой*.

Сэнсавыя моўныя механізмы рэгулююць функцыянальны дыяпазон словаформ у парадыме эліптычных сінтаксічных мадыфікацый з імпліцытнай семантыкай. Сутнасць падобнага рэгулявання заключаецца ў здольнасці кампанента набываць імпліцытную семантыку на аснове логіка-семантычнага ўзаемадзеяння. Сінкрэтычны характар словаформ (калі іх форма і функцыя не супадаюць) значна пашырае функцыянальны дыяпазон базавых канструкцый. Напрыклад, словаформа *пасадыць (моркву)* можа набываць функцыю інфінітыва: *Маці пайшла павярнуць сена. Я – пасадыць моркву і тэмпаратыва (імпл.): – Ты – надоўга? – Толькі пасадыць моркву і назад*, другая з якіх кваліфікуецца як імпліцытная.

Актуалізацыйныя моўныя механізмы рэгулююць эксплікацыю сінтаксічных значэнняў тэмпаральнасці, мадальнасці і персанальнасці ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова. Прэдыкатыўныя катэгорыі кваліфікаваліся як паняцыйныя (Г.А. Золатава), ацэначныя (Л.І. Бурак), семантыка-граматычныя (Т.Р. Рамза). Аднак адсутнасць базавага сродку выражэння названых значэнняў дае падставы нам кваліфікаваць іх як актуалізацыйныя ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова. Эксплікацыя значэнняў тэмпаральнасці, мадальнасці і персанальнасці абумоўлена сінтаксічнымі (сінтаксічны паралелізм і сінтаксічныя адносіны), структурнымі (наяўнасць дэтэрмінаванага члена сказа), лексічнымі (лексічны спосаб выражэння тэмпаральнасці і персанальнасці) і фанетычнымі (інтанацыя) фактарамі. Адметнасць актуалізацыйных моўных механізмаў заключаецца ў здольнасці іх выкарыстоўваць рознаўзроўневыя моўныя адзінкі

ў якасці функцыянальнага эквіваленту базаваму сродку – дзеяслову і аб'яднаць іх у сістэму кампенсаторных сродкаў на аснове адпаведных параметраў.

Інтэрпрэтацыйныя моўныя механізмы рэгулююць спосабам эліпсавання іерархічную арганізацыю камунікатыўна значных кампанентаў і сінанімічныя пераўтварэнні сінтаксічнай адзінкі. Яны вызначаюць функцыянальны дыяпазон словаформ у парадыгме эліптычных сінтаксічных мадыфікацый з катэгарыяльнымі зменамі і сінанімічнымі пераўтварэннямі кампанента. Семантычная функцыя словаформы інтэрпрэтуецца ў адпаведнасці з кантэкстуальнымі фактарамі (катэгарыяльныя змены) або трансфармацыйнай парадыгмай (сінанімічныя пераўтварэнні).

Заклучэнне. Сістэма моўных механізмаў адлюстроўвае заканамернасці, што рэгулююць функцыянаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Кампенсацыя эліпсіса, што ажыццяўляецца з дапамогай моўных сродкаў розных узроўняў – сінтаксічнага, марфалагічнага, лексічнага, можа быць абумоўлена логіка-семантычнымі і семантыка-сінтаксічнымі фактарамі.

Аналіз паказаў, што моўныя механізмы рэгулююць кампенсаторную функцыю частак у структуры поліпрэдыкатывых сінтаксічных адзінак з эліпсісам дзеяслова:

- экспліцытна-патаксічнага, імпліцытна-патаксічнага, экспліцытна-гіпатаксічнага, імпліцытна-гіпатаксічнага, камбінаванага відаў;

- замяшчэнне эліпсаванага выказніка функцыянальна тоесным кампанентам, які выступае ў якасці паказчыка семантыкі ў канструкцыях наступных семантычных тыпаў: дынамічна-лакатыўнага, экзистэнцыяльна-лакатыўнага, лакатыўна-пацыентыўнага, акцыянальна-безаб'ектнага, акцыянальна-дэлібератыўнага, акцыянальна-аб'ектнага пераўтваральнага, акцыянальна-аб'ектнага непераўтваральнага, экзистэнцыяльна-тэмпаральнага, статальнага, рэляцыйнага;

- структураванне семантычных тыпаў эліптычных канструкцый у адпаведныя мадэлі і схемы.

Літаратура

1. Harma, J. Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. Wiśniewski, M. Przegląd równoważników zdania znamiennych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.
3. Мухин, А.М. Структура предложений и их модели / А.М. Мухин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 230 с.
4. Шабанова, Т.Д. Предложение и его лимитативные модели: учеб. пособие к спецкурсу / Т.Д. Шабанова. – М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1985. – 82 с.
5. Carlson, K. Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York; London: Routledge, 2002. – 227 p.
6. Грудева, Е.В. Избыточность текста, редукция и эллипсис: (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Грудева; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2008. – 40 с.
7. Лекант, П.А. К проблеме неполных предложений в русском языке / П.А. Лекант // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9: Русский язык и литература. – С. 43–49.
8. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
9. Колосова, Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т.А. Колосова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.
10. Лисоченко, Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой: логич., язык. и прагмат. аспекты / Л.В. Лисоченко; отв. ред. Г.Ф. Гаврилова; Сев.-Кавказск. науч. центр высш. шк. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 152 с.
11. Дикарева, С.С. Системная обусловленность имплицитных смыслов текста / С.С. Дикарева // Исследования по семантике: сб. науч. ст. / Симфероп. гос. ун-т; редкол.: О.М. Соколов (отв. ред.) [и др.]. – Симферополь, 1987. – С. 84–90.
12. Hausperger, B. Sprachökonomie in Grammatik und Pragmatik: die Ellipse / B. Hausperger. – München: Utz, 2003. – IX, 327 s.

Паступіў у рэдакцыю 13.11.2023

Когнітыўна-семантычная катэгарызацыя парэміялагічных адзінак паводле адносін да рэчаіснасці

Іваноў Я.Я.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова”, Магілёў

У артыкуле разглядаецца семантыка парэміялагічных адзінак (прыказак) з пункту гледжання яе адносін да навакольнага свету як аб'екта пазнання, ацэнкі, верыфікацыі і вербалізацыі. Гэта дазваляе дыферэнцыраваць прыказкі на когнітыўна рэлевантныя семантычныя катэгорыі (тыпы) на падставе своеасаблівасці розных спосабаў адлюстравання ў моўнай свядо-масці ўяўленняў аб тыповых сітуацыях рэчаіснасці.

Мэта даследавання – вызначыць і апісаць асноўныя когнітыўна-семантычныя катэгорыі (тыпы) прыказак па крытэрыю “адносін да рэчаіснасці” ў эмпірычным, аксіялагічным, анталагічным і лагічным аспектах.

Матэрыял і метады. *Фактычным матэрыялам даследавання сталі актыўныя прыказкі розных моў (беларускай, рускай, польскай, англійскай). Асновай метадалогіі даследавання паслужыла аўтарская метадыка катэгарызацыі семантыкі афарыстычных адзінак і іх дыферэнцыяцыі на семантычныя тыпы па крытэрыю “адносін да рэчаіснасці”, распрацаваная на падставе метадаў когнітыўнага мадэлявання, канцэптualaнага аналізу, аналізу прататыпаў.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У парэміялагічных адзінках (прыказках) прадстаўлены асноўныя аспекты афарыстычнай катэгарызацыі рэчаіснасці, у адпаведнасці з якімі прыказкавая семантыка дыферэнцыравана на шэсць катэгорый: намалагічная і сентэнцыянальная (у эмпірычным аспекце), трыістычная і грэгерычная (у аксіялагічным аспекце), парадаксальная (у лагічным аспекце) і абсурдная (у анталагічным аспекце). Адпаведна гэтаму вызначаны і апісаны шэсць асноўных когнітыўна-семантычных катэгорый (тыпаў) прыказак паводле адносін да рэчаіснасці. Прыказкі розных когнітыўна-семантычных тыпаў маюць адрозненні ў прататыпах, выкарыстаных для адлюстравання рэчаіснасці ў паняццях і вобразах, з'яўляюцца ў рознай ступені нацыянальна-культурна маркіраванымі.*

Заклучэнне. *Когнітыўна-семантычная катэгарызацыя парэміялагічных адзінак (прыказак) мае агульны характар, паколькі ў розных мовах зафіксаваны аднолькавыя семантычныя тыпы прыказак паводле адносін іх зместу да рэчаіснасці. Даследаванне паказала, што ступень нацыянальна-культурнай маркіраванасці розных когнітыўна-семантычных тыпаў прыказак рэпрэзентуе этнакультурную своеасаблівасць катэгарызацыі і канцэптualaлізацыі рэчаіснасці ў парэміялагічнай карціне свету.*

Ключавыя словы: *когнітыўная семантыка, парэміялогія, прыказка, катэгарызацыя семантыкі, адносін да рэчаіснасці, когнітыўна-семантычны тып, этнакультурная спецыфіка.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 140–150)

Cognitive-Semantic Categorization of Proverbiological Units in Relation to Reality

Ivanou E.E.

Education Establishment “Mogilev State A.A. Kuleshov University”, Mogilev

The article examines the semantics of proverbiological units (proverbs) from the point of view of its relationship to the surrounding world as an object of cognition, evaluation, verification and verbalization. This allows us to differentiate proverbs into cognitively significant semantic categories (types) based on the characteristics of different ways of reflecting ideas about typical situations of reality in the linguistic consciousness.

The purpose of the study is to identify and describe the main cognitive-semantic categories (types) of proverbs according to the criterion of “attitude to reality” in empirical, axiological, ontological and logical aspects.

Material and methods. *The actual material of the study was active proverbs of different languages (Belarusian, Russian, Polish, English). The research methodology is based on the author’s method of categorizing the semantics of aphoristic units and their differentiation into semantic types according to the criterion of “relation to reality,” developed on the basis of cognitive modeling, conceptual analysis and analysis of prototypes.*

Findings and their discussion. *Proverbiological units (proverbs) represent the main aspects of the aphoristic categorization of reality, according to which the semantics of proverbs is differentiated into six categories: nomological and sentential (in the empirical*

aspect), truthistic and gregarious (in the axiological aspect), paradoxical (in the logical aspect) and absurdity (in the ontological aspect). Accordingly, six main cognitive-semantic categories (types) of proverbs are defined and described in their relation to reality. Proverbs of different cognitive-semantic types have differences in prototypes used to reflect reality, concepts and images, and are nationally and culturally marked to varying degrees.

Conclusion. Cognitive-semantic categorization of paremiological units (proverbs) is of a general nature, since the same semantic types of proverbs are recorded in different languages in relation to their content and reality. The study showed that the degree of national-cultural marking of various cognitive-semantic types of proverbs reflects the ethnocultural specificity of the categorization and conceptualization of reality in the paremiological picture of the world.

Key words: cognitive semantics, paremiology, proverb, categorization of semantics, attitude to reality, cognitive-semantic type, ethnocultural specificity.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 140–150)

Надзённай праблемай сучаснай кагнітыўнай лінгвістыкі з’яўляецца высвятленне таго, якім чынам у свядомасці чалавека катэгарызуюцца ўяўленні аб акаляючай рэчаіснасці, на якіх падставах вылучаюцца тыя ці іншыя аб’екты, з’явы і сітуацыі для іх кагнітыўнай апрацоўкі і вербальнага кадзіравання, чаму адны ўяўленні аб рэчаіснасці набываюць эпістэمالагічную значнасць, а другія яе не маюць, што ў свядомасці чалавека ўплывае на фарміраванне яго вопыту ў пазнанні свету і на тое, у якіх моўных адзінках гэты вопыт захоўваецца.

Як адзначае прафесар В.А. Маслава, “катэгарызацыя чалавечага вопыту злучана з кагнітыўнай дзейнасцю чалавека, паколькі змястоўная інфармацыя, якая была атрымана падчас пазнавальнай дзейнасці чалавека і стала прадуктам апрацоўкі, знаходзіць свой выраз у моўных формах” [1, с. 9]. Адной з такіх моўных форм з’яўляюцца прыказкі, якія ў сучаснай лінгвістыцы разглядаюцца як парэміялагічныя адзінкі мовы (разнавіднасць устойлівых фраз) і вывучаюцца ў межах парэміялогіі як асобнага адгалінавання мовазнаўства [2–4]. Прыказкі з’яўляюцца найбольш дзейснай вербальнай формай “упакоўкі вопыту” [5, с. 20], паколькі адлюстроўваюць тыповыя сітуацыі і іх ментальныя аналагі – заканамернасці рэчаіснасці. А паколькі вопыт непасрэдна залежыць ад умоў яго набывання, то прыказкавая “ўпакоўка вопыту” яскрава адрозніваецца ў кожнай нацыянальнай мове і культуры. У гэтым сэнсе парэміялагічны фонд мовы разглядаецца, наўслед за прафесарам В.А. Маславай, як адзін з асноўных прадметаў даследавання лінгвакультуралогіі [6, с. 37]. Аднак і лінгвакультуралагічнае вывучэнне парэміі прадугледжвае зварот да дыферэнцыяцыі спосабаў і сродкаў адлюстравання акаляючага свету і яго катэгарызацыі ў семантычнай прасторы парэміялагічнага фонду мовы, без чаго немагчыма здзейсніць аб’ектыўнае і паўнаважнае апісанне нацыянальна-культурнага зместу парэміялагічных адзінак.

Праблема даследавання палягае ў неабходнасці пошуку прынцыпова новага падыходу да кагнітыўнай інтэрпрэтацыі семантыкі такіх парэміялагічных адзінак, як прыказкі, што надзвычай запатрабавана на сённяшні дзень пры іх лінгвістычным вывучэнні. Найноўшыя парэміялагічныя даследаванні на матэрыяле розных моў пераканаўча паказваюць,

што ад глыбіні і дакладнасці апісання кагнітыўнай прыроды семантыкі прыказак у аспекце яе адносін да рэчаіснасці непасрэдна залежыць аб’ектыўнасць інтэрпрэтацыі як нацыянальна-культурнай спецыфікі, так і тыпалагічнай агульнасці іх плана зместу [7]. Менавіта таму сучаснае мовазнаўчае разуменне прыказак шмат у чым вызначаюць іх рознааспектныя кагнітыўныя даследаванні, якія пачалі актыўна развівацца ў асобнае адгалінаванне парэміялогіі як лінгвістычнай дысцыпліны [8–10].

Як вядома, катэгарызацыя семантыкі прыказак традыцыйна апісваецца ў рамках прадметна-тэматычнага падыходу, які здаўна шырока ўжываецца ў парэміяграфіі самых розных моў свету. Сваё найбольш сістэмнае тэарэтычнае абгрунтаванне прадметна-тэматычны падыход атрымаў зусім нядаўна ў тэрмінах аксіялагічнай лінгвістыкі пры выяўленні і апісанні каштоўнасных дамінантаў у прыказкавай карціне свету на падставе назваў прадметных і/або тэматычных рубрык у зборніках і слоўніках прыказак [11]. У цяперашні час у межах кагнітыўнай лінгвістыкі і лінгвакультуралогіі сфарміраваўся паняццёва-канцэптuallyны падыход да катэгарызацыі семантыкі прыказак, на падставе якога апісваюцца ключавыя канцэпты прыказкавай карціны свету [12].

Аднак і прадметны, і паняццёвы (канцэптuallyны) крытэрыі традыцыйна выкарыстоўваюцца для семантычнай катэгарызацыі слоў і фразеалагізмаў як адзінак, намінацыйных па сваёй прыродзе. Семантыка ж прыказак як адзінак сінтаксічнага ўзроўню моўнай сістэмы прынцыпова адрозніваецца ад лексічнай і фразеалагічнай семантыкі, таму яна павінна апісвацца на іншых падставах. У гэтай сувязі для катэгарызацыі прыказкавай семантыкі можа быць выкарыстана методка кагнітыўна-семантычнага апісання афарыстычных адзінак, адной з асноўных разнавіднасцей якіх з’яўляюцца парэміі, а ў іх межах – прыказкі [13, с. 38–45].

Аktуальнасць даследавання заключаецца ў тым, што вывучэнне асаблівасцей катэгарызацыі рэчаіснасці ў семантыцы прыказак як аднаго з класаў афарыстычных адзінак дазволіць, па-першае, выявіць характар адносін іх зместу да навакольнага свету як аб’екта пазнання, ацэнкі, верыфікацыі і вербалізацыі, па-другое, акрэсліць асноўныя кагнітыўна-семантычныя катэгорыі (тыпы) прыказак у залежнасці

ад эмпірычнай, аксіялагічнай, анталагічнай або лагічнай прыроды адлюстравання ў іх рэчаіснасці, і па-трэцяе, вызначыць ступень і межы нацыянальна-культурнай своеасаблівасці кожнага кагнітыўна-семантычнага тыпу прыказак.

Мэта даследавання – устанавіць і апісаць асноўныя кагнітыўна-семантычныя катэгорыі (тыпы) прыказак паводле крытэрыя “адносіны да рэчаіснасці” ў эмпірычным, аксіялагічным, лагічным і анталагічным аспектах.

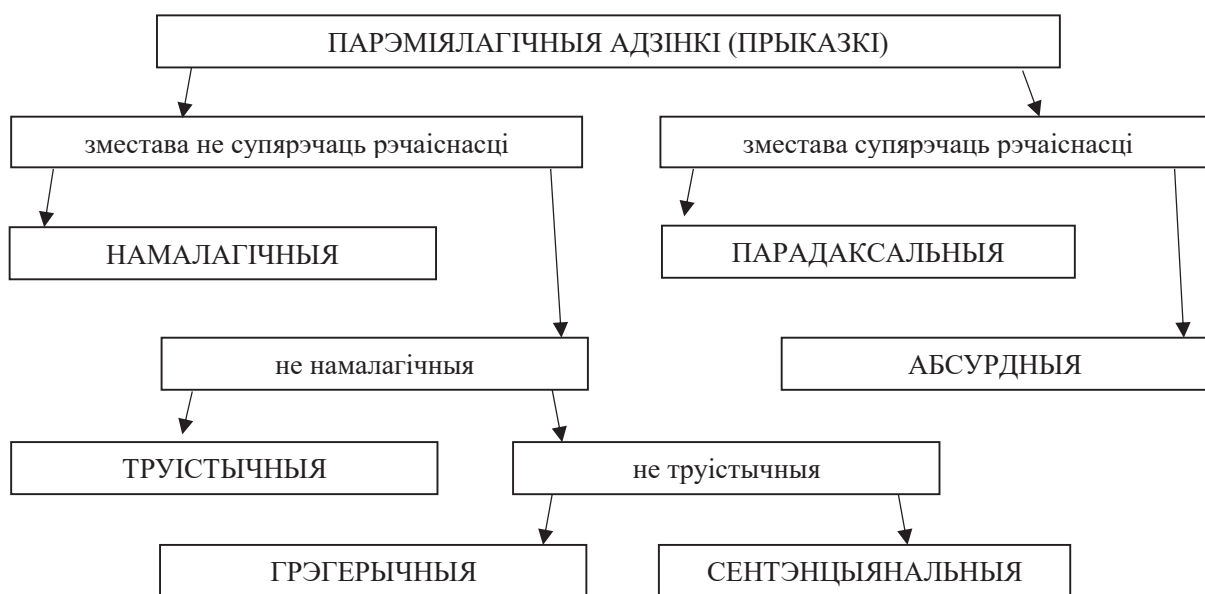
Матэрыял і метады. У якасці фактычнага матэрыялу даследавання выкарыстаны найбольш распаўсюджаныя прыказкі ў беларускай, рускай, польскай і англійскай мовах (агульнай колькасцю больш за 7 000 адзінак), адлюстраваныя ў сучасных перакладных парэміяграфічных крыніцах [14–17] і нацыянальных парэміялагічных мінімумах [18–20].

Для выяўлення і апісання катэгарызацыі адносін да рэчаіснасці ў прыказках была выкарыстана распрацаваная раней аўтарам дадзенага артыкула (на падставе метадаў кагнітыўнага мадэлявання, канцэптуальнага аналізу, аналізу прататыпаў) метадыка катэгарызацыі семантыкі афарыстычных адзінак і іх размежавання на кагнітыўна-семантычныя тыпы паводле крытэрыя “адносіны да рэчаіснасці” [21, с. 84–125]. Так, было ўстаноўлена, што ў афарыстычных адзінках адлюстроўваюцца тыповыя сітуацыі, заснаваныя на “заканмернасці сувязей паміж неадзінкавымі аб’ектамі ў межах рэальнага свету або адной з выдуманых рэчаіснасцей” [21, с. 93], пры гэтым законмернасці адрозніваюцца “па сферы свайго дзеяння, па ўмовах і формах свайго праяўлення, па ступені неабходнасці свайго існавання, па сваёй адпаведнасці рэальнаму парадку рэчаў у свеце” [21, с. 97]. На падставе гэтага афарыстычныя адзінкі былі дыферэнцыраваны

на кагнітыўна-семантычныя тыпы, прызначаныя для адлюстравання адпаведных тыповых сітуацый (і іх ментальных аналагаў – законмернасцей рэчаіснасці) на падставе шэрагу гетэрагенных крытэрыяў, якія маюць універсальны характар, што пацвярджаецца, як паказала раней праведзенае даследаванне, на матэрыяле генетычна і тыпалагічна далёкіх моў [21, с. 99–117].

Сімптаматычна, што для большасці вылучаных кагнітыўна-семантычных тыпаў афарыстычных адзінак аказаліся ўласцівы невыразна акрэсленыя межы, аднак строгая арганізацыя членства (інакш кажучы, для ўсіх элементаў дадзенай катэгорыі характэрны тыповы набор прымет, што дазваляе аб’ядноўваць дадзеныя элементы ў адну катэгорыю). Менавіта таму распрацаваная метадыка катэгарызацыі семантыкі афарыстычных адзінак з’яўляецца цалкам прымальнай і для кагнітыўна-семантычнай катэгарызацыі адзінак прыказкавага фонду мовы.

Вынікі і іх абмеркаванне. У выніку даследавання ўсе абраныя для аналізу прыказкі былі размежаваны ў адносінах іх зместу да навакольнага свету як аб’екта пазнання, ацэнкі, верыфікацыі і вербалізацыі на дзве кагнітыўна супрацьпастаўленыя групы (прыказкі, што супярэчаць рэчаіснасці і што ёй не супярэчаць), у межах якіх было вылучана шэсць кагнітыўна-семантычных тыпаў, якія адпавядаюць чатыром асноўным аспектам катэгарызацыі афарыстычнай (прыказкавай) семантыкі (эмпірычнаму, аксіялагічнаму, лагічнаму, анталагічнаму) (мал.). Так, парэміялагічныя адзінкі, якія не супярэчаць рэчаіснасці, – гэта намалагічныя і сентэнцыянальныя (у эмпірычным аспекце), трыстычныя і грэгерычныя (у аксіялагічным аспекце), а тыя, што супярэчаць рэчаіснасці, – гэта парадаксальныя (у лагічным аспекце) і абсурдныя (у анталагічным).

Мал. Размежаванне прыказак у адносінах іх зместу да навакольнага свету

Семантычная тыпалогія прыказак дастаткова строга ўпарадкавана ў адпаведнасці з арганізацыяй іх адносін да рэчаіснасці ў моўнай свядомасці і дэтэрмінае паслядоўную карэляцыю кожнага асобнага кагнітыўна-семантычнага тыпу на аснове адпаведных рэлевантных прымет праяўлення тыповых сітуацый (і іх кагнітыўных карэлятаў – заканамернасцей рэчаіснасці), якія адлюстроўваюцца ў парэміялагічных адзінках.

1. Намалагічныя прыказкі. Паняцце “намалагічны” (ад грэч. *nomos* ‘закон’) азначае ‘такі, які мае дачыненне да агульных законаў прыроды і грамадства’. У прыказках з намалагічнай семантыкай адлюстроўваюцца такія не супярэчныя рэчаіснасці тыповыя сітуацыі, якія характарызуюцца адначасова трыма прыметамі свайго праяўлення: істотнасцю, неабходнасцю і рэгулярнасцю (кожны з якіх эмпірычна дэтэрмінаваны). Нейтралізацыя хоць бы адной з гэтых прымет прыводзіць да страты намалагічнай значнасці (сілы закона, які нязменна выконваецца ў рэальным свеце безадносна волі і жадання чалавека).

У гэтым сэнсе ўсе прыказкі дыферэнцыруюцца ў адносінах іх семантыкі да рэчаіснасці на намалагічныя і не намалагічныя. Фармальнай прыметай іх адрознення адна ад адной з’яўляецца тое, што намалагічныя прыказкі нельга перафразавать у зместа кантраарную сінтаксічную канструкцыю (resp. з сцвярдзальнай у адмоўную або з адмоўнай у сцвярдзальную) без страты агульнага значэння (resp. без узнікнення супярэчнасці існуючаму парадку рэчаў у рэальным свеце). Напр.: *Два вякі жыць не будзеш* – параўн. *Два вякі жыць будзеш* (?!); руск. *Двум смертям не бываць, а адной не міновать* – параўн. *Двум смертям бываць, а адной міновать* (?!); польск. *Co było, to nie wróci* – параўн. *Co było, to wróci* (?!); англ. *One cannot be in two places at once* ‘Нельга быць адначасова ў двух месцах’ – параўн. *One be in two places at once* (?!); *You cannot get a quart into a pint pot* ‘Ты не атрымаеш кварту ў гаршчок для пінты’ – параўн. *You may pour a quart in a pint pot* (?!) і да т.п. У сваю чаргу, не намалагічныя па семантыцы прыказкі лёгка паддаюцца кантраарнаму перафразаванню, захоўваючы не супярэчныя рэчаіснасці змест (хоць мадэляваная ў выніку такога перафразавання новая тыповая сітуацыя можа ў пэўных выпадках супярэчыць волі, жаданню ці светаўспрымання носьбітаў мовы). Напр.: *Чалавека вочы водзяць* – параўн. *Чалавека не вочы водзяць* (сляпы чалавек можа карыстацца іншымі спосабамі арыентацыі ў прастору, яе ўспрыняцця і пазнання); руск. *Выше головы не прыгнешь* – параўн. *Выше головы прыгнешь* (спартсмены-скакуны здольны скокнуць вышэй галавы нават самага высокага чалавека); польск. *Nie ma róży bez cierni (kolców)* – параўн. *Są róże bez cierni (kolców)* (ёсць такія гатунак ружаў, якія не маюць калючак); англ. *The thread breaks where it is weakest* ‘Нітка абрываецца там, дзе слабейшая’ – параўн. *The thread not breaks where it is weakest* (нітка можа абарвацца

не толькі ў слабым, але і ў сваім самым моцным месцы пад уплывам знешняга ўздзеяння, напрыклад, агню, вострых прадметаў і інш.) і да т.п.

Намалагічныя прыказкі ўтвараюць аснову традыцыйнай протанавуковай карціны свету, у іх семантыцы прадстаўлены найбольш значныя фрагменты навакольнай рэчаіснасці як аб’екта пазнання і верыфікацыі ў рамках эмпірычнага вопыту, які не выходзіць за межы перцэпцыі. У намалагічных прыказках адлюстраваны найбольш важныя ў пазнавальным плане ўяўленні і веды аб прыродзе, чалавеку і сацыяльным свеце, якія ўваходзяць у этнічную карціну свету народа і былі ім атрыманы ў выніку шматвяковых назіранняў і шматлікіх праверак на ўласным вопыце ў розных умовах і сітуацыях асабістага і грамадскага жыцця. Менавіта таму прыказкі з пераносным значэннем даволі часта ў сваім прамым сэнсе з’яўляюцца намалагічнымі (неаспрэчная сіла закону). Напр.: *Лугай абуха не пераб’еш* (перан. ‘Немагчыма супрацьстаяць сіле, уладзе, непераадольным абставінам’); руск. *Прежде смерти не умрёшь* (перан. ‘Не трэба моцна баяцца таго, што не пагражае жыццю’); польск. *Głowa muru nie przebije* (перан. ‘Немагчыма супрацьстаяць сіле, уладзе, непераадольным абставінам’); англ. *The apple never falls far from the tree* ‘Яблык ніколі не падае далёка ад дрэва (г.зн. падае заўсёды ўніз, што ілюструе закон прыцягнення)’ (перан. ‘Свае недахопы ці станоўчыя рысы дзеці пераймаюць ад бацькоў’) і да т.п.

Намалагічныя прыказкі дастаткова рэдка характарызуюцца нацыянальна-культурнай семантыкай (якая рэалізуецца ў іх у асноўным дзякуючы этнакультурна маркіраваным лексічным кампанентам), аднак у сваёй сукупнасці яны ўтвараюць мноства адзінак, якое яскрава рэпрэзентуе этнакультурна дэтэрмінаваную выбіральнасць прыказкавай карціны свету ў пазнанні і эмпірычнай верыфікацыі тых з’яў у прыродзе і грамадстве, тых уласцівасцей асобы, што эксплікуюць істотныя, неабходныя і рэгулярныя сувязі паміж неадзінкавымі аб’ектамі рэчаіснасці.

2. Труістычныя прыказкі. У прыказках з труістычнай семантыкай адлюстроўваюцца такія не супярэчныя рэчаіснасці тыповыя сітуацыі, якія характарызуюцца адначасова трыма прыметамі свайго праяўлення: агульнавядомасцю, стэрэатыпнасцю і відавочнасцю (якія маюць аксіялагічную прыроду, паколькі абумоўлены не столькі самай рэчаіснасцю, колькі яе ацэнкай носьбітамі той ці іншай мовы і культуры, іх досведам і светапоглядам). Нейтралізацыя хоць бы адной з гэтых прымет прыводзіць да страты прыказкай свайго труістычнага зместу (адлюстравання самавідавочных і нязменных з’яў рэчаіснасці, якія безумоўна знаёмыя кожнаму індывіду ў межах дадзенай этнічнай і/ці сацыяльнай групы).

У гэтым сэнсе ўсе прыказкі, якія не маюць намалагічнай семантыкі, дыферэнцыруюцца паводле адносін іх зместу да рэчаіснасці на труістычныя і не труістычныя. Фармальнай прыметай іх адрознення адна ад адной з’яўляецца тое, што труістычныя прыказкі

заўсёды маюць пераносны сэнс. Пры іх выкарыстанні ў прамым значэнні трыстычныя прыказкі імгненна губляюць уласціваю ўсім парэміям як фальклорнаму жанру эпістэмалагічную рэlevantнасць (карысны ў пазнавальным плане змест), пачынаюць успрымацца як выказванні, пазбаўленыя камунікатыўнай мэты, непатрэбныя ці нават бессэнсоўныя ў маўленні. Напр.: *Ад лася – ласяняты, ад свінні – парасяты; Што два, то не адзін*; руск. *Два сапога – пара; Палка о двух концах*; польск. *Życie nie umierać; Wszyscy jesteśmy ludźmi*; англ. *You can only die once* ('Памерці можна толькі адзін раз') і да т.п. У сваю чаргу, не трыстычныя па семантыцы прыказкі заўсёды захоўваюць эпістэмалагічную значнасць і камунікатыўную дарэчнасць як у пераносным, так і ў прамым значэнні.

У трыстычных прыказках зафіксаваны і захоўваюцца базавыя, ключавыя, дамінантныя ўяўленні аб рэчаіснасці, крытычна неабходныя для ўспрымання і асэнсавання чалавекам самога сябе і ўсяго таго, што яго акаляе ў свеце. Напр.: *Бацькоў не выбіраюць; З аднаго вала дзвюх шкур не дзяруць*; руск. *Где положишь, там и возьмёшь; Одной рукой и узла не завяжешь*; польск. *Co żyje, umrzeć musi; I czarna krowa białe mleko daje*; англ. *Christmas comes but once a year* 'Каляды прыходзяць толькі раз на год'; *No fire no smoke* 'Няма агню няма дыму' і да т.п.

Паводле параметраў стэрэатыпнасці і відавочнасці ў адлюстраванні рэчаіснасці змест трыстычных прыказак вельмі блізкі да зместу намалагічных прыказак, аднак не можа разглядацца ў якасці фрагмента протанавуковай карціны свету (і, адпаведна, як аксіяматычная аснова ўласна навуковай сістэмы ведаў), паколькі абмежаваны выключна найўным успрыняццем рэчаіснасці. Пры гэтым у найўнай карціне свету змест трыстычных прыказак адыгрывае вельмі важную ролю з прычыны самавідавочнасці тых фрагментаў рэчаіснасці, якія адлюстроўваюцца, выступае тым неабходным мінімумам ведаў аб самім сабе і аб акаляючым свеце, якім валодае кожны без выключэння носьбіт традыцыйнай культуры. Напр.: *Адрэзанай лусты да бохана не прыклеіш; І дурань ведае, што ў нядзелю свята*; руск. *Какой палец ни укуси, каждый больно; Лестницу метут сверху, а не снизу*; польск. *Dwa razy człowiek nie żyje*; англ. *There is no medicine against death* 'Ад смерці няма лекаў'; *You cannot touch your eye with your elbow* ('Нельга дакрануцца локцем да вока') і да т.п.

Выключная роля прыказак трыстычнага зместу ў найўнай карціне свету пацвярджаецца тым вельмі паказальным фактам, што ў лексічны склад кожнай такой прыказкі ўваходзяць адзінкі (у тым ліку гіпонімы такіх адзінак ці іх сінонімы-дублеты), якія ўтвараюць ядро асноўнага лексічнага фонду, г.зн. базавы, "стрыжневы" слоўнік, што складае аснову лексічна-семантычнай падсістэмы любой мовы, а значэнні слоў, што ўваходзяць у такі слоўнік, з'яўляюцца семантычнай базай лінгвакагнітыўнай катэгарызацыі рэчаіснасці ў кожнай этнамоўнай карціне свету.

Трыстычныя прыказкі ў сваёй большасці не характарызуюцца этнакультурнай маркіраванасцю, аднак склад іх лексічных кампанентаў з ліку базавага слоўніка ў сваёй сукупнасці дазваляе меркаваць аб этнакультурнай своеасаблівасці катэгарызацыі фрагментаў рэчаіснасці ў межах традыцыйнай карціны свету на аснове досведу і светапогляду пэўнага народа.

3. Грэгерычныя прыказкі. Паняцце "грэгерычны" азначае 'накіраваны на адлюстраванне дробных бакоў жыцця' і прапанавана, як і тэрмін "грэгерыя" (ад ісп. *gregueria*) у сярэдзіне XX стагоддзя іспанскім пісьменнікам Р. Гомесам дэ ла Серна, які стварыў і адпаведна так назваў новы жанр такіх літаратурных выслоўяў, змест якіх, у адрозненне ад афарызмаў, не прызначаны для асэнсавання важных, глабальных праблем быцця чалавека і прыроды. У прыказках з грэгерычнай семантыкай адлюстроўваюцца такія не супярэчныя рэчаіснасці тыповыя сітуацыі, якія характарызуюцца адначасова трыма прыметамі свайго праяўлення: прыватнасцю, лакальнасцю, суб'ектыўнасцю (у сэнсе апазіцый "прыватнае vs. агульнае", "лакальнае vs. глабальнае", "суб'ектыўна vs аб'ектыўна значнае", выбар кожнага элемента ў якіх заўсёды аксіялагічна дэтэрмінаваны, непасрэдна залежыць ад адпаведнай ацэнкі той ці іншай тыповай сітуацыі ў праекцыі на сукупны сацыяльны і духоўны вопыт прадстаўнікоў пэўнага этнасу або асобнай субкультуры). Нейтралізацыя хоць бы адной з гэтых трох прымет прыводзіць да страты прыказкай свайго грэгерычнага зместу (адлюстравання розных бакоў і аспектаў паўсядзённасці, прыватнага жыцця чалавека, малазначных праяў быцця ў прыродзе і грамадстве).

У гэтым сэнсе ўсе прыказкі, якія не маюць намалагічнай і трыстычнай семантыкі, падзяляюцца паводле адносін іх зместу да рэчаіснасці на грэгерычныя і не грэгерычныя. Фармальнай прыметай іх адрознення адна ад адной з'яўляецца тое, што дамінантнымі (стрыжневымі) кампанентамі ўсіх без выключэння грэгерычных прыказак выступае пераважна канкрэтная лексіка, г.зн. прататыпы такіх прыказак (свабодныя выказванні, якія паслужылі ўтваральнай асновай для парэміялагічных адзінак мовы) маюць факталагічную семантыку, інакш кажучы, адлюстроўваюць толькі тыповыя сітуацыі, якія ўспрымаюцца пачуццёва (перцептыўна актуалізаваныя ў свядомасці). Напр.: *Калі курэц, то мусіш мець люльку і тытунец; Няма лепшай рэчы, чым свінныя плечы; Чаго не ясі, таго ў рот не нясі*; руск. *Коса – девичья краса; Неделя крепка середой; Пар костей не ломит; Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*; польск. *Bez soli tak jak bez chleba; Kiedy luty, obuj buty; W zamkniętą gębę mucha nie wleci*; англ. *Win at first and lose at last* 'Спачатку выйграй і ўрэшце прайграй' (пра азартныя гульні) і да т.п.

У сваю чаргу, не грэгерычныя прыказкі напоўненыя як канкрэтнай, так і абстрактнай лексікай, прататыпы такіх прыказак маюць пераважна абстрактную семантыку, г.зн. абазначаюць тыповыя сітуацыі, якія

не падпадаюць сэнсарнаму ўспрыманню, адцягнутыя ад канкрэтных аб'ектаў і з'яў рэчаіснасці.

Трэба адзначыць, што грэгерычная семантыка ўласціва прыказкам звычайна ў іх прамым значэнні, у той час як іх пераносны сэнс прызначаны для вербалізацыі глыбокай і грамадска значнай думкі. У гэтым выпадку зварот у прыказкавым прататыпе да пэўнай прыватнай, лакальнай, індывідуальнай тыповай сітуацыі дазваляе з дапамогай вобразнага пераасэнсавання якой-небудзь канкрэтнай падзеі з паўсядзённага жыцця максімальна выразна (за кошт актуалізацыі найперш сэнсарнага ўспрымання рэчаіснасці) рэпрэзентаваць агульную, глабальную і агульназначную ідэю, якая ў выпадку свайго прамога адлюстравання ў парэміялагічных адзінках будзе ўспрымацца як абстрагаваная ад рэальнага жыцця і таму заставацца непераканальнай (у межах светаўспрымання, уласцівага звычайнаму ладу жыцця). Напр.: *Каму па каму, а каму два камы* (перан. 'Ніколі не бывае так, каб усім усяго было пароўну'); *Ці плакаць, ці смяцца – усё адно моршчыцца* (перан. 'Беды і радасці ў жыцці заўсёды змяняюць адна адну'); *Чым больш аўчыну мнуць, тым яна лепшая* (перан. 'Чым больш выпадае цяжкасцей і перашкод, тым хутчэй чалавек вучыцца іх пераадоўваць'); руск. *Куда иголка, туда и нитка* (перан. 'Пра тых, хто цесна звязаны адзін з адным, заўсёды разам, звычайна пра мужа і жонку'); *На то и щука в море, чтобы карась не дремал* (перан. 'Веданне аб прысутнасці таго, хто назірае, вымагае быць заўсёды актыўным, уважліва сачыць за сваімі дзеяннямі, учынкамі, словамі'); польск. *Cicha woda brzęgi rwie* (перан. 'Ціхі чалавек здольны на рашучыя, неспадзяваныя дзеянні, учынкi'); *Każda krowa swoje cielę liże* – перан. ' '; *Zegar nie je, nie pije, a jednak bije* (перан. 'Час ідзе незаўважна і можа прынесці вялікія непрыемнасці таму, хто за ім не сочыць'); англ. *Fish begins to stink at the head* 'Рыба пачынае смярдзець з галавы' (перан. 'Распад, разлажэнне ў якім-небудзь асяроддзі пачынаецца раней за ўсё зверху'); *The tongue ever turns to the aching tooth* 'Язык увесь час паварочваецца да хворага зуба' (перан. 'Думкі чалавека ўвесь час вяртаюцца да таго, што яго моцна турбуе') і да т.п.

Грэгерычныя прыказкі дастаткова часта этнакультурна маркіраваны як сваімі прататыпамі, так і асобнымі лексічнымі кампанентамі, у якіх адлюстроўваюцца паўсядзённасць і рэаліі традыцыйнага ўкладу жыцця дадзенага народа.

4. Сентэнцыянальныя прыказкі. У прыказках з сентэнцыянальнай семантыкай адлюстроўваюцца не супярэчныя рэчаіснасці тыповыя сітуацыі, якія характарызуюцца адначасова трыма прыметамі свайго праўлення: пазнавальнасць, маралізатарнасць, дыдактычнасць (усе яны маюць эмпірычную прыроду, паколькі кожная прымета з'яўляецца вынікам калектыўнага тэарэтычнага і практычнага досведу носьбітаў дадзенай этнічнай супольнасці ці субкультуры). Нейтралізацыя хоць бы адной з гэтых прымет

прыводзіць да страты прыказкай свайго сентэнцыянальнага зместу (адлюстравання найбольш важных і неабходных для паўнаwartаснага жыцця ў грамадстве меркаванняў аб чалавеку, соцыуме і навакольнай рэчаіснасці, якія ўваходзяць у сістэму светапоглядных, каштоўнасных і выхаваўча-педагагічных дамінант этнічнай карціны свету).

У гэтым сэнсе ўсе прыказкі, якія не маюць намалагічнай, трыстычнай ці грэгерычнай семантыкі, падзяляюцца паводле адносін іх зместу да рэчаіснасці на сентэнцыянальныя і не сентэнцыянальныя. Найбольш відавочнай фармальнай прыметай такога размежавання з'яўляецца, па-першае, наяўнасць дастаткова вялікай колькасці абстрактных паняццяў (і абстрактных значэнняў полісемантаў) у лексічна-семантычным складзе сентэнцыянальных прыказак. Напр.: *Абяцанкі-цацанкі, а дурню – радасць; Дай душы волю – завядзе ў няволю; За вялікім пагонішся – і малое згубіш; Хіцёр Зміцёр, але і Саўка не дурны; Усяму на свеце ёсць канец*; руск. *Из двух зол выбирай меньшее; Лучшее – враг хорошему; Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь; Хорошее начало – половина дела*; польск. *Gdzie jest strach, tam i wstyd; Nie jest temu najlepiej, kto szuka lepszego; Wszystko dobrze w miarę; Ubóstwo nikogo nie krzywdzi*; англ. *Everything has an ending* 'Усё мае канец'; *Fortune favours the brave* 'Фартуна спрыяе адважным'; *Know your own faults before blaming others for theirs* 'Зведайце вашы ўласныя памылкі, перш чым вінаваціць іншых у іх памылках' і да т.п.

Па-другое, прыказкі з сентэнцыянальнай семантыкай ужываюцца ў маўленні галоўным чынам у маралізатарскай функцыі, у той час як не сентэнцыянальныя прыказкі ў гэтай функцыі ўжывацца не здольны. Менавіта таму сентэнцыянальныя прыказкі часта маюць імператыўную мадальнасць, якой звычайна пазбаўлена пераважная большасць не сентэнцыянальных прыказак. Напр.: *Або грай, або скрыпку аддай; Не падганяй, бо не вельмі паедзеш; Не ўздыхай, калі чаго няма, то няхай; На чужога спадзявайся, але і сам не агінайся; Наперад бацькі ў некла не сунься*; руск. *Дают – бери, бьют – беги; Колотись, бейся, а всё надейся; Куй железо, пока горячо; Не говори гоп, пока не перепрыгнешь; Не играй с огнём – обожжешься*; польск. *Vogu służ, a diabła nie gniewaj; Nie budź licha (diabła), kiedy śpi; Pracuj, nieboże, a Bog ci dopomoże*; англ. *Know your own faults before blaming others for theirs* 'Ведайце свае ўласныя памылкі, перш чым вінаваціць у іх іншых'; *Never mention rope in the house of a man who has been hanged* ('Ніколі не згадвай пра вярхоўку ў доме павешанага'); *We must live by the living, not by the dead* 'Мы павінны жыць у свеце жывых, а не памерлых' і да т.п.

У сентэнцыянальных прыказках тыповыя сітуацыі (і іх ментальныя адпаведнікі – заканамернасці рэчаіснасці) размяжоўваюцца на дзве колькасна нераўнаважныя прадметна-тэматычныя сферы.

1. Сентэнцыянальныя прыказкі антрапацэнтрычнага зместу, якія адлюстроўваюць тыповыя сітуацыі

ў свеце людзей і характарызуюць чалавека з розных бакоў. Напр.: *Адны пануюць, другія гаруюць; Глухому дзве абедні не служаць; Не будзь ні войтам, ні панам – не будзеш чалавекам паганым; Што ні галава, то розум;* руск. *За битога двух небитых даюць; Муж да жена – одна сатана; По одежке встречают, по уму провожают; Стерпится – слюбится;* польск. *Jaka matka, taka córka; Nikt się mistrzem nie rodzi; Po częstym śmiechu poznasz głupca; Skąpy dwa razy traci;* англ. *Fools are wise as long as silent* ‘Дурні выглядаюць разумнымі, пакуль маўчаць’; *The fat man knoweth not what the lean thinketh* ‘Тлусты не ведае, што адчувае худы’; *There is no royal road to learning* ‘Няма каралеўскага (г.зн. спрыяльнага і хуткага) шляху ў навуцы’ і да т.п.

2. Сентэнцыянальныя прыказкі натуралістычнага зместу, якія адлюстроўваюць тыповыя сітуацыі па-за духоўным светам чалавека і матэрыяльнай культурай грамадства, у жывой і нежывой прыродзе. Напр.: *Без ветру і дуб не шуміць; Вада і каменні варочае; Зайца ногі ратуюць;* руск. *Без корня и трава не растёт; Два медведя в одной берлоге не зимуют; Собака лает, ветер носит;* польск. *Dwa koguty na jednym nie zgodzą się śmieciach; Na pochyle drzewo i kozy skaczą; Ryba w wodzie nie utonie;* англ. *Cats hide their claws* ‘Каты хаваюць свае кіпцюры’; *Like tree, like fruit* ‘Якое дрэва, такі і плод’; *The moon does not heed the barking of dogs* ‘Месяц не звяртае ўвагі на звягу сабак’ і да т.п.

Пры гэтым антрапацэнтрычная і натуралістычная сферы рэчаіснасці шчыльна спалучаюцца ў змесце сентэнцыянальных прыказак, многія з якіх у пераносным сэнсе адлюстроўваюць тыповыя сітуацыі ў свеце людзей, а ў прамым маюць натуралістычны характар (саматычны, анімалістычны, прыродна-касмічны, побытава-рэчавы і г.д.). Напр.: *Без надпалу дровы не гараць* (перан. ‘Без чых-небудзь нагавораў, даносаў не абвастраюцца спрэчкі, сваркі, непрыязныя адносіны паміж людзьмі’); *Ліхтаром пушчы не асвеціш* (перан. ‘Паўпраўдай, непрызнаннем не абыздзешся’); *Пра воўка памоўка, а воўк і сам тут* (перан. ‘Хто-небудзь прыходзіць якраз тады, калі пра яго гавораць, успамінаюць’); руск. *Близко локоть, да не укусишь* (перан. ‘Хоць здаецца, што і лёгка ажыццявіць што-небудзь, але нельга дасягнуць жаданага’); *Бумага все стерпит* (перан. ‘Напісаць можна ўсё, што заўгодна, у тым ліку хлуслівае, тэндэнцыёзнае і г.д.’); польск. *I w pogodę piorun uderzy* (перан. ‘І ў самы найлепшы час можа здарыцца бяда’); англ. *Don't put all your eggs in one basket* ‘Не кладзіце ўсе яйкі ў адзін кошык’ (перан. ‘Не варта спадзявацца толькі на нешта адно’) і да т.п.

Многія сентэнцыянальныя прыказкі нацыянальна-культурна маркіраваны як зместам сваіх прататыпаў (якія адлюстроўваюць светапоглядныя асновы і маральныя прынцыпы традыцыйнага грамадства), так сваімі асобнымі лексічнымі кампанентамі, якія абазначаюць этнакультурныя рэаліі і канцэпты. Так, у беларускай мове, напр.: *Не заўсягды, як на Дзяды,*

а працы, як у нядзелю (дзе *Дзяды* ў беларусаў – дні ўшанавання нябожчыкаў, а таксама рытуальная вячэра ў гэтыя дні), *Пазнаюць нашу дачку і ў андарачку* (дзе *андарак* – народная паясная адзежка беларускіх жанчын – спадніца, якая шылася з даматканай шарсцяной ці паўшарсцяной тканіны ў клетку або ў падоўжныя ці папярочныя палосы, малюнак утвараўся на вішнёвым, сінім, зялёным, а таксама чорным фоне тканіны), *Чым за морам віно піць, лепш з Нёмана вадзіцу* (дзе *Нёман* – адна з буйнейшых рэк Беларусі, што з’яўляецца адным з нацыянальна-гістарычных сімвалаў краіны) і да т.п.

Сентэнцыянальныя прыказкі складаюць ядро нацыянальна-культурна маркіраваных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы [22, с. 33–62], адлюстроўваюць разам з адпаведнага зместу літаратурна-мастацкімі афарызмамі найважнейшыя канцэпты беларускай нацыянальнай культуры [23], з’яўляюцца ў складзе афарыстычных адзінак беларускай мовы найбольш актыўнымі і найбольш старажытнымі адзінкамі [24, с. 80–138], адыгрываюць у беларускай моўнай карціне света ролю асноўнага носбіта духоўных каштоўнасцей [25, с. 119–125] у сукупнасці з афарызмамі біблейскага паходжання [26, с. 322–344]. Можна сцвярджаць, што менавіта ў сентэнцыянальных прыказках, у найбольшай ступені вербалізуюцца, паводле трапных слоў прафесара В.А. Маславай, “стэрэатыпы народнага мыслення” [27, с. 97].

Сентэнцыянальныя прыказкі займаюць цэнтральнае месца ў ліку парэміялагічных адзінак, змест якіх не супярэчыць рэчаіснасці, і ў найбольшай ступені лагічна або анталагічна супрацьпастаўлены прыказкам, якія зместава рэчаіснасці супярэчаць.

5. Парадаксальныя прыказкі. У прыказках з парадаксальнай семантыкай адлюстроўваюцца такія супярэчныя рэчаіснасці тыповыя сітуацыі (зразумела, толькі як вынік кагнітыўнай дзейнасці), якія характарызуюцца магчымасцю свайго рацыянальнага тлумачэння без прыцягнення дадатковай інфармацыі аб крыніцы іх спараджэння, у межах уласна лагічнага вытлумачэння (менавіта таму сама магчымасць кагнітыўнага спараджэння і выкарыстання парадаксальных тыповых сітуацый заўсёды дэтэрмінавана пэўнай логікай мыслення, прынцыпова рацыянальным успрыманнем і асэнсаваннем рэчаіснасці). Адсутнасць магчымасці рацыянальнага вытлумачэння зместу прыказкі, які супярэчыць рэчаіснасці, прыводзіць да страты такой прыказкай сваёй парадаксальнай семантыкі (адлюстравання тыповых сітуацый, якія не існуюць у рэальнасці, але неабходныя як для яе пазнання і верыфікацыі ў межах традыцыйнай масавай свядомасці, так і для яе асваення і пераўтварэння ў працэсе грамадскай практыкі з мэтай далейшага адлюстравання ў этнічнай карціне свету).

У гэтым сэнсе ўсе прыказкі, якія зместава супярэчаць аб’ектыўнай рэальнасці, размяжоўваюцца паводле характару іх супярэчнасці рэчаіснасці

на парадаксальныя і не парадаксальныя (абсурдныя). Фармальнай прыметай іх адрознення адна ад адной з’яўляецца тое, што парадаксальныя прыказкі інтэрпрэтуюцца з лагічнага пункту гледжання як непраўдзівыя, а гэта значыць у абавязковым парадку суадносяцца ў сьвядомасці носьбітаў мовы з процілеглым па сэнсе выказваннем – праўдзівым паводле адносін да рэальнага парадку рэчаў у свеце. Напр.: *Шэпты хату зводзяць* – параўн. *Шэпты хату не зводзяць* або *Не шэпты хату зводзяць* (!); руск. *Дела не делай, а от дела не бегай* – параўн. *Дело делай, а от дела не бегай* (!); польск. *Komu się wiedzie, temu i kogut niesie* – параўн. *Komu się nie wiedzie, temu i kogut nie niesie* (!); англ. *He who denies all confesses all* ‘Той, хто адмаўляе ўсё, прызнаецца ва ўсім’ – параўн. *He who not denies all confesses all* (!); *Gluttony kills more than the sword* ‘Абжорства забівае больш, чым меч’ – параўн. *Gluttony not kills more than the sword* (!) і да т.п.

У парадаксальных прыказках супярэчнасць іх зместу аб’ектыўнай рэчаіснасці рэалізуецца пры дапамозе аднаго з наступных трох наступных спосабаў.

1. Эпістэمالагічны парадокс, калі супярэчнасць існуючаму парадку рэчаў у свеце абумоўлена яго наўмысным скажэннем шляхам кагнітыўна-семантычнага мадэлявання ў парэміялагічных адзінках на аснове рэальных тыповых сітуацый такіх сітуацый, існаванне якіх немагчыма, напр.: *Кажан нежанаты б’е жонку, а бяздзетны – дзеці; Пабачым, сказаў сляпы, як бязногі паскача; Усялякае бывае: жук рыкае, а карова лятае; У чорта спіна сцёрта*; руск. *Говорят, что в Москве кур доят; И то бывает, что овца волка съедает; Хоть яловая, а телись*; польск. *Bogatemu diabeł dzieci kołysze; Żle tam się dzieje, kędy kura pieje*; англ. *Every family has a skeleton in the cupboard* ‘У кожнай сям’і ёсць шкiлет у шафе’; *A cat has nine lives* ‘У кошкі дзевяць жыццяў’ і да т.п.

2. Семантычны парадокс, калі супярэчнасць існуючаму парадку рэчаў у свеце ўзнікае дзякуючы неадэкватнай, памылковай або падвойнай інтэрпрэтацыі значэння ці вобразнага зместу аднаго з лексічных кампанентаў прыказкі, у выніку чаго адлюстраваная ў ёй тыповая сітуацыя ўспрымаецца як алагічная, напр.: *Шэпты хату зводзяць* (дзе назоўнік *хата* выкарыстоўваецца ў пераносным сэнсе ‘сям’я; сукупнасць родных і блізкіх людзей, што жывуць разам’, а не ў значэннях ‘сялянская пабудова’, ‘жылое памяшканне’, ‘асобны сялянскі двор, гаспадарка’); руск. *Курица не птица, баба не человек* (дзе назоўнік *птица* ўжываецца акрамя свайго агульнага значэння ‘пакрытая пухам і пер’ем жывёліна класа пазваночных, якая мае дзве канечнасці, дзюбу і крылы’ яшчэ і ў значэнні ‘здольная лятаць’, а назоўнік *человек* выкарыстоўваецца толькі ў адным са сваіх значэнняў разм. ‘мужчына’); польск. *Nie każdy pijak, co rije* (дзе дзеяслоў *rije* выкарыстоўваецца ў максімальна шырокім сэнсе ‘ужываць любую вадкасць’, а не толькі ў вузкім значэнні ‘ужываць алкагольныя напоі’);

англ. *A Jack of all trades is master of none* ‘Джэк, які ўсім гандлюе, з’яўляецца гаспадаром нічога’ (дзе *all* трэба разумець не літаральна як ‘усё’, а вобразна як ‘усім патроху’, а *master* у спалучэнні з *none* страчвае сваё значэнне ‘гаспадар’ і ўжываецца ў іранічным сэнсе ‘той, у каго няма ўласнасці’) і да т.п.

3. Фармальна-лагічны парадокс, калі супярэчнасць існуючаму парадку рэчаў у свеце ўзнікае з прычыны элімінацыі (або змястоўнай дэактуалізацыі) той часткі парэміялагічнай адзінкі (або яе прататыпа), якая забяспечвае праўдзівасць прыказкавага сэнсу (аналагічна таму, калі цалкам лагічна праўдзівы вывад ўспрымаецца як непраўдзівы ў выпадку страты або наўмыснага замоўчвання тэзісаў, з якіх гэты вывад быў атрыманы ў адпаведнасці з правіламі фармальнай логікі), напр.: польск. *Tanie rzeczy najdroższe* (парадокс знікае, калі ўзнавіць змест разважання, у выніку якога быў зроблены вывад, які пасля пачаў ужывацца ў маўленні самастойна як прыказка: ‘Дарагія рэчы маюць добрую якасць. Танняя рэчы маюць дрэнную якасць. Дарагія рэчы набываеш рэдка, паколькі яны служаць доўга. Танняя рэчы мусіш набываць часта, паколькі іх трэба хутка замяняць. Дарагія рэчы ўсе разам у выніку каштуюць менш, чым шмат танних. Таму танняя рэчы даражэй’); англ. *Tomorrow never comes* ‘Заўтра ніколі не прыйдзе’ (дзе парадокс знікае, калі ўзнавіць дыялог у народным апавяданні, які паслужыў крыніцай прыказкі, *I’ll do it tomorrow. Tom promised his mother. Tomorrow never comes. she said. ‘Я зраблю гэта заўтра, – паабяцаў Том маці. – Заўтра ніколі не наступіць, – сказала яна’, і якім было матывавана пераноснае значэнне прыказкі ‘Не трэба свае справы адкладаць на будучыню’) і да т.п.*

Парадаксальным прыказкам, як правіла, не ўласціва нацыянальна-культурная маркіраванасць лексічнага складу, аднак сваімі прататыпамі яны адлюстроўваюць важныя фрагменты традыцыйнага светаўспрымання і паўсядзённага ўкладу жыцця народа, якія ў анамальнай лагічнай форме рэпрэзэнтаваны ў прыказкавай карціне свету.

6. Абсурдныя прыказкі. У прыказках з абсурднай семантыкай адлюстраваны такія супярэчныя рэчаіснасці тыповыя сітуацыі (як прадукт кагнітыўнай дзейнасці), якія не падпадаюць тлумачэнню з пункту гледжання яе рацыянальнага асэнсавання (паколькі спараджэнне абсурдных сітуацый як спосаб кагнітыўнай інтэрпрэтацыі акаляючага свету знаходзіцца за межамі лагічнага мыслення, маніфестуе анталагічны аспект правербіяльнай катэгарызацыі рэчаіснасці). Наяўнасць рацыянальнага тлумачэння зместава супярэчных рэчаіснасці прыказак прыводзіць да страты іх абсурднага зместу (адлюстравання тыповых сітуацый, сама наяўнасць якіх адмаўляе рэальнасць, аднак якія кагнітыўна неабходны для адэкватнага ўспрымання і асэнсавання рэчаіснасці ў межах сінкрэтычнага мыслення, уласцівага, як вядома, раннім формам светагляду, што шырока прадстаўлены ў фальклору і захаваліся дагэтуль

у асобных фрагментах этнічнай карціны свету, дэтэрмінаваных традыцыйнай масавай свядомасцю).

У гэтым сэнсе ўсе прыказкі, якія змештава супярэчаць аб'ектыўнай рэальнасці, дыферэнцыруюцца паводле характару іх супярэчнасці рэчаіснасці на абсурдныя і не абсурдныя (парадаксальныя). Фармальнай прыметай іх адрознення адна ад адной з'яўляецца тое, што абсурдныя прыказкі не могуць інтэрпрэтавацца з лагічнага пункту гледжання ні як непраўдзівыя, ні як праўдзівыя, паколькі ў натуральных умовах не ўтвараюць у фармальна-лагічным плане карэлятыўную пару з процілеглым па сэнсе выказваннем – праўдзівым (або непраўдзівым) у іх адносінах да рэальнага свету (г.зн. і абсурдную прыказку, і штучна ўтворанае лагічна супрацьпастаўленае ёй выказванне немагчыма адназначна кваліфікаваць паводле апазіцыі як “праўдзіва vs. непраўдзіва”, так і “непраўдзіва vs. праўдзіва”). Напр.: *Папраў казе хвост* – параўн. *Не папраўляй казе хвост* (!!); *Што ні год, то ўдод* – параўн. *Што ні год, то не ўдод* (!!); руск. *На воре шапка горит* – параўн. *На воре шапка не горит* (!!); *По одёжке протягивай ножки* – параўн. *По одёжке не протягивают ножки* (!!); польск. *Nie rob z tata wariata, a z taty panoramy* ‘Не рабі з таты вар’ята, а з мамы – панарамы’ – параўн. *Rob z tata wariata, a z taty panoramy* (!!); *Pierwsze koty za ploty* ‘Першы кот за плот’ – параўн. *Nie pierwsze koty za ploty* (!!); англ. *Give a dog a bad name and hang him* ‘Дайце сабаку дрэннае імя і павесьце яго’ – параўн. *Don't give the dog a bad name and hang him* (!!); *There are wheels within wheels* ‘Ёсць колы ў колах’ – параўн. *No wheels within wheels* (!!); *The child is father of the man* ‘Дзіця – бацька мужчыны’ – параўн. *The child is not father of the man* (!!) і да т.п.

Скажэнне рэальнай рэчаіснасці да бязглуздзіцы ў месце абсурдных прыказак можа быць абумоўлена адным з двух наступных фактараў.

1. Актуалізацыя ўнікальнай у кагнітыўным плане (адзінкавай, разавай) метафары, якая дэтэрмінуе аказіянальную лексічную спалучальнасць кампанентаў прыказкі, што ў сукупнасці і спараджае бязглуздзіцу, напр.: *Хата рагата* (дзе абсурднасць прыказкі выклікана як нязвычайным спалучэннем лексем, так і зместам кампанента *рагата*, аднак знікае, калі згадаць, што ў даўнія часы беларускія сяляне ўзімку ў вялікія маразы трымалі буйную і дробную рагатую хатнюю жывёлу не ў хляве, а непасрэдна ў хаце, дзе жылі і самі, што матывавала алегарычны сэнс і ўзнікненне ў кампанента *рагаты* пераноснага значэння ‘такі, што выклікае штодзённыя клопаты’); руск. *По одёжке протягивай ножки* (дзе прыказкавая бязглуздзіца абумоўлена нязвычайным выкарыстаннем устойлівага выразу *протянуть ноги*, які звычайна ўжываецца ў значэнні ‘памерці’, але ў складзе прыказкі набывае процілеглы сэнс ‘жыць, існаваць’, паколькі даўней быў звычай, калі начавалі не дома, выкарыстоўваць верхнюю адзежу як коўдру, паводле памераў якой падціскалі пад сябе ногі, каб было цяплей, чым у выніку і было матывавана пераноснае

прыказкавае значэнне ‘Трэба жыць у адпаведнасці са сваімі магчымасцямі, не перавышаць расходы над сваімі даходамі’); польск. *Czerwone i żółte cholewy do stołu, a czarne za drzwiami* (дзе абсурднасць зместу прыказкі выклікана семантыкай кампанента *cholewa* ‘частка бота, што закрывае лытку’, які выкарыстаны ў метафарычным значэнні, паколькі ў Каралеўстве Польскім да канца XVIII стагоддзя шляхта і магнаты насілі боты з рознакаляровымі халявамі, а мяшчанам, паводле закону *leges sumptuariae*, прадпісвалася мець абутак толькі са звычайнай чорнай або шэрай скуры, што матывавала ўзнікненне прыказкі і яе пераносны сэнс ‘Паны, багатыя, усюды на першым месцы, а беднымі пагарджаюць’); англ. *Don't take your harp to the party* ‘Не прынось арфу на вечарынку’ (дзе бязглузды змест прыказкі абумоўлены спалучэннем “арфы” і “вечарынкi”, а таксама імпліцытнай метафарай “граць на арфе” – ‘спяваць адну і тую ж песню’, інакш кажучы ‘тлумачыць адно і тое ж’, чым быў матываваны пераносны сэнс усёй прыказкі ‘У кампаніі не размаўляй на адну і тую ж тэму’) і да т.п.

2. Матывацыя прыказкавага прататыпа (унутранай формы) зместам адпаведнага гістарычнага, і/або вербальнага кантэксту ўзнікнення і наступнага ўжывання прыказкі, без ведання якога яна ўспрымаецца як абсурдная, паколькі адэкватнае разуменне яе сэнсу немагчыма змештава аддзяліць ад сітуацыі паходжання і/або першакрыніцы, напр.: *Папраў казе хвост* (дзе семантыка абсурда знікае, калі звярнуцца да народных звычаяў і абрадаў беларусаў, у якіх каза была адным з традыцыйных персанажаў, у прыватнасці традыцыі “калядавання” падчас святкавання Калядаў, калі група сялян, звычайна хлопцаў і дзяўчат, апрадалася ў жывёл, адной з якіх абавязкова была Каза, і хадзілі па вёсцы, спыняліся каля кожнага двара, спявалі, танцавалі, гралі на дудзе, жадалі гаспадарам багацця, здароўя, сямейнага ладу, таму калядоўшыкаў чакалі, лічылася, што “Калядоўшыкі ў хату шчасце нясуць”, “Чыю хату каза міне, там цэлы год нялюдскае жыццё будзе”, але спецыяльна запрашаць калядоўшыкаў было нельга, яны самі вызначалі, куды і да каго ім ісці калядаваць, што матывавала пераносны сэнс прыказкі ‘Не вучы таго, хто сам ведае, што яму рабіць’); руск. *На воре шапка горит* (дзе бязглуздзіца знікае, калі ведаць першакрыніцу выслоўя – даўняе народнае апавяданне, паводле якога знахар, каб выкрыць на кірмашы злодзея, якога ніяк не маглі злавіць, гучна выгукнуў у натоўп “На злодзеі шапка гарыць”, і тут адзін з прысутных ухачуўся за галаву, чым адразу выдаў сябе як злодзея, што і матывавала пераноснае значэнне прыказкі ‘Той, хто адчувае сябе вінаватым, сваімі паводзінамі мімаволі выдае сябе’); польск. *Znac pana po cholewach* (дзе абсурдны змест знікае, калі звярнуцца да першакрыніцы прыказкі – старажытнага польскага анекдота, у якім распавядаецца пра тое, як у XVII ст. у Львове рамеснікі хадзілі ў саф’янавых ботах, што было забаронена, і іх каралеўскія жаўнеры не чапалі, але раз убачыўшы

нейкага шляхціца, які хадзіў у чорных ботах, пачалі збіваць яго, каб не ганьбіў свайго стану шляхецкага, ды пры гэтым казалі “Відаць пана па халяхах”); англ. *Possession is nine points of the law* ‘Валоданне – гэта дзевяць пунктаў закону’ (дзе бязглузды змест знікае, калі ўзнавіць гістарычны кантэкст паходжання гэтага выслоўя, якое даўней мела прамы юрыдычны змест, паколькі ў Англіі XVII стагоддзя падчас судовай спрэчкі аб тым, хто з’яўляецца сапраўдным уладальнікам чаго-небудзь, напрыклад, зямельнага ўчастка або нейкіх каштоўных рэчаў, у тых выпадках, калі ні адзін з бакоў не мог прадставіць пісьмовых доказаў сваёй праваты, суд мог прызначыць пэўную колькасць іншых доказаў на карысць таго ці іншага боку, пры гэтым большая частка такіх доказаў сведчыла на карысць цяперашняга ўладальніка ўласнасці, што ў свой час дэтэрмінавала ўзнікненне прыказкі і матывавала яе пераноснае значэнне ‘Валоданне – гэта права на ўласнасць’) і да т.п.

Многія абсурдныя прыказкі нацыянальна-культурна маркіраваны як асобнымі метафарычна перасэнсаванымі лексічнымі кампанентамі, так і зместам сваіх прататыпаў, у якіх адлюстроўваюцца і традыцыйны ўклад жыцця з яго гаспадарчай і абрадавай практыкай, і этнічная карціна свету з усёй сукупнасцю дэтэрмінуючых яе прыродных, сацыяльных і светапоглядных умоў і фактараў.

Заклучэнне. Кагнітыўна-семантычны аналіз парэміялагічных адзінак (прыказак) з пункту гледжання адносін іх зместу да акаляючага свету як аб’екта пазнання, ацэнкі, верыфікацыі і вербалізацыі даў магчымасць выявіць і апісаць кагнітыўна-семантычную тыпалогію прыказак у адпаведнасці з катэгарызацыяй рэчаіснасці ў эмпірычным, аксіялагічным, анталагічным і лагічным аспектах.

Устаноўлена, што кагнітыўна-семантычныя катэгорыі (тыпы) парэміялагічных адзінак (прыказак) строга ўпарадкаваны ў моўнай свядомасці ў адпаведнасці з арганізацыяй іх адносін да рэчаіснасці. Гэта дэтэрмінуе паслядоўную ўзаемасувязь кагнітыўна-семантычных тыпаў прыказак на падставе карэляцыі рэлевантных прымет адлюстравання тыповых сітуацый (і іх кагнітыўных карэлятаў – заканамернасцей рэчаіснасці). Так, найперш, прыказкі дыферэнцыруюцца паводле адносін іх зместу да рэчаіснасці на дзве кагнітыўна супрацьпастаўленыя адна адной групы (адзінкі, што супярэчаць аб’ектыўнай рэальнасці, і адзінкі, што ёй не супярэчаць). Прыказкі, змест якіх не супярэчыць рэчаіснасці, падзяляюцца ў эмпірычным аспекце на намалагічныя і сентэнцыянальныя, а ў аксіялагічным аспекце – на трыістычныя і грэгерычныя. У сваю чаргу, прыказкі, змест якіх супярэчыць рэчаіснасці, размяжоўваюцца на падставе супрацьпастаўлення лагічнага і анталагічнага аспектаў супярэчнасці рэальнаму свету, адпаведна, на парадаксальныя і абсурдныя.

У прыказках з намалагічнай семантыкай адлюстроўваюцца веды аб законах быцця (прыроды і гра-

мадства), якія нязменна выконваюцца ў рэальным свеце безадносна волі і жадання чалавека. У прыказках з сентэнцыянальнай семантыкай адлюстроўваюцца найбольш важныя веды аб чалавеку, грамадстве і навакольнай рэчаіснасці, якія ўваходзяць у сістэму светапоглядных, каштоўнасных і выхаваўча-педагагічных дамінант этнічнай карціны свету. У прыказках з трыістычнай семантыкай адлюстроўваюцца відавочныя і нязменныя веды аб рэчаіснасці, якімі, безумоўна, валодае кожны індывід у межах кожнай этнічнай або сацыяльнай моўнай групы. У прыказках з грэгерычнай семантыкай адлюстроўваюцца веды аб розных баках і аспектах паўсядзённасці, прыватнага жыцця чалавека, малазначных праяў быцця ў прыродзе і грамадстве. У прыказках з парадаксальнай семантыкай адлюстроўваюцца супярэчныя рэчаіснасці веды, якія характарызуюцца прынцыповай магчымасцю рацыянальнага тлумачэння і з’яўляюцца неабходнымі як для пазнання і верыфікацыі акаляючага свету (у межах традыцыйнай масавай свядомасці), так і для яго засваення і пераўтварэння (у працэсе грамадскай практыкі). У прыказках з абсурднай семантыкай адлюстроўваюцца такія супярэчныя рэчаіснасці веды, якія немагчыма вытлумачыць з пункту гледжання рацыянальнай інтэрпрэтацыі акаляючага свету, аднак магчыма выкарыстоўваць для яго адекватнага ўспрымання і несупярэчлівага асэнсавання ў межах сінкрэтычнага мыслення.

Прыказкі розных кагнітыўна-семантычных тыпаў маюць адрозненні ў прататыпах, выкарыстанні для адлюстравання рэчаіснасці пэўных паняццяў і вобразаў, з’яўляюцца ў рознай меры нацыянальна-культурна маркіраванымі. У большай ступені нацыянальна-культурнай своеасаблівасцю вылучаюцца сентэнцыянальныя, грэгерычныя і абсурдныя прыказкі, у меншай – намалагічныя, трыістычныя і парадаксальныя. Размеркаванне кагнітыўна-семантычных тыпаў прыказак паводле той ці іншай ступені іх нацыянальна-культурнай маркіраванасці рэпрэзентуе этналінгвакультурную спецыфіку катэгарызацыі і канцэптуалізацыі рэчаіснасці ў парэміялагічнай (прыказкавай) карціне свету кожнага народа.

Літаратура

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 342 с.
3. Котова, М.Ю. Очерки по славянской паремиологии / М.Ю. Котова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 230 с.
4. Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: URSS, 2015. – 294 с.
5. Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – 242 с.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. – М.: Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

-
8. Серёгина, М.А. Когнитивные аспекты русской и немецкой паремииологии / М.А. Серёгина. – Saarbrücken: Akademiker Verlag, 2012. – 318 с.
 9. Абакумова, О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О.Б. Абакумова. – СПб.: Алет-Пресс, 2013. – 353 с.
 10. Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты / Н.Ф. Алевиренко [и др.]. – Владимир: Изд-во ВГУ, 2017. – 231 с.
 11. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е.В. Ничипорчик. – Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
 12. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах / Е.В. Иванова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.
 13. Иваноў, Я.Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: Брама, 2003. – 194 с.
 14. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 ч. / Е.Е. Иванов. – Могилёв: Брама, 2001. – Ч. 1. – 144 с.; Ч. 2. – 164 с.
 15. Polsko-białoruski słownik paremiologiczny / пад рэд. Я.Я. Иванова. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 192 с.
 16. Иванов, Е.Е. Русско-белорусский паремииологический словарь / Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. – Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2007. – 242 с.
 17. English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Иванова. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. – 240 с.
 18. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague: RSS, 2002. – 136 p.
 19. Котова, М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М.Ю. Котова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
 20. Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік / Ю.А. Петрушэўская. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. – 316 с.
 21. Иваноў, Я.Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: Брама, 2004. – 160 с.
 22. Иванова, С.Ф. Сацыякультурная прастора мовы / С.Ф. Иванова, Я.Я. Иваноў, Н.Б. Мячкоўская. – Мінск: Веды, 1998. – 112 с.
 23. Півавар, К.С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту / К.С. Півавар. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2015. – 155 с.
 24. Иваноў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я.Я. Иваноў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017. – 208 с.
 25. Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы / Ю.А. Петрушэўская. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. – 220 с.
 26. Иванов, Е.Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси / Е.Е. Иванов, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко. – М.: Изд-во РУДН, 2022. – 406 с.
 27. Маслова, В.А. Основы современной лингвистики / В.А. Маслова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 222 с.

Паступіў у рэдакцыю 13.11.2023

Трансфармацыя тэксту ў сучаснай адукацыйнай прасторы

Васюковіч Л.С.

Віцебскі філіял установы адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі
“Міжнародны ўніверсітэт «МІТСО»”, Віцебск

Праблема вызначэння ролі тэксту ў гуманітарнай сферы, у адукацыйным асяроддзі не толькі не вычарпала сябе, яна на-ранейшаму не страчвае актуальнасці. Айчынныя і замежныя вучоныя прызнаюць у тэксце метадалагічны і метадычны цэнтр кніжнай культуры.

Мэта даследавання – тэарэтычна асэнсаваць і выявіць характар трансфармацый тэксту ў рэчышчы сучаснага адукацыйнага асяроддзя.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам паслужыла тэкстатэка школьных падручнікаў па беларускай мове (9–11 класы) для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі. У працэсе аналізу выкарыстаны наступны комплекс метадаў: тэарэтычны, эмпірычны, статыстычны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Праца з тэкстам у рэчышчы трансфармацыі адукацыйнай прасторы праектуе прымяненне інтэграванай метадыкі, кампанентамі якой выступаюць: інтэлектуалізацыя кантэнту; візуалізацыя тэкстаў за кошт рознафарматнай інфармацыі; павышэнне лексікаграфічнай культуры; фарміраванне ўменняў праектнай дзейнасці, назапашванне вопыту даследчай працы.*

Заклучэнне. *Трансфармацыя адукацыйных рэсурсаў спараджае праблему гарманізацыі традыцыйнай і інавацыйнай тэкставай дзейнасці. Інтэграваная метадыка працы з тэкстам арыентавана на назапашванне інтэлектуальна-маўленчага вопыту навучэнцаў, выкарыстанне сфарміраваных кампетэнцый для вырашэння пазнавальных і жыццёвых задач.*

Ключавыя словы: *тэкст, трансфармацыя тэксту, тэксты новай прыроды, інтэграваная метадыка працы.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 151–154)

Transformation of the Text in the Modern Educational Space

Vasiukovich L.S.

Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University MITSO”, Vitebsk

The problem of identifying the role of the text in the humanitarian sphere, in the educational space, has not exhausted itself, it, on the contrary, as before, does not lose its relevance. Domestic and foreign scholars recognize the text as the methodological center of book culture.

The purpose of the study is to theoretically substantiate and identify the nature of text transformations in the modern educational space.

Material and methods. *The material was a text library of school textbooks in Belarusian (grades 9–11) for general secondary education institutions. A complex of methods was used in the analysis process – theoretical, empirical, statistical.*

Findings and their discussion. *Working with text in the conditions of transformation of the educational space projects the use of an integrated methodology, the components of which are: intellectualization of the content; visualization of texts using multi-format information; increasing lexicographic culture; developing skills in project activities; gaining experience in educational and research work.*

Conclusion. *The transformation of educational resources gives rise to the problem of harmonizing traditional and innovative textual activities. The integrated methodology of work is focused on enriching the intellectual and speech experience of students, using the developed competencies to solve cognitive and life problems.*

Key words: *text, text transformation, texts of a new nature, integrated work methodology.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 151–154)

Павышэнне статусу ведаў, інфармацыйных тэхналогій праецыруе новы этап развіцця сучаснай адукацыі. Сённяшня адукацыйная прастора адлюстроўвае мадыфікацыі, выкліканыя ўздзеяннем сацыякультурных фактараў: інфарматызацыя грамадства, інтэнсіўнасць лічбава-камунікатыўных тэхналогій, перабудова кагнітыўнай сферы маладых людзей. Для сучаснай сістэмы адукацыі характэрныя наступныя тэндэнцыі:

– разуменне зместу адукацыі не як сукупнасці прадметных ведаў, а як сістэмы культуры – інфармацыйнай, працэдуранай, рэфлексійнай;

– запатрабаванасць у тэхналогіях, арыентаваных на задавальненне асабістых запягаў, на самасцвярджэнне, у старшых класах – на ажыццяўленне праектна-даследчай дзейнасці, выбар прафесійнага шляху;

– павышэнне ўдзельнай вагі рэфлексійных ведаў, скіраваных на спазнанне ўласнага патэнцыялу, развіццё асобнай матывацыі.

Мэта артыкула – тэрэтычна асэнсаваць і выявіць характар трансфармацый тэксту ў рэчышчы сучаснага адукацыйнага асяроддзя.

Матэрыял і метады. Матэрыялам паслужыла тэкстатэка школьных падручнікаў па беларускай мове (9–11 класы) для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі, у працэсе аналізу выкарыстаны комплекс метадаў – тэрэтычных, эмпірычных, статыстычных.

Вынікі і іх абмеркаванне. Віртуальныя зносіны, новыя спосабы навучання і камунікацыі адлюстроўваюць варыянты кантактавання з дапамогай медыйных сродкаў: адукацыйныя парталы, шматлікія педагагічныя форумы, блогі, матэрыялы, прадстаўленыя інтэрнэт-сервісам YouTube. Як вядома, традыцыйныя формы зносінаў – пісьмовая і вусная – знаходзяцца ў адносінах актыўнага ўзаемаўплыву. Сучасная сітуацыя парушае гэтую камунікатыўную гармонію. Камунікатыўны дысбаланс выклікаецца тым, што, з аднаго боку, віртуальныя формы зносінаў маюць вялікі патэнцыял для самаадукацыі, узбагачэння інтэлектуальных магчымасцей. З другога боку, скарачэнне часу на рэальныя кантакты прыводзіць да фармальнага і фрагментарнага “жывога” ўзаемадзеяння, якое набывае паверхневы, няўстойлівы характар.

Псіхолагі адзначаюць, што развіваецца тэндэнцыя да зніжэння ўзроўню сацыяльнай адаптацыі падлеткаў, што тлумачыцца павелічэннем удзельнай вагі не рэальнай, а віртуальнай камунікацыі. Маладыя людзі характарызуюцца больш высокай ступенню эмацыянальнай нестабільнасці і інфантальнасці. Фарміруецца такая негатыўная тэндэнцыя, як павелічэнне дыстанцыі паміж суб’ектамі адукацыйнага працэсу, зніжэнне значнасці зносінаў паміж настаўнікамі і вучнямі, рост трывогі, напружанасці ў адносінах. У сучасных умовах актуалізуецца роля эмацыянальна-каштоўнага кампанента адукацыі. Даследчыкі сцвярджаюць: “Сапраўдная мэта агульнай адукацыі павінна вызначацца адным, але дастаткова ёмістым словам – адухоўленасць. Адухоўленасць чалавека

як асэнсаванне ім свайго адзінства з гэтым цудоўным і дзіўным светам, а гэта не магчыма без шчырай зацікаўленасці да разумення яго ўнутранай сутнасці, без сфарміраванага пачуцця адказнасці за яго” [1, с. 162].

У кантэксце зменаў у соцыуме, інтэнсіўнага развіцця тэхналогій і сацыяльных сетак сфарміравалася новае пакаленне, якое нарадзілася або вырасла ў новым – інфармацыйным – грамадстве. Зразумела, што сучасная методыка павінна ўлічваць псіхалінгвістычныя асаблівасці сённяшніх падлеткаў, спецыфіку пазнавальнай сферы прадстаўнікоў пакалення Z. Сярод найменняў прадстаўнікоў новай генерацыі фігуруюць шматлікія назвы: лічбавае пакаленне, лічбавыя абарыгены, лічбавыя з нараджэння, лічбавікі і інш. Аб’яднальным момантам усіх назваў з’яўляецца станаўленне пакалення ва ўмовах лічбавай рэвалюцыі, новых інфармацыйных тэхналогій, развіццё грамадства ў так званы постіндустрыяльны перыяд. Сярод характарыстык пакалення Z даследчыкі (А.А. Вярбіцкі, О.В. Дружба, Т.В. Конюхава, Дж.М. Твендж, О.В. Яршова і інш.) вылучаюць:

– ранняе авалоданне лічбавымі тэхналогіямі;

– шматвектарнасць, паралельнае вырашэнне некалькіх задач;

– дамінаванне візуальнай інфармацыі, прыярытэт невербальных тэкстаў;

– развіццё кліпавага мыслення;

– запамінанне алгарытмаў атрымання інфармацыі, а не самой інфармацыі (эфект Google);

– цяжкасці з успрыманнем складанага/аб’ёмнага тэксту.

Як зазначаюць даследчыкі, сучаснае пакаленне здольна адначасова вырашаць некалькі задач, паралельна знаходзіцца на некалькіх сайтах, аднак, як правіла, не прыстасавана да выканання лінейных заданняў, адсутнічае навык канцэнтраваць увагу. Што да мультызадачнасці, то яе ацэнка знаходзіцца ў дыялектычнай плоскасці – як станоўчай, так і негатыўнай. Доктар псіхалагічных навук Джын М. Твендж перакананы: мультызадачнасць суправаджаецца непазбежнай праблемай, паколькі “чалавечы мозг не можа выконваць больш за адну задачу ў кожны момант. Калі вы спрабуеце займацца дзвюма справамі адначасова, вам прыходзіцца пераклучаць сваю ўвагу. Гэта патрабуе намаганняў і не з’яўляецца эфектыўным спосабам... Рэальная мультызадачнасць не пад сілу ніводнаму чалавеку” [2, с. 26].

Адна з асаблівасцей прадстаўнікоў лічбавага пакалення, як падкрэсліваюць вучоныя, – сфарміраванасць кліпавага мыслення. Даследчыкі з дыяметральных пазіцый ацэньваюць кліпавае мысленне як здольнасць чалавека ўспрымаць сусвет праз яркія карцінкі, сціслыя фрагменты ў фармаце відэакліпа або тэлевізійных навін. Да пазітыўных аспектаў такога мыслення адносяць: гэта свайго роду абарона, засцярога ад залішняй інфармацыі, сродак пазбаўлення ад інфармацыйнай перагрузкі. Што да адмоўных прымет кліпавага мыслення, то яны праяўляюцца

ў няўстойлівай здольнасці выбудоўваць лагічныя, прычынна-выніковыя ланцужкі, у адсутнасці ўменняў аналізу, сінтэзу, супастаўлення, абагульнення інфармацыі, у няўменні асэнсаваць іерархію задач, вылучыць падзадачы як этапы дасягнення вынікаў. З улікам спецыфікі кліпавага мыслення сённяшніх навучэнцаў, сфарміраванага пад уплывам візуальнага фармату прадстаўлення матэрыялу, варта адэкватна асэнсоўваць асаблівасці іх успрымання, запамінання і ацэньвання інфармацыі. Вучоныя выказваюць трывогу, што “дзеці, якія не ўмеюць чытаць і аналізаваць лінейныя тэксты як паслядоўнасць слоў, сказаў, думак, не развіваюцца інтэлектуальна” [3, с. 12].

Веданне спецыфікі “лічбавых” дзяцей дапамагае знаходзіць рацыянальныя метадычныя рашэнні. Прызнанне феномена кліпавага мыслення сведчыць пра пераход ад лінейнай мадэлі мыслення да новай, сеткавай. Заканамерна ўзнікае пытанне: “Што рабіць настаўнікам у сучасных умовах?” Н.А. Барысенка фармулюе рытарычны адказ наступным чынам: “Ісці ўслед за развіццём новых форм мыслення (праз выкарыстанне дробных яркіх слайдаў на прэзентацыях, паказ відэаролікаў, фрагментацыю матэрыялу і т.п.) або супрацьстаяць ім, паніжаць рызыку іх узнікнення” [4, с. 11].

Нягледзячы на педагогічныя навацыі, вядучым паняццем метадычнай навукі застаецца *тэкст* у абноўленым, адпаведным часу фармаце. Праблема вызначэння ролі тэксту ў адукацыйным асяроддзі, характару працы з ім не толькі не вычарпала сябе, але па-ранейшаму захоўвае актуальнасць. У залежнасці ад прадмета даследавання паняцце тэксту трактуецца ў розных аспектах. М.М. Бахцін трактаваў тэкст як “звязаны знакавы комплекс”, як першааснову гуманітарных дысцыплін. Вучоны сцвярджаў: “Тэкст з’яўляецца той непасрэднай рэальнасцю (рэальнасцю думак і перажыванняў), з якой толькі і могуць нараджацца гэтыя дысцыпліны і гэтае мысленне. Дзе няма тэксту, там няма і аб’екта для даследавання і мыслення” [5, с. 297].

У разнастайнасці дэфініцый тэксту выразна бачыцца сістэма каардынат, у якой асэнсоўваецца сутнасць паняцця: камунікаты (суб’екты адукацыйнага працэсу), адлюстраваная рэчаіснасць (рэальная або віртуальная), кантэкст, паралелі з іншымі тэкстамі. Мноства азначэнняў тэксту сведчыць пра шматмерную культурную, інфармацыйна-каштоўнасцю прастору, у якой існуе гэтае паняцце. Айчыныя і замежныя вучоныя прызнаюць у тэксце метадалагічны і метадычны цэнтр кніжнай культуры, ключавы сродак навучання, паколькі менавіта на ўзроўні тэксту раскрываецца камунікатыўная сутнасць мовы. Праз тэкст як сродак стварэння развіццёвага асяроддзя адбываецца спазнанне моўных з’яў, граматычных катэгорый, фарміруецца сістэма лінгвістычных паняццяў, забяспечваецца фарміраванне маральна-каштоўнасцей, адбываецца станаўленне асобных адукацыйных вынікаў (Г.М. Валочка, А.Д. Дзей-

кіна, В.У. Зелянко, А.П. Ерамеева, Н.А. Іпалітава, В.А. Маслава, Н.Л. Мішаціна, Т.М. Пахнова, В.Ф. Русецкі, Л.А. Хадзякова, М.Г. Яленскі).

Практыка абнаўлення адукацыйных рэалій найперш звязана з новымі фарматамі тэкстаў, што прымяняюцца для фарміравання сацыяльна-камунікатыўнай кампетэнцыі навучэнцаў. Так, сучасныя кантрольна-вымяральныя матэрыялы ўключаюць не толькі тэксты сферы мастацтва, афіцыйна-дзелавых і бытавых зносін. Паўсядзённыя зносіны рэпрэзентуюць рознафарматныя тэксты: шылды-назвы, рэжым працы магазінаў, кафэ, пошты, паліклінік, кінатэатраў, розных афіцыйных устаноў, паказальнікі геаграфічных назваў, імён, інфармацыйных крыніц, інфармацыйныя табло, таблічкі з назвамі вуліц, плошчаў, знакі, што дазваляюць/забараняюць пэўныя дзеянні, рэкламныя аб’явы і іншыя.

Пад *тэкстамі новай прыроды* разумеюцца фрагменты, якія здольныя ўтвараць “шырокую групу тэкставых структур, адрозных ад традыцыйных... Пад тэкстам новай прыроды маецца на ўвазе думка, зафіксаваная на любым носьбіце, для перадачы якой выкарыстоўваецца паслядоўнасць разнародных сімвалаў, знакаў вербальнага і невербальнага паходжання” [6, с. 9]. “Новыя” тэксты ўяўляюць сабой сінтэз мультымедычных і вербальных кампанентаў, актыўна выкарыстоўваюць інфаграфіку, дапоўненую рэальнасць і іншыя магчымасці камунікацыі. Зварот да тэкстаў новай прыроды ў адукацыйным асяроддзі выклікаў да бытавання мультытэксты, народжаныя асаблівасцямі сучаснай кагнітыўнай сферы.

Развіццё тэкстаў новай прыроды – спроба адшукаць альтэрнатыву славеснаму навучанню. Розныя сацыякультурныя коды даюць падставу спадзявацца на паўнацэнную гарманізацыю лагічна-структураванай і вобразнай інфармацыі. Шматфарматнасць інфармацыі не гарантуе стопрацэнтнага поспеху, аднак дае надзею на пераадоленне негатыўных наступстваў кліпавага мыслення на характар пазнавальнай дзейнасці. Гэтая акалічнасць мае істотнае значэнне, паколькі сённяшні ўзровень светапогляду маладых людзей, іх сістэма каштоўнасцей будзе вызначаць заўтрашні дзень грамадства. Педагогічная грамадскасць вядзе настойлівыя пошукі кампрамісу паміж цэласным успрыманням кніжнай і электроннай культуры, сінтэзам сістэмнага, лагічнага і кліпавага, “сканіраванага” мыслення.

Новыя магчымасці лічбавай рэальнасці маюць і пазітыўны патэнцыял: разнастайнасць крыніц новай інфармацыі, самавыяўленне праз уласную творчасць, фарміраванне асобнай пазіцыі. Адпаведна ўзнікае неабходнасць планаваць адукацыйны працэс з улікам трансфармацыі грамадства пад уплывам новых тэхналогій. Тэксты новай прыроды арганічна інтэгрыруюць слова, гук, анімацыю, карцінку, патрабуюць назапашвання вопыту працы з мультымадальнымі фарматамі. Зразумела, што лічбавая рэальнасць як сфера дзейнасці і зносін становіцца для сучаснага

дзіцці адным з ключавых фактараў паспяховай сацыялізацыі. Ігнараванне гэтага факта можа паглыбіць разрыў паміж асаблівасцямі лічбавага пакалення і сучаснай школы. прызнанне гэтага факта канцэнтруе ўвагу педагагічных даследаванняў на пошуку адэкватных трансфармацый і рашэнняў аб зменах у метадыках навучання і выхавання сучаснай моладзі.

На думку псіхолагаў, актыўнае бытаванне ў інтэрнэт-прасторы фарміруе неабходнасць успрымаць інфармацыю невялікімі порцыямі, яна павінна быць прадстаўлена сцісла, наглядна, суправаджацца невербальным фарматам. Альтэрнатывай інтэрнэт-залежных паводзін можа быць толькі школа з яе класічнай задачай – фарміраванне паняццыйнага мыслення, цэласнага ўспрымання з’яў, устанавленне лагічных, прычынна-выніковых сувязей паміж імі. У метадычным арсенале сучаснага настаўніка павінны знаходзіцца “не модныя”, класічныя прыёмы класіфікацыі і параўнання фактаў, вылучэння галоўнай і другаснай інфармацыі, яе крытычны, шматаспектны аналіз – з мэтай фарміравання свайго меркавання, уласнай пазіцыі, крытычнай ацэнкі фактаў, падзей, з’яў.

У каардынатах абнаўлення пазнавальнай дзейнасці запатрабаванымі застаюцца ўменні працы з інфармацыяй, вопыт паўнацэннага дыялогу з тэкстам. Тэксты ва ўмовах трансфармацыі адукацыйнага асяроддзя патрабуюць *інтэграванай метадыкі працы*, паколькі на сённяшні дзень “без інтэгратаўнага падыходу немагчыма даследаваць складаныя феномены, да якіх адносяцца мова, культура, свядомасць. Ён становіцца найважнейшым светапоглядным накірункам усёй навукі XXI стагоддзя” [7, с. 828].

Заклучэнне. Трансфармацыя адукацыйных рэсурсаў спараджае праблему гарманізацыі традыцыйнай і інавацыйнай тэкставай дзейнасці. Інтэграваная метадыка працы з тэкстам арыентавана на назапашван-

не інтэлектуальна-маўленчага вопыту навучэнцаў, выкарыстанне сфарміраваных кампетэнцый для вырашэння пазнавальных і жыццёвых задач. Спосабамі выяўлення лінгваметадычнага патэнцыялу тэкстаў новай прыроды выступаюць: інтэлектуалізацыя адукацыйнага кантэнт (суправаджэнне гіперспасылкамі); візуалізацыя вучэбных тэкстаў за кошт рознафарматнай інфармацыі; павышэнне лексікаграфічнай культуры працы з электроннымі слоўнікамі; фарміраванне ўменняў практнай дзейнасці, назапашванне вопыту вучэбна-даследчай працы.

Літаратура

1. Васильев, И.А. Эмоции и мышление: монография / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 194 с.
2. Твендж, Джин М. Поколение селфи: науч.-попул. издание / Джин М. Твендж. – М.: Эксмо, 2018. – 328 с.
3. Холодная, М.А. Интеллектуальность, креативность, обучаемость: ресурсный подход (о развитии идей В.Н. Дружинина) / М.А. Холодная // Психол. журн. – 2015. – № 5. – С. 5–14.
4. Борисенко, Н.А. Что нужно знать учителю-словеснику о психологических особенностях поколения Z / Н.А. Борисенко // Русский язык в школе. – 2021. – № 3. – С. 7–17.
5. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
6. Казакова, Е.И. Тексты новой природы: закономерности и технологии развития современной грамотности в условиях качественной модернизации современного текста / Е.И. Казакова // На путях к новой школе. – 2014. – № 1. – С. 4–12.
7. Маслова, В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям / В.А. Маслова // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 823–847.

Паступіў у рэдакцыю 13.11.2023

Инструменты воздействия на собеседника в политическом пранке

Морозова О.Н., Дементьев Е.С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет», Тверь

Воздействие на жертву политического пранка является важным фактором в современном политическом пранке, который позволяет достичь заданных пранкерами целей.

Цель статьи – определить основные инструменты воздействия на жертв политического пранка, а также определить, как пранкерам удастся остаться не раскрытыми во время пранка.

Материал и методы. *Источником исследования представлены видеоролики канала «Пранкеры Вован и Лексус» на видеохостинге RUTUBE. При подготовке статьи был применен метод анализа.*

Результаты и обсуждение. *Рассмотрены основные языковые инструменты воздействия на жертву политических пранков, их влияние на успешность пранка, а также проработка образов пранкеров, которые они используют для разговора с жертвами.*

Заключение. *В пранках применяют большое количество директивов и экспрессивов, которые позволяют добиться поставленных целей. Образ пранкеров состоит из множества проработанных аспектов.*

Ключевые слова: *пранк, манипуляция, языковое воздействие, пранк-журналистика, политический пранк.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 155–158)

Tools for Influencing the Interlocutor in Political Prank

Morozova O.N., Dementyev E.S.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
“Tver State University”, Tver

The impact on the victim of political prank is an important factor in modern political prank, which allows prankers to achieve their goals.

The purpose of the article is to identify the main instruments of influence on the victims of political prank, as well as to determine how prankers manage to remain undisclosed during the prank.

Material and methods. *The source of the research is the videos of the channel Prankers Vovan and Lexus on the RUTUBE video hosting. The method of analysis was used in the work.*

Findings and their discussion. *We've considered the main linguistic tools of influencing the victim of political pranks, their impact on the success of the prank, as well as the elaboration of images of prankers that they use to talk to victims.*

Conclusion. *Pranks use a large number of directives and expressive phrases that allow to achieve their goals. The image of prankers consists of many elaborated aspects.*

Key words: *prank, manipulation, linguistic influence, prank journalism, political prank.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 155–158)

В современной цифровой эпохе виртуализация коммуникации становится все более распространенным явлением. С использованием виртуальных платформ, социальных сетей и мессенджеров люди могут общаться и взаимодействовать, преодолевая ограничения местоположения и времени. Важным аспектом этой темы является новое воплощение понятия «пранк» в контексте виртуализации коммуникации. Пранк представляет собой

особый вид коммуникации, основанный на создании ситуаций, способных вызвать у собеседников определенные эмоциональные реакции.

Однако виртуализация коммуникации также открывает новые перспективы для развития практики пранка. С момента быстрого распространения информации в интернете и возможности создания множества виртуальных профилей, а также поддержания анонимности пранкерам предоставляется уникальная

возможность оказывать влияние и привлекать широкую аудиторию. Эти факторы позволяют практикующим пранкерам добиваться большего воздействия на общественное мнение и распространения своих идей.

Пранкеры Вован и Лексус в своих видеороликах открыли новые возможности пранков, создав так называемую пранк-журналистику. Пранк-журналистика – это пранк, при котором главным является не комический эффект, а получение необходимой информации, которую нельзя получить другим способом. В данном случае звонят не случайному лицу, а известной в политике личности.

В политическом розыгрыше языковые инструменты используются для достижения другого результата, который заключается в формировании общественного мнения и влиянии на политический дискурс. Политические розыгрыши могут принимать различные формы, включая сатиру, пародию и протест. Словесные действия в политических розыгрышах направлены на то, чтобы бросить вызов статус-кво, разоблачить лицемерие и спровоцировать общественные дебаты. Вербальные действия в политических розыгрышах также могут способствовать установлению социальных связей между шутником и аудиторией, а также между самими членами аудитории. Политические розыгрыши часто привлекают единомышленников, разделяющих одни и те же политические взгляды, а словесные действия, используемые в розыгрыше, могут укрепить социальные связи.

Актуальность данной темы в том, что появился новый вид журналистики, который не изучен и требует анализа, потому что методы Вована и Лексуса отличаются от методов обычных журналистов. Цель статьи – понять и проанализировать, какими языковыми инструментами пользуются Вован и Лексус в своих пранках и как они остаются не раскрытыми своими жертвами.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили видеоролики канала «Пранкеры Вован и Лексус» на видеохостинге *RUTUBE*. Использовался метод контент-анализа.

Результаты и обсуждение. В своих видеороликах на видеохостинге *RUTUBE* пранкеры Вован и Лексус разыгрывают известных политических деятелей со всего мира, чтобы получить неизвестную гражданам информацию. Вследствие этого появилось новое понятие *пранк-журналистика*. При просмотре видеороликов заметно, что такого рода пранкеры практически не отличаются от журналистов: можно сказать, что они берут интервью, потому что беседа ведется в вопросно-ответной форме. Главное отличие в том, что их собеседник думает, что он разговаривает не с российскими блогерами-пранкерами, а с другими политиками, например представителями Украины, как в видеоролике с Генри Киссенджером, африканским политиком, как в видеоролике с Педро Санчесом, представителем парламента Испании и т.д. Стоит отметить, что пранкеры используют различные

технические средства для того, чтобы пригласить своих собеседников на разговор, интервью и т.д. Они пользуются приложениями для изменения голоса, добавления акцента.

Прорабатывание образа является одним из самых важных факторов успешности пранка. Чтобы пранкеры не раскрыли, они используют специальные программы для смены внешности, если разговор ведется по видеосвязи. Из-за того, что пранкеры притворяются другими людьми, их можно назвать актерами, их образ складывается из многих факторов. Одним из важнейших является происхождение образа: необходимо понимать, что украинец не будет пользоваться пророссийской риторикой, его должно интересовать, например, вступление Украины в НАТО, Евросоюз и т.д. В своих видеороликах пранкеры, чтобы получить доверие, используют украинскую риторику в адрес России, она позволяет пранкерам остаться в образе, потому что в данном случае необходимо пользоваться всеми возможностями, даже если они не согласны с этими высказываниями. Также они не могут себе позволить хвалить Россию и ее правительство из-за того, что это вызовет вопросы у жертвы пранка. В образе африканца используется риторика африканских политических деятелей и т.д. Критерий, который может быть сюда отнесен, – это знание английского языка, потому что при коммуникации им необходимо говорить без русского акцента, чтобы также не вызывать подозрений у жертвы. Но акцент может также сыграть свою роль, потому что, например, большинство африканских политиков имеют акцент при говорении, это нужно учитывать при составлении образа. Также пранкеры должны понимать социальную роль своей жертвы и своего образа, ведя деловую беседу, не должны давать лишней и неподходящей оценки сказанного жертвой пранка. При проведении пранков Вован и Лексус часто используют официальный и дипломатический язык, что делает их разговоры более правдоподобными. Они прибегают к сложным терминам, официальным заголовкам и вежливой манере общения.

Следовательно, одним из способов воздействия является подмена образа, это настраивает собеседника на откровенный разговор, который, как он считает, не будет афиширован общественности. Именно поэтому жертвы пранков Вована и Лексуса делятся информацией, которая не была опубликована.

Пранки, реализуемые Вованом и Лексусом, можно назвать интервью, потому что жертва в их пранках всегда отвечает на вопросы, которые интересуют пранкеров. Речевой акт вопроса является основным способом получения необходимой пранкерам информации. Согласно теории речевых актов, которая появилась в 60-х годах XX века, благодаря Дж.Л. Остину, вербальная коммуникация человека строится из речевых актов. Речевой акт – это акт коммуникации, при котором высказывание говорящего имеет определенную цель (передача информации, запрос

информации или воздействие на слушающего). Данный акт делится на три уровня: локутивный, иллюкутивный и перлокутивный. Локутивный акт – это говорение, именно произношение, перлокутивный акт – это результат говорения. Одним из основных открытий Дж. Л. Остина, повлиявших на современную лингвистику в теории речевых актов, является перформатив, то есть иллюкутивный акт [1; 2]. Перформатив – речевой акт, или иллюкутивный, определяется как акт, совершаемый при помощи высказывания, который имеет определенное намерение или функцию в общении. Перформативы представляют собой конкретный вид иллюкутивных актов, выполняющие точные действия при их произнесении.

Можно определить условия успешности данного речевого акта:

- 1) жертва пранка не знает, кому доверяет «инсайдерскую» информацию;
- 2) пранкеры и общественность не знают ответа на вопрос или мнения жертвы по данному вопросу;
- 3) жертва знает ответ на вопрос или обладает определенным мнением по заданному вопросу;
- 4) жертва готова поделиться информацией со своим подставным собеседником;
- 5) пранкер не должен выходить из своего образа.

Стоит упомянуть, что во время пранка Вован и Лексус преследуют сразу несколько целей, потому что они находятся в образе, говоря что-то не от своего лица, одновременной целью являются также цели самих пранкеров, например, получить информацию. Следовательно, можно сказать, что, когда они делают комплимент, их цель не только сказать, что-то приятное, но и войти в доверие жертвы, вследствие чего получить больше необходимой им информации. Можно предположить, что в высказываниях присутствует совокупность целей, которые делятся на цели самих пранкеров и цели их образа. Цели пранкеров никогда не меняются, главная цель – получение информации, второстепенная цель – жертва не должна понять, что она разговаривает с пранкерами. Цели образа другие, например, если образ знаком с жертвой, то целью будет узнать, как дела у жертвы, но пранкерам это неинтересно, им необходима только информация, поэтому для них это лишь инструмент для воздействия на жертву.

Речевой акт вопроса является основным в политическом пранке, однако используются и другие речевые акты, которые позволяют воздействовать на жертву пранка или получить ее доверие. Экспрессивы играют важную роль в воздействии на жертву. Экспрессивы приветствия встречаются в большинстве пранков Вована и Лексуса и сопровождаются такими высказываниями, как «*Рад вас слышать*», «*Очень приятно, что вы нашли время для нашего разговора*», «*Рад этой встрече*» (по видеосвязи). Также в начале беседы используются речевые акты благодарности: «*Большое спасибо*», «*спасибо*», «*благодарю*», пранкерам необходимо поддерживать свой

образ подобными высказываниями [3; 4]. Если жертва пранка и реальный образ пранкера знакомы, ведется дружеская беседа: не присутствуют такие местоимения как *Вы, Вас* и т.д. Тогда в пранке используются обращения: «*Дорогой друг*», «*Дорогой Франсуа*» (бывший президент Франции Франсуа Олланд) «*ты*», «*тебе*» и т.д. Для пранкеров важно знать, знакомы ли собеседник и человек, чей образ взяли пранкеры, каковы их отношения (близкие, дружеские или только деловые), чтобы не быть раскрытым во время пранка. Это важный фактор, который может изменить исход пранка. Обычно в подобных пранках после приветствия пранкеры задают вопрос «*Как твои дела?*». А также, чтобы не потерять доверие, задают какие-либо личные вопросы, на которые знает ответ только данный человек. Например в пранке с Франсуа Олландом, образом пранкеров был бывший президент Украины Петр Порошенко. Пранкеры задают такой вопрос: «*Кстати, как там мой орден свободы, ты его носишь?*» [5].

Когда пранкеры ведут диалог с жертвой, то часто употребляют высказывания «*каково ваше мнение?*», «*что вы думаете?*» Использование данных высказываний позволяет не только узнать мнение жертвы по заданному вопросу, но и воздействовать на нее. Формулировка показывает собеседнику, что его мнение важно для слушающего, а это значит, что он может более откровенно поделиться не только искомой информацией, но и своими мыслями по теме. В свою очередь, это позволяет понять, какой стороны придерживается собеседник, а также в некоторых случаях увидеть, насколько некомпетентен человек в вопросе, в котором он позиционирует себя экспертом. В пранках Вована и Лексуса подобные высказывания преподносятся в юмористической форме, но их зрители делают выводы о жертвах пранков, видя эту некомпетентность.

Использование директивных высказываний «*давайте будем честными*» или «*давайте будем откровенными*» также воздействует на жертву пранка. Данные выражения позволяют пранкерам заставить жертву сказать правду. Важным является и тот фактор, что жертва считает разговор конфиденциальным, поэтому может сообщить известную ей информацию. Например, подобное высказывание было использовано в пранке с министром обороны Швеции Полом Юнсоном, когда пранкеры задали вопрос про потери Украины в войне с Россией [4]. Это необходимо, потому что многие политические деятели не делают подобных официальных заявлений, начиная уходить от ответа. Но из-за сложения языковых факторов, а также социальных факторов во время пранка они считают, что могут выдать информацию, которая недоступна гражданам; украинские потери – один из таких примеров, потому что официальные данные о потерях не предоставлялись с начала войны.

Также одним из инструментов является лесть в отношении жертвы пранка, это один из самых

известных языковых способов воздействия на собеседника. Пранкеры пользуются ей для достижения своих целей, как и другими инструментами. Они прибегают к лести, чтобы создать благоприятную атмосферу для более конфиденциальной и продуктивной беседы с целью получения нужной информации. Подобные высказывания воздействуют на жертву пранка тем, что она дает более откровенные и искренние ответы на заданные вопросы, т.е. с ней легче вести беседу.

Когда разговор переходит в стадию решения проблемы, в большинстве случаев в инструментарии пранкеров появляются директивы, которые используются для получения ответа на вопрос, мнения, согласия или несогласия по какой-либо теме или недавно появившемуся заявлению. Директивы вместе с другими инструментами помогают авторам пранков достигать своих целей, например, добиться от жертвы признания в чем-то, изменить свое мнение или дискредитировать жертву пранка. В каких-то случаях жертва сама себя дискредитирует, например, Генри Киссинджер [6] не дает понятных ответов на вопросы и постоянно отходит от темы. На вопрос «Как вы думаете, как Россия отреагирует на подрыв газопровода Северный Поток-2?» он дает не логичные ответы про Камалу Харрис, сообщая, что та не сможет избраться президентом. В подобных случаях пранкерам можно не пользоваться языковыми инструментами: зрители и так посмеются над некомпетентностью некоторых лиц [6].

Заключение. Политический пранк требует от автора серьезных знаний во многих сферах, которые пранкер должен объединить, чтобы добиться результатов. В первую очередь необходимы знания правил ведения официально-деловой беседы, а также знания

в области политологии и психологии. Лингвистика здесь также играет свою роль, потому что именно языковые инструменты в процессе пранка позволяют добиться таких результатов, как экспрессивы и директивы. В этом авторам помогает проработка образа своего персонажа, манера общения, технические инструменты изменения голоса, акцент и идеальное знание языков.

Литература

1. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151–169.
2. Остин, Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22–129.
3. Пранкеры Вован и Лексус: Пранк с премьер-министром Испании Педро Санчесом [Электронный ресурс] // RUTUBE. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/64406ef689144a1449579f77616da136/?playlist=331101>. – Дата доступа: 30.10.2023.
4. Пранкеры Вован и Лексус: Пранк с министром обороны Швеции Полом Юнсоном [Электронный ресурс] // RUTUBE. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/e48d480db26076a542e7923e04187e46/?playlist=331096>. – Дата доступа: 30.10.2023.
5. Пранкеры Вован и Лексус: Полный пранк с бывшим президентом Франции Франсуа Олландом [Электронный ресурс] // RUTUBE. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/b776141376256500dbe088f591f65237/?playlist=279365>. – Дата доступа: 30.10.2023.
6. Пранкеры Вован и Лексус: Полный пранк с Генри Киссинджером [Электронный ресурс] // RUTUBE. – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/e662c66469cf0d18973b418be705b1bf/?playlist=313317>. – Дата доступа: 30.10.2023.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Параметры текстуальности и знаковые характеристики триады «текст–художественный текст–кинотекст»

Рыбинок Е.С.*, Красина Е.А.**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российской университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», Москва

**Независимый исследователь, Москва

В лингвосемиотике все компоненты триады «текст–художественный текст–кинотекст» рассматриваются как сложные знаки. Каждый из них сквозь призму параметров текстуальности предстает как отдельный тип текста: художественный текст обременен параметрами образности и событийности; кинотекст – параметрами интертекстуальности, гетерогенности, поликодности.

Цель статьи – сопоставительное анализ художественного текста и кинотекста, для которого вербальный художественный текст является литературной основой, и выявление особых параметров кинотекста – сложного семиотического образования на фоне его поликодности.

***Материал и методы.** Основным объектом исследования предстает художественный текст романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» как литературная основа кинотекста-экранизации в одноименном сериале Ю. Грымова. В ходе обсуждения и анализа использовались семантико-семиотическое описание текста в целом и его компонентов, параметрический анализ, сопоставление, критический анализ теоретических источников.*

***Результаты и их обсуждение.** Параметрический анализ демонстрирует специфику типа текста, которая не исключает семи базовых параметров текстуальности, по И.Р. Гальперину и/или по Р.А. Богранду и В. Дресслеру, а именно: связности/когезии, целостности/когерентности, информативности и т.д. Однако за исключением связности и целостности, все прочие базовые параметры могут изменять свой ракурс.*

***Заключение.** В результате при сопоставлении литературной основы экранизации-кинотекста романа Л. Улицкой и собственно сериала Ю. Грымова были объективированы следующие характеристики кинотекста как экранного продукта: гибридность, поликодность, синкретичность, интерсемиотичность, мультимодальность.*

***Ключевые слова:** текст, художественный текст, кинотекст, параметры текстуальности, сложный знак, нарратив, образность, интертекстуальность, поликодность.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 159–163)

Parameters of Textuality and Significant Characteristics of the Triad “Text–Fiction Text–Cinema Text”

Rybinok E.S.*, Krasina E.A.**

* Federal State Autonomous Educational Institution higher education "Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba", Moscow

**Independent Researcher, Moscow

In linguistic semiotics, all components of the triad “text–literary text–film text” are considered as complex signs. Each of them, through the prism of the parameters of textuality, appears as a separate type of text: the literary text is burdened with the parameters of imagery and eventfulness; the film text – by the parameters of intertextuality, heterogeneity, polycode.

The purpose of the article is a comparative analysis of the literary text and the film text, for which the verbal literary text is the literary basis, and the identification of special parameters of the film text – a complex semiotic formation against the background of its polycode.

***Material and methods.** The main objects of the study are the literary text of L. Ulitskaya’s novel “Kukotsky’s Case” as the literary basis of the film text-screen adaptation in the series of the same name by Y. Grymov. During the discussion and analysis,*

a semantic-semiotic description of the text as a whole and its components, parametric analysis, comparison, and critical analysis of theoretical sources were used.

Findings and their discussion. Parametric analysis demonstrates the specificity of the text type, which does not exclude the seven basic parameters of textuality, according to I. R. Halperin and/or according to R. A. Bogrand and V. Dressler, namely: connectivity/cohesion, integrity/coherence, information content, etc. However, with the exception of coherence and integrity, all other basic parameters can change their perspective.

Conclusion. As a result, when comparing the literary basis of the film adaptation of the text of the novel by L. Ulitskaya and the series itself by Y. Grymov, the following characteristics of the film text as a screen product were objectified: hybridity, polycode, syncretism, intersemioticity, multimodality.

Key words: text, literary text, film text, parameters of textuality, complex sign, narrative, imagery, intertextuality, polycode.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 159–163)

Теория текста выходит далеко за рамки современной лингвистики текста, которая трактует его как связанное целое и включает семиотические феномены, которые в поликодовом кинотексте, подобно вербальному тексту, отличают два существенных параметра текстуальности – связность и целостность. Актуальность работы определяется тем фактом, что через призму параметров текстуальности каждый вид текста демонстрирует, помимо базового набора из семи параметров, наличие специальных параметров, что при сопоставлении явно обнаруживается в триаде «текст–художественный текст–кинотекст». В первую очередь это относится к гибридным поликодовым текстам. Цель статьи – сопоставительный анализ художественного текста и кинотекста, для которого вербальный художественный текст является литературной основой, и выявление особых параметров кинотекста – сложного семиотического образования на фоне его поликодовости.

Материал и методы. Объектами исследования избираются два текста – художественный литературный текст романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» и кинотекст одноименного сериала режиссера Ю. Грымова [1–2]. Кинотекст как экранизация художественного повествования, как текст экранный и виртуальный – это трансляция, семиотическое преобразование художественного текста в кинотекст.

В процессе исследования использовались теоретико-методологические наработки современных отечественных и зарубежных лингвистов. Основными методами являются параметрический анализ (в фокусе внимания текстуальная параметризация), семантико-семиотическое описание, сопоставление, критическое осмысление теоретических постулатов лингвистики.

Результаты и их обсуждение. Вербальный текст или «некоторая законченная последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [3, с. 6] структурно представляет собой некоторое когерентное множество предложений. По определению, объектом лингвистики текста являются «правила построения связанного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [4, с. 267]. Очевидно, что речь идет о категории текстуальности и ее параметрах.

В качестве основных параметров текстуальности принято выделять **когезию (связность)** и **когерент-**

ность (цельность), поскольку они обеспечивают внутреннюю завершенность и смысловое единство вербального текста в его отношении к изображаемой действительности, по И.Р. Гальперину (см. также: А. Богранд и В. Дресслер)¹. Эти параметры дополняет **интеграция** – неотъемлемый параметр текста, заданный «самой системой текста и возникающий в нем по мере его развертывания [5, с. 124]. Что касается художественного текста, то интеграция обеспечивается сюжетом, композицией и системой образов, при этом, сочетание параметров **интенциональности** и **восприимчивости** обусловлены основной темой и идеей художественного текста, как и его эстетической функцией. В свою очередь, **информативность**, **ситуативность/событийность** и **контекстуальность** поддерживаются и линейностью, **континуальностью** повествования.

В лингвосомиотике текст понимается как сложный знак, и в зависимости от его области определения, формы и функций, от параметров текстуальности, он понимается как «объединенная смысловой связью последовательность **знаковых** единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (...), и далее расширяют понимание текста до «осмысленной последовательности **любых знаков**, это **любая** форма коммуникации, в том числе образ, танец, ритуал [4, с. 507] (выделено нами. – Е.Р., Е.К.).

Тем не менее по-прежнему остается дискуссионным вопрос о знаковости любого текста, в том числе и художественного, хотя возможен компромисс для признания условной знаковости художественного текста: это сложный знак вербального кода, как единство обозначающего – отсылка к предмету-референту (денотату) и обозначаемого через отношение действительности [6, с. 15].

Относительно художественного текста проф. Л.Г. Бабенко полагает, что этот тип текста тоже сложный знак, сочетающийся с гибкостью системы внутритекстовых связей различных уровней: «В их выделении обнаруживается разноречивость и разнотой, что обусловлено объективно – сложностью текста как

¹ См. семь критериев текстуальности, по Р.А. Богранду и В. Дресслеру: 1) cohesion (когезия/связность); 2) coherence (когерентность); 3) intentionality (интенциональность); 4) acceptability (восприимчивость); 5) informativity (информативность); 6) situationality (ситуативность); 7) intertextuality (интертекстуальность).

объекта изучения и субъективно – исходной научной позицией исследователя» [7, с. 41]. Очевидно, что семиотический параметр художественного текста неоднозначен. Вместе с тем обращенные к действительности композиция, сюжет и фабула свидетельствуют о его принадлежности к семиосфере, и тогда, по Ю.М. Лотману, художественный текст можно рассматривать как семиотическую, и семантическую модель [8].

По мнению Л.Н. Мурзина и А.С. Штерна, в тексте любого типа, а в художественном тексте, в частности, обнаруживаются и формальные, и семантические связи, которые в единстве обеспечивают целостность текста. В коммуникативном аспекте реципиенты воспринимают текст как единое целое, как единую ситуацию. При этом, существенным становится еще один параметр текстуальности – **ситуативность/событийность**, и возникает контекст, наделяющий цельность текста новым дополнительным содержанием [9, с. 11–13]. Так постулируется параметр **контекстуальности**.

Художественный текст как нарратив-повествование² объединяется сюжетом и системой образов, а параметры текстуальности дополняются **интенциональностью** и **восприимчивостью** со стороны его реципиентов, что напрямую зависит от основной темы и идеи художественного текста, как и от его эстетической функции.

Параметр **информативности** художественного текста непосредственно взаимодействует с параметрами **контекстуальности** и **ситуативности/событийности**. По И.Р. Гальперину, принято различать три вида информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую [5, с. 27–28].

В художественных текстах содержательно-подтекстовая информация играет особую роль: хотя она предстает в вербальной форме, но, полагаем, обусловлена не только фоновыми знаниями реципиента, а зачастую его индивидуально-бессознательными мировосприятием и интуицией.

Наконец, о параметре **интертекстуальности**. В романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» этот параметр текстуальности опирается на исторический контекст, например, время действия, имена реальных исторических лиц – известного медика С.И. Спасокукоцкого, прототипа персонажа П.А. Кукоцкого, как и на творчество Л. Улицкой в целом, например, на ее произведения, в названиях которых есть личное имя собственное, как правило, имя главного персонажа, как явная или неявная аллюзия на его биографию, на историю семьи, сравните: повесть «Сонечка» (1992);

семейная хроника «Медея и её дети» (1996); роман «Искренне ваш Шурик» (2003); роман «Даниэль Штайн, переводчик» (2006); роман-притча с автобиографическим комментарием «Лестница Якова» (2015) (по R.A. De Beaugrande & W. Dressler).

Текстуальный параметр **образность** – это особая категория художественного текста, органично обусловленная эстетической функцией. Она определяется как «характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности» [10, с. 252]. Понятие образности в языковой форме взаимодействует с понятиями **экспрессивности/выразительности** и **метафоричности**, – все они поддерживают образность [11, с. 341].

Итак, художественный текст – это вербальный текст, допускающий включение элементов других неязыковых кодов, например иллюстрации, декоративные и шрифтовые элементы. Художественный текст, обладая комплексом параметров текстуальности, реализуемых его содержанием и формой, предстает как условное знаковое образование с семиотическими отношениями синтактики, семантики³ и прагматики. Как модель семиосферы, он требует дополнительной интерпретации пространства текста с его вербальными и невербальными компонентами-знаками.

Такая характеристика в полной мере относится к роману Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», послужившему литературной основой одноименного сериала Ю. Грымова, который далее рассматривается как пример кинотекста.

В отечественной лингвистике с 1980-х гг. в трехмерном пространстве языка, по Ю.С. Степанову, кинотекст становится новым лингвoseмиотическим феноменом. В наши дни в процессе бурного развития медиатехнологий кинотекст предстает как разновидность экранных текстов [12]. При этом, текст получает новую семиотическую трактовку, и таким образом объединяет и вербальные (литературные художественные тексты в письменной форме), и невербальные формы в рамках многих видов искусства – живописи, архитектуры, музыки, сценических произведений и под.

Иными словами, «... “текст” понимается как единое структурно-смысловое целое (...), которое создается контаминацией элементов всех уровней, функционирующее в определенном прагматическом контексте, определяющим его восприятие и понимание» [12, л. 48], и как всякий знаковый феномен, каждый текст может быть описан в семиотических терминах. По Г.Г. Слышкину и М.А. Ефремовой, «порождение кинотекста связано с многократной семиотической трансформацией текста» [13, с. 29] – текста художественного, литературной основы сценария

² Термин «нарратив» используется параллельно с термином «повествование». По мнению Д.С. Лихачева, «повествование принято употреблять в узком, исследовательском смысле, но для широкого читателя это своего рода обезличенный термин. Напротив, термин “нарратив” представляет повествование, рассказ как способ интерпретации реальности».

³ Так, по Б.А. Успенскому, семантика нарратива синтезирует отношение точки зрения к художественной действительности; синтактика рассматривает соотношение различных точек зрения в пространстве нарратива, наконец, прагматика характеризует композиционные особенности художественного текста в связи с читательской точкой зрения [14, с. 164].

кинотекста-фильма. Существенно, что благодаря сценарию, кинотекст всегда создается коллективом авторов, принадлежит коллективному автору, включая автора художественного произведения, автора идеи кинофильма, автора адаптированных диалогов художественного текста и режиссера.

Что касается вербальных компонентов кинотекста, то авторы говорят о звучащей речи, диалогах, закадровом тексте⁴, титрах. В кинематографическом процессе режиссер фильма, безусловно, является активным участником, и поэтому фильм, как правило, характеризуется по имени режиссера: в нашем случае сериал «Казус Кукоцкого» (2005; 12 серий) режиссера Ю.В. Грымова по одноименному роману Л. Улицкой.

Кинотекст как повествование-нарратив, как экранный продукт оформляется кинематографическими средствами, и на фоне общих правил художественного повествования обнаруживаются специфические черты нарратива кинотекста, в котором кинематографист-коллективный автор экранного продукта выполняет функцию нарратора-рассказчика с опорой на целый арсенал знаковых средств и приемов не только вербальных, но и аудиовизуальных ресурсов [15, с. 89]. Художественный фильм – это жанр игрового кино, что исключает буквальную экранизацию и взаимозаменяемость литературной основы и кинотекста и с точки зрения фактора времени или фактора пространства, и с точки зрения образности и образов.

Кинотекст – аудиовизуальный феномен – формирует «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, которое зафиксировано на материальном носителе и предназначено для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [13, с. 37].

Согласно этой дефиниции, кинотекст опирается на две семиотические системы – лингвистическую и нелингвистическую. Лингвистическая система представлена многозначными знаками-символами (в кинотексте они существуют и в устной (диалоги, озвученный закадровый текст), и в письменной форме (название, титры, субтитры и др.).

Графические вставки используют письменную форму, например, в кадре плакат с лозунгом «*Здоровье матери и ребенка одна из главных задач советской медицины!*» (6 серия); надпись «*Москва. 1958 год*», указывающая место и время действия (7 серия); обложка книги И. Гольдберга “*Ilya Goldberg. Sketches of Genoethnographics of Soviet People*” (9 серия); лозунг-поздравление «*С Новым 1952 годом!*» (11 серия)

⁴ Закадровый текст – это буквенные фрагменты художественного текста-основы экранизации; обычно он звучит на фоне изображения, иногда на фоне музыки. В сериале «Казус Кукоцкого» закадровый текст читает А. Баталов, который не участвует в сценическом действии.

и другие. Они могли быть и в устной форме в диалогах или закадровом тексте, но письменная форма поддерживает одновременно континуальность и членимость кинотекста.

Нелингвистическими являются так наз. «кинематографические коды», по сути, аудиовизуальные коды, которые, благодаря кинематографическим технологиям, воздействуют на восприятие кинотекста зрителем.

Семиотическое пространство и материал кинотекста наполнены разнообразными смыслами и подтекстами, принадлежащими к той или иной знаковой системе, обуславливая взаимодействие изображения (видеоряд, графика) и звука (звучащая речь, природные шумы, музыка). В силу того, что кинотекст сочетает и интегрирует компоненты различной семиотической природы, его можно характеризовать как сложный знак, по природе, интерсемиотический, синкретичный, объединяющий несколько кодов, гибридный, поликодовый [16, с. 95; 7, с. 44–46].

Оппозиция «поликодовый текст (родовое понятие) – кинотекст (видовое понятие)» поликодового текста затрагивает понятие креолизации текста, которая становится одним из параметров текстуальности поликодовых текстов. Это средство с необходимостью характеризует интегрирование вербальных и невербальных кодов. Тогда, по Ю.М. Лотману, кинотекст осуществляет синтез двух нарративных тенденций: словесной и изобразительной («движущаяся живопись»). Важен также и аудиальный компонент: звуки человеческой речи, музыка, шумы и др. Так, в сериале «Казус Кукоцкого» музыка (песня «Обещай сделать вдох...») звучит в конце каждой серии на фоне финальных титров; соло на саксофоне, которое исполняется под проливным дождем, – выражение силы чувств и т.д. Для зрителя музыка играет роль эмоционального образного компонента кинотекста.

С точки зрения типизации кодов кинотекста, когда код выступает в качестве дополнительной конвенциональной искусственной структуры, необходимой для передачи информации [17, с. 289], на наш взгляд, достаточно полно различные коды кинотекста-экранизации отражает типология В.Н. Степанова, разработанная для поликодовых текстов рекламы:

- текстовые коды,
- коммуникативные коды,
- культурные коды,
- визуальные коды,
- музыкальные коды [18].

Среди них на первом месте – текстовые коды, объединяющие все последующие. В совокупности эти коды свидетельствуют о гетерогенности кинотекста в целом. При этом кинотекст, как и любой поликодовый текст, иллюстрирует сложное лингвесемиотическое синкретичное единство [12; 19].

Еще один параметр текстуальности кинотекста – это мультимодальность. Зачастую используется двойная характеристика: поликодовый-мультимодальный текст. Вслед за Ю.А. Евграфовой, полагаем,

что мультимодальность свойственна «перцептивному восприятию при помощи различных модальностей (каналов восприятия информации)» [12, л. 44], и поэтому она характеризует реципиента-адресата, в первую очередь. Таким образом, особыми параметрами текстуальности кинотекста становится поликодовость, мультимодальность, интерсемиотичность как объединение разнородных кодов – вербальных, аудиовизуальных, культурных, коммуникативных, графических.

Заключение. В целом, триада «текст–художественный текст–кинотекст» убедительно показывает, что различные типы текстов обладают особыми комплексами параметров текстуальности и даже кодов, причем в каждом отдельном типе текста общие базовые параметры имеют специфические дополнения.

За пределами собственно лингвистики текста, в лингвесемиотике любой текст осознается и функционирует как сложный знак, постоянно уточняя свои сущностные характеристики – параметры текстуальности. Прежде всего, поликодовый кинотекст – это сложный знак, в плане выражения представленный вербальными и невербальными компонентами, а в плане содержания его отличают гетерогенность, гибридность, синкретичность, интерсемиотичность и мультимодальность.

Литература

1. Улицкая, Л. Казус Кукоцкого [Электронный ресурс] / Л. Улицкая. – Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/Ulitskaya/ulitskaya_kazus.htm; <https://mir-knigi.info/books/proza/sovremennaya-proza/52658-kazus-kukockogo.html>. – Дата доступа: 25.10.2023.
2. YouTube-канал «КиноТеатр Юрия Грымова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/playlist?list=PLCqk0_m2goYLUEYdQbIi07I3rXdFfmMGK. – Дата доступа: 25.10.2023.
3. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. VIII. – С. 467–472.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Совет. энцикл., 1990. – 685 с.
5. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
6. Magli, P. *Semiotica: Teoria, metodo, analisi* / P. Magli. – Venezia: Marsilio, 2004. – 221 p.
7. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для студентов вузов, обучающ. по спец. «Филология» / Л.Г. Бабенко [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
8. Лотман, Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2004. – 704 с.
9. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. – 172 с.
10. Эпштейн, М.Н. Образ художественный / М.Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://poisk-ru.ru/s6672t22.html>. – Дата доступа: 25.10.2023.
11. Ольховиков, Д.Б. «Образность» как категория филологического описания текста / Д.Б. Ольховиков // RES LINGUISTICA: К 60-летию д-ра филол. наук, проф. В.П. Нерознака. – М.: МГУ, 2000. – С. 338–355.
12. Евграфова, Ю.А. Лингвесемиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ю.А. Евграфова. – Мытищи, 2021. – 503 л.
13. Слышкин, Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М.: Изд-во «Водолей Publishers», 2004. – 153 с.
14. Успенский, Б.А. Семиотика искусства / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 9–280.
15. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Ээсти раамат, 1973. – 140 с.
16. Максименко, О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О.И. Максименко // Вест. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 2. – С. 93–102.
17. Лотман, Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста: Семиотика кино и проблемы киноэстетики: Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – 702 с.
18. Степанов, В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте / В.Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 2(13). – С. 92–100.
19. Бочкарёв, А.Е. Семантика. Основной лексикон / А.Е. Бочкарёв. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. – 320 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Наивная и научная картина мира в категориальном аппарате правовой лингвистики

Лавицкий А.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск;
Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет "МИТСО"», Витебск

В число задач правовой лингвистики входит решение проблем сближения юридических норм с запросами общества.

Цель проведенного исследования – сопоставительное изучение наивной и научной картины мира в юрислингвистическом аспекте.

Материал и методы. *Материал исследования – лингвистические теоретические концепции феномена картины мира, результаты экспериментального анкетирования. Основа методологии: обобщение, систематизация и сравнительно-сопоставительный анализ, специальные методы изучения речевого материала (логико-семантический, жанрово-стилистический анализ и др.).*

Результаты и их обсуждение. *В юридической лингвистике собственное видение картины мира как категории понятийного аппарата пока не получило должного теоретического осмысления, хотя уже выработано определенное мнение.*

Результатах экспериментального анкетирования показывают, что при выборе высказываний, которые, по мнению респондентов, соответствуют юридической квалификации клеветы, то есть распространения заведомо ложной информации, параметр фактологичности не воспринимается в массовом сознании как обязательный.

Заключение. *Результаты экспериментального опроса свидетельствуют о наличии серьезных расхождений в наивной картине мира и научной интерпретации отдельных правонарушений. В частности, при вербализации клеветы 78,4% опрошенных не обращают внимания на маркеры субъективизации содержания речевого высказывания.*

Ключевые слова: *картина мира, наивная (обыденная) картина мира, научная картина мира, клевета, юрислингвистика, судебная лингвистическая экспертиза.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 164–169)

Naive and Scientific Picture of the World in the Category Apparatus of Legal Linguistics

Lavitski A.A.

Education Establishment "Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University", Minsk;
Vitebsk branch of the Educational Establishment of the Federation of Trade Unions
of Belarus "International University MITSO", Vitebsk

Solution of the issues of bringing legal norms in conformity with the requirements of the society is among the problems of legal linguistics.

The research purpose is a comparative study of naïve and scientific picture of the world in the aspect of legal linguistics.

Material and methods. *The main research material was linguistic theoretical concepts of the phenomenon of the picture of the world as well as findings of the experimental questionnaire. The basis of the research methodology was generalization, systematization and the comparative analysis, special methods of speech material studies (the logical and semantic, the genre and stylistic analysis etc.).*

Findings and their discussion. *In juridical linguistics, its own vision of the picture of the world as a notion apparatus category has not yet been properly considered while a certain body of opinion has been elaborated.*

The experimental questionnaire findings indicate that in choosing statements which, according to the respondents, correspond to the legal qualification of slander; i.e. dissemination of deliberately false information, the parameter of factfulness is not perceived as an obligatory one in mass consciousness.

Conclusion. *The experimental questionnaire findings testify to the fact that there are serious discrepancies between the naïve picture of the world and scientific interpretations of some offences. Namely, 78,4% of the questioned disregard speech utterance subjectivity markers while verbalizing slander.*

Key words: *picture of the world, naïve (everyday) picture of the world, scientific picture of the world, slander, juridical linguistics, forensic linguistics*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 164–169)

Пришедший на смену понятию мировоззрения и введенный в научный обиход в начале XX века термин «картина мира» (КМ) активно культивируется в философии, социологии, психологии и др. Наибольшее распространение, а равно и теоретическое осмысление, КМ получила в парадигме науки о языке, однако о единстве исследовательских позиций в сущностном понимании этого феномена, как и о его видовых вариантах, говорить пока не приходится.

Актуальность обозначенной проблематики нашла отражение в научных изысканиях различных направлений современной лингвистики. Не является исключением и правовая (юридическая) лингвистика, в русле решения исследовательских задач которой подготовлена настоящая статья. Дело в том, что если 35 лет назад Н.Д. Арутюнова говорила только о потенциальных преступных возможностях языка, то сегодня в правоприменительной практике как никогда проявляется деструктивно-конфликтотенный функционал речевой деятельности. Иными словами, положение о том, что язык – это еще и инструмент совершения противоправного деяния, стало аксиомой и для юридического дискурса, и для самой лингвистической науки.

Судебная практика при изучении обстоятельств правонарушений, совершаемых вербальным способом, показывает, что зачастую их субъекты интерпретируют нормы правовой регламентации коммуникативного взаимодействия отлично от органов следствия и дознания. Фактически речь идет о диссонансе содержательного наполнения наивной и научной картины мира. В первой закреплены неписанные правила коммуникации, которые приемлемы для личности в публичном пространстве и являют собой практическое руководство к осуществлению речевой активности. Вторая рассматривает коммуникацию как объект научного внимания (в данном случае – правовой лингвистики и лингвистической экспертологии как ее подотрасли).

Очевидно, что сам факт расхождения содержания наивной и научной КМ не является парадоксальным. Это одна из фундаментальных аппозиций не только в лингвистике, но и во всей парадигме гуманитарного знания. Однако в лингвоправовом аспекте поднимаемая проблема имеет особое значение. Во-первых, правовая система общественных отношений должна отвечать требованиям самого

общества. Любой нормативный акт – это социальный заказ, основанный на потребностях и представлениях общества. Иными словами, несоответствие научной юридической КМ с представлениями обывательской КМ означает, что она в определенной мере не отвечает социальным потребностям. Хотя здесь следует сразу оговориться, что полного совпадения наивной и научной КМ не может быть, ибо обе находятся в постоянной динамике, не всегда обусловленной идентичными факторами. Во-вторых, язык закона должен быть понятен каждому и, как писал Ш. Монтескье, «пробуждать у всех людей одни и те же идеи». То есть в данном случае речь идет о том, что наивная КМ, обогащаясь знаниями и социальным опытом из представлений научной КМ, должна адекватно воспринимать ее содержание, зафиксированное при помощи языковых средств. Такое понимание проблемного поля легло в основу настоящего исследования, *цель которого состоит в сопоставительном изучении наивной и научной КМ в юрислингвистическом аспекте.*

Материал и методы. Для достижения заявленной цели в статье представлен краткий обзор основных лингвистических концепций феномена КМ. В качестве материала исследования использована диспозиция статьи (ст. 188) уголовного кодекса Республики Беларусь, а также результаты экспериментального опроса. Методологическую основу научной работы составили общенаучные методы анализа и систематизации, сравнительно-сопоставительного анализа, моделирования. Проведенная экспериментальная работа включала специальные методы изучения речевого материала на предмет наличия в его содержании признаков противоправного деяния (логико-семантический, лексикографический, жанрового-стилистический анализ и др.).

Результаты и их обсуждение. «Прародителем» категории КМ принято считать понятие «мировидение» (нем. *“weltanschauung”*), о котором в своих философских трудах писали еще Г. Гегель, И. Кант, Ф. Шеллинг и др. Конечно, оба термина не являются полностью синонимичными, хотя К. Ясперс указывает, что мировидение – это некая система, дающая общее представление о мире: «<...> в субъективном смысле – переживание, энергию, образ мыслей, <...> в объективном – предметно-оформленный мир» [1, с. 207]. Сравним с аксиоматическими для современной лингвистики положениями, сформулированными

В.А. Масловой: «Понятие КМ строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то КМ – результат переработки информации о среде и человеке» [2, с. 64]. При схожести подходов нельзя, однако, не отметить, что КМ формально более антропоцентрична: окружающая действительность выстраивается вокруг человека. В философской же интерпретации мировидения – человек фрагмент бытия, взаимодействующий и взаимосвязанный с другими ее компонентами.

В категориальный аппарат лингвистики КМ ввел М. Хайдеггер, впервые упомянув понятие в лекции «Основание новоевропейской картины мира метафизикой» (1938) и подробно описав его в авторском сборнике «Holzwege» (1950). По М. Хайдеггеру, КМ «сущностно являет собой не картину, изображающую мир, а мир, представленный в виде такой картины». Таким образом, «картина» в данном случае имеет метафорическое значение и более удобный компонент терминологической единицы, нежели слова «образ», «изображение», «модель», «отражение» и т.д.

Актуализация КМ в лингвистике пришла на вторую половину 80-х гг. XX столетия, когда понятие получило повсеместное распространение и рассматривалось в вариативных аспектах и с позиции различных исследовательских направлений. Начиная с указанного периода, весомый вклад в новое и не менее глубокое осмысление КМ внесли в том числе и отечественные (советские), и российские ученые-лингвисты (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Т.Е. Владимирова, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, Е.Ф. Тарасов, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева, А.Д. Шмелёв и др.).

Для современной лингвистики концептуальными являются несколько векторов исследования КМ, которые отличаются видением проблемного поля, а также методологией его исследования.

Когнитивно-семантический подход к КМ актуализирован в философии языка, семасиологии и когнитивной лингвистике. В русле указанных направлений лингвистики феномен КМ описан в трудах зарубежных (Н. Гартман, Т.А. ван Дейк, Г. Ипсен, Э. Сепир, Й Трир) и отечественных, в том числе советских и российских (А.П. Бабушкин, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова и др.) исследователей. Фундаментальное значение для когнитивно-семантической концепции имеют два вопроса: 1) процессы концептуализации окружающей действительности в сознании (по Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкову, создание «моделей деятельности сознания») и 2) изучение языка как инструментария, позволяющего функционировать КМ («формировать и выражать мысли, хранить и организовывать знания в человеческом сознании» [3, с. 58]).

Обращаясь к проблеме концептуализации КМ, ученые отмечают, что она, хотя и отражает окружающий предметный мир и обстоятельства, его форми-

рующие, по своей сути – это только представления, образы сознания, не имеющие материальной плоти (по Т.А. ван Дейку, это «некие конструкции» и «модели ситуаций»). КМ субъективизирована человеком и включает его социальные связи и взаимоотношения, сферу чувств и эмоций. Таким образом, КМ являет собой самодостаточный живой феномен, который существует и развивается в себе и для себя.

В современных исследованиях представители рассматриваемого научного течения признаются, что описание механизмов, реализующих когнитивное существование КМ, должно строиться на оценке ее смыслового наполнения. Неслучайно С.М. Толстая пишет о единстве семасиологического и ономасиологического подходов в изучении КМ. Исследовательский алгоритм в данном случае строится на реконструкции «образа мира, в слове явленного», а впоследствии выявления на основе анализа лексических значений подробных механизмов восприятия, осознания и концептуализации мира [4, с. 118–119].

Смысловое наполнение КМ реализуется через языковое посредничество. По Э. Сепиру, язык – инструмент познания, который влияет на образ мыслей и восприятие его носителями [5, с. 259]. Однако нельзя не обратить внимание и на прозорливое замечание профессора В.А. Масловой, справедливо подчеркивающей, что язык реализует КМ как вторичное существование мира [6, с. 70]. Во-первых, язык не материализует КМ, а только описывает и характеризует ее. Во-вторых, несмотря на то, что язык «оказался наиболее мощной в семиотическом плане из всех систем коммуникации» [6, с. 7], по своей природе он плохо приспособлен для хранения и передачи информации. Для человека язык – это самое удобное средство кодирования и ретрансляции концептуальных представлений (У. Чейф вообще ограничивает этим фактом его функции в теории КМ). Но, очевидно, язык не самодостаточен для реализации когнитивных механизмов сознания личности. Например, восприятие текста в процессе когнитивной обработки его содержания индивидуально, а способности адресата уловить все оценочные значения, скрытые смыслы и т.д., заложенные автором, ограничены уровнем психоэмоционального развития личности, ее ментальными особенностями, ситуацией и условиями общения, навыками участия в процессе коммуникации и др. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что КМ – «феномен более сложный, чем та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [7, с. 142].

Основы *лингвокультурологической концепции* понимания КМ заложены в трудах В. фон Гумбольдта и успешно развиты научными школами Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, В.А. Масловой, М.Вл. Пименовой. Основные идеи рассматриваемой концепции также поддерживаются в лингвоаксиологических работах, в подходах этнолингвистов и переводоведов.

Лингвокультурологический подход акцентирует внимание на вербализации кодов культуры как ядерных элементов КМ. Код культуры реализуется в концептах, которые аккумулируются в языке, образуя концептосферу. Закономерным следствием придания в теории КМ фундаментального значения языку является тот факт, что в лингвокультурологической концепции чаще всего используется понятие языковой КМ. Не вступая в дальнейшую дискуссию о дифференциации КМ и языковой КМ, приведем еще одну «классическую цитату» В.А. Масловой: «Каждый язык по-своему членит мир <...>. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной» [2, с. 64]. Язык не только фиксирует КМ в определенных лингвистических единицах, но и является самостоятельным субъектом формирования концептуальных представлений, выражающим и эксплицирующим КМ человека, привнося в него черты культуры [8, с. 31].

Концепция психолингвистического подхода к пониманию КМ основывается на исследовании процессов отражения окружающего бытия в сознании человека. Сознание – это совокупность знаний о мире. Но это не только «информационное хранилище», но и свойственная человеку способность «идеального воспроизведения действительности в мышлении, психическая деятельность как отражение действительности» [9, с. 752]. Характеристику идеальности инструментальных возможностей сознания можно отнести к дискуссионным. Однако, в отличие от несознательного, этот механизм восприятия и осознания окружающего мира является более изученным и рациональным с точки зрения формальной, в том числе и обыденной, логики.

Структурными элементами сознания и картины мира являются смысловые поля. В сознании смысловые поля не упорядочены, они хаотичны, тогда как в КМ «действуют правила последовательности, <...>, системности, монизма, которые привносятся прагматическим принципом восприятия и понимания языковой личностью мира и языка» [10, с. 128]. При этом язык рассматривается как вторичный элемент КМ. Е.Ф. Тарасов указывает на то, что она может формироваться сознанием и во внеязыковой оболочке. Вербализованное сознание – это языковое сознание, то есть «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [11, с. 6]. Однако сам же Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что знаковая фиксация представлений о КМ является обязательным условием ее существования.

В предложенных концепциях отмечается, что КМ может иметь различные ипостаси. Хотя это упоминается еще в поздних неогумбольдтианских научных трудах, где декларируется наличие мифологической,

религиозной и художественной КМ. Парадоксально, но являясь по своей сути образом окружающей действительности и бытия, реализованных единичными концептуальными представлениями, варианты КМ, их фрагменты противопоставляются, то есть вступают в оппозицию по отношению друг к другу (например, религиозная и мифологическая КМ). Однако фундаментальным представляется сравнение наивной и научной КМ. Их описания обнаруживаются еще в трудах Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Л. Уорфа. Последний, кстати, даже предпринимал попытки их отождествления, а в более поздних работах вообще пытался поставить науку в полное подчинение языку, то есть показать научную картину мира как обособленный компонент обыденных концептуальных представлений. Позиция Л. Вайсгербера более сдержанна: по его разумению, наука подчиняется языку только в том случае, если она отстает от представлений наивной картины мира или, иными словами, не готова описать какое-либо явление или факт и материально подтвердить это.

Возведение наивной и научной КМ до статуса антонимического противостояния видится достаточно противоречивым. Дело в том, что формально это не релевантные понятия: они отличаются объемом, качественными характеристиками, но самое главное, что научные знания и представления формируют фрагменты наивной КМ и влияют на нее. Представления же наивной КМ становятся объектом научного изучения и включаются в ее содержание как соответствующие (доказанные) или неверные (недоказанные) представления. Поэтому более предпочтительной видится философская идея об относительном единстве наивной и научной КМ, обозначенная М.М. Бахтиным. Он писал, что КМ имеет две ипостаси: в первой «все явления строго разграничены и занимают неизменные места (положения) в иерархии. Эта картина мира глубоко субстанциональна. <...> Здесь все равно себе самому. Здесь нет дублирования и второго плана», вторая представляет собой «переживаемый единственным образом действительный мир» [12, с. 378]. Фактически в мыслях М.М. Бахтина просматривается попытка разграничить научную и наивную картины мира. Но это не простая оппозиция рационального и иррационального, а сложное диалектическое взаимодействие. Научная парадигма – исключительно рациональна в иерархичности своей системы. Наивная картина мира имеет не только иррациональный компонент – приживаемость, но и рациональное содержание – «действительный мир». Таким образом, краткий вывод об оппозиции наивной и научной КМ можно свести к положениям о том, что а) обе картины моделируют мир, б) научная картина мира – продукт деятельности ученых, обыденная формируется и функционирует в сознании языковой личности.

Для современной юрислингвистики наиболее близким следует признать психолингвистическую концепцию понимания КМ. Хотя во многом молодое

научное направление, сформировавшееся на стыке диалектического интереса языкознания и юриспруденции, при изучении феномена КМ опирается на законы формальной логики: наивная КМ не имеет четких границ и зафиксирована в коллективном сознании; научная КМ – формально ограничена рациональными пределами освоенного человеком вещественного мира и зафиксирована в ограниченном количестве текстов, относящихся к сфере соответствующего типа дискурса. Кроме того, обыденные представления субъективны по своей природе и индивидуальны для каждой личности. Научная КМ относится к сфере рационального, то есть объективного, и распространяется на всю человеческую общность.

Применительно к области лингвистической экспертологии различия между наивной и научной КМ обнаруживаются в интерпретации содержания конфликтогенного текста, имеющего признаки совершения противоправного деяния. Сама судебная экспертиза формирует представления, эксплицирующиеся в научной КМ. Наивными же являются представления языковой личности о соответствии содержания спорного текста правилам и юридическим нормам коммуникации.

Наглядный пример расхождения концептуальных представлений наивной и научной КМ демонстрируют результаты проведенного нами экспериментального опроса, в котором приняли участие 439 респондентов, представляющих 4 области Беларуси и ее столицу (выборка проводилась по половозрастному составу и локальным признакам, исходя из статистических данных о населении страны, опубликованных Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь). На основании научных представлений о способах вербализации клеветы была составлена анкета, в которой опрашиваемые должны были отметить одно или несколько высказываний, которые, по их мнению, юридически являются соответствующим видом противоправного деяния.

Особенности экспликация клеветы в обыденном восприятии оценивались после решения следующего задания:

Журналист опубликовал в Интернет-издании статью, содержащую фразу:

1. *Агапкин уже, наверное, около десяти лет ворует казенные деньги.*

2. *Агапкин мошеннически перекладывает бюджетные деньги себе в карман. (Соответствует всем параметрам клеветнического высказывания).*

3. *Городской бюджет разворовывается каждый год все больше и больше.*

4. *Агапкин набивает себе карман миллионной прибылью.*

Результаты обработки анкетных данных демонстрируют очевидное расхождение в восприятии клеветы как категории наивной КМ и ее лингвоправового статуса. Большая часть опрошенных не воспринимает

параметр фактологичности как обязательный для правовой идентификации распространения информации порочащего характера: высказывание *Агапкин уже, наверное, около десяти лет ворует казенные деньги*, включающее маркер субъективизации распространяемых сведений (*наверное*), 344 респондента (78,4%) отнесли к потенциально клеветническим. 99,5% опрошенных выбрали верный вариант, из них только 54 человека отметили его как единственно верное высказывание.

Заключение. КМ относится к фундаментальным феноменам современного гуманитарного знания, которая рассматривается в различных аспектах и даже понимается вариативно, исходя из комплекса исследовательских задач и подходов внутринаучных течений. Для парадигмы лингвистических направлений КМ также является значимой категорией, которая изучается чаще всего во взаимодействии с понятиями языка, мышления и сознания. В настоящее время наибольшее распространение получили три концепции осмысления КМ: когнитивно-семантическая, лингвокультурологическая и психолингвистическая. Первая опирается на опыт философских школ и занимается исследованиями процессуальной стороны концептуализации представлений об окружающей действительности, эксплицирующихся в КМ, в том числе в вербальной форме. Лингвокультурологический подход получил широкое распространение в первую очередь благодаря работам по изучению национально-культурной специфики КМ. Для психолингвистической концепции ключевое значение имеют проблемы сознания как центра формирования и ретрансляции КМ.

В современной правовой лингвистике не сформировалось своей собственной теории КМ, что обусловлено нахождением данного проблемного поля на ближней периферии интересов исследовательского направления. Хотя, скорее всего, оформление юрислингвистического видения КМ – это дело времени, учитывая тот факт, что сейчас интенсифицируются процессы, направленные на нормализацию системы правоотношений в соответствии с актуальными запросами общества. В первую очередь речь идет о юридическом языке, тенденции развития которого в ближайшие годы будут связаны с упрощением его норм, изменениями в терминологическом тезаурусе.

Уже сейчас в теории правовой лингвистики имеются собственные замечания, касающиеся сущностного понимания КМ: например, доминирование логических методов в дифференциации наивной и научной КМ. В аспекте оценки содержания конфликтогенного текста на предмет наличия в его содержании признаков противоправного деяния первая обнаруживается в коллективном сознании, а вторая устанавливается в процессе специального судебного лингвистического исследования. Это положение подтверждается в экспериментальной работе, результаты которой свидетельствуют, что, например, в массовом сознании параметр фактологичности не является

квалификационным показателем идентификации речевого акта, имеющего признаки распространения заведомо ложной информации.

Публикация подготовлена в рамках гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г22–074 «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста».

Литература

1. Jaspers, K. Philosophie I. Philosophische Weltorientierung / K. Jaspers. – München; Zürich: Piper 1994. – 340 S.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. Ассоциация лингвистов-когнитологов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
4. Толстая, С.М. Мотивационные семантические модели картины мира / С.М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1(3). – С. 112–127.
5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс; Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
6. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 8-е изд., стереотип. – Москва: Флинта: Наука, 2017. – 293 с.
7. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
8. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
9. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Совет энцикл.; СПб.: Фонд «Ленингр. галерея», 1993. – 1628 с.
10. Собитова, З.К. Лингвокультурология: учебник / З.К. Собитова. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 528 с.
11. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 24–32.
12. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1997. – Т. 5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – 731 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Интегративность лингвистики как «конёк» профессора В.А. Масловой

Николаенко С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Современная лингвистика, находясь в постоянном поиске новых идей, постепенно отходит от формализованных, уже хорошо усвоенных и описанных ею языковых единиц и все теснее сближается с разными областями научного знания: культурологией, юриспруденцией, теологией, метафизикой, физикой и др. Такая междисциплинарность в белорусской лингвистике на протяжении последних десятилетий является приоритетной в научном дискурсе профессора В.А. Масловой, автора большого количества научного продукта по различным «стыковым» дисциплинам научного знания.

Цель статьи заключается в демонстрации совместно с профессором В.А. Масловой опыта интеграции лингвокультурологии и лингводидактики по социокультурному развитию учащихся на занятиях по русскому языку.

Материал и методы. *Материал исследования представлен содержанием концепции социокультурного развития учащихся на основе овладения ценностями белорусской культуры в контексте изучения русского языка на II и III ступенях получения общего среднего образования. В качестве методов выступили описательный, анализа научного дискурса конкретного автора, презентации отдельных предметных технологий.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ научного дискурса профессора В.А. Масловой позволил выявить важное для лингвистики лингвокультурологическое направление в интегрированности с лингводидактикой. Данные материалы отражают современное состояние образовательного процесса по использованию феноменов, которые лучше всего репрезентируют культурное пространство конкретного региона, что, безусловно, и способствует расширению фоновых знаний социокультурного характера через знакомство с достопримечательностями, памятниками, историей и культурой края, сведения об исторических и современных личностях, родившихся в регионе, представлению феноменов духовной культуры.*

Заключение. *На современном этапе развития образования все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в обществе. Целесообразность подобного подхода обусловлена, в частности, невозможностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры. Это, в свою очередь, содействует воспитанию патриотизма и толерантности, что представляется особенно ценным в нашей жизни.*

Ключевые слова: *интегративность, междисциплинарность, лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология, социокультурное развитие.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 170–174)

Integrativity of Linguistics as “a Specialty” of Prof. V.A. Maslova

Nikolayenko S.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Contemporary linguistics, which is in constant search for new ideas, is gradually moving away from formalized, well-assimilated, and described linguistic units, and is increasingly moving closer and closer to different fields of scientific knowledge: cultural studies, jurisprudence, theology, metaphysics, physics, and others. This interdisciplinary approach has been a priority in Belarusian linguistics over the past decades, particularly in the scientific discourse of Professor V.A. Maslova, who is the author of a significant body of scientific works across various “intersecting” disciplines of knowledge.

The aim of the article is to demonstrate, in collaboration with Professor Maslova V.A., the integration experience of linguistic cultural studies and linguodidactics in the sphere of social and cultural development of students in Russian language classes.

Material and methods. *The research material is presented through the content of the concept of social and cultural development of students based on the acquisition of values of Belarusian culture in the context of the Russian language learning at the second and third stages of general secondary education. Descriptive analysis of the specific author's scientific discourse and presentations of individual subject technologies were employed as methods.*

Findings and their discussion. The analysis of Professor V.A Maslova's scientific discourse has revealed a significant linguistic and cultural direction in integration with languodidactics. The presented materials reflect the current state of the academic process at education establishments by utilizing phenomena that best represent the cultural space of a specific region. This undoubtedly allows for the expansion of background knowledge of social and cultural character through acquaintances with landmarks, monuments, history, and the culture of the region, as well as information about historical and contemporary personalities born in the region, and for presenting phenomena of spiritual culture.

Conclusion. At the modern stage of education development, the necessity in a comprehensive study of linguistic and social and cultural processes in their functional interaction in society becomes increasingly apparent. The feasibility of such approach is justified, in particular, by the impossibility of considering a series of crucial linguistic phenomena in isolation from the conditions of society functioning and the development of its culture. This, in turn, contributes to the cultivation of patriotism and tolerance, which is particularly valuable in our lives.

Key words: integrativity, interdisciplinary, linguistic, languodidactic, linguistic and cultural studies, social and cultural development.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 170–174)

Интеграция, междисциплинарность, валентность научного знания совсем не новое явление в познании и описании мира. По-разному это явление рассматривалось и интерпретировалось во времени – от нерасчлененности научных воззрений и знаний мыслителей древней цивилизации, межнаучного сопоставления в классических трудах представителей гуманитарного направления нового времени до интеграционных тенденций в выявлении общих закономерностей в различных научных классах, школах, направлениях, в целом, научном знании. И не только гуманитарном. По мнению Н.А. Глузман, «интеграция научных знаний осуществляется различными путями, проявляется в самых разнообразных формах: унификации понятийного и категориального аппарата науки, математизации, взаимопроникновении методов, взаимодействии по объектам исследования, образовании комплексных наук. В процессах, стимулирующих взаимодействие и сближение наук, синтез научных знаний, большую роль играют принципы формирования научных понятий и теорий» [1, с. 70–71]. Среди определения критериев научных объектов, указывающих на сближение, взаимопроникновение и практическое воплощение инвариантных разнообразий, выделим тождественность структуры и функционированность. В статье мы остановимся лишь на последнем аспекте, в котором и проявляется конкретный «сталкивающий» признак интегративных наук.

Цель работы заключается в демонстрации совместно с профессором В.А. Масловой опыта интеграции лингвокультурологии и лингводидактики по социокультурному развитию учащихся на занятиях по русскому языку.

Материал и методы. Материал исследования представлен содержанием концепции социокультурного развития учащихся на основе овладения ценностями белорусской культуры в контексте изучения русского языка на II и III ступенях получения общего среднего образования. В качестве методов выступили описательный, анализа научного дискурса конкретного автора, презентации отдельных предметных технологий.

Результаты и их обсуждение. В современной лингвистике данное интеграционное направление по описанию и функционированию представлено, прежде всего, академиком Ю.С. Степановым, который первым написал, что лингвистика должна исследоваться в синтезе с философским, художественным и религиозным типом знания. Об этом его последние прижизненные работы: «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник. Книга о воображаемой словесности» и др. [2; 3]. Среди белорусских лингвистов интегративность активно представлена в научных трудах и концепциях доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой. Говоря о Валентине Авраамовне, можно смело заявлять о высокой степени научной и общечеловеческой интеграции ученого-лингвиста (см. С.В. Николаенко. Маслова как концепт) [4]. Как пишет В.А. Маслова, «параллельно “чистой лингвистике” быстро развиваются и укрепляются междисциплинарные связи лингвистики с психологией, культурологией, этнографией, антропологией, историей, социологией, микробиологией, генетикой и другими науками, к интеграции с которыми стремится современная лингвистика, изучающими человека и его язык, и др. областями знаний» [5, с. 47].

Вот только небольшой список работ ученого, подтверждающий, что междисциплинарность – качественный шаг науки в появлении новых самостоятельных научных дисциплин, где есть и свой предмет, и собственные методы и категории научного познания: *Понимание как средство выживания человечества: учение Л.С. Выготского и психолингвистический подход* (2016), *Поэтический текст как синкретичное искусство* (2016), *Интегративность в гуманитарных науках и их роль в вузовском образовании* (2019), *Русское слово как источник духовности человека* (2021), *Феномен власти как факт языкового сознания белорусов: теоретический и экспериментальный подходы* (2021), *Код языка как пространство реализации культуры* (2022), *Монодисциплинарность в гуманитарных науках – тупиковый путь развития науки* (2022), *Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси* (2022).

Начало интегративности лингвистики положило разработанная В.А. Масловой на русско-белорусском материале лингвокультурологическое направление, которое впоследствии нашло себе «со-товарища» в лице дидактики. Подготовленный в соавторстве с автором статьи «Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины» [6] явился тем лексикографическим *региональным изданием*, которое позволило предложить лингвокультурологическую паспортизацию лексики, что стало фундаментом для предложенной С.В. Николаенко лингводидактической концепции социокультурного развития учащихся на основе овладения ценностями белорусской культуры в контексте изучения русского языка на II и III ступенях получения общего среднего образования [7]. Опираясь на лингвокультурологическое направление, разработанное В.А. Масловой, идея обучения русскому языку на традициях и культуре белорусов у обучаемых формирует отношение к культуре как совокупности материальных, социальных, духовных и художественных ценностей как русского, так и белорусского культурного наследия, создаваемых народами в условиях определенной эпохи. Социокультурный подход, реализующий лингвометодическую систему социокультурного развития учащихся в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь в процессе обучения русскому языку, предполагает овладение социокультурными ценностями и знаниями, которые помогают обучаемым познакомиться с нормами поведения, предписывающими определенные стандарты и правила, и формируют их гражданскую позицию, социально значимые для последующего (после завершения общего среднего и высшего образования) активного включения в избранную социально-экономическую, политическую, образовательную и т.д. сферы деятельности современного общества.

Такие интегрированные знания из разных взаимосвязанных дисциплин (лингвистика, литературоведение, культурология, лингвокультурология и др.) формируют у учащихся ценностное видение особенностей и закономерностей бытия культуры в ее различных видах:

1) ценности материальной культуры (реальные исторические памятники, сохранившаяся архитектура, орудия труда, машины, предметы быта, одежда, произведения изобразительного искусства, письменные источники и т.д.);

2) ценности социальной культуры (нормативная система: обычаи, нравы, законы; социальное положение: статус, трудолюбие, профессия, семья, терпимость и др.; политическая система: свобода слова, гражданская свобода, законность, гражданский мир и др.);

3) ценности духовной культуры (витальные: качество жизни, природная среда и др.; моральные: добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, порядочность и др.; эстетические: красота, идеал, гармония);

4) ценности художественной культуры (шедевры национального, русского и мирового искусства, значимые для страны произведения литературы, изобразительного искусства, музыки и др.).

На современном этапе развития образования все очевиднее становится необходимость комплексного взаимосвязанного изучения языковых, лингвокультурологических и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в обществе. Целесообразность такого подхода обусловлена тем, что цель учебного процесса не просто обучение культуре, а формирование языковой личности обучаемого путем вхождения ее в социум и культуру своей страны. Практическому аспекту в данном подходе обучения русскому языку служит разработанная система традиционных и инновационных методических средств, а также современные технологии.

В традиционную группу методических средств включены такие методы и приемы, которые решают одновременно несколько задач комплексного характера:

- чтение текста, определение темы, основной мысли;
- выявление признаков текста, подтем текста, средств связи предложений, частей в тексте;
- маркировка ключевых слов в каждой подтеме текста; составление плана текста;
- пересказ текста по составленному плану;
- определение типа и стиля текста;
- анализ языковых средств, определяющих тип и стиль текста, и др.

Инновационную группу методических средств составляют виды деятельности, направленные на самостоятельное формирование знаний, умений и навыков: поиск и передача предметной, фактической информации, знакомство с новыми социокультурными реалиями, выражение эмоционально-личностной оценки и т.п., алгоритм выполнения которых подчинен такой схеме, как получение информации о факте – ее осознание (через предыдущий личный опыт и имеющиеся знания) – оценка информации (в соответствии с установившимися нормами и традициями) – интерпретация фактов в зависимости от имеющегося у учащихся набора речевых средств.

Заданиями, реализующими социокультурные знания, являются:

- алгоритм-формула самостоятельного формулирования и составления вопросов к учебному материалу и ответов на основе анализа теоретического содержания текста;
- конспектирование содержания теоретического материала, данного в словаре-справочнике;
- составление плана прочитанного текста, подготовка сообщения, выступление на лингвистическую, лингвокультурологическую или социокультурную темы и т.д.

Среди предметных технологий выделяются в данном аспекте *модульная*, коррелирующая содержание

социокультурного развития учащихся с требованиями Образовательного стандарта к обучению, формирующая овладение предметными компетенциями на основе дидактического материала, данного в «Кратком лингвокультурологическом словаре-справочнике»; *лексикографическая*, направленная на обогащение активного словаря учащихся; *синквейная*, объединяющая определенный круг понятий, связанных с одной темой лингвокультурологического или социокультурного содержания в контексте изучения русского языка; *кластерная*, интегрированная систематизация компонентов национально-специфических представлений об окружающем мире, материальных предметах, ценностях, менталитете, русской и белорусской национальных культурах; *проектная* – технология получения конечного продукта вида деятельности с заданными свойствами.

Покажем наглядно использование проектной технологии при обучении русскому языку на III ступени получения образования. В процессе работы над проектами определены продукты проекта, знания, формируемые в процессе работы над проектами (ценностно-смысловые, общекультурные, социально-трудовые, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные), а также установлены последовательность и тематика практико-ориентированных проектов.

Первый вид – составление социолингвистического портрета страны, региона, города, малой родины. Приведем для данного вида проекта примеры заданий для обучающихся, помогающие им правильно строить мыслительные цепочки и осуществлять коммуникативные процедуры по составлению социолингвистического портрета (задания предложены для анализа текста В.П. Крымова о Витебске).

1. Автор о местоположении Витебска говорит, что он «раскинулся на живописных берегах Западной Двины при впадении в неё Витьбы и Лучёсы». А что вы знаете об этих реках? Что вы можете сказать о происхождении их названий? Можете ли вы вспомнить какие-нибудь легенды, связанные с названиями этих рек? Запишите их, отмечая подчеркиванием культурные и бытовые реалии. Составьте к ним лингвокультурологический комментарий.

2. В тексте говорится, что первое упоминание о Витебске было найдено в летописи. Как называется эта летопись? Что вы знаете о ней? Какие ещё крупные города Беларуси в ней упоминаются? Определите основные композиционные и языковые черты стиля, в котором написана летопись.

3. Очень часто о многих белорусских городах говорят: «Здесь проходил путь “из варяг в греки”». Что вы знаете об этом пути? Составьте путевые заметки к одному из участков на этом пути.

4. Рассказывая о Витебске, автор употребляет характеристику «древний город белорусской земли». Какой город Беларуси был упомянут в «Повести временных лет» как самый древний? Опишите, каким вы видите Витебск X века. Какой жанр и стиль речи

вы выберете для своего высказывания? Включите в свое произведение объекты материальной и духовной культуры Витебска того времени.

5. В тексте автор рассказывает о борьбе с фашистскими захватчиками. Каких героев Великой Отечественной войны, чья деятельность была связана с Витебщиной, помимо упомянутых в тексте, вы знаете?

Расскажите о своем герое, родственнике или знакомом, чья жизнь была так или иначе связана с военными действиями. Форма высказывания – повествование, сопровождающееся фотографиями из семейного альбома, рисунками.

6. В тексте употребляется характеристика Витебска как «мещанско-купеческого города». Какими сложными прилагательными вы описали бы Витебск XIX века и современный? А затем к записанным прилагательным добавьте слова других частей речи, чтобы получившиеся словосочетания стали бы опорными для будущего текста.

7. В Витебске насчитывается около 250 историко-культурных объектов. Какие из них вы посещаете наиболее часто? Знаете ли вы историю их создания? Как они связаны с культурой города, региона, страны, с мировой культурой? Представьте, что вы работаете экскурсоводом. Какие места вы покажите туристам? Составьте текст экскурсии, дайте ему название, подберите эпиграфы к каждой из частей и подумайте, какие ссылки к другим произведениям художественной культуры или ассоциации вы приведете для убедительности, выразительности и лаконичности вашего речевого произведения.

8. Выявите этимологию слова «витебляне». Какой вариант считается литературным: «витебляне» или «витебчане»? Докажите, используя современные справочники и словари ономастических единиц. Образуйте по моделям, которые предложены в них, существительные, называющие жителей городов и поселений вашего региона.

9. Представьте, что вы живете в Витебске XIX века, гуляете по одной из улиц города, приходите домой. Опишите вашу улицу, каким бы был ваш дом (устои, правила, традиции, атмосфера, которая царит в вашей семье).

10. Сравните Витебск с другими городами Беларуси, где вы были. Находите ли вы какие-либо различия (население, особенности речи жителей, городские праздники и т.п.)? Поделитесь своими впечатлениями, создав социокультурный портрет города.

Второй вид – анализ статей для составления региональных языковых (фразеологизмы, диалектизмы, неологизмы, былички, сказания, пословицы и т.п.) и культурных справочников (прецедентные имена, тексты, ситуации, произведения всех видов искусства) с целью выявления культурных артефактов с приобщением презентационных аудио- и видеоматериалов.

Третий вид – синквейн как прием, позволяющий в нескольких словах изложить учебный материал на определенную тему.

Четвертый вид – составление художественного образа страны, региона, города, малой родины.

Заключение. Социокультурное развитие учащихся на уроках русского языка определяет цель обучения – удовлетворение потребностей учащихся в коммуникации; предмет обучения – язык, материальная, духовная и художественная культура Беларуси, познание менталитета, речи, поведения белорусов; устанавливает способы обучения – кластеры, проекты, тексты и упражнения. Все это и обуславливает интегрированные условия, способствующие социокультурному развитию учащихся, и определяет их компоненты:

1) межпредметная интеграция культуроведческих сведений;

2) ориентация на обязательное бикультурное и билингвальное образование;

3) интегративный коммуникативно-деятельностный подход и обобщение достижений материальной и духовной культуры белорусов;

4) разработка и использование технологий социокультурного обогащения языкового содержания обучающихся и их коммуникативной учебной практики.

Литература

1. Глузман, Н.А. Интеграционные процессы в системе профессиональной подготовки педагогических кадров / Н.А. Глузман // Образование – территория инноваций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 28 авг. 2017 г. / гл. ред. М.П. Нечаев. – Чебоксары: Негос. образовательное учреждение доп. проф. образования «Экспертно-методический центр», 2017. – 176 с.
2. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
3. Степанов, Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о воображаемой словесности / Ю.С. Степанов. – М.: Эйкос, 2010. – 168 с.
4. Николаенко, С.В. Маслова как концепт / С.В. Николаенко // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой / соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 944 с.
5. Маслова, В.А. Русский язык и русистика в новых условиях: проблемы и пути их решения / В.А. Маслова // Русский язык в современном научном образовательном пространстве: сб. ст. – М.: РУДН, 2023. – С. 47–53.
6. Маслова, В.А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины / В.А. Маслова, С.В. Николаенко; М-во образования Респ. Беларусь, УО «ВГУ им. П.М. Машерова», Каф. общ. и рус. языкознания. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – 164 с. – ISBN 978-985-517-286-5.
7. Николаенко, С.В. Теория и практика социокультурного развития учащихся 5–11 классов: национально-культурный содержательный аспект в контексте обучения русскому языку: монография / С.В. Николаенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 252 с.

Поступила в редакцию 16.11.2023

Лексема «логистика» как компонент профессиональной коммуникации

Сорокина Э.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», Москва
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет транспорта», РУТ (МИИТ), Москва

В настоящее время чрезвычайно актуальными становятся темы, связанные с исследованием всех видов межкультурной коммуникации, в том числе – и профессионального межязыкового общения. В статье представлены результаты анализа присутствия междисциплинарного функционирования в русском языке заимствованного слова «логистика».

Цель исследования – изучение семантической структуры многозначной лексемы «логистика» и особенностей функционирования самой лексемы и ее дериватов в качестве терминов, обеспечивающих информационное поле в профессиональном коммуникативном пространстве.

Материал и методы. *В качестве языкового материала послужили лексикографические описания слова «логистика» и производных от него лексем. Основу методологии составили описательный, дефинитивный, этимологический, генетический методы.*

Результаты и их обсуждение. *Доказано, что лексема «логистика», присутствуя в разных отраслях научного и научно-практического знания, превратилась в междисциплинарный термин и может быть отнесенной к числу интернациональных слов.*

Заключение. *Теоретическая значимость проведенного исследования связана с определенным вкладом в пополнение теоретических сведений об особенностях функционирования иноязычной лексики в современном русском языке. Практическая ценность полученных результатов заключается в возможности использования подобной методики анализа по отношению к другим терминологическим языковым средствам.*

Ключевые слова: *лексема, интернационализм, термин, межкультурная профессиональная коммуникация, профессиональное коммуникативное пространство.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 175–178)

The Lexeme of "Logistics" as a Component of Professional Communication

Sorokina E.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"State University of Enlightenment", Moskva
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Russian University of Transport", Moskva

Currently, topics related to the study of all types of intercultural communication, including professional interlanguage communication, are becoming extremely relevant. The article presents the results of the analysis of the presence of interdisciplinary functioning in the Russian language of the borrowed word "logistics".

The purpose of the study is to study the semantic structure of the multivalued lexeme "logistics" and the features of the functioning of the lexeme itself and its derivatives as terms that provide the information field in the professional communicative space.

Material and methods. *Lexicographic descriptions of the word "logistics" and lexemes derived from was as language material. The methodology was based on descriptive, definitive, etymological, and genetic methods.*

Findings and their discussion. *It was proved that the lexeme "logistics", being present in various branches of scientific and scientific-practical knowledge, has turned into an interdisciplinary term and can be attributed to the number of international words.*

Conclusion. *The theoretical significance of the study is associated with a certain contribution to the replenishment of theoretical information about the peculiarities of the functioning of foreign language vocabulary in modern Russian. The practical value of the results obtained lies in the possibility of using such analysis technique in relation to other terminological language tools.*

Key words: *lexeme, internationalism, term, intercultural professional communication, professional communicative spaces.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 175–178)

*Глубинные знания просматриваются сквозь слово,
которое хранит в себе значительно больше,
чем на первый взгляд кажется.
Внутри слова целый мир, в нем сила и энергия.*

В.А. Маслова [1, с. 832]

В настоящее время во всех национальных языках наблюдается процесс активного заимствования чужезычной лексики. Причинами роста числа заимствований являются такие, например, явления, как расширение добровольного или вынужденного товарообмена в военной, торговой, медицинской отраслях народного хозяйства, разных видах экономической и культурной области, как разные виды миграции, которые приводят и к осознанному, и к стихийному контактированию языков.

Стремительно повышается степень расширения всех видов межкультурной коммуникации, в том числе – и профессионального общения, результативность которого находится в определенной зависимости от количества интернациональной лексики в той или иной отрасли профессиональной деятельности.

Актуальность проводимого исследования связана с повышенным интересом лингвистов и представителей других отраслей знания к проблемам заимствования языковых средств и процессов интернационализации специальной лексики, участвующей в формировании профессионального когнитивного пространства.

Анализ отраслевых терминологий (даже очень поверхностный) позволяет говорить о том, что в разных отраслях современного знания имеется некоторое количество слов-терминов, одновременно присутствующих не только в близких по понятийному аппарату науках, но и в тех науках, которые далеки друг от друга. Одним из таких слов является термин «логистика», чрезвычайно быстро и с высокой степенью активности внедрившийся в национальные отраслевые терминологии.

Цель проводимого исследования – изучение семантической структуры многозначной лексемы «логистика» и особенностей функционирования самой лексемы и ее дериватов в качестве терминов, обеспечивающих информационное поле в профессиональном коммуникативном пространстве.

Материал и методы. В качестве языкового материала были использованы лексикографические описания слова «логистика» и производных от него лексем, представленные в современных словарях и в электронных ресурсах (интернет). В основу методики исследования заложены описательный, дефинитивный и этимологический методы. А также использован известный в терминоведении генетический метод, который «...основан на выделении производных терминов из основных» [2, с. 136]. Генетический метод позволяет установить деривационные связи между терминами и определить характер иерархических отношений специальных лексических единиц в конкретной терминосистеме.

Результаты и их обсуждение. Согласно сведениям А.М. Гаджинского [3], термин «логистика» присутствует в лексике всех основных европейских языков: logistics – английский; logistik – немецкий; logistique – французский; logistica – итальянский, испанский, португальский; logistikk – норвежский; logistyka – польский. И этот факт функционирования лексемы в разноязычных терминологиях позволяет считать данный термин интернациональным, способствующим получению высокой степени результативности при профессиональной межкультурной коммуникации.

Для старшего поколения носителей русского языка лексема «логистика» ассоциативно связывается с лексемой «логика», обозначающей, согласно словарной статье классического популярного словаря С.И. Ожегова, такие понятия: «**Логика**, -и, ж. 1. Наука о законах мышления и его формах. *Диалектическая л.* 2. *Ход рассуждений, умозаключений. У этого человека своя л.* 3. *Разумность, внутренняя закономерность чего-н. Л. вещей. Л. событий*» [4, с. 290]. При внимательном рассмотрении данного описания вполне допустимым может быть предположение о том, что третье значение слова «логика» («разумность, внутренняя закономерность»), ставшее основой дополнительных коннотативных значений в производном «логистика», непосредственно связано со вторым, описываемым С.И. Ожеговым, значением лексемы «логика» («ход рассуждений, умозаключений»).

История появления лексемы «логика» в лексике русского языка начинается в XVII в. Так, в широко известном этимологическом словаре Н.М. Шанского [4] указывается, что «**Логика**. Заимств. в XVII в. из лат. яз. Лат. logica < греч. logike, суффиксального производного от logos – «слово, разум» [5, с. 244] (сохранена орфография источника).

В обобщенном виде объяснить (или описать) значение лексемы «логика» можно и при помощи обращения к средствам интернета: «Логика (др.-греч. λογική – «наука о правильном мышлении», «способность к рассуждению» от др.-греч. λόγος – «рассуждение», «мысль», «разум») – раздел философии, нормативная наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка. Поскольку это знание получено разумом, логика также определяется как наука о формах и законах правильного мышления» [6]; «Логика – это наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка» [6]; «логика – это наука о достижении истины в процессе познания с помощью выводного знания – знания, полученного опосредованным путём, посредством не чувственного опыта, а из знаний, полученных ранее; знания, полученного разумом» [7] и множество других.

Следовательно, словом «логика» в русской языковой картине мира принято называть и отрасль научного

знания (логика – это наука), и способность человеческого мышления (последовательно размышлять, думать).

Лексикографическое (терминографическое) описание лексемы «логистика» в русском языке. Результаты анализа лексикографических пособий позволяют говорить о том, что звукобуквенная форма «логистика» в современном русском языке рассматривается как слово, производное от «логика». Так, на словообразовательную связь слов «логика» и «логистика» указывает автор учебного пособия В.А. Шумаев: «Логистика имеет древнегреческие корни: *log* – мышление; *logos* – разум, слово, учение; *logo* – думать, рассуждать; *logismos* – расчет, рассуждение, план; *logistikas* – вычисления, логика мышления; *logistea* – искусство практического проведения расчетов» [8, с. 9].

Само появление звукобуквенной формы «логистика» в русском языке неоднозначно. Авторитетный словарь иностранных слов (автор – Л.П. Крысин) на странице 184 указывает звукобуквенную форму «логистика» дважды, помечая цифрами 1 и 2, что означает омонимию названной формы. Следовательно, «логистика-1» и «логистика-2» имеют разные значения и являются словами-омонимами. Согласно словарю Л.П. Крысина слово «логистика-1» заимствовано русским языком из немецкого языка, от немецкого *Logistik*, которое произошло от греческого *logikos* (построенный на рассуждении), и имеет два значения: «1. *устар.* Математическая логика (см. логика). 2. *филос.* Одно из философских направлений математики, обосновывающее возможность сведения всей математики к математической логике» [9, с. 184].

К слову «логистика-2» в словаре Л.П. Крысина дана словарная статья, согласно которой эта лексема заимствована из английского языка: «логистика-2» ... [англ. *logistics*], *тех.* Материально-техническое обеспечение предприятия, фирмы и т.п.» [9, с. 184].

Следовательно, звукобуквенная форма «логистика», согласно описанию в словаре Л.П. Крысина, проявляет омонимичные отношения: «логистика-1» и «логистика-2» – это слова-омонимы, точнее: термины-омонимы. И при этом форма «логистика-2» является полисемантом, имеющим в своей семантической структуре несколько смысловых компонентов.

В словаре иностранных слов Т.В. Егоровой у лексемы «логистика» такое описание, согласно которому, данное слово заимствовано из латинского (*logos*) через посредство немецкого (*Logistik*) и имеет три значения:

«1) математическая логика;

2) одно из философских направлений математики, с помощью которого обосновывается возможность сведения всей математики к математической логике;

3) теория и практика управления материальными и информационными потоками при движении товара от производителя к розничному покупателю (экон.)» [10, с. 385].

Не трудно заметить, что авторы словарей иностранных слов (Л.П. Крысин и Т.В. Егорова) осуществили

попытку описать рассматриваемое слово в достаточно обобщенном виде, с большой долей опущения.

В результате анализа лексикографических источников установлено, что, во-первых, согласно лексикографическим описаниям, представленным в словарях, семантическая структура данной формы обнаруживает наличие омонимических, синонимических и паронимических отношений смысловых компонентов.

Во-вторых, звукобуквенная форма «логистика» по происхождению связана со словом «логика», заимствованным из греко-латинского словообразовательного наследия. И этот факт подтверждается В.А. Шумаевым: «Своим происхождением само понятие “логистика” обязано Древней Греции, где оно изначально обозначало «искусство рассуждать, вычислять» [8, с. 9].

Проведенный нами анализ позволяет дополнить приведенное высказывание: проникновению данной формы в русский словарный фонд способствовали немецкий и английский языки.

В-третьих, звукобуквенная форма «логистика» еще до проникновения в русский словарный фонд имела интернациональный характер, поскольку она появилась в результате контактирования русского языка с немецким и английским.

В настоящее время лексема «логистика» используется во многих отечественных отраслях научного и научно-практического знания. И уже можно выделить такие разновидности, как *военная логистика, таможенная логистика, транспортная логистика, логистика закупок, логистика сбыта, бизнес-логистика, сбытовая логистика, коммерческая логистика, комплексная логистика, энергетическая логистика, складская логистика* и множество других.

При генетическом анализе терминосистем принято выделять базовый, основной термин (гипероним) и произведенные от этого структурного компонента подчиненные гипонимы. В нашем материале гиперонимом выступает лексема, представленная в словаре Л.П. Крысина как «логистика-2», то есть основным (базовым) смысловым компонентом производных гипонимов будет являться «*материально-техническое обеспечение предприятия, фирмы и т.п.*». И при этом каждый гипоним будет иметь дополнительные смысловые компоненты, наличие которых обусловлено принадлежностью логистики к конкретной отрасли.

Лексема «логистика» в словообразовательной системе русского языка. Активное использование лексемы «логистика» в отраслевых профессиональных языках привело к появлению новых слов, получивших терминологическое значение. Установлено, что четкие деривационные связи с лексемой «логистика» имеют все грамматические формы имени прилагательного «логистический» (*логистическая компания, логистический объект, логистический маршрут, логистические системы, логистический процесс* и мн.др.) и грамматические формы имен существительных *логистик* и *логист*.

Наличие слов *логистик* и *логист*, обозначающих человека по виду его деятельности, по профессии, доказывает то, что логистика – это уже обширнейшая профессиональная область научного и научно-практического знания, имеющая и своих специалистов.

Но при этом заметим, что термины «логистик» и «логист» требуют к себе особого внимания и отдельного описания, поскольку их терминологическое значение еще не полностью оформилось и еще не закрепились в специальных терминологиях.

Заключение. Проведенное исследование звукобуквенной формы «логистика» позволяет сформулировать некоторые итоги. Установлено, что лексема «логистика», имея этимологически заимствованный характер происхождения, является полноправным термином во многих отраслях современного научно- и научно-практического знания.

В свое время известный российский терминовед В.М. Лейчик писал: «В связи с историческим характером процесса познания и закрепления знания термин получает новое определение как вербализованный знак (лексическая единица того или иного ЯСЦ в рамках того или иного естественного языка), могущий иметь ряд вариантов, зависящих от выбранной теории и степени глубины знания» [2, с. 21]. Результаты проведенного анализа поведения лексемы «логистика» в современном русском языке подтверждают слова В.М. Лейчика. Следует заметить, что полное оформление многих терминологий, в которых в качестве составного компонента присутствует анализируемая лексема, в настоящее время не закончено. Следовательно, обширное коммуникативное пространство лексемы «логистика» связано с разными профессиональными языками и продолжает формироваться и расширяться.

К теоретически значимым результатам проведенного анализа следует отнести констатацию многозначности лексемы «логистика», установление

ее интернациональности, подтверждение словообразовательных потенций и т.д. Думается, что открытость терминологических систем, имеющих в своем лексическом составе термин «логистика», побуждает к дальнейшим научным поискам.

Литература

1. Маслова, В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям / В.А. Маслова // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Вып. 12, № 3. – С. 823–847.
2. Лейчик, В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – Изд. 2-е испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
3. Гаджинский, А.М. Логистика: учебник / А.М. Гаджинский. – 20-е изд. – М.: Дашков и К, 2012. – 483 с.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 15-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 816 с.
5. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
6. Логика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: yandex.ru/search/?text=логика+это&lr=10758&clid=2363689-247&win=464&src=suggest – Дата доступа: 01.11.2023.
7. Логика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/search/?text=%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82++%D1%8D%D1%82%D0%BE&lr=10758&clid=2363689-247&win=464_ – Дата доступа: 01.11.2023.
8. Шумаев, В.А. Основы логистики: учеб. пособие / В.А. Шумаев. – М.: Юрид. ин-т МИИТ, 2016. – 314 с.
9. Крысин, Л.П. Современный словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. – 416 с.
10. Егорова, Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2012. – 800 с.

Поступила в редакцию 20.11.2023

Языковая концептуализация категории пространства (на материале русского и таджикского языков)

Балхова С.Я.

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

В статье рассматривается категория пространства, концептуализированная в языковых картинах мира носителей русского и таджикского языков.

Цель статьи – выявление семантической структуры концепта «пространство» в русской и «фазо» в таджикской языковых картинах мира.

Материал и методы. Материалом исследования послужили лексические единицы, выделенные методом сплошной выборки из наиболее распространенных лексикографических источников, в том числе онлайн-словарей.

В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, метод сплошной выборки, моделирования, лексикографической интерпретации, ассоциативного эксперимента и описательный методы.

Результаты и их обсуждение. Определены конститутивные характеристики категории пространства и средства её концептуализации в сознании носителей русского (пространство) и таджикского (фазо) языков. Проанализированы паремические фонды языков, включающие единицы с пространственной семантикой.

Методологической основой исследования стало одно из значимых направлений когнитивной лингвистики – лингвокогнитивный подход в исследовании концепта.

Заключение. Концепт «пространство» является одним из базисных, универсальных концептов культуры, как в русской, так и в таджикской лингвокультурологии. Средства объективации концепта в сопоставляемых языках разнообразны: лексические, словообразовательные, паремические. В его смысловой структуре актуализируются оппозиции «свой–чужой», «родина–чужбина», «далеко–близко», «верх–низ» и др.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, пространство, языковая картина мира, категория концептуализации, концептосфера.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 179–183)

Language Conceptualization of the Category of Space (Based on the Material of the Russian and the Tajik Languages)

Balkhova S.Ya.

Branch of Lomonosov Moscow State University in Dushanbe

The article considers the category of space conceptualized in the linguistic world pictures of native speakers of the Russian and the Tajik languages.

The purpose of the article is to identify the semantic structure of the concept of "space" in the Russian and "phaso" in the Tajik language pictures of the world.

Material and methods. The research material was lexical units selected by a continuous sampling method from the most common lexicographic sources, including online dictionaries.

In the course of the study, general scientific methods of analysis, synthesis, continuous sampling, modeling, lexicographic interpretation, associative experiment and descriptive methods were used.

Findings and their discussion. The constitutive characteristics of the category of space and the means of its conceptualization in the minds of speakers of the Russian (Space) and Tajik (Phaso) languages are determined. Paremiological funds of the languages are analyzed, including units with spatial semantics.

The methodological basis of the study was one of the significant areas of cognitive linguistics – the linguistic and cognitive approach in the study of the concept.

Conclusion. *The concept of space is one of the basic, universal concepts of culture, both in the Russian and the Tajik linguistic and cultural studies.*

The means of objectification of the concept in the compared languages are diverse: lexical, word-formation, paremiological. In its semantic structure, the oppositions "own-alien", "homeland-foreign land", "far-near", "top-bottom", etc. are actualized.

Key words: *anthropocentric paradigm, space, linguistic picture of the world, category of conceptualization, conceptosphere.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 179–183)

Антропоцентрическая парадигма предполагает изучение объектов и явлений действительности через призму человека. По словам В.А. Масловой, «...язык не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек» [1, с. 11]. В рамках данного исследования нас интересует языковая концептуализация категории пространства в языковой картине мира, и поэтому мы рассматриваем функцию языка, формирующую восприятие пространства, создавая при этом схемы и ориентиры для общения и мышления, что является неотъемлемой и важнейшей частью любой национальной культуры. Язык выполняет не только функции порождения, накопления, хранения и передачи информации, но также формирует сознание человека, то есть формирует национальную концептосферу [2]. Такие лингвисты, как например, Лакофф Джордж и Джонсон Марк в своей работе «Метафоры, которыми мы живём» рассматривали, как язык и метафоры формируют наше понимание пространства [3]. Лера Бородицки (Бородицкая) и Стивен Левинсон изучали, как языковые особенности различных культур влияют на восприятие пространства [4; 5]. Основной целью изучения взаимосвязи между языком и концепцией пространства является понимание того, как языковые структуры отражают и влияют на способы, которыми люди воспринимают и организуют пространственный мир вокруг себя. Эти исследования помогают раскрывать глубокие аспекты культурных различий, когда речь идет о восприятии и выражении пространственных концепций. Актуальность изучения взаимосвязи между языком и концепцией пространства проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, это помогает понять, как язык формирует наше мышление и восприятие окружающего мира, что имеет значение для лингвистики и когнитивистики. Во-вторых, такие исследования важны для понимания культурных различий в толковании пространственных понятий, что способствует межкультурному общению. А также это может быть полезным при разработке интерфейсов и технологий, учитывающих разнообразие языковых и культурных аспектов.

Материал и методы. Фактическим материалом послужили различные словарные источники: энциклопедические, толковые, этимологические, синонимические, семантические, фразеологические, словообразовательные словари, словари пословиц и поговорок, переводные двуязычные словари русского и таджикского языков.

Также в работе были использованы материалы Национального корпуса русского языка, Национального корпуса таджикского языка.

В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, сплошной выборки, моделирования, лексикографической интерпретации, ассоциативного эксперимента и описательный.

Результаты и их обсуждение. Методологическую базу составили исследования концептов в трудах русских, зарубежных, а также отечественных лингвистов, в рамках направлений: лингвокогнитивного (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина и др.), лингвокультурного (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев и др.), когнитивного направления в изучении художественного текста (Л.Г. Бабенко, А.В. Кузнецова и др.), по теории когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова и др.), семантических и когнитивных принципов концептуального анализа (С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, И.А. Стернин и др.), а также работы по изучению языковых картин мира и проблем категоризации мира (Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, Е.С. Яковлева и др.); в рамках когнитивной семантики (А. Марковский), когнитивной грамматики (Н.Д. Арутюнова), в этнолингвистическом направлении по изучению языковых картин мира (Е. Бартинский, В. Хлебда, Р. Токарски, Я. Анушевич, А. Домбровска, В. Высотчанский, А. Невяра, А. Яновска и др.). Основой нашего исследования послужили труды ученых, положивших начало антропоцентрической парадигме в языкознании, – В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгерберера, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Потебни и др., в лингвокогнитологии – Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др., в лингвострановедении – В.Г. Костомарова и др., в лингвокультурологии – В.Н. Телия, С.Г. Воркачева, В.А. Масловой, Г.Г. Слышкина и др., в этнолингвистике – Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, В.В. Иванова, Т.В. Цивьян, Е. Бартминьского и др.

Характерной чертой проведенного нами исследования является концентрация внимания на концептуально-семантическом и ассоциативно-семантическом планах концепта «пространство» в русском языке и концепта «фазо» в таджикском языке. Это позволило выявить семантическую структуру, а также языковое отображение через призму его универсальности и национально-культурной специфичности в языковых

картинах мира русских и таджиков. В ходе работы мы определили, что мифологические и философские представления о пространстве нашли отражение в языковом сознании носителей сопоставляемых языков в виде пословиц и поговорок, ассоциаций, а также в авторских художественных текстах. В данной статье мы исследовали категорию пространства с позиции концептуализации в таджикском языковом сознании на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, семантическом и синтаксическом.

Для изучения влияния культуры на концептуализацию пространства в различных языковых контекстах нами были рассмотрены этнографические труды Э. Холла "The Hidden Dimension". В этой работе Холл исследует культурные различия в восприятии и использовании пространства; Р. Бодзо "A Sense of Space: The Gardens of Jean-Paul Beauregard" – исследование культурного влияния на восприятие и использование пространства в садах; Дж. Кэйтеса "Language, Space, and Social Relationships: A Foundational Cultural Model in Polynesia" – этнографическое исследование, раскрывающее взаимосвязь между языком, пространством и социальными отношениями в культуре Полинезии; Т. Инголда "The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill" – коллекция эссе, в которых рассматривается взаимодействие между человеком и окружающей средой в различных культурных контекстах; Н. Гудмана "Ways of Worldmaking" – работа, в которой Гудман исследует, как язык и культурные представления формируют взгляд человека на мир и пространство. Проблему соотношения языка и народа, его сознания, мышления, национальной культуры в разных научных парадигмах разрабатывали В. Фон Гумбольдт, А.А. Потеня, Л. Весгербер, Б. де Куртенэ, Э. Сепир, Б. Уорф и др., их идеи продолжили развиваться учеными в области когнитивной лингвистики: Д.С. Лихачевым, А. Вежицкой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, Дж. Лакоффом, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Д.О. Добровольским, З.Е. Фоминой и многими другими. Предметом исследования когнитивной лингвистики является изучение структуры и содержания знаний (объективируемых в языке), полученных в результате познания человеком действительности, особым образом концептуализированных и категоризированных в сознании и языке в соответствии с географическими, культурно-историческими особенностями народов.

Таким образом, категория пространства и ее концептуализация в сознании носителей русского (Пространство) и таджикского (Фазо) языков определяется языковой вербализацией категории пространства в сопоставляемых картинах мира.

Цель нашего исследования видится в выявлении семантической структуры концепта «пространство» в русской и «фазо» в таджикской языковых картинах мира, а также конструктов, реализующих данные компоненты в языковой системе сопоставляемых

языков, в частности на паремиологическом и ассоциативном уровнях. Для достижения поставленной цели мы рассмотрели понятия «пространство» и «фазо» в различных аспектах, как-то:

- мифологическом;
- философском;
- лингвистическом.

Нами была проведена лексикографическая интерпретация центральной лексемы «пространство» и «фазо», обозначающие как сам концепт, так и входящие в состав их синонимических рядов. Материалом для исследования послужили различные словарные источники:

- энциклопедические;
- толковые;
- этимологические;
- синонимические;
- семантические;
- фразеологические;
- словообразовательные словари;
- словари пословиц и поговорок;
- переводные двуязычные словари русского и таджикского языков.

Для решения поставленной цели мы смоделировали лексико-семантические, паремиологические, художественные поля в русском и таджикском языках, определили их границы и выявили их семантические структуры. Посредством метода сопоставительного анализа средств объективации этих концептов, а также выявления общего и различного как в русской, так и в таджикской языковых картинах мира мы составили приблизительный перечень, формирующий определенные классы денотатов. Следующим шагом стало описание структуры ассоциативно-вербального поля «пространство», «фазо» и ассоциативно-паремиологического поля. С целью выявления особенностей русского и таджикского языкового сознания мы провели ряд исследований, направленных на поиск универсальных и специфических национальных особенностей концептуализации пространства в изучаемых языковых картинах мира русского и таджикского народов.

В нашей работе анализировались лексические единицы, выбранные из разноплановых лексикографических источников:

- в русском языке – «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, «Русского идеографического словаря» и «Русского семантического словаря» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой, «Полного онлайн-словаря синонимов русского языка», «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуканова, «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов» М.М. Маковского, «Индекс положения русско языка в мире» С.Ю. Камышева и др.;

– в таджикском языке – «Этимологического словаря иранских языков» Д.И. Эдельман, «Словаря таджикского языка» («Фарханги забони тоҷикӣ») М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима, Н.А. Масуми, «Толкового словаря таджикского языка» («Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ») С. Назарзода, А. Сангинова, С. Каримова, «Таджикско-русского словаря» («Фарханги тоҷикӣ ба русӣ») Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова, «Таджикско-русского словаря» («Лугати тоҷикӣ-русӣ») под редакцией М.В. Рахими и Л.В. Успенской, «Русско-таджикского словаря» («Лугати русӣ-тоҷикӣ») под редакцией М.С. Осими, «Арабско-русского словаря» Х.К. Баранова, «Арабско-русского словаря» («Фарханги арабӣ-тоҷикӣ») С. Сулаймони, «Мудрость трех народов» Я.И. Калонтарова, «Мифов Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм)» и др. [5–10]. Также в работе были использованы материалы Национального корпуса русского языка, Национального корпуса таджикского языка.

Разработка систематизации способов концептуализации пространства в сопоставительном аспекте в русском, и таджикском языках с психолингвистических, когнитивных и лингвокультурологических позиций имеет несомненную теоретическую ценность как для лингвокультурологии и лингвокогнитологии, так и для современной лингвистики в целом. Практически значимым можно считать проведенный нами сопоставительный анализ репрезентации восприятия пространства русским и таджикским языковым сознанием. Лингвокогнитивные и лингвокультурные черты концепта «пространство», пути его концептуализации языковыми средствами сопоставляемых языков, универсальность в общей системе концептов были выявлены нами на материале различных источников при сравнительно-сопоставительном анализе концепта «пространства» в русской и «фазо» в таджикской картинах мира на всех структурных уровнях языка. Анализ полученных данных позволил декларировать, во-первых, базисность, практически обязательность концепта «пространство» во всех мировых культурах, во-вторых, собирательный характер данного понятия. Также мы утверждаем, что в использование методологического инструментария лингвокогнитивного, лингвокультурологического, этнолингвистического, психолингвистического и других направлений при изучении рассматриваемого концепта существенно дополнит и расширит представление о его семантическом содержании и будет способствовать дальнейшей разработке теоретических аспектов.

Заключение. Концептуализация как процесс структурирования знаний об окружающем мире в сознании человека и как результат этого процесса выражается в определении набора когнитивных признаков какого-либо явления действительности, которые позволяют человеку хранить в сознании и пополнять новой информацией понятия и представления о них.

Когнитивные категориальные признаки объективированы разноуровневыми языковыми единицами, номинирующими эти понятия. В сложной многослойной структурной организации концепта «пространство» находят отражение древние мифологические, философские, научные представления, которые репрезентируются на номинативном (согласно данным лексикографических источников), ассоциативном (согласно результатам эксперимента) и метафорическом уровнях.

Концепт «пространство» является одним из базисных, сущностных концептов культуры как в русской, так и в таджикской лингвокультурологии. Номинативами концепта «пространство» в русском языке является слово пространство, а в таджикском – фазо.

Номинативное поле макроконцепта «пространство», вербализующее основные характеристики концепта разноуровневыми языковыми средствами, включает семантические объединения: лексико-семантическое поле «пространство», паремиологическое поле с художественной концептуализацией пространства, а также ассоциативно-вербальное поле, которые имеют сложную тематическую структуру и характеризуются разветвленными системными гиперо-гипонимическими отношениями.

В структуре макроконцепта «пространство» выделяется ядерная и периферийные зоны, дифференцированные на ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии, между которыми нет четко очерченных границ, при этом область дальней периферии не ограничена каким-либо конечным числом контекстов или смысловых групп. Полевая организация концепта, а также разграничение и наполняемость его отдельных областей условны и неоднозначны.

Средства объективации концепта в сопоставляемых языках разнообразны: лексические, словообразовательные, паремиологические, особенности их функционирования, в том числе ассоциативные и другие текстовые связи, составляют основу национально-культурной специфики представления концепта «пространство». В его смысловой структуре актуализируются оппозиции «свой–чужой», «родина–чужбина», «далеко–близко», «верх–низ» и др.

Анализ паремиологического фонда языка, включающего единицы с пространственной семантикой, который составляет интерпретационное поле концепта, характеризующее пространство с позиции места, времени, движения, направления, позволяет определить особенности национального менталитета, этнокультурные стереотипы, а также национальную специфику исследуемых языковых картин мира.

На современном этапе развития языка одним из значимых направлений когнитивной лингвистики является лингвокогнитивный подход в исследовании концепта, который также предполагает описание концепта «пространство» на материале текстов художественных произведений классической и современной литературы, что позволяет выявить когнитивные

признаки концепта, отражающиеся в культурных доминантах и определяющие специфику национально-менталитета в русском и таджикском языках.

Представление о языковом сознании носителей разных языков можно получить с помощью метода ассоциативного эксперимента, который позволяет выявить ассоциативные реакции испытуемых на слова-стимулы, являющиеся отражением национально-культурных особенностей восприятия окружающей действительности сквозь призму национальных картин мира – образов сознания того или иного народа. Анализ фрагментов ассоциативно-вербальных полей русского, польского и таджикского языков определяет особенности этнического мироощущения и мировоззрения через призму национального языкового сознания.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Маслова, В.А. Коммуникативное пространство как важнейшая категория когнитивной лингвистики и лингвокультурологии / В.А. Маслова // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. – Т. 8, № 1. – С. 17–23.
3. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
4. Boroditsky, L. Metaphoric Structuring: Understanding time through spatial metaphors / L. Boroditsky. – Cognition, 2000. – № 75(1). – P. 1–28.
5. Levinson, S.C. Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity / S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
6. Wallace, A. Hidden Dimensions: The Unification of Physics and Consciousness / A. Wallace. – Columbia Series in Science and Religion, 2010. – 176 p.
7. Giovanni, B. Language, Space, and Social Relationships: A Foundational Cultural Model in Polynesia / B. Giovanni. – Cambridge University Press, 2009. – 396 p.
8. Телия, В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В.Н. Телия // Логика, методология, философия науки: тез. докл. XI Междунар. конф. – М.: Обнинск, 1995. – С. 106–108.
9. Индекс положения русского языка в мире / под ред. С.Ю. Камышевой. – М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2013. – Вып. 3. – 70 с.
10. Калонтаров, Я.И. Мудрость трёх народов / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: Изд-во «Адиб», 1989. – 432 с.

Поступила в редакцию 20.11.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАБУК Александр Вадимович – ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат филологических наук.

БАЛХОВА Светлана Якубовна – профессор кафедры «Лингвистика», Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, доктор филологических наук, профессор.

БАРТОШ Юлия Васильевна – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

ВАСИЛЬЕВА Елена Николаевна – доцент кафедры международных отношений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет», кандидат филологических наук, доцент.

ВАСИЛЬЕВА Наталия Владимировна – главный научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН, доктор филологических наук.

ВАСЮКОВИЧ Людмила Сергеевна – профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”», доктор педагогических наук

ДАНИЧ Оксана Владимировна – доцент кафедры дошкольного и начального образования учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент, докторант НМУ «Национальный институт образования».

ДЕДИНКИН Александр Леонидович – профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”», кандидат исторических наук, доцент, докторант учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ДЕМЕНТЬЕВ Егор Сергеевич – студент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет».

ДЗЯТКО Дзмітрый Васільевіч – загадчык кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі ўстановы адукацыі “Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка”, доктар філалагічных навук, прафесар.

ДРУЖИНА Наталья Леонидовна – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

ЗАЙЦЕВА Ирина Павловна – заведующий кафедрой мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

ИВАНОЎ Яўген Яўгенавіч – загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладнай лінгвістыкі ўстановы адукацыі «Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова», доктар філалагічных навук, прафесар.

КОВАЛЬ Владимир Иванович – профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», доктор филологических наук, профессор.

КРАСИНА Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь (без аффилиации).

КРИЦКАЯ Наталья Викторовна – доцент кафедры начального и дошкольного образования учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

КУДРЕВАТЫХ Ирина Петровна – профессор кафедры языкознания и лингводидактики учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», доктор филологических наук, профессор.

КУЛЕШОВА Валерия Олеговна – старший преподаватель центра изучения иностранных языков, Санкт-Петербургский научно-исследовательский университет информационных технологий механики и оптики (Университет ИТМО).

ЛАВИЦКИЙ Антон Алексеевич – заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”», кандидат филологических наук, доцент, докторант учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка».

МА Лун – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

МАЛЫШЕВА Екатерина Валерьевна – профессор кафедры международных отношений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет», доктор филологических наук, доцент.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна – профессор кафедры дошкольного и начального образования учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

МЕЗЕНКО Анна Михайловна – почетный профессор кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

МОРОЗОВА Оксана Николаевна – доктор филологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет».

МУРАТОВА Елена Юрьевна – профессор кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

НИКОЛАЕНКО Сергей Владимирович – декан факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор педагогических наук, профессор.

НИЧИПОРЧИК Елена Владимировна – заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», доктор филологических наук, профессор.

НОВОСЕЛОВА Ольга Владимировна – профессор кафедры гуманитарных наук и дизайна Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Дизайн. Технологии. Искусство), доктор филологических наук, доцент.

ПИВОВАР Екатерина Сергеевна – докторант кафедры языкознания и лингводидактики учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», кандидат филологических наук, доцент.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна – заведующий кафедрой русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», доктор филологических наук, профессор.

ПИМЕНОВА Марина Владимировна – ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор.

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет», доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – профессор кафедры социальной работы и педагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет», доктор филологических наук, профессор.

РЫБИНОК Евгений Сергеевич – ассистент кафедры общего и русского языкознания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», кандидат филологических наук.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна – доцент кафедры русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», кандидат филологических наук.

СКНАРЕВ Дмитрий Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

СОРОКИНА Эльвира Анатольевна – профессор кафедры английской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения»; профессор кафедры «Лингвистика» федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта», РУТ (МИИТ), доктор филологических наук, профессор.

СТАРИЧЕНОК Василий Денисович – декан филологического факультета учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», доктор филологических наук, профессор.

ЧАЙКА Наталья Владимировна – профессор кафедры языкознания и лингводидактики учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», доктор филологических наук, профессор.

ШАКОЛО Александр Вячеславович – доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BABUK Aleksandr Vadimovich – Leading Researcher, the Republic of Belarus State Committee of Forensic Examination Research and Practical Center Laboratory of Psychological and Linguistic Examination, PhD (Philology).

BALKHOVA Svetlana Yakubovna – Professor of the Department of Linguistics, Branch of Lomonosov Moscow State University in Dushanbe, Dr. Sc. (Philology), Professor

BARTOSH Yulia Vasilyevna – Assistant Professor of VSU Department of World Languages, PhD (Philology).

VASILYEVA Elena Nikolayevna – Associate Professor of Department of International Relations of Federal State Budget Educational Institution «Tver State University», PhD (Philology), Associate Professor.

VASILYEVA Nataliya Vladimirovna – Senior Researcher, RAS Institute of Linguistics Department of Linguistics, Dr. Sc. (Philology).

VASYUKOVICH Liudmila Sergeevna – Professor of Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University MITSO” of Department of Jurisprudence and Social and Humanitarian Disciplines, Dr. Sc. (Pedagogy).

DANICH Oksana Vladimirovna – PhD (Philology), Assistant Professor, VSU Department of Primary and Preschool Education, Assistant Professor; Doctoral Student, National Institute of Education.

DEDINKIN Aleksandr Leonidovich – Professor, Vitebsk Branch of “International University MITSO” Department of Jurisprudence and Social and Humanitarian Disciplines, PhD (History), Assistant Professor, Doctoral Student, VSU.

DEMENTYEV Egor Sergeevich – student of TSU.

DZIATKO Dzmitry Vasilyevich – Head of Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University Department of Linguistics and Linguodidactics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

DRUZHINA Natalya Leonidovna – Assistant Professor of VSU Department of World Languages, PhD (Philology).

ZAITSEVA Irina Pavlovna – Head of VSU Department of World Languages, Dr. Sc. (Philology), Professor.

IVANOU Yauhen Yauhenavich – Head of Mogilev State University Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

KOVAL Vladimir Ivanovich – Professor, Gomel State University Department of Russian, General and Slav Linguistics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

KRASINA Elena Aleksandrovna – Dr.Sc. (Philology), Professor, independent researcher (not affiliated).

KRITSKAYA Natalya Viktorovna – Assistant Professor, VSU Department of Primary and Preschool Education, PhD (Philology), Assistant Professor.

KUDREVATYKH Irina Petrovna – Professor of Maxim Tank BSPU Department of Linguistics and Linguodidactics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

KULESHOVA Valeriya Olegovna – Senior Lecturer, Foreign Language Training Centre, ITMO University.

LAVITSKI Anton Alekseyevich – Head of Vitebsk Branch of “International University MITSO” Department of Legal Studies and Social and Humanitarian Disciplines, PhD (Philology), Assistant Professor, Doctoral Student, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University.

MA Long – Assistant Professor, VSU Department of World Languages, PhD (Philology).

MALYSHEVA Ekaterina Valeryevna – Professor of Department of International Relations of Federal State Budget Educational Institution «Tver State University», Dr. Sc. (Philology), Associate Professor.

MASLOVA Valentina Avraamovna – Professor of VSU Department of Pre-school and Primary Education, Dr.Sc. (Philology), Professor.

MEZENKO Anna Mikhailovna – Professor Emeritus, VSU Department of Belarusian and Russian Philology, Dr. Sc. (Philology), Professor.

MOROZOVA Oksana Nikolayevna – Professor of TSU, Dr. Sc. (Philology).

MURATOVA Elena Yuryevna – Professor of VSU Department of Belarusian and Russian Philology, Dr. Sc. (Philology), Professor.

NIKOLAYENKO Sergei Vladimirovich – Dean of VSU Faculty of Humanities and Language Communications, Dr. Sc. (Education), Professor.

NICHIPORCHIK Elena Vladimirovna – Head of F. Skoryna State University of Gomel Department of Russian, General and Slav Linguistics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

NOVOSELOVA Olga Vladimirovna – Professor of RSU Department of Humanities and Design, Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor.

PIVOVAR Ekaterina Sergeevna – Doctoral Student of Maxim Tank BSPU Department of Linguistics and Linguodidactics, PhD (Philology), Assistant Professor.

PIMENOVA Marina Vasilyevna – Head of Vladimir State University Department of the Russian Language, Dr. Sc. (Philology), Professor.

PIMENOVA Marina Vladimirovna – Rector of P.P. Semenov-Tian-Shanski International Humanitarian University, Dr. Sc. (Philology), Professor.

ROMANOV Aleksey Arkadyevich – Professor of TSU Department of Fundamental and Applied Linguistics, Dr. Sc. (Philology), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

ROMANOVA Larisa Alekseyevna – Professor of TSU Department of Social Work and Pedagogy, Dr. Sc. (Philology), Professor.

RYBINOK Evgeni Sergeyeovich – Assistant, RUDN University Department of General and Russian Linguistics, PhD (Philology).

SAFRONOVA Natalya Anatolyevna – Assistant Professor, Vladimir State University Department of the Russian Language, PhD (Philology).

SKNAREV Dmitri Sergeyeovich – Professor of PFU of Russia Department of Russian Language and Cultural Linguistics, Dr.Sc. (Philology).

SOROKINA Elvira Anatolyevna – Professor, State University of Education Department of English Philology; Professor, Russian University of Transport (MIIT) Department of Linguistics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

STARICHENOK Vasili Denisovich – Dean of Maxim Tank BSPU Philology Faculty, Dr. Sc. (Philology), Professor.

CHAIKA Natalia Vladimirovna – Professor of Maxim Tank BSPU Department of Linguistics and Linguodidactics, Dr. Sc. (Philology), Professor.

SHAKOLO Aleksandr Viacheslavovich – Assistant Professor of VSU Department of World Languages, PhD (Philology).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (***nauka@vsu.by***).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *telephone number; e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 38

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,09. Уч.-изд. л. 22,17. Тираж 50 экз. Заказ 162.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.